

САРА ДЖ. МААС

Перевод специально для группы:
<http://vk.com/acotar>

ДВОР
ШИПОВ
<http://vk.com/acotar>
И
РОЗ

Когда девятнадцатилетняя охотница Фейра убивает в лесу волка, мстить за него приходит чудовищное существо и, в обмен за отнятую жизнь, забирает её в опасные земли, полные магии, о которых она знает только из легенд. Фейра узнаёт, что её пленитель не животное, а Тамлин — один из смертельно опасных бессмертных фэйри, которые когда-то правили их миром. Пока Фейра живёт в его поместье, её чувства к Тамлину переходят от ледяной вражды к огненной страсти, прожигающей любую ложь и предупреждения, которые ей твердили об опасном и прекрасном мире фэйри. Но древняя, ужасная тень витает над землями фэйри, и Фейра должна найти способ остановить её... или обречь на гибель Тамлина и его мир.

Двор шипов и роз — 1

Сара Дж. Маас

Оригинальное название : A Court Of Thorns And Roses by Sarah J. Maas

Сара Дж. Маас «Двор Шипов и Роз»

Серия: Двор Шипов и Роз — 1

Перевод : Kara River

Обложка : Kara River

Аннотация

Захватывающая, соблазнительная новая серия книг от автора бестселлеров New York Times Сары Дж. Маас, смесь «Красавицы и Чудовища» с магией фэйри.

Когда девятнадцатилетняя охотница Фейра убивает в лесу волка, мстить за него приходит чудовищное существо и, в обмен за отнятую жизнь, забирает её в опасные земли, полные магии, о которых она знает только из легенд. Фейра узнаёт, что её пленитель не животное, а Тамлин — один из смертельно опасных бессмертных фэйри, которые когда-то правили их миром.

Пока Фейра живёт в его поместье, её чувства к Тамлину переходят от ледяной вражды к огненной страсти, прожигающей любую ложь и предупреждения, которые ей твердили об опасном и прекрасном мире фэйри. Но древняя, ужасная тень витает над землями фэйри, и Фейра должна найти способ остановить её... или обречь на гибель Тамлина и его мир.

Идеально подходит для фанатов творчества Кристины Кашор и Джорджа Мартина, это первая книга сексуальной и остросюжетной новой серии, от которой невозможно оторваться!

Джошу —

Потому что ради меня ты бы отправился в Подгорье.

Я люблю тебя.

Глава 1

Лес обратился лабиринтом льда и снега.

Больше часа я наблюдала за чащей и моя выгодная позиция на разлапистом дереве давно превратилась в бесполезную. Порывы колючего ветра гоняли снежные вихри, заметая мои следы и хороня вместе с ними какие-либо признаки возможной добычи.

Голод увёл меня от дома дальше, чем я обычно рисковала заходить, но зима время суровое. Животные уходят глубже в лес, где я уже не могу их преследовать, и мне остаётся вылавливать отстающих одного за другим и молиться, чтобы их хватило до весны.

Их не хватит.

Онемевшими пальцами я протёрла глаза, смахивая прилипшие на ресницы хлопья снега. Здесь нет деревьев с ободранной корой, предательски выдающих проходивших оленей — они ещё не ушли. Они останутся, пока есть кора, затем отправятся на север мимо территории волков и, возможно, в земли фэйри — в Прифиан, куда не посмеет шагнуть ни один смертный, если у него, конечно, нет желания расстаться с жизнью.

От этой мысли по спине скользнула дрожь, и я отогнала её прочь, концентрируясь на окружении, на предстоящей задаче. Это всё, что я могла сделать, всё, на что я была способна годами: концентрироваться на том, чтобы выжить неделю, день, час. А сейчас, в снегопад, я была бы рада заметить хоть что-нибудь — особенно с моей точки на дереве, при видимости едва ли на пятнадцать футов. Окоченевшие конечности протестовали против движения и я, подавив стон, ослабила тетиву лука и спустилась с дерева.

Ледяной снег хрустнул под изношенными ботинками, и я стиснула зубы. Плохая видимость, ненужный шум — я на пути к очередной безрезультатной охоте.

Осталось всего несколько часов светового дня. Если вскоре я не уйду, мне придётся добираться домой в темноте, а предупреждения охотников из города всё ещё свежим эхом звучали в памяти: гигантские волки рыскают в поисках добычи, и в немалой численности.

Не говоря уже о шёпоте о странных существах, замеченных в окрестностях — высокие, жуткие и смертельно опасные.

Кто угодно, только не фэйри — молят давно забытых богов охотники, и я тайно молюсь вместе с ними. Восемь лет, что мы живём в деревне, находящейся в двух днях пути от границы бессмертных Прифиана, мы были избавлены от атак, хотя странствующие торговцы временами приносили истории далёких приграничных городов, от которых остались лишь щепки, кости и пепел. Эти рассказы, когда-то достаточно редкие, чтобы старейшины деревни могли их отрицать, в последнее время стали обыденной темой пересудов шепотками в рыночные дни.

Я рисковала, зайдя в лес так далеко, но вчера мы доели последнюю буханку хлеба, а остаток вяленого мяса — накануне. Тем не менее, я бы предпочла провести ещё одну ночь с голодным желудком, чем удовлетворить собой аппетит волка. Или фэйри.

Не сказать, что меня так уж много, чтобы мной можно было пировать. В это время года я становлюсь тощей, и хищники могут рассчитывать только на мои кости. Двигаясь между деревьев так проворно и тихо, как только могу, я отмахнулась от хандры и ноющего желудка. Я знала, какие выражения будут на лицах моих двух старших сестёр, когда я снова вернусь домой с пустыми руками.

Через несколько минут тщательных поисков, я пригнулась в заснеженных кустах ежевики. Сквозь тернии, мне открывался достаточно неплохой вид на поляну и пересекающий её ручей. Несколько дыр во льду подсказывали, что им всё ещё часто пользуются. Надеюсь, кто-то придёт. Надеюсь.

Я выдохнула через нос, воткнула кончик лука в землю и прислонилась лбом к сырой кривой древесине. Мы не протянем ещё одну неделю без еды. И слишком много семей уже начали просить меня уповать на подачи богатых горожан. А я видела своими глазами, как далеко заходит их благотворительность.

Я устроилась в более удобную позу и успокоила дыхание, стараясь прислушиваться к лесу сквозь ветер. Снег падал и падал, танцевал и кружил, словно мерцающая пыль, белый свежий и чистый против коричневого и серого мира. И, несмотря на себя, несмотря на онемевшие конечности, я успокоила безжалостную, злобную часть моего разума погружением в завалированный снегом лес.

Когда-то для меня было привычным делом наслаждаться контрастом молодой травы с тёмной вспаханной почвой, или аметистовой брошью в складках изумрудного шёлка; когда-то я мечтала и дышала, мыслила в цветах, свете и формах. Иногда я даже воображала день, когда мои сёстры будут замужем и останемся только я и Отец, у нас будет достаточно еды и достаточно денег, чтобы купить краски и вдоволь времени, чтобы запечатлеть эти цвета и формы на бумаге или холсте, или стенах дома.

В ближайшее время этого не случится, возможно — никогда. Так что мне остаются только моменты, как этот — любоваться отблесками бледного зимнего света на снегу. Я не могла вспомнить, когда делала это в последний раз — задумывалась и замечала что-нибудь прекрасное и интересное.

Потраченные часы в ветхом сарае с Айзеком Хейлом не в счёт; те времена были голодными, пустыми и иногда жестокими, но никогда не прекрасными.

Завывания ветра стихли в мягкие порывы. Снег лениво кружил крупными хлопьями, сбиваясь в комки в каждом уголке и падая с деревьев. Завораживающе смертельная, нежная красота снега. Скоро придётся возвращаться к грязным, замёрзшим дорогам деревни, к

тесному жару нашего дома. Какая-то маленькая, разрывающаяся часть меня испытывала отвращение от этой мысли.

На поляне зашелестели кусты.

Натянуть тетиву лука было делом инстинкта. Я всмотрелась сквозь тернии, и у меня перехватило дыхание.

Менее чем в тридцати шагах стояла самка оленя, ещё не слишком отощавшая от зимы, но достаточно отчаянная, чтобы сдирать кору дерева на поляне.

Олень, как этот, может прокормить мою семью в течение недели или больше.

Рот наполнился слюной. Тихий свист ветра мёртвыми листьями, я прицелилась.

Она продолжала отрывать полоски коры, медленно жевать их, абсолютно не подозревая, что в нескольких ярдах её ждёт смерть.

Я могу завялить половину мяса, а остальное мы могли бы съесть сразу — тушёное мясо, пироги... Её шкуру можно продать или сделать из неё одежду для кого-то из нас. Мне нужны новые ботинки, Элейн необходим новый плащ, а Нэста обычно хочет всё, что есть у других.

Пальцы дрожали. Так много еды — такое спасение. Я задержала дыхание, перепроверила прицел.

Но в кустарнике рядом со мной сияла пара золотистых глаз.

Лес замолчал. Ветер утих. Даже снег замер.

Мы, смертные, больше не почитаем богов, но если бы я знала их имена, я бы помолилась им. Всем. Скрытый зарослями, волк медленно подбирался ближе, его взгляд был прикован к невнимательной оленихе.

Он был огромен, размером с крупного жеребёнка, и хотя меня предупреждали об их присутствии, у меня пересохло во рту.

Однако хуже его размеров, его ненормальная неприметность: даже когда он подбирался ближе сквозь кустарники, его не было слышно, для оленихи он остался незамеченным. Ни одно столь массивное животное не может быть таким бесшумным. Но если он не обычное животное, если он из коренных обитателей Прифиана, если он каким-то образом фэйри, то быть съеденной — наименьшая из моих проблем.

Если он фэйри, я уже должна была бежать.

Тем не менее, может быть... может быть, это было бы услугой миру, моей деревне, себе самой — убить его, пока он меня не заметил. Пустить стрелу ему в глаз не будет бременем.

Но, несмотря на его размеры, он *выглядел* как волк, двигался как волк. *Животное*, заверяла я себя. *Всего лишь животное*. Я не позволяла себе рассматривать альтернативы — не когда я нуждаюсь в ясной голове, в ровном дыхании.

У меня есть охотничий нож и три стрелы. Две стрелы обычные — простые и эффективные, и для волка такого размера они не более чем укусы пчёл. Но третья стрела длиннее и тяжелее, я купила её у странствующего торговца летом, когда у нас было достаточно медяков для лишней роскоши. Стрела, вырезанная из горного ясеня и с металлическим наконечником.

Из спетых песен нам вместо колыбельных над нашими кроватками, все мы знали с младенчества — фэйри ненавидят железо. Но именно древесина ясеня делает их смертными, исцеляющая магия колеблется достаточно долго, чтобы человек нанёс смертельный удар. Так утверждали легенды и слухи. Единственным доказательством эффективности ясеня была его сушая редкость. Я видела его на картинках и никогда собственными глазами — не после того, как давным-давно Высшие Фэ сожгли их все. Их осталось мало, большинство из них

малы и больны и скрыты за высокими стенами в рощах знати. После покупки я тратила недели на сомнения, был ли этот кусочек древесины по завышенной цене пустой тратой денег, или подделкой; три года стрела из ясеня без дела пробыла в колчане.

Теперь я вытянула её, прилагая минимальные и эффективные движения, чтобы избежать взгляда чудовищного волка в мою сторону. Стрела достаточно длинная и тяжёлая, чтобы причинить вред — возможно, убить его, если я правильно прицелюсь.

Грудь сдавило до боли. В тот момент я поняла, что моя жизнь свелась к одному вопросу: в одиночку ли здесь волк?

Я стиснула лук и натянула тетиву. Я хороший стрелок, но я никогда не сталкивалась с волком. Я думала, это делает меня счастливым, даже благословенной. Но теперь... Я не знала, куда выстрелить и как быстро они двигаются. Я не могу позволить себе промахнуться. Не когда у меня всего одна стрела из ясеня.

Если под этим мехом действительно бьётся сердце фэйри, тем лучше. Счастливое избавление, после всего, что их вид сделал нам. Я не рискну оставить его в живых, чтобы позднее он явился в деревню убивать, калечить и мучать. Пусть умрёт здесь и сейчас. Я буду рада прикончить его.

Волк подкрался ближе, под одной из его лап, каждая из которых больше моей руки, хрустнула ветка. Олениха застыла. Она посмотрела по сторонам, уши настороженно встрепенулись к серому небу. Волк крался с подветренной стороны, она не могла увидеть или учуять его.

Он опустил голову ниже, и его массивное серебристое тело — так идеально сливающееся с тенями и снегом — припало на задние лапы. Олениха всё ещё смотрела не в ту сторону.

Я перевела взгляд с оленихи на волка и обратно. По крайней мере, он один — в этом случае у меня будет больше шансов уцелеть. Если волк спугнёт олениху, я останусь ни с чем, а огромный волк, возможно фэйри, будет искать следующую подходящую добычу. Если же он убьёт её, уничтожая бесценное количество шкуры и жира...

Если я рассчитала неправильно, пропадёт не только моя жизнь. Но последние восемь лет, что я охочусь в лесах, моя жизнь сводилась исключительно к риску, и в большинстве случаев я рассуждала правильно. В большинстве.

Волк бросился из куста вспышкой серого, чёрного и белого, сверкнули жёлтые клыки. На открытом пространстве он оказался ещё огромнее, изумительное сочетание мышц, скорости и грубой силы. У оленихи не было и шанса.

Я выпустила стрелу из ясеня до того, как он слишком сильно изувечил её.

Стрела попала ему в бок, и я могу поклясться — земля содрогнулась. Отпустив шею оленихи, он зарычал от боли, его кровь брызнула на снег — яркая как рубин.

Он повернулся ко мне, жёлтые глаза расширились, шерсть на загривке поднялась дыбом. Его глухой рык эхом отозвался в моём пустом желудке, я вскочила на ноги, снег взметнулся вокруг, я достала ещё одну стрелу.

Но волк просто смотрел на меня, его пасть запачкана кровью, моя стрела вульгарно торчала из его бока. Снова пошёл снег. Он *смотрел* удивлённо и осознанно, и это заставило меня выпустить вторую стрелу. На всякий случай — на случай, если это интеллект бессмертного, порочного вида.

Он не пытался увернуться от стрелы, она попала ровно в широко раскрытый жёлтый глаз.

Он повалился на землю.

Цвет и тьма закружились и перемешались со снегом у меня перед глазами.

Его лапы подёргивались, тихий вой прорывался сквозь ветер. Невероятно — он должен быть мёртв, а не умирать. Стрела вонзилась в глаз почти до гусяного оперения.

Не важно — волк или фэйри. Я не оставлю стрелу из ясеня у него в боку. Он скоро умрёт. Тем не менее, мои руки дрожали, пока я отряхивалась от снега и подходила ближе, всё ещё соблюдая достаточную дистанцию. Из нанесённых мною ран хлынула кровь, окрашивая снег в тёмно-красный.

Он скрёб землю лапами, его дыхание замедлялось. Было ли ему настолько больно, или его скулёрж был попыткой отогнать смерть? Я не уверена, что хотела это знать.

Снег кружил вокруг нас. Я наблюдала за ним, пока шерсть оттенков угля, обсидиана и слоновой кости не прекратила подниматься и опускаться. Волк — определённо, просто волк, несмотря на его размеры.

Давящая тяжесть в груди ослабла и я облегчённо вздохнула, дыхание заklubилось облаком пара передо мной. По крайней мере, стрела из ясеня доказала свою смертоносность, независимо от того, кого или что она убила.

Беглый осмотр оленихи показал, что я смогу нести только одно животное — и даже это будет тяжело. Но и оставить волка будет позором.

Несмотря на то, что это была трата драгоценных минут — минут, в которые любой хищник мог учуять свежую кровь — я освежевала его и очистила стрелы настолько хорошо, насколько могла.

Как бы то ни было, это согрело мои руки. Кровавой стороной его шкуры я завернула смертельную рану оленихи и забросила её на плечи. До нашего дома несколько миль и мне не нужно, чтобы за мной тянулся кровавый след, ведущий любое животное с клыками и когтями прямо ко мне.

Кряхтя под весом, я крепко перехватила ноги оленихи и бросила последний взгляд на тушу волка, над ней поднимался пар. Его оставшийся золотистый глаз теперь смотрел на тяжёлое снежное небо, и, на мгновение, я подумала, что должна испытывать угрызения совести за подобное.

Но это лес, и это зима.

Глава 2

Когда я вышла из леса, солнце уже зашло, а мои колени дрожали. Руки, застывшие в крепкой хватке за ноги оленихи, абсолютно онемели несколько миль назад. Даже туша не спасала от пробирающего холода.

Мир купался в глубоких оттенках синего, прерываемого лишь лучами мягкого света, вырывавшегося из-за закрытых ставен нашего ветхого дома. Это как идти сквозь ожившую картину — мимолётное мгновение тишины и неподвижности, синева стремительно сменялась сплошной тьмой.

Я плелась по тропинке, и каждый шаг подпитывался лишь головокружительным голодом, когда я слышала голоса сестёр. Мне не нужно различать слова, чтобы знать, что они, скорее всего, болтают о каком-то парне или о лентах, что они заметили в деревне, в то время как они должны были рубить дрова, но, тем не менее, я улыбнулась.

Я ударила ботинками о каменную дверную раму, чтобы выбить снег из них. Кусочки льда отлетели от серых камней дома, открыв выцветшие охранные знаки, выгравированные

вокруг порога. Когда-то мой отец убедил проходящего мимо шарлатана обменять гравировки против фэйри на одну из его деревянных статуэток. Было так мало того, что отец был способен для нас сделать, что у меня не хватило духу сказать ему, что гравировки бесполезны... и, несомненно, подделки. Смертные не обладают магией, не обладают какой-либо сверхъестественной силой и скоростью фэйри или Высших Фэ. Человек, заявивший, что в его родословной есть немного крови Высших Фэ, только вырезал завитки, вихри и руны вокруг дверей и окон, пробормотал несколько бессмысленных слов и неторопливо ушёл своей дорогой.

Я распахнула деревянную дверь, обледеневшая железная дверная ручка гадюкой укусила за кожу. Я проскользнула внутрь и тепло и свет ослепили меня.

— Фейра!

До моих ушей донёсся мягкий вздох Элейн, я сморгнула, чтобы привыкнуть к яркому огню и найти свою вторую старшую сестру, среднюю в семье. Хотя она была закутана в потёртое одеяло, её золотисто-каштановые волосы, как и у всех нас троих, были идеально уложены вокруг головы. Восемь лет бедности не отняли у неё желания выглядеть очаровательно.

— Где ты это достала?

Голод предавал её словам резкость, что стала обыденной в последние недели. Никакого упоминания о крови на мне. По правде говоря, я давно потеряла надежду, что они замечают, возвращаюсь ли я из леса каждый вечер. По крайней мере, пока они снова не проголодаются. С другой стороны, моя мать не заставляла ни в чём *их* клясться, когда они были рядом перед её смертью.

Я сделала успокаивающий вдох, сбросив олениху с плеч. Она с глухим стуком упала на стол, керамические чашки на другом конце задребезжали.

— Где ты думаешь, я это взяла?

Мой голос стал хриплым, каждое слово обжигало горло. Отец и Нэста всё ещё грели руки у очага, моя старшая сестра, как и всегда, игнорировала его. Я развернула волчью шкуру с туши оленихи, сняла ботинки и поставила их у двери, а затем повернулась к Элейн.

Её карие глаза — глаза отца — остались прикованы к оленихе.

— У тебя уйдёт много времени на её очистку?

У меня. Не у неё, не у остальных. Я никогда не видела их руки в липкой крови и мехе. Я научилась готовить и обходиться с убитой дичью лишь по указаниям остальных.

Элейн указала рукой на свой живот, вероятно, такой же пустой и ноющий, как и мой. Это не означало, что Элейн жестокая и бессердечная. Она не Нэста, рождённая с презрительной усмешкой на лице. Просто иногда Элейн... не понимает некоторых вещей. От предложения помочь её удерживала не подлость, ей всего-навсего никогда не приходило в голову, что она может быть способна вымазать руки. Я никогда не могла определить — она на самом деле не понимает, что мы действительно бедные, или она не хочет принимать этого. Но это не останавливало меня от покупки семян для цветника, когда я могла себе это позволить, за которым она ухаживала в тёплые месяцы.

А ей это не помешало купить для меня три небольшие баночки краски — красной, жёлтой и синей — это было тем же летом, когда у меня было достаточно денег на покупку стрелы из ясеня. Это было единственное, что она когда-либо дарила мне, наш дом всё ещё хранит эти следы, несмотря на то, что краска выцвела и облезла: маленькие виноградные лозы и цветы вдоль окон, порогов и кромок вещей, крохотные завитки пламени на

окаймляющих очаг камнях. Любые свободные минуты того щедрого лета я использовала на украшение нашего дома яркими красками, иногда скрывая хитрые узоры внутри ящиков, за потрёпанными шторами, под столом и стульями.

С тех пор у нас больше не было такого спокойного лета.

— Фейра, — от огня раздался рокочущий голос отца.

Его тёмная борода аккуратно подстрижена, его лицо безупречно чистое, как у моих сестёр.

— Какое счастье, что сегодня тебе повезло — у нас будет настоящее пиршество.

Рядом с отцом фыркнула Нэста. Не удивительно. Немного похвалы кому угодно — мне, Элейн или жителям деревни — и, как правило, её реакция одна и та же — пренебрежение. В результате её насмешек любые слова отца выглядят так же.

Я выпрямилась, я устала держаться на ногах, но опёрлась рукой на стол позади оленихи и бросила свирепый взгляд на Нэсту. Она тяжелее из нас всех приняла потерю нашего состояния. Она тихо злилась на отца с тех самых пор, как мы покинули наше поместье, даже после того ужасного дня, когда один из кредиторов пришёл показать нам, насколько он был недоволен потерей своих инвестиций.

Но, по крайней мере, Нэста не засоряла наши головы бестолковыми разговорами о возвращении богатства, как отец. Нет, она только тратила любые деньги, которые я не прятала от неё, и изредка замечала присутствие хромого отца. Бывали дни, когда я не могла определить, кто из нас самый несчастный и замученный.

— Мы можем съесть половину мяса на этой неделе, — сказала я, переводя взгляд на олениху.

Она заняла почти весь шаткий стол, служивший нам и столовой, и рабочим местом, и кухней.

— Другую половину мы можем завялить, — я продолжила, зная, что не зависимо от того, как вежливо я это скажу, основная часть работы останется на мне. — Завтра я пойду на рынок и посмотрю, сколько можно выручить за шкуры, — это я проговорила больше для себя, чем для них.

Во всяком случае, никто не удосужился подтвердить, что они услышали меня.

Повреждённая нога отца вытянута перед ним как можно ближе к огню, чтобы получить больше тепла. Холод, дождь или изменение температуры всегда усугубляют ужасные, покорёженные раны вокруг его колена. Его простая резная трость прислонена к креслу — трость, которую он сделал сам... и порой Нэста оставляла её далеко вне зоны его досягаемости.

Когда из-за этого я шипела на Нэсту, она всегда повторяла — «Он мог бы найти работу, если бы ему не было так стыдно». Она ненавидела его за травму и за то, что он не боролся, когда кредитор и его головорезы ворвались в наш дом и снова и снова разбивали ему колено. Нэста и Элейн убежали в спальню и забаррикадировали дверь. Я осталась умолять и рыдать сквозь каждый крик отца, каждый хруст кости. Я обделалась, а затем меня вытошнило на камнях у очага. Только после этого люди ушли. Больше мы никогда их не видели.

Большую часть оставшихся денег мы заплатили целителю. У отца ушли шесть месяцев, чтобы снова начать ходить, за год до этого он мог проходить мили. Копеек, что он приносил, когда кто-то из жалости покупал его деревянные скульптурки, было не достаточно, чтобы прокормить нас. Пять лет назад, когда деньги исчезли окончательно и бесповоротно, когда отец всё ещё не мог — или не хотел — двигаться больше, он не спорил, когда я заявила, что

буду охотиться.

Он не потрудился попытаться встать со своего места у очага, не потрудился оторвать взгляд от своей резьбы по дереву. Он просто позволил мне уйти в те смертельные и жуткие леса, куда даже опытные охотники опасались ходить. Сейчас он стал интересоваться немного больше — иногда проявлялись признаки благодарности, иногда он хромал всю дорогу в город, чтобы продать свои деревянные скульптурки — но не более.

— Я бы хотела новый плащ, — наконец со вздохом сказала Элейн.

В тот же момент поднялась Нэста и объявила:

— Мне нужны новые ботинки.

Я молчала, зная, что лучше не встречать в их препирания, но выразительно посмотрела на всё ещё сияющую пару ботинок Нэсты у двери. По сравнению с её, мои ставшие малыыми ботинки разваливались по частям и удерживались вместе только благодаря протёртым шнуркам.

— Но я замерзаю в своём затасканном старом плаще, — взмолилась Элейн. — Я продрогну насмерть.

Она уставилась широко распахнутыми глазами на меня и сказала:

— Пожалуйста, Фейра.

Элейн превратила два слога моего имени — *Фей-ра* — в самое отвратительно хныканье, которое мне когда-либо доводилось вытерпеть, Нэста громко цокнула языком, перед тем как приказать ей замолчать.

Я утонула во вспыхнувшем споре — кому достанутся деньги. Лучшим вариантом будет их спрятать. Внезапно я заметила отца — он стоял у стола, опираясь одной рукой на него, для равновесия, и осматривал олениху. Его взгляд скользнул к гигантской волчьей шкуре. Его пальцы, ещё гладкие и аристократичные, перевернули шкуру и прочертили линию по кровавой стороне. Я напряглась.

Взгляд его тёмных глаз метнулся ко мне.

— Фейра, — прошептал он и сжал губы. — Где ты это взяла?

— Там же, где и олениху, — я ответила так же тихо, слова были холодными и резкими.

Его взгляд пробежал по луку и колчану стрел, прикреплённым у меня за спиной, по деревянной рукоятке охотничьего ножа у меня на боку. Его глаза стали влажными.

— Фейра... риск...

Я дёрнула подбородком в сторону шкуры и, не в состоянии спрятать упрёк в голосе, сказала:

— У меня не было другого выбора.

На самом деле я хотела сказать: *Большую часть дней ты даже не пытаешься выйти из дома. Если бы не я, мы бы голодали. Если бы не я, мы были бы уже мертвы.*

— Фейра, — повторил он и закрыл глаза.

Сёстры притихли и я увидела как Нэста сморщила нос и презрительно фыркнула. Она указала на мой плащ.

— Ты воняешь как свинья в собственных нечистотах. Ты можешь хотя бы сделать вид, что ты не неотёсанная крестьянка?

Я не продолжила шоу колкости и боли. Я была слишком маленькой, чтобы изучить больше, чем основы манер, чтение и письма, когда нас настигло несчастье, и Нэста никогда не даст мне об этом забыть.

Она отвлеклась, чтобы поправить плетёные завитки золотисто-каштановых волос.

— Избавься от этой отвратительной одежды.

Я медлила, подавляя слова, что хотелось рыкнуть ей в ответ. Она старше меня на три года, но каким-то образом она выглядит моложе меня — её золотистые щёки всегда покрыты нежным, живым румянцем.

— Ты не могла бы нагреть горшок воды и добавить дров в огонь? — уже спросив, я заметила поленницы. Осталось всего пять брёвнышек. — Я думала, ты собиралась сегодня колоть дрова.

Нэста показала свои длинные аккуратные ногти.

— Я ненавижу колоть дрова. Я вечно загоняю занозы, — она бросила взгляд из-под тёмных ресниц.

Из всех нас, Нэста больше всего походила на мать — особенно, когда ей было что-то нужно.

— Кроме того, Фейра, — сказала она, надув губы. — Ты в этом гораздо лучше! У тебя уходит вполтину меньше времени, чем у меня. Твои руки подходят для этого — они уже достаточно грубы.

Я стиснула зубы.

— Пожалуйста, — попросила я, успокаивая дыхание и понимая, что спорить — последнее из того, что я хочу. — Встань на рассвете, пожалуйста, и наруби дров, — я расстегнула верхнюю пуговицу туники. — Или мы будем есть холодный завтрак.

Она сдвинула брови.

— Я не буду этого делать!

Но я уже шла ко второй небольшой комнатке, где спали сёстры и я. Сзади слышался мягкий шёпот Элейн и шипение Нэсты в ответ. Я оглянулась через плечо на отца и указала на оленя.

— Готовь ножи, — сказала я, не заботясь о том, насколько вежливо это звучит. — Я скоро вернусь.

Не дожидаясь ответа, я закрыла дверь за спиной.

Комната была достаточно большой для покосившегося комода и огромной железной кровати, где мы спали. Единственный пережиток нашего бывшего богатства, она была сделана на заказ в качестве свадебного подарка от нашего отца нашей матери. Кровать, на которой мы родились, кровать, на которой умерла наша мать. За прошедшие годы, что я разрисовывала этот дом, я никогда не касалась её.

Я бросила верхнюю одежду на дряблый комод и хмуро уставилась на нарисованные мной фиалки и розы вокруг ручек ящика Элэйн, на сверкающее пламя на ящике Нэсты, на ночное небо — россыпи жёлтых звёзд, вместо белых — на моём ящике. Я разрисовала комод, чтобы хоть как-то добавить ярких цветов в тёмную комнату. Они никогда не комментировали этого. Я не знаю, чего я от них ожидала.

Стон — единственное, на что я оказалась способна, чтобы удержаться и не рухнуть на кровать.

Тем вечером мы ужинали жареной олениной. Хотя я и знала, что это глупо, но я не возражала, когда каждый из нас вновь тянулся за добавкой, пока я не запретила. Завтра я подготовлю мясо к вялению, затем выделю несколько часов на выделку двух шкур, прежде

чем нести их на рынок. Я знала нескольких торговцев, которые могли бы заинтересоваться такой покупкой — хотя, скорее всего, не один из них не заплатит тот гонорар, что я заслужила. Но деньги есть деньги, а у меня нет ни времени, ни средств, чтобы ехать в ближайший крупный город в поисках более выгодной сделки.

Я обсасывала зубцы вилки, смакуя остатки жира на металле. Язык скользнул по кривым зубцам — вилки были частью захудалого набора, который отец успел спасти из людской, пока кредиторы разграбляли наше поместье. Набор не шёл ни в какое сравнение с нашими приборами и посудой, но это лучше, чем есть руками. Приборы из приданого матери проданы уже давно.

Моя мать. Властная и холодная с детьми, радостная и ослепительная среди пэров, часто бывавших в нашем бывшем поместье, до безумства влюблённая в моего отца — единственного человека, которого она по-настоящему любила и уважала. Но она так же обожала удачные партии — настолько, что у неё не было времени, чтобы заняться со мной хоть чем-нибудь, она размышляла только над тем, как мои многообещающие способности в набросках и красках могут обеспечить мне выгодного будущего мужа. Если бы она прожила достаточно долго, чтобы увидеть, как рушится наше состояние, она была бы разбита этим — даже больше, чем отец. Возможно, её смерть — это милосердие для неё.

В любом случае, нам остаётся больше еды.

В этом доме от неё ничего не осталось, кроме железной кровати. И клятвы, что я дала.

Каждый раз, когда я смотрю на горизонт и понимаю, что мне нужно идти, идти и никогда не оглядываться назад, я слышу клятву, произнесённую одиннадцать лет назад перед умирающей матерью. *«Оставайтесь вместе, и присматривай за ними»*. Я согласилась, слишком юная, чтобы спросить, почему она просила об этом меня, а не моих старших сестёр или отца. Но я поклялась ей, и она умерла, а в нашем ничтожном человеческом мире — защищённым лишь данным пять веков назад обещанием Высших Фэ — в нашем мире забытых богов обещание было законом; обещание было валютой; обещание было оковами.

Бывали времена, когда я ненавидела её за эту клятву. Может быть, она бредила в лихорадке и сама не знала, что требовала. Или, возможно, грядущая смерть открыла ей глаза на истинную натуру её детей и мужа.

Я отложила вилку в сторону и, вытянув под столом ноющие ноги, смотрела на танцующее по брёвнам пламя в нашем скудном очаге.

Я повернулась к сёстрам. Нэста, как обычно, жаловалась на жителей деревни: у них нет никаких манер, у них нет социальных навыков, они понятия не имеют, насколько низкопробны ткани их одежд, хотя они делают вид, что эти дрянные ткани так же хороши как шёлк и шифон. С тех пор, как мы потеряли наше состояние, их бывшие друзья упорно игнорировали их, поэтому мои сёстры выставляли напоказ своё отношение к молодым крестьянам города, как ко второсортному кругу общения.

Я отхлебнула горячей воды из чашки — в эти дни мы не могли позволить себе даже чай. Нэста продолжала рассказывать Элейн свою историю.

— Ну, я и сказала ему «Если вы думаете, что можете просить меня об этом так пренебрежительно, сэр, я откажусь». И знаешь, что сказал Томас? — она сцепила руки на столе и широко распахнула глаза. Элейн покачала головой.

— Томас Мандри? — перебила я. — Второй сын лесоруба?

Серо-голубые глаза Нэсты сузились.

— Да, — ответила она и снова повернулась к Элейн.

— Что он хотел? — я посмотрела на отца.

Никакой реакции — ни тревоги, ни какого-либо признака, что он хотя бы слушает. Его забрал туман воспоминаний и он потерялся в нём, он мягко улыбался своей любимой Элейн — единственной из нас, кому удаётся хоть как-то говорить с ним.

— Он хочет жениться на ней, — мечтательно сказала Элейн.

Я моргнула.

Нэста склонила голову набок. Прежде я видела как хищники используют это движение. Временами я думала, что её беспощадная жестокость могла бы помочь нам выжить — даже процветать — не будь она так поглощена мыслями об утраченном статусе.

— Какие-то проблемы, *Фейра*?

Она выплюнула моё имя, как оскорбление. Я до боли стиснула зубы.

Отец поёрзал на стуле и моргнул. Я знала — глупо реагировать на её колкости, но я ответила:

— Ты не можешь нарубить дров для нас, но ты собираешься замуж за сына лесоруба?

Нэста выпрямилась.

— Я думала всё, что ты хочешь, это выставить нас из дома — выдать замуж меня и Элейн, чтобы у тебя хватало времени на твои расчудесные шедевры.

Она глумилась над рядами наперстянок, которые я нарисовала по кромке стола — оттенки слишком тёмные и слишком синие, без белых крапинок внутри бутонов, но я обходилась тем, что есть. Меня убивало отсутствие белой краски и то, что я создала нечто настолько несовершенное и стойкое.

Я тонула в желании прикрыть рисунок руками. Возможно, завтра я полностью соскребу его со стола.

— Поверь мне, — сказала я ей. — В день, когда ты захочешь выйти замуж за кого-то достойного, я приду в его дом и вручу тебя ему в руки. Но ты не выйдешь замуж за Томаса.

Нэста изящно раздула ноздри.

— Ты ничего не можешь поделать. Сегодня днём Клэр Беддор сказала мне, что теперь Томас сделает мне предложение в любой день. И тогда мне больше никогда не придётся есть эти помои.

Затем она добавила с лёгкой улыбкой:

— По крайней мере, мне не нужно будет искать утешений на сеновале с Айзеком Хейлом, как животное.

Отец смущённо кашлянул, глядя на свою кровать у очага. Он никогда не выступал против Нэсты — из-за страха или вины и, видимо, он не собирался начинать сейчас, даже при том, что об Айзеке он слышал впервые.

Глядя на Нэсту, я положила ладони на стол. Руки Элейн были рядом и она убрала их, будто частички грязи и крови из-под моих ногтей могли перескочить на её фарфоровую кожу.

— Едва ли семья Томаса в лучшем положении, чем мы, — я говорила, стараясь не зарычать. — Ты будешь всего лишь ещё одним ртом, который нужно прокормить. Если Томас этого не знает, то его семья должна.

Но Томас знал — раньше мы сталкивались в лесу. Я видела отчаянный голодный блеск в его глазах, когда он заметил, как я охочусь за парой кроликов. Я никогда не убивала человека, но в тот день нож на боку ощущался грузом. С тех пор я держусь подальше от него.

— Мы не сможем обеспечить приданое, — я продолжила и, хотя мой тон был твёрдым,

голос затих. — Ни для одной из вас.

Если Нэста хочет уйти — пожалуйста. Прекрасно. Я буду на один шаг ближе к славному, мирному будущему, к тихому дому, пище в достатке и ко времени на рисование. Но у нас ничего нет — абсолютно ничего, что может побудить любого поклонника забрать сестёр с моих плеч.

— Мы любим друг друга, — заявила Нэста. Элейн кивнула в знак согласия.

Я едва не расхохоталась — когда они забыли мечты об аристократах и начали строить глазки крестьянам?

— Любовь не прокормит голодный желудок, — возразила я, сохраняя твёрдость во взгляде.

Нэста подскочила на месте так, будто я ударила её.

— Ты просто завидуешь. Я слышала, говорят — Айзек собирается жениться на какой-то девушке из деревни Гринфилд из-за привлекательного приданого.

Как и я. Айзек бахвалился этим, когда мы виделись в последний раз.

— Завидую? — медленно проговорила я, закапывая ярость как можно глубже. — Нам нечего ему предложить — ни приданого, ни даже скота. Хотя Томас и хочет жениться на тебе... ты бремя.

— Что ты знаешь? — выдохнула Нэста. — Ты полудикий наглый зверь, гавкающий приказы в любое время дня и ночи. Продолжай в том же духе и однажды — однажды, Фейра, не останется никого, кто будет помнить тебя или беспокоиться о твоём существовании.

Она в бешенстве умчалась прочь, Элейн бросилась за ней, сочувственно воркуя. Они захлопнули дверь в спальню так, что задребезжала посуда.

Я уже слышала эти слова и знала — Нэста повторяет их только потому, что я вздрогнула, когда она впервые плюнула их мне в лицо. В любом случае, они по-прежнему обжигали.

Я сделала большой глоток из колотой кружки. Деревянная скамейка застонала, когда отец повернулся. Я сделала ещё один глоток и сказала:

— Ты должен воззвать к её разуму.

Он рассматривал горелый след на столе.

— Что я могу сказать? Если это любовь...

— Это *не может* быть любовь, не с его стороны. И не с его жалкой семьи. Я видела, как он ведёт себя в деревне — есть только одна вещь, что ему нужна от неё, и это *не* её рука...

— Мы нуждаемся в надежде так же, как в хлебе и мясе, — перебил он, его глаза были ясными — один из редких моментов. — Мы должны надеяться, иначе мы не выдержим. Позволь ей сохранить эту надежду, Фейра. Позволь ей представить лучшую жизнь. Лучший мир.

Я поднялась из-за стола, пальцы сжались в кулаки, но было некуда бежать в нашем двухкомнатном доме. Я посмотрела на нарисованные выцветшие наперстянки по краю стола. Крайние бутоны уже почти стёрлись и выцвели, нижние кусочки стебля стёрлись полностью. Через несколько лет рисунок исчезнет — не останется и следа, что когда-то он был здесь. Что я была здесь.

Когда я посмотрела на отца, мой взгляд был тяжёлым.

— Его не существует.

Утоптаный снег на дороге к нашей деревне пестрел чёрными и коричневыми следами проходящих телег и лошадей. Элейн и Нэста цокали языками и кривились, огибая в особенности отвратительные участки. Я знала, что они пойдут — едва они заметили, как я складываю шкуры в сумку, они схватили свои плащи.

Я не утруждала себя разговорами с ними, так как с прошлого вечера они не соизволили и слова мне сказать, хотя Нэста проснулась на рассвете, чтобы нарубить дров. Вероятно, поскольку она знала, что сегодня я буду продавать шкуры на рынке и вернусь домой с кошельком денег. Весь путь по единственной дороге через заснеженные поля к обветшало́й деревне, они плелись позади меня.

Каменные дома деревни — обычные и скучные, зимой превращаются в мрачные и зловещие. Но это рыночный день, что означает — на крохотной площади в центре городка будет полно всевозможных торговцев, бойко оживляющих утро.

Из соседнего квартала повеяло ароматами горячей пищи — специи, что проникали в глубины памяти, манили. Элейн тихо застонала позади меня. Специи, соль, сахар — редкие для большинства жителей деревни товары. Мы не могли позволить их себе.

Если я хорошо заработаю на рынке, возможно, у меня будет достаточно денег для покупки чего-нибудь вкусного. Я открыла рот, чтобы предложить это, но мы повернули за угол и чуть не споткнулись друг о друга, резко остановившись.

— Да озарит вас Бессмертный Свет, сёстры, — сказала девушка в бледной мантии, стоя на нашем пути.

Нэста и Элейн цокнули языками, я подавила стон. Превосходно. Именно то, что мне нужно — Дети Благословенных в деревне в рыночный день, отвлекающие и раздражающие всех вокруг. Обычно, старейшины деревни позволяют им оставаться всего на несколько часов, но само наличие фанатичных дурачков, всё ещё поклоняющихся Высшим Фэ, раздражает людей. Раздражает *меня*. Много лет назад Высшие Фэ были нашими хозяевами — не богами. И, разумеется, добры они не были.

Девушка протянула лилейно-белые руки в приветственном жесте, браслет из серебряных колокольчиков — из *настоящего* серебра — звякнул на её запястье.

— У вас найдётся немного свободного времени, чтобы услышать Слово Благословенных?

— Нет, — фыркнула Нэста, игнорируя протянутые руки девушки и подталкивая Элейн идти дальше. — Не найдётся.

Распущенные тёмные волосы девушки поблёскивали в лучах утреннего солнца, её чистое, свежее лицо светилось от очаровательной улыбки. Позади неё были ещё пять послушников — парни и девушки, и те, и другие с длинными волосами — они осматривали рынок в поисках молодых людей, которых можно донимать.

— Это отнимет не больше минуты, — сказала девушка, преграждая Нэсте путь.

Впечатляюще — действительно впечатляюще — видеть, как Нэста выпрямляет спину, расправляет плечи и смотрит свысока на молодую послушницу. Королева без трона.

— Идите впаривать свой фанатичный бред каким-нибудь идиотам. Здесь вам новообращённых не найти.

Девушка отпрянула, в её карих глазах затрепетала тень. Я сдержала порыв поморщиться. Возможно, это не лучший способ с ними справиться, они могут стать настоящей помехой, если их всколыхнуть.

Нэста подняла руку, подворачивая рукав пальто, чтобы показать железный браслет.

Такой же носит и Элейн; они купили их много лет назад. Послушница ахнула, широко раскрыв глаза.

— Видишь это? — шипела Нэста, делая шаг вперёд. Послушница отступила назад. — Вот, что вы *должны* носить. А не серебряные колокольчики, привлекающие монстров фэйри.

— Как ты *смеешь* носить эту мерзость, оскорбляющую наших бессмертных друзей...

— Убирайтесь проповедовать в другой город, — проговорила со злостью Нэста.

Две полные фермерские жены под руку прогуливались по пути к рынку. Когда они приблизились к послушникам, их лица одинаково скривились в отвращении.

— Боготворящая фэйри шлюха, — бросила одна из них девушке.

Я не могла не согласиться.

Послушники молчали. Другая жительница деревни — достаточно богатая, чтобы вокруг её горла обвивалось полное плетёное ожерелье из железа — сузила глаза и вздёрнула верхнюю губу, обнажив зубы.

— Идиоты, вы разве не понимаете, что эти монстры делали с нами на протяжении веков? Что они продолжают делать ради забавы, когда могут и обойтись? Вы заслуживаете закончить жизнь в руках фэйри. Дураки и шлюхи. Все вы.

Нэста кивнула в знак согласия женщине, когда они продолжили свой путь. Мы снова повернулись к девушке, всё ещё мешкающей перед нами, и даже Элейн нахмурилась в отвращении.

Но девушка перевела дыхание, вновь став спокойной, и сказала:

— Я тоже жила в таком же невежестве, пока не услышала Слово Благословенных. Я выросла в деревне, похожей на эту — в такой мрачной и жестокой. Но несколько месяцев назад, подругу моего двоюродного брата отправили к границе, как нашу жертву Прифиану — и её не отправили обратно. Теперь она живёт в богатстве и комфорте, как невеста Высшего Фэ, и как могли бы жить вы, если бы вы уделили минутку...

— По всей вероятности, её съели, — сказала Нэста. — Именно поэтому она не вернулась.

Или хуже — подумала я — если в похищении человека в Прифиан действительно вовлечены Высшие Фэ. Я никогда не встречала ни человекообразных Высших Фэ, правящих Прифианом, ни фэйри, населяющих их земли, с чешуёй, крыльями и длинными тонкими руками, способными утащить тебя глубоко под воды забытого пруда. Я не знаю, с кем столкнуться хуже.

Лицо послушницы напряглось.

— Наши великодушные хозяева никогда не причинят нам вред. Прифиан — земля мира и изобилия. Если они благословят вас своим вниманием, вы будете мечтать жить среди них.

Нэста закатила глаза. Взгляд Элейн метался между нами и рынком впереди — жители деревни наблюдали за нами. Пора идти.

Нэста снова открыла рот, но я встала между ними и бегло окинула взглядом бледно-голубую мантию девушки, серебряные украшения, абсолютно чистую кожу. Ни шрама, ни пятнышка.

— Вы сражаетесь в неравном бою, — сказала я ей.

— Оно того стоит, — девушка расплылась в блаженной улыбке.

Я мягко подтолкнула Нэсту идти дальше и сказала послушнице:

— Нет, не стоит.

Я чувствовала — послушники всё ещё смотрят нам вслед, когда мы шагнули на шумную рыночную площадь, но я не оглядывалась. Они скоро уйдут проповедовать в другой город. Нам придётся пойти более длинным путём из деревни домой, чтобы избежать встречи с ними. Когда мы были достаточно далеко, я оглянулась на сестёр. Элейн всё ещё кривилась, а в глазах Нэсты бушевала буря, она поджала губы. Думаю, если бы она вернулась обратно к девушке, она бы затеяла драку.

Не моя забота — не сейчас.

— Встретимся здесь через час, — сказала я и, скрылась на многолюдной площади прежде, чем они успели прицепиться за мной.

У меня ушло десять минут, чтобы обдумать три варианта. Были мои обычные покупатели: опытный сапожник и остроглазый портной, пришедший на рынок из близлежащего города. И неизвестная: огромная женщина сидела на краю сломанного фонтана, без тележек или палаток, но, тем не менее, она цепко осматривала площадь. Шрамы и оружие позволяли довольно легко определить, кто она. Наёмник.

Я чувствовала взгляды сапожника и портного, ощутила их притворное безразличие, когда они заметили мою сумку. Хорошо — это будет такой день.

Я подошла к наёмнице, чьи густые, тёмные волосы подстрижены до подбородка. Её смуглое лицо, казалось, высечено из гранита, её чёрные глаза слегка сузились при виде меня. Такие интересные глаза — не один оттенок чёрного, а... множество оттенков коричневого, мерцающих среди теней. Я оттолкнула эту бесполезную часть разума, инстинкты, заставляющие думать об оттенках, свете и формах. Я расправила плечи, чтобы она оценила меня в качестве потенциальной угрозы или работодателя. Её оружия — сверкающего и опасного — было достаточно, чтобы я сглотнула и остановилась в добрых двух футах от неё.

— Я не обмениваю свои услуги на товары, — в её голосе прорывался акцент, которого я никогда раньше не слышала. — Я признаю только монеты.

Несколько проходящих мимо жителей старались скрыть заинтересованность в нашем разговоре. Особенно когда я сказала:

— Тогда в этом месте тебе не повезёт.

— Что тебе нужно от меня, девочка? — даже сидя, она выглядела массивной.

Ей могло быть где-то от двадцати пяти до тридцати, но, видимо, в её глазах я выглядела нескладной от голода девочкой в ворохе одежды.

— У меня есть шкуры волка и оленихи на продажу. Я подумала, ты можешь быть заинтересована в их покупке.

— Ты украла их?

— Нет, — я выдержала её взгляд. — Я добыла их сама. Клянусь.

Она снова окинула меня взглядом тёмных глаз.

— Как.

Не вопрос — приказ. Вероятно кто-то, кто сталкивался с теми, кто не воспринимал клятвы как нерушимые и слова как обязательства покарал их соответствующим образом.

Я рассказала, как достала шкуры, и, когда я закончила, она махнула рукой в сторону сумки.

— Покажи мне.

Я вытащила обе тщательно свёрнутые шкуры.

— Ты не лгала о размерах волка, — прошептала она. — Хотя на фэйри не похож.

Она исследовала шкуры взглядом эксперта, её руки пробежались и по внешним, и по

внутренним сторонам. Она назвала цену.

Я моргнула и подавила желание моргнуть снова. Она переплачивает — намного.

Она посмотрела вдаль, мимо меня.

— Предполагаю, те две девочки, наблюдающие через площадь, твои сёстры. У вас троих этот латунный цвет волос — и этот их голодный взгляд на тебя.

В самом деле, они делали всё возможное, чтобы подслушать и остаться незамеченными.

— Мне не нужна твоя жалость.

— Нет, но тебе нужны мои деньги, а другие торговцы дешевят всё утро. Все слишком отвлекаются на тех блеющих фанатиков с телячьими глазами, — она кивнула в сторону Детей Благословенных, всё ещё звенящих серебряными колокольчиками и прыгающих на путь любого, кто пытается пройти мимо.

— Решать тебе, девочка, — наёмница слегка улыбалась, когда я обернулась к ней.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Когда-то кое-кто сделал для меня и моей семьи то же самое, в то время, когда мы нуждались в этом больше всего. Думаю, пришло время отплатить должное.

Я снова посмотрела на неё, обдумывая.

— У моего отца есть резные деревянные фигурки, я могу дать их тебе — чтобы было более честно.

— Я путешествую налегке, они не нужны мне. Однако эти, — она похлопала шкуры в руках. — Избавят меня от нужды убивать их самой.

Я кивнула. К щекам прилил жар, когда она достала кошелек из тяжёлого пальто. Он был полон — там было, по меньшей мере, серебро и, возможно, золото, если звон является каким-нибудь признаком. Как правило, наёмникам хорошо платят на нашей территории.

Наша территория слишком мала и бедна, чтобы содержать регулярную армию для контроля границы с Прифианом, и мы, жители деревни, можем рассчитывать только на силу Договора, заключённого пятьсот лет назад. Но высшее сословие может позволить себе нанимать клинки, как эту женщину, чтобы охранять свои земли, граничащие с бессмертным миром. Это иллюзия комфорта, как знаки на нашем пороге. В глубине души, все знали, нет ничего, что можно противопоставить фэйри. Всем нам рассказывали одно и то же — независимо от сословия и ранга, с момента рождения над колыбелями воспевают предупреждения, рифмы повторяются в школьных дворах. Один из Высших Фэ может превратить ваши кости в пыль с расстояния в сотню ярдов. Но мои сёстры и я никогда их не видели.

Но мы всё ещё пытаемся верить, что нечто — что угодно — может сработать против фэйри, если мы когда-либо столкнёмся с ними. На рынке есть два прилавка, подпитывающих эти страхи и предлагающих амулеты, побрякушки, заклинания и кусочки железа. У меня не было средств на них — но даже если бы они действительно работали, они бы выиграли нам всего несколько минут, чтобы подготовиться. Бегство бессмысленно, остаётся только борьба. Но Нэста и Элейн продолжают надевать железные браслеты каждый раз, как выходят из дому. Даже у Айзека есть железный браслет на запястье, всегда скрытый под рукавом. Когда-то он предложил купить и мне один, но я отказалась. Это было слишком личным, как и слишком похожим на оплату... постоянное напоминание, кем мы были и не были друг для друга.

Наёмница передала деньги в мою протянутую ладонь, я сунула их в карман — монеты

были тяжёлыми, как камни. Не осталось ни шанса, что сёстры не заметили деньги, ни шанса, что они уже не придумывают, как будут выпрашивать их у меня.

— Спасибо, — я поблагодарила наёмницу, стараясь и не очень преуспевая скрыть колкость из голоса, так как чувствовала, как сёстры подбираются ближе, как кружащие над трупом стервятники.

Наёмница погладила шкуру волка.

— Совет, как охотник охотнику.

Я приподняла брови.

— Не заходи глубоко в леса. Я бы даже не приблизилась к тому месту, где ты была вчера. Волк такого размера будет меньшей из твоих проблем. Я слышу всё больше и больше рассказов о тех *существах*, проскальзывающих сквозь стену.

По спине пробежал холодок.

— Они... они собираются напасть?

Если это правда, я найду способ увести семью прочь с нашей жалкой и унылой территории на юг — мы уйдём далеко от невидимой стены, разделяющей наш мир пополам, прежде, чем они пересекут её.

Когда-то — давным-давно и на протяжении тысячелетий — мы уже были рабами лордов Высших Фэ. Когда-то — их изумительные, простирающиеся цивилизации строились кровью и потом людей, строились храмы их диким богам. Когда-то — мы восстали, по всем землям и территориям. Война была настолько кровавой и разрушительной, что потребовалось шесть смертных королей для создания Договора, чтобы остановить резню с обеих сторон и чтобы возвести стену: Север мира отошёл Высшим Фэ и фэйри, забравшим магию с собой; Юг остался напуганным смертным, навечно вынужденным убраться с земель фэйри.

— Никто не знает, что планируют Фэ, — ответила наёмница, её лицо было словно каменное. — Мы не знаем, позволяют ли Высшие Лорды своим животным ускользать с поводков, или это целенаправленные атаки. Я работала на старого дворянина и он утверждал, что в последние пятьдесят лет ситуация ухудшается. Две недели назад он сел на лодку к югу и посоветовал уходить отсюда, если я не глупа. Прежде, чем он отплыл, он признал, что один из его друзей говорил, как в глухой ночи стая мартакс пересекла стену и разорвала на части половину его деревни.

— Мартакс? — выдохнула я.

Я знала, что существует множество типов фэйри, они разнообразны так же, как и любой другой вид животных, но по названиям я знала лишь несколько.

Тёмные глаза наёмницы блеснули.

— Огромное медвежье тело, голова подобна льву и три ряда зубов, острее акульих. И злобные — злее, чем медведь, лев и акула вместе взятые. Как сказал дворянин, они порвали жителей деревни в клочья.

У меня желудок перевернулся. Мои сёстры позади нас показались такими хрупкими — с их бесконечно тонкой, бледной и гладкой кожей. Против фэйри, подобных мартакс, у нас никогда не будет и шанса. Дети Благословенных глупцы — фанатичные идиоты.

— Потому мы не знаем, что означают эти нападения, — продолжала наёмница. — Помимо большего количества заказов для меня, а ты держись подальше от стены. Особенно, если появятся Высшие Фэ — или хуже — один из Высших Лордов. По сравнению с ними мартакс покажутся щенками.

Я рассматривала шрамы на её потрескавшихся от холода руках.

— Ты когда-нибудь сталкивалась с другими видами фэйри?

Она закрыла глаза.

— Ты не захочешь знать, девочка — если, конечно, не хочешь вырвать свой завтрак.

Я действительно чувствовала себя плохо — больной и нервной.

— Опаснее мартакс? — я решила спросить.

Женщина отдёрнула рукав тяжёлой куртки, обнажив смуглое мускулистое предплечье, испещрённое ужасными, скрученными шрамами. Их дуги были так похожи на...

— У него не было грубой силы и размеров мартакс, — сказала она. — Но его укусы были ядовитыми. Я слегла на два месяца. Прошло четыре, прежде чем у меня снова появились силы встать на ноги.

Она подвернула штанину. Несмотря на зашевелившийся ужас в глубине души, я подумала, что это прекрасно. По загорелой коже чернильно-чёрной паутиной змеились вены, как иней на окне.

— Целитель сказал, что ничего не может с этим поделать — что мне повезло снова начать ходить с ядом в ногах. Быть может, однажды это убьёт меня, или покалечит. Но, по крайней мере, я знаю, что первая убила его.

Пока она опускала штанину, кровь в моих венах похолодела. Если кто-то на площади видел, то никто не осмелится говорить об этом или подойти ближе. А с меня достаточно на один день. Поэтому я сделала шаг назад, переваривая всё, что она сказала и показала мне.

— Спасибо за предупреждения, — сказала я.

Она обратила внимание на что-то позади меня.

— Удачи, — она слегка улыбнулась, словно увидев нечто забавное.

Грациозная рука вцепилась мне в предплечье и поволокла прочь. Мне не нужно было оборачиваться, чтобы узнать, что это Нэста.

— Они опасны, — прошипела Нэста. Её пальцы впивались в мою руку, она продолжала тащить меня подальше от наёмницы. — Больше не ошивайся рядом с ними.

Я уставилась на неё, затем на Элейн — она была бледной и напряжённой.

— Есть что-то, о чём я должна знать? — спросила я тихо.

Я не могла вспомнить, когда ещё Нэста пыталась предупредить меня о чём-нибудь; Элейн единственная, о ком она на самом деле заботится.

— Они жестокие и отнимут любые копейки, даже если придётся применить силу.

Я взглянула на наёмницу — она всё ещё осматривала свои новые шкуры.

— Она ограбила вас?

— Не она, — прошептала Элейн. — Кто-то другой, проходящий мимо. У нас было всего несколько монет, и он разозлился, но...

— Почему вы не сообщили о нём — или не сказали мне?

— И что бы ты сделала? — фыркнула Нэста. — Вызвала бы его на поединок с луком и стрелами? Кого среди этих городских отбросов беспокоит, даже если мы сообщим что-нибудь?

— Как насчёт твоего Томаса Мандри? — сказала я холодно.

Глаза Нэсты вспыхнули, но что-то позади меня отвлекло её, а затем она сделала то, чего я ждала от неё — попытка мило улыбнуться — похоже, она вспомнила о деньгах у меня в кармане.

— Твой друг ждёт тебя.

Я обернулась. Да, Айзек смотрел с той стороны площади, скрестив руки на груди и прислонившись к зданию. Хотя он и старший сын зажиточного фермера нашей деревни, из-за зимы он худой, его русые волосы взлохмачены. Довольно красивый, учтивый и скрытный, но с какой-то тьмой подо всем этим, что притягивала нас друг к другу. Мы оба понимали, как жалки наши жизни и что такими они будут всегда.

Мы были отдалённо знакомы на протяжении многих лет — с тех пор, как моя семья перебралась в деревню — но я никогда не думала о нём, пока однажды после полудня мы, оба на взводе, не столкнулись на главной дороге. Мы говорили только о яйцах, что он нёс на рынок — я восхищалась варьированием оттенков в корзине — коричневые, бронзовые, бледно голубые и зелёные. Простой, лёгкий, возможно, немного неловкий, но он заставил меня почувствовать себя не настолько... одинокой. Неделей позже я затащила его в ветхий сарай.

На протяжении этих двух лет он был моим первым и единственным любовником. Иногда мы встречались каждую ночь в течение недели, иногда мы не видели друг друга месяцами. Но каждый раз был таким же: срываемая в спешке одежда, разделённое дыхание, языки и зубы. Иногда мы говорили — или, скорее, он говорил о давлении и бремени, что взваливает на него отец. Часто мы не говорили ни слова. Не могу сказать, что мы были особо умелыми любовниками, но это всё равно было как высвобождение, как временная передышка, как доля эгоизма.

Между нами нет любви, и никогда не было — по крайней мере, того, что я понимаю, когда люди говорят о любви — хотя часть меня и замерла, когда он сказал, что скоро будет женат. Но я не настолько в отчаянии, чтобы спросить, будет ли он видеться со мной после женитьбы.

Айзек склонил голову в знакомом жесте, а затем неторопливо ушёл вниз по улице, ведущей из деревни, к старому амбару, где он будет ждать. Мы никогда особо не скрывали наших отношений, но и не выставляли их напоказ.

Нэста прищёлкнула языком, скрестив руки.

— Надеюсь, вы двое не пренебрегаете мерами предосторожности.

— Немного поздновато беспокоиться, — сказала я.

Но мы были осторожными. Так как я не могла себе этого позволить, противозачаточное варевое приносил Айзек. Он знал, что иначе я бы не прикоснулась к нему. Я полезла в карман, высчитывая двадцать медяков. Элэйн шумно вдохнула, и я, не глядя ни на одну из моих сестёр, сунула ей в руки монеты и сказала:

— Увидимся дома.

Позже, после ещё одного ужина олениной, когда все мы собрались у очага, перед тем как отправиться спать, я наблюдала, как мои сёстры перешёптываются и смеются. Они потратили всё, что я им дала, до последнего медяка. На что — я не знала, хотя Элейн принесла новый резец для резьбы по дереву для отца. Плащ и ботинки, о которых они ныли прошлым вечером, оказались слишком дорогими. Но я не выговаривала их за траты. Не когда Нэста второй раз наколола дров без моей просьбы. К счастью, они избежали повторного столкновения с Детями Благословенных.

Отец дремал в кресле, прислонив трость к искривлённому колену. Хорошее время,

чтобы обсудить с Нэстой Томаса Мандри. Я повернулась к ней и открыла рот.

Но оглушающий рёв опередил меня, сёстры закричали, в комнату ворвался вихрь снега и на пороге нашего дома появился огромный, рычащий силуэт.

Глава 4

Я не знаю, как в моей руке оказался охотничий нож. Первые несколько мгновений слились в размытый вихрь из гигантского рычащего зверя с золотистым мехом, визга моих сестёр, обжигающих потоков ледяного воздуха и объятого ужасом отца.

Я поняла, что это не мартакс, но облегчение было недолгим. Зверь величиной с лошадь, и хотя его тело было слегка кошачьим, голова была явно волчьей. Как справиться с закрученными оленьими рогами, выступающими из его головы — я не знала. Лев это, гончая или олень — сомнений не было — его чёрные, острые как лезвия когти и жёлтые клыки могут причинить вред.

Если бы я была одна в лесах, я бы позволила страху поглотить меня, я бы упала на колени и умоляла бы об аккуратной и быстрой смерти. Но места для ужаса не осталось, я не позволила ему притаиться в душе, несмотря на дикий стук сердца, грохотом отдающий в ушах. Каким-то образом я оказалась перед сёстрами, когда существо взвилось на дыбы и взревело клыкастой пастью:

— *УБИЙЦЫ!*

Но у меня в голове эхом звучало другое слово:

Фэйри.

Дурацкие охранные знаки на пороге были действенны против него так же, как и паутина. Я должна была спросить у наёмницы, как она убила фэйри. Однако толстая шея зверя выглядела хорошей целью для ножа.

Я рискнула обернуться через плечо. Сёстры кричали, стоя на коленях у стены с очагом, отец присел перед ними. Ещё одно тело, которое мне нужно защищать. Я сделала ещё один глупый шаг к фэйри, оставляя стол между нами и пытаясь побороть дрожь в руках. Лук и колчан остались в другой стороне комнаты — за зверем. Мне придётся обойти его, чтобы добраться до ясеновой стрелы. И выиграть достаточно времени, чтобы выстрелить.

— *УБИЙЦЫ!* — снова взревел зверь, вздыбив шерсть на загривке.

— П-пожалуйста, — пролепетал отец позади меня, не найдя в себе сил встать рядом со мной. — Чтобы мы ни сделали, мы сделали это неосознанно и...

— М-м-мы никого не убивали, — добавила Нэста, захлёбываясь рыданиями. Она подняла руку над головой, будто крошечный железный браслет способен сделать хоть что-либо против существа.

Я схватила столовый нож со стола — лучшее, что я могла сделать, пока не доберусь до колчана.

— Выметайся, — огрызнулась я на существо, выставляя вперёд ножи.

На глаза не попало ни кусочка железа, которое я могла бы использовать, как оружие — разве что я брошу в него браслетами сестёр.

— Выметайся и убирайся прочь.

Я едва могла удержать ножи в дрожащих руках. Гвоздь — я бы могла воспользоваться проклятым железным гвоздём, если бы он был.

В ответ он зарычал на меня — дом задрожал, загремели тарелки и чашки. Но он оставил свою массивную шею незащищённой. Я метнула в него охотничий нож.

Быстро — так быстро, что я едва заметила — как он отправил его прочь, отбив лапой, и щёлкнул зубами у меня перед лицом.

Я отшатнулась назад, почти споткнувшись о съёжившегося отца. Фэйри мог убить меня — мог, но выпад был предупреждением. Нэста и Элейн, плача, молились забытым богам, должно быть, скрывающимся где-нибудь.

— *КТО УБИЛ ЕГО?* — существо шагнуло к нам.

Он поставил лапу на стол и тот затрещал под ним. Его когти с глухим скрежетом впивались в дерево, один за другим.

Я осмелилась шагнуть вперёд, когда зверь вытянул морду над столом, чтобы понюхать нас. Его глаза были зелёными с вкраплением янтаря. Это не были глаза животного, не с их формой и цветом. Мой голос был удивлённым, даже когда я уточнила:

— Убил кого?

Он зарычал, негромко и злобно.

— Волка, — сказал он.

Моё сердце пропустило удар. Рык смолк, но гнев остался и в нём виднелась скорбь.

Элейн пронзительно вскрикнула. Я не подала виду.

— Волка?

— Большой волк с серой шерстью, — прорычал он в ответ.

Он догадается, если я совру? Фэйри не могут лгать — это знают все смертные — но могут ли они чувствовать ложь людей? У нас не было шансов проверить этого на практике, но ведь должны быть другие способы.

— Если он был убит по ошибке, — сказала я так спокойно, как только могла. — Какую плату мы можем предложить взамен?

Это всё ночной кошмар, через мгновение я проснусь у очага, утомлённая днём на рынке и временем с Айзеком.

Зверь издал звук, который мог бы быть горьким смехом. Он оттолкнул стол в сторону разрушенной двери. Холод был настолько сильным, что я дрожала.

— Оплата, которую вы должны предложить, указана в Договоре между нашими мирами.

— За волка? — резко переспросила я, отец предупреждающе прошептал моё имя.

У меня были туманные воспоминания о Договоре, который мы читали на уроках в детстве, но я не могла ничего припомнить о волках.

Зверь повернулся ко мне.

— Кто убил волка?

Я смотрела прямо в нефритовые глаза.

— Я.

Он моргнул и посмотрел на моих сестёр, затем снова на меня, на мою худобу — без сомнений, он видел только хрупкость.

— Понятно, что ты лжёшь, чтобы спасти их.

— Мы ничего не убивали! — плакала Элейн.

— Пожалуйста... *пожалуйста*, пощадите нас! — рыдания Нэсты стихли, она толкнула Элейн себе за спину.

При виде этого у меня внутри всё сжалось.

Кряхтя от боли в ноге, отец поднялся, но прежде, чем он добрёл ко мне и совершил ошибку, я повторила:

— Я убила его.

Зверь, обнюхивающий моих сестёр, изучал меня. Я расправила плечи.

— Сегодня на рынке я продала его шкуру. Если бы я знала, что это фэйри, я бы не тронула его.

— Ложь, — прорычал он. — Ты знала. И если бы ты знала, что он из моего вида, ты бы ещё больше захотела убить его.

Правда, правда, правда.

— Ты можешь обвинить меня?

— Он напал на тебя? Спровоцировал?

Я открыла рот чтобы сказать «да», но...

— Нет, — прорычала я. — Но, учитывая всё, что ваш вид сделал нам и что с удовольствием продолжает делать, даже если бы я знала кто он — он заслужил смерти, без сомнений.

Лучше умереть с высоко поднятой головой, чем унижающимся съёженным червём.

Его ответный рык был гневом и яростью.

Свет от огня в очаге освещал его оскаленные клыки, и я представляла, как они сомкнутся на моём горле и как громко сёстры будут кричать, прежде чем и они погибнут. Но, с неожиданной ясностью и чёткостью, я знала — Нэста выиграет время, чтобы Элейн сбежала. Не для отца, которого она недолюбливала всем своим стальным сердцем. Не для меня, потому что Нэста всегда знала и ненавидела, что мы с ней две стороны одной медали, и что я могу сама за себя постоять. Но для Элейн, растящей цветы, для её доброго сердца... Нэста будет бороться за неё.

Вспышка понимания была такой же быстрой, как отброшенный зверем нож.

— Какой платы требует Договор?

— Жизнь за жизнь. Любые спровоцированные нападения людей на фэйри караются человеческой смертью, — он не сводил глаз с моего лица.

Рыдания сестёр стихли. Наёмница в городе убила фэйри, но тот первым атаковал её.

— Я не знала, — сказала я. — Не знала об этой части Договора.

Фэйри не могут лгать — и он говорил достаточно ясно, не перекручивая слова.

— Большинство из вас, смертных, предпочитает забывать об этой части Договора, — говорил он. — Что делает ваше наказание гораздо более приятным.

Колени подгибались. Я не могу увильнуть, не могу сбежать. Не могу даже попытаться — он преградил путь к выходу.

— Сделай это снаружи, — прошептала я дрожащим голосом. — Не... здесь.

Не здесь, где моей семье придётся смыть мою кровь. Если он позволит им жить.

Фэйри выдохнул злобный смешок.

— Так легко согласна принять свою судьбу?

Когда я уставилась на него, он продолжил:

— За наглость говорить, где мне убивать, я скажу тебе по секрету, человек: Прифиан требует отнимать жизнь тем же путём, каким забрали жизнь фэйри. Как представитель бессмертного мира, я могу либо выпотрошить тебя, как свинью, либо... ты пересечёшь стену и остаток своих дней проведёшь в Прифиане.

— Что? — я моргнула.

Он повторил медленно, так, будто я на самом деле тупа как свинья:

— Или ты умрёшь сегодня, или ты покидаешь человеческий мир и отдаёшь свою жизнь Прифиану, живя в нём вечно.

— Соглашайся, Фейра, — прошептал отец позади меня. — Уходи.

Я не смотрела на него, когда говорила:

— Жить *где*? Каждый дюйм Прифиана смертелен для нас.

Я лучше умру сегодня, чем буду жить в чистом ужасе за стеной, пока, бесспорно, не погибну более ужасным способом.

— У меня есть земли, — тихо, почти неохотно, сказал фэйри. — Я позволю тебе жить там.

— Зачем? — вероятно, вопрос глупый, но...

— Ты убила моего друга, — прорычал зверь. — Убила, освежевала, продала на рынке, после сказала, что он это заслужил, а теперь у тебя хватает наглости спрашивать о моей щедрости?

«Как типично для людей» — казалось, добавил он мысленно.

— Тебе не нужно использовать уловки, — я шагнула так близко к фэйри, что его дыхание обжигало лицо.

Фэйри не могут лгать, но могут пренебрегать деталями.

Зверь снова зарычал.

— Глупо было забывать, какого низкого мнения о нас человечество. Вы, люди, больше не понимаете милости? — его клыки были в дюймах от моего горла. — Позволь прояснить, девочка: ты можешь жить в моём доме в Прифиане — оплатив за жизнь волка таким образом — или ты сейчас выйдешь на улицу и я порву тебя в клочья. Выбирай.

Я слышала ковыляющие шаги отца прежде, чем он схватил меня за плечо.

— Пожалуйста, добрый господин, Фейра моя младшая. Умоляю вас, пощадите её. Она всё... она всё... — но его слова застряли в горле, когда зверь опять взревел.

Услышать несколько слов, что ему удалось сказать, его попытка... это было как кинжал в живот.

— Пожалуйста... — сжавшись, сказал отец.

— *Тихо*, — рявкнуло существо.

Во мне вскипела раскалённая ярость и мне потребовалось немало усилий, чтобы не вогнать кинжал ему в глаз. Но я знала, что как только подниму руку, его пасть сомкнётся на моей шее.

— Я могу достать золото... — сказал отец, и моя ярость угасла.

Он может достать деньги только попрошайничеством. Даже если ему удастся собрать несколько медяков... Я видела, насколько безжалостны состоятельные люди в нашей деревне. Монстры нашего смертного мира ничуть не лучше монстров за стеной.

— Сколько для тебя стоит жизнь дочери? Думаешь, она равна жизни фэйри? — усмехнулся зверь.

Нэста всё ещё удерживала Элейн за своей спиной. Лицо Элейн такое же бледное как снег, влетающий сквозь открытые двери. Нэста, сдвинув брови, следила за каждым движением зверя. Она не смотрела на отца — она уже будто знала его ответ.

Когда отец промолчал, я осмелилась на ещё один шаг к зверю, чтобы привлечь его внимание к себе. Я должна избавиться от него — увести прочь от моей семьи. Судя по тому, как он отмахнулся от ножа, нет никакой надежды, что я смогу подкрасться к нему. Сомневаюсь, что с его слухом у меня будет шанс в ближайшее время, по крайней мере, пока он не верит, что я смирилась. Если я попытаюсь напасть или сбежать, он уничтожит мою семью просто ради удовольствия. После он снова найдёт меня. У меня нет выбора, кроме как

уйти. А затем, позже, я найду возможность перерезать ему горло. Или, по крайней мере, обезвредить на некоторое время, чтобы сбежать.

До тех пор, пока фэйри снова не найдут меня, они не смогут заставить меня отвечать по Договору. Пускай это и сделает меня проклятой клятвопреступницей. Но если я пойду с ним, я нарушу самое важное обещание в своей жизни. Это обещание перевешивает какой-то древний договор, который я даже не подписывала.

Я ослабила хватку на рукоятке оставшегося кинжала и надолго уставилась в зелёные глаза, прежде чем спросила:

— Когда мы пойдём?

Волчьи черты оставались жестокими — злобными. Всякая притаившаяся надежда на то, что я могу бороться, умерла, когда он переместился к двери — нет, к колчану, что я оставила там. Он вытащил стрелу из ясеня, понюхал и зарычал на неё. Двумя движениями он сломал её пополам и бросил в огонь позади сестёр, прежде чем обернуться ко мне. Я чувствовала запах смерти в его дыхании, когда он сказал:

— Сейчас.

Сейчас.

Даже Элейн подняла голову, чтобы в немом ужасе взглянуть на меня. Но я не могла смотреть на неё, не могла смотреть на Нэсту — не когда они всё ещё скорчившиеся и притихшие. Я повернулась к отцу. Его глаза блестели, потому я взглянула на несколько шкафов, что у нас были, на выцветшие слишком жёлтые нарциссы над изогнутыми ручками.

Сейчас.

Зверь остановился в дверном проёме. Я не хочу думать, куда я иду и что со мной будет. Бегство будет глупостью, пока не настанет подходящий момент.

— Оленины вам должно хватить на две недели, — сказала я отцу, пока собирала тёплые вещи. — Начните со свежего мяса, остальное завяльте — ты знаешь, как это делать.

— Фейра... — выдохнул отец, но я продолжала, застёгивая плащ.

— Деньги за шкуры я оставила на комод, — сказала я. — На какое-то время вам этого хватит, если будете бережливы.

Наконец, я снова посмотрела на отца и позволила себе запомнить черты его лица. В глазах щипало, но я сморгнула слёзы и натянула поношенные перчатки.

— Когда придёт весна, охотьтесь в роще к югу от большой излучины Серебряного Ручья — там достаточно кроликов. Попросите... попросите Айзека Хейла показать вам, как делаются ловушки. Я научила его в прошлом году.

Отец кивнул, прикрывая рот рукой. Зверь предупреждающе зарычал на него и ушёл в ночь. Я сделала шаг за ним, но остановилась, чтобы оглянуться на сестёр, всё ещё скорчившихся у огня, будто они не смели двигаться, пока я не ушла.

Элейн, скрючившись и опустив голову, одними губами шептала моё имя. Потому я посмотрела на Нэсту, чьё лицо так похоже на лицо матери, такое холодное и безжалостное.

— Что бы ты ни делала, — сказала я тихо. — Не выходи за Томаса Мандри. Его отец бьёт свою жену и ни один из его сыновей не останавливает его.

Глаза Нэсты расширились, а я добавила:

— Ушибы скрыть труднее, чем бедность.

Нэста застыла, но ничего не сказала — ни одна из моих сестёр не сказала ни слова — я повернулась к открытой двери. Но рука, сомкнувшаяся на запястье, заставила меня остановиться.

Повернув меня лицом к себе, отец открыл и закрыл рот. Зверь снаружи, почувствовав, что я задерживаюсь, сотряс дом рыком.

— Фейра, — сказал отец. Его пальцы дрожали, когда он схватил мои руки в перчатках, но его глаза стали яснее и смелее, чем я когда-либо видела за все эти годы. — Ты всегда была слишком хороша для этого места, Фейра. Слишком хороша для нас, слишком хороша для всех, — он сжал мои руки. — Если ты когда-нибудь сбежишь, или убедишь их, что уже выплатила долг, не возвращайся.

Я не ожидала душераздирающего прощания, но и *такого* я тоже не представляла.

— Никогда не возвращайся, — сказал отец, отпустив руки, чтобы встряхнуть меня за плечи. — Фейра, — он запнулся о моё имя, его горло дёргалось. — Ты идёшь к чему-то новому — создай своё имя.

За порогом, зверь был просто тенью. Жизнь за жизнь — а что, если оплатить жизнь означает потерять три другие? Этой одинокой мысли было достаточно, чтобы стать мне якорем.

Я никогда не говорила отцу о данном матери обещании, а объяснять сейчас не было смысла. Я сбросила его руки с плеч и ушла.

Я позволила хрусту снега под ногами вытеснить из головы слова отца, следуя за зверем в окутанные ночью леса.

Глава 5

Каждый шаг в сторону деревьев был слишком поспешным, слишком лёгким, слишком быстро ведущим к ожидающим мучениям и страданиям. Я не решалась оглянуться назад, на дом.

Мы вошли в лес. Его темнота манила.

Неподалёку у дерева спокойно ждала непривязанная белая кобыла, в лунном свете её шкура сверкала свежим снегом. Когда зверь приблизился, она только слегка склонила голову — как будто в знак уважения.

Он указал мне огромной лапой на неё. Даже когда он проходил достаточно близко, чтобы выпотрошить её одним ударом, лошадь осталась спокойной. С тех пор, как я последний раз ездила верхом, прошло много лет, и ездила я только на пони. Но, пока я — наполовину околевшая от холода, забиралась в седло, я наслаждалась теплом лошади. Она пошла шагом. Без света для ориентирования, я не мешала ей идти по следам зверя. Они были почти одного размера. Я не удивилась, когда мы свернули на север — к территории фэйри, хотя мой желудок и сжался до боли.

Жить с ним. Я могу прожить весь остаток моей смертной жизни в его землях. Возможно, это милосердие — только он не уточнил, каким образом, собственно, я буду жить. Договор запрещает фэйри держать нас как рабов, но, может быть, к людям, убившим фэйри, это не относится.

Вероятно, мы идём к какой-нибудь трещине в стене, через которую он пришёл за мной. И как только мы пройдем сквозь невидимую стену, как только мы окажемся в Прифиане, моя семья никогда не сможет найти меня. Я буду не более чем ягнёнок в мире волков. Волки. Волк.

Убила фэйри. Вот, что я сделала.

В горле пересохло. Я убила фэйри. Я не могу заставить себя сожалеть об этом. Не когда мне пришлось оставить мою семью голодать; не когда это означает на одно злобное и

жуткое существо в мире меньше. Зверь сжѐг ясеневую стрелу — мне должно крупно повезти, чтобы снова достать хотя бы кусочек древесины и убить зверя, когда выпадет шанс. Или замедлить его.

Знание об этой слабости, об их восприимчивости к ясеню, было единственным, что помогало нам выживать во времена восстания против Высших Фэ. Тайна, раскрытая одним из их вида.

Чем дальше я безуспешно высматривала узкие стволы с взрывами ветвей — заученные приметы ясеня — тем сильнее холодела в жилах кровь. Я никогда не видела леса таким неподвижным. То, что было там, признало опасным зверя рядом со мной. Кроме непринуждённо идущей за ним лошади. Надеюсь, он не подпустит близко других фэйри, когда мы пересечѐм границу его мира.

Прифиан. Слово снова и снова звучало похоронным звоном.

Земли — он сказал, у него есть земли, но какой дом? Лошадь прекрасна, седло сделано из дорогой кожи, что означает, что контакт с цивилизованной жизнью у него есть. Я никогда не слышала об особенностях жизни фэйри или Высших Фэ — никогда не слышала ни о чём, кроме как об их смертельных способностях и аппетитах. Я сжала поводья, чтобы унять дрожь в руках.

Есть всего несколько первоисточников знаний о Прифиане. Смертные, пересѐкшие стену — и отправленные добровольно как подношение от Детей Благословенных, и похищенные — никогда не возвращаются. Большинство легенд я узнала от жителей деревни, хотя изредка и отец рассказывал одну-две тихих истории по вечерам, когда он вспоминал о нашем существовании.

Насколько нам известно, Высшие Фэ по-прежнему контролируют северные части мира — от нашего огромного острова, отделѐнного от массивного материка узким морем, через бездонные фьорды, заледенелые пустоши, каменные пустыни и до великого океана на другой стороне. Некоторые территории фэйри — империи; другие их земли — под контролем королей и королев. Есть и такие места, как Прифиан, разделѐнные на части, где правят семь Высших Лордов — существа столь несокрушимой силы, что легенды говорят, что они могут стирать в порошок здания, разбивать армии и могут убить прежде, чем ты успеешь моргнуть. В этом я не сомневалась.

Никто никогда не рассказывал мне, почему люди решили задержаться на нашей территории, когда нам было оставлено настолько мало места и в такой близости от Прифиана. Дураки. Какие бы люди ни остались здесь после Войны, они наверняка были суицидальными дураками, чтобы жить так близко к Прифиану. Несмотря на многовековой Договор между мирами смертных и фэйри, в разделяющей наши земли стене есть трещины и дыры, достаточно большие, чтобы эти смертоносные существа проникали на нашу территорию для развлечений нашими мучениями.

Это сторона Прифиана, которую Дети Благословенных никогда не соизволят признать — возможно, сторона Прифиана, которой я скоро стану свидетелем. У меня свело желудок. *Жить с ним.* Я напоминала себе снова, снова и снова — *жить*, а не умереть.

Хотя, думаю, я так же могу *жить* и в подземной тюрьме. Он наверняка запрѐт меня и забудет, что я там. Забудет, что люди нуждаются в пище, воде и тепле.

Зверь мягко шѐл впереди. Его рога вились к ночному небу, горячие дыхание клубилось вокруг морды. В какой-то момент мы должны будем разбить лагерь — граница Прифиана в нескольких днях пути. Когда мы остановимся, я не сомкну глаз всю ночь и не выпущу его из

виду. Несмотря на то, что он сжёг мою ясеневую стрелу, в плаще я спрятала оставшийся нож. Может быть, этим вечером мне выпадет шанс использовать его.

Но в страх, ярость и отчаяние меня приводили мысли не только о моей судьбе. Пока мы продолжали путь и единственными звуками были хруст снега под лапами и копытами, я металась между проклятой уверенностью, что моя семья будет голодать, и пониманием, насколько необходимой я была. Меня ослепляла боль при мысли об отце, попрошайничающем на улицах, о выдающей его покалеченной ноге, когда он будет ковылять от человека к человеку. Каждый раз, глядя на зверя, я видела хромающего городом отца, вымаливающим медяки, чтобы мои сёстры выжили. Хуже этого — на что способна Нэста ради жизни Элейн. Она не будет против смерти отца. Но она будет лгать, красть и продавать что угодно ради Элейн — себя в том числе.

Я следила, как двигается зверь, пытаюсь выявить хоть какую-нибудь — *какую угодно* — слабость. Я не смогла найти ни одной.

— Из какого ты вида фэйри? — спросила я. Слова едва не утонули под снегом, деревьями и тяжёлым звёздным небом.

Он не обернулся. Он вообще ничего не сказал. Справедливо. В конце концов, я убила его друга.

Я попыталась снова.

— У тебя есть имя?

Или что-нибудь, чем его проклинать.

Резко выдохнутый воздух можно было принять за горький смешок.

— Для тебя это имеет значение, человек?

Я не ответила. Вскоре он может крупно пожалеть о том, что пощадил меня.

Но, возможно, я сбегу раньше, чем он решит выпотрошить меня. Я заберу свою семью, мы тайком проберёмся на корабль и уплывём так далеко отсюда, как только возможно. Я попробую убить его, независимо от тщетности, несмотря на то, что это будет ещё одно неспровоцированное нападение, только за то, что он пришёл требовать мою жизнь — человеческую жизнь, которую фэйри ценят так дёшево. Наёмница смогла выжить. Возможно, я тоже смогу. Возможно.

Я открыла рот, чтобы снова спросить его имя, но из его глотки вырвалось раздражённое рычание. У меня не было шанса сражаться или сопротивляться, когда тяжёлый, металлический резкий запах ударил в нос. Он швырнул в меня истощение и чернота полностью поглотила меня.

Я проснулась от встряски верхом на лошади, привязанная невидимой силой. Солнце было уже высоко.

Магия — вот, что это был за запах; вот, что крепко связывало меня, предотвращая попытки воспользоваться ножом. Из какой-то коллективной смертной памяти и ужаса, я узнала силу, сковавшую кости. Как долго я была без сознания? Как долго *он* держал меня в бессознательном состоянии, вместо того, чтобы говорить со мной?

Стиснув зубы, я бы потребовала у него ответов — я бы кричала на него, пока он всё так же лениво идёт вперёд, не обращая на меня внимания. Но мимо меня пролетели щебечущие птицы и мягкий ветер коснулся лица. Я заметила живую изгородь с окаймлёнными

металлом воротами впереди.

Моя тюрьма или моё спасение — я не могла определиться.

Два дня — путь от моего дома до стены и южной границы Прифиана занимает два дня. И всё это время я провела в магическом сне? Ублюдок.

Ворота распахнулись без привратника или часового, а зверь продолжал идти. Хотела я того или нет, моя лошадь последовала за ним.

Глава 6

Усадьба раскинулась на тонущей в зелени земле. Я никогда не видела ничего подобного. Даже наше бывшее поместье не шло ни в какое сравнение. Увитая розами и плющом, с террасами, балконами и лестницами, выступающими из алебастровых стен. Границы территории окружены лесом, но они так далеко, что я едва могла разглядеть кромку леса. Так много цвета, так много солнечного света, движения и текстур... Я не могла ими насытиться. Пытаться изобразить всё это красками бессмысленно, никогда не получится правдоподобно.

Трепет мог бы подавить страх, если бы здесь не было так пусто и тихо. Даже сад, через который мы шли по усыпанной гравием дороге к главному входу в дом, казался притихшим и спящим. Сквозь ароматы аметистовых ирисов, бледных подснежников и нежно-жёлтых нарциссов ветер доносил слабый запах металла, щекочущий ноздри.

Конечно, это магия, ведь здесь весна. Какими проклятыми силами они обладают, раз их земли настолько отличаются от наших, раз они могут контролировать сезоны и погоду так, будто те принадлежат им? Слои тёплой одежды стали удушающими, пот ручейками заструился по моей спине. Я размяла запястья и поёрзала в седле. Что бы меня ни удерживало, оно исчезло.

Фэйри держался впереди, одним плавным текучим движением он проворно перепрыгнул большую мраморную лестницу, ведущую к гигантским дубовым дверям. Двери бесшумно открылись для него и он зашёл внутрь. Без сомнений, он планировал этот приезд — он удерживал меня без сознания и я не знаю где я, не знаю дороги домой или какие ещё смертельно опасные территории фэйри могут разделять меня и стену. Я попыталась нащупать нож, но нашла только слои обтрёпанной одежды.

От мысли о когтях, шарящих по плащу в поисках ножа, во рту пересохло. Когда лошадь по своему желанию остановилась у подножья лестницы, я оттолкнула прочь ярость, ужас и отвращение. Достаточно прозрачный намёк. Казалось, возвышающийся дом наблюдает и ждёт.

Я оглянулась через плечо на всё ещё открытые ворота. Если я хочу сбежать, я должна сделать это сейчас.

Юг. Всё, что я должна сделать, это бежать на юг и, в конце концов, я окажусь у стены. Если по пути не столкнусь с чем-нибудь. Я потянула поводья, но кобыла не сдвинулась с места. Даже когда я вдавила каблуки ей в бока. Я резко выдохнула. Хорошо. Пешком.

Колени подогнулись, когда я спрыгнула на землю, вспышки света мелькали перед глазами. Боль и голод ударили по ощущениям и я, вздрогнув, вцепилась в седло. Сейчас. Я должна бежать *сейчас*. Я заставила себя попытаться сделать шаг, но мир перед глазами вращался и полыхал.

Только дурак будет бежать без пищи и сил.

В таком состоянии я и полмили не пройду. Как и обещал, он порвёт меня на куски

прежде, чем я преодолёю хотя бы полмили.

Я сделала длинный и дрожащий вдох. Еда — сначала достать пищу, *затем* бежать в следующий подходящий момент. Это уже больше похоже на план.

Когда у меня было достаточно сил, чтобы идти, я оставила лошадь у подножья лестницы и медленно, шаг за шагом, направилась вверх. Дыхание в груди спёрло, я прошла в открытые двери навстречу теням дома.

Внутри дом был ещё богаче. Под моими ногами сиял чёрно-белый клетчатый мрамор, стремящийся к бесчисленным дверям и широкой лестнице. Длинный коридор тянулся к огромным стеклянным дверям на другом конце дома, сквозь них я увидела второй сад, ещё более грандиозный, чем у главного входа. Никаких признаков подземелья — никаких криков о помощи из упрятанных под землю камер. Нет, только низкое рычание из соседней комнаты, настолько глубокое, что звенели переполненные пышными гроздьями гортензий вазы на столиках в коридоре. Будто в ответ, из множества открытых полированных деревянных дверей качнулись створки той, что слева от меня. Команда идти.

Мои пальцы дрожали, когда я тёрла глаза. Я знала, что когда-то Высшие Фэ строили себе дворцы и храмы по всему миру — здания, которые мои смертные предки уничтожали от злости — но я никогда не задумывалась, как они могут жить сейчас, какими богатствами и элегантностью могут обладать. Никогда не ожидала, что фэйри — эти дикие монстры, могут жить в лучших поместьях, чем кто-либо из смертных.

Войдя в комнату, я насторожилась.

Длинный стол — длиннее, чем какой-либо из нашего бывшего поместья — заполнял большую часть пространства. Стол ломился от еды и вин — так много еды, что рот наполнился слюной, над некоторыми блюдами ещё поднимался пар. По крайней мере, не странные деликатесы фэйри, а знакомая пища: курятина, хлеб, горох, рыба, спаржа, баранина... это мог бы быть банкет в любой смертной усадьбе. Очередной сюрприз. Зверь занял огромный стул во главе стола.

Я замешкалась на пороге, уставившись на еду — всю эту парующую, восхитительную еду — которую я не могла съесть. Первое правило, которое мы заучивали ещё детьми, обычно — в песнях или мелодичных строчках: если тебе не повезло встретиться с фэйри, никогда не пей их вин, никогда не ешь их пищи. Никогда. Если ты не хочешь, чтобы они поработили твой разум и душу — если не хочешь оказаться в Прифиане. Ну, вторая часть уже случилась, но у меня всё ещё есть шанс избежать первой.

Зверь плюхнулся на стул, древесина закрипела, и, во вспышке белого света, он обратился в золотоволосого мужчину.

Я подавила вскрик и заставила себя сдержаться от порыва скрыться за обшитой панелями стеной рядом с дверью, ухватившись за дверной наличник, я пыталась оценить расстояние между мной и побегом. Этот зверь не человек, не мелкий фэйри. Он один из Высших Фэ, один из их правящей знати: прекрасный, смертоносный и беспощадный.

Он молод — или, по меньшей мере, те части его лица, что я могла видеть, казались молодыми. Его нос, щёки и брови полностью скрывала изысканная золотая маска, инкрустированная изумрудами в форме изогнутых листьев. Очевидно, какая-то абсурдная мода Высших Фэ. Я могла видеть только его глаза — такие же, как и в зверином виде, сильные челюсти и губы, сжатые в тонкую линию.

— Ты должна что-то поесть, — сказал он.

В отличие от изящества маски, его тёмно-зелёная туника выглядела довольно просто,

единственным акцентом была кожаная перевязь через широкую грудь. Она была больше похожа на боевую, чем дань стилю, хотя я и не могла заметить на нём оружия. Не только один из Высших Фэ, но... ещё и воин.

Я не хотела вдумываться, что могло вынудить его носить одежду воина и старалась не слишком пялиться на сверкающую кожаную перевязь в льющихся из ряда окон за ним солнечных лучах. Уже несколько месяцев я не видела такого безоблачного неба. Он наполнил бокал вином из гранёного хрустального графина и выпил залпом. Будто он в этом нуждался.

Я медленно двигалась к двери, сердце билось так быстро, что я думала, меня стошнит. Холодный металл дверных петель уколол пальцы. Если я буду двигаться быстро, я смогу выбраться из дома и добежать до ворот за несколько секунд. Вне всяких сомнений, он быстрее — но опрокинутые на его пути симпатичные вещи и мебель в коридоре смогут его замедлить. Хотя изящно заострённые уши Фэ поймают малейший шорох с моей стороны.

— Кто ты? — удалось мне спросить.

Его светло-золотистые волосы так похожи на оттенок шерсти его зверино-го облика. Наверняка гигантские когти всё ещё просто таятся под его кожей.

— Сядь, — грубо сказал он, обведя жестом руки стол. — Ешь.

Заученные строчки снова и снова проносились в голове. Это того не стоит — утоление моего волчьего голода определённо не стоит риска разумом и душой.

Он низко зарычал.

— Или ты предпочтёшь упасть в обморок?

— Для людей это не безопасно, — выдавила я, опасаясь быть проклятой.

Он фыркнул от смеха — и в этом было больше зверино-го, чем в чём-либо ещё.

— Еда не отравлена, человек. Можешь поесть.

Странные зелёные глаза пригвоздили меня к месту, как будто он мог заметить каждый мускул в моём теле, готовый к бегству.

— Уходи, если хочешь, — добавил он, сверкнув зубами. — Я не твой тюремщик. Ворота открыты — ты можешь жить где угодно в Прифиане.

И, конечно, быть съеденной или замученной проклятыми фэйри. Несмотря на цивилизованность, чистоту и красоту этого места, я должна выбраться, должна вернуться. Обещание матери, какой бы холодной и самолюбивой она не была, всё, что у меня есть. Я не приблизилась к еде.

— Хорошо, — сказал он с рычанием, и принялся за еду.

Кто-то прошёл мимо меня, направляясь во главу стола, и мне не пришлось столкнуться с последствиями отказа.

— Ну? — сказал незнакомец — ещё один Высший Фэ: рыжеволосый и одетый в тонкую приглушённо-серебристую тунику.

Он тоже был в маске. Изобразив поклон сидящему мужчине, он скрестил руки. Я всё ещё жалась к стене и, каким-то образом, он меня не заметил.

— Что «ну»? — мой похититель склонил голову, движение животного, а не человека.

— Значит, Андрэс мёртв?

Мой похититель или спаситель, кем бы он ни был, кивнул.

— Мне жаль, — сказал он тихо.

— Как? — потребовал незнакомец. Костяшки его пальцев побелели, когда он сжал мускулистые руки.

— Стрела из ясеня, — ответил другой.

Его рыжеволосый собеседник зашипел.

— Зов Договора привёл меня к смертным. Я дал ей убежище. Девчонка — Андрэса убила смертная девчонка, — слова были пропитаны ядом. Он посмотрел в конец стола, где находился мой пустующий стул. — И зов признал её виновной.

Фэ в золотой маске негромко, горько рассмеялся и указал на меня.

— Магия Договора привела меня прямо к её порогу.

Незнакомец обернулся с плавной грацией. Его маска была бронзовой и стилизованной под лисьи черты, она скрывала всё, кроме нижней части лица — и неприятного рубленого шрама, спускающегося от брови к челюсти. Маска не прятала резное золотое глазное яблоко, заменяющее глаз, и двигающееся так, словно он мог использовать его. Оно зафиксировалось на мне.

Даже через всю комнату, я могла видеть, как другой его красно-коричневый глаз расширяется. Он шумно вдохнул, его губы дёрнулись и обнажили ровные белые зубы, и он обернулся ко второму фэйри.

— Ты шутишь, — сказал он тихо. — Это костлявое нечто убило *Андрэса* одной ясеновой стрелой?

Ублюдок. Полный ублюдок. Жаль, у меня сейчас нет стрелы — иначе я бы выстрелила в него.

— Она призналась, — с нажимом сказал золотоволосый, обводя край кубка пальцем. Появившийся длинный, смертоносный коготь оцарапал металл.

Я изо всех сил старалась сохранить спокойное дыхание. Особенно, когда он добавил:

— Она даже не пыталась отрицать.

Фэйри в лисьей маске опустил на край стола, лучи света путались в его длинных огненно-рыжих волосах. Его маску я могла понять — с этим зверским шрамом и недостающим глазом, но другой Высший Фэ казался нормальным. Возможно, он носит её из солидарности. Может быть, именно солидарностью объясняется эта абсурдная мода.

— Ну, — рыжеволосый кипел яростью. — Теперь мы застряли с *этим*, благодаря твоей бесполезной милости, и ты разрушил...

Я шагнула вперёд — только шаг. Я не была уверена, что собираюсь сказать, но когда он говорил таким тоном... Я не раскрывала рта, но и этого было достаточно.

— Ты наслаждалась убийством моего друга, человек? — сказал рыжеволосый. — Ты сомневалась или ненависть в твоём сердце не оставила места для мысли о пощаде? Должно быть, для такого мелкого смертного ничтожества, как ты, было приятно убить его.

Золотоволосый фэйри не сказал ничего, но его челюсть сжалась. Пока они изучали меня, я потянулась за ножом, которого не было.

— В любом случае, — продолжил фэйри в лисьей маске, с усмешкой поворачиваясь к собеседнику. Он, скорее всего, рассмеётся, если я когда-либо обращу против него оружие. — Может быть, есть способ...

— Люсьен, — тихо сказал мой похититель, в имени эхом слышался намёк на рык. — Веди себя как надо.

Люсьен напрягся, но спрыгнул с края стола и низко поклонился мне.

— Приношу свои извинения, леди, — ещё одна острота в мою сторону. — Я Люсьен. Придворный и эмиссар, — он размашисто указал на меня. — Твои глаза словно звёзды, а волосы будто золото блестящее.

Он склонил голову, в ожидании, что я скажу ему своё имя. Но говорить ему что-либо о себе, о моей семье и откуда я...

— Её зовут Фейра, — сказал хозяин положения — зверь. Наверно, он запомнил имя в моём доме. Поразительные зелёные глаза снова встретились с моими, а затем метнулись к двери. — Элис отведёт тебя в твою комнату. Ты можешь воспользоваться ванной и чистой одеждой.

Я не могла понять — было это оскорблением или нет. Твёрдая рука ухватила меня за локоть и я вздрогнула. Пухлая шатенка в простой медной маске птицы потянула меня за руку и наклонила голову в сторону двери позади нас. Поверх домотканой коричневой одежды, на ней был свежий белый фартук — прислуга. Значит, маски — это своего рода тенденция.

Если они так беспокоятся о своей одежде и даже о том, во что одета их прислуга, то, возможно, они достаточно поверхностны и тщеславны, чтобы я смогла обмануть их, несмотря на их искусную одежду воинов. Тем не менее, они Высшие Фэ. Я должна быть умной и спокойной, дожидаясь момента, когда смогу сбежать отсюда. Поэтому я позволила Элис увести меня. *Комната* — не камера. Что ж, небольшое облегчение.

Я едва сделала несколько шагов, когда Люсьен зарычал:

— Значит, вот как Котел поступает с нами? Она убила Андрэса? Мы никогда не должны были отправлять его туда — никто из них не должен был быть там. Это было глупое задание.

В его рыке больше горечи, чем угрозы. Он тоже может менять форму?

— Может, мы просто должны возразить — может, пора сказать *хватит*. Избавься от девчонки где-нибудь, убей её, мне не важно — она здесь только помеха. Она скорее вонзит нож тебе в спину, чем заговорит с тобой — или с кем-то из нас.

Я дышала спокойно, спина одеревенела и...

— Нет, — отрезал другой. — Пока мы не узнаем наверняка, что нет другого пути, мы не сделаем ход. Насчёт девушки — она останется. Целой и невредимой. Тема закрыта. Её жизнь в той лачуге была достаточно адской.

Я выдохнула, и мои щёки покраснели, когда я заметила, что Элис смотрит на меня. Я старалась не смотреть на неё. Лачуга — думаю, по сравнению с этим дворцом наш дом действительно выглядел лачугой.

— Тогда тебя ждёт тяжёлая работёнка, старина, — сказал Люсьен. — Я уверен, она отлично заменит Андрэса — может быть, она даже сможет тренироваться вместе с остальными на границе.

Раздражённый рык потряс воздух.

Безупречные, сверкающе залы поглотили меня прежде, чем я смогла услышать что-то ещё.

Элис провела меня через золотые и серебряные залы, пока мы не пришли в богатую спальню на втором этаже. Признаю, что не особо сопротивлялась, когда Элис и ещё две служанки — тоже в масках — искупали меня, подстригли и после выщипали как цыплёнка к обеду. Кто знает — я вполне могу оказаться их следующей закуской.

От тошноты при этой мысли меня спасало только обещание Высшего Фэ — вместо смерти жить остаток дней в Прифиане. Хотя эти фэйри и выглядели как люди, за исключением ушей, я никогда не слышала о том, как Высшие Фэ называют свою прислугу. Я

не решилась спросить или говорить с ними. Не когда их руки так близко ко мне, что я могла сосредоточиться только на том, чтобы не дрожать.

Тем не менее, я один раз взглянула на бархатное бирюзовое платье, которое Элис оставила на кровати, и, плотно завернувшись в белый халат и опустившись в кресло, я попросила вернуть мне старую одежду. Элис отказалась и тогда я снова умоляла, стараясь звучать как можно более трогательно, печально и жалостливо. Элис вылетела из комнаты. Я годами не носила платьев. И не собираюсь начинать, когда мой главный приоритет — побег. В платье я не смогу свободно двигаться.

Укутанная в халат, минуту за минутой я сидела и не слышала ничего, кроме щебетания птиц в саду за окнами. Ни криков, ни лязга оружия, ни намёка на избивание или пытки.

Спальня оказалась больше, чем весь наш дом. Бледно-зелёные стены с нежными набросками золотистых узоров, золотая лепнина. Я могла бы подумать, что всё это броско и аляповато, если бы мебель из слоновой кости и ковры не дополняли комнату настолько гармонично. Гигантская кровать в схожей цветовой гамме, как и занавеси, спускающиеся от изголовья кровати и колышущиеся на слабом ветру из открытых окон. Мой халат был из тончайшего шёлка, с кружевными краями — простой и достаточно изысканный, чтобы я провела пальцем вдоль отворотов.

Несколько историй, что я слышала, оказались ошибочны — или за пятьсот лет они запутались. Да, я всё ещё жертва, всё ещё рождённая слабой и бесполезной в сравнении с ними, но это место... мирное. Спокойное. Если это не иллюзия, как и лазейка в Договоре — уловка, чтобы я успокоилась, прежде чем они уничтожат меня. Высшие Фэ любят играть с едой.

Дверь скрипнула. Элис вернулась с ворохом одежды в руках. Она подняла мокрую сероватую рубашку.

— Ты хочешь надеть это?

Я уставилась на дыры по бокам и на рукавах.

— Оно развалилось на части, как только прачка опустила его в воду.

Она показала несколько коричневых обрывков.

— То, что осталось от твоих штанов.

Я сдержала проклятья, вертевшиеся на языке. Хоть она и прислуга, но она тоже может легко убить меня.

— Теперь ты наденешь платье? — требовательно спросила она.

Я знала, что должна встать и согласиться, но я отодвинулась глубже в кресло. Несколько мгновений Элис пристально смотрела на меня, прежде чем снова уйти.

Она вернулась с брюками и туникой насыщенных цветов, что хорошо шли мне. Немного вычурно, но я не жаловалась ни когда надела белую рубашку, ни когда застегнула тёмно-синюю тунику и пробежалась пальцами по колючей вышивке золотой нитью на лацканах. Эти вещи сами по себе стоят целое состояние — отметила бесполезная часть разума, которая восхищается прекрасными, странными и красочными вещами.

Когда отец разорился, я была слишком маленькой, чтобы помнить многое. Он вполне доверял мне, чтобы разрешить слоняться по его кабинетам, а иногда даже объяснял различные товары и их ценность, информацию о которых я давно уже забыла. Время в его кабинетах — полное ароматов экзотических специй и музыки на незнакомых языках — составляют большинство из моих немногих счастливых воспоминаний. Мне не нужно знать стоимость каждого из предметов в комнате, чтобы понять, что одни изумрудные шторы —

шёлковые с золотистым бархатом — смогли бы прокормить нас всю жизнь.

По спине пробежал холодок. С тех пор как я уехала, прошло несколько дней. Оленина уже наверняка заканчивается.

Элис согнала меня на стул с низкой спинкой у тёмного камина, и я не возражала, когда она провела расчёской по волосам и начала заплетать их.

— Практически сплошные кожа и кости, — сказала она, её пальцы смотрелись полными в сравнении с моим скальпом.

— Это то, что творит зима с небогатыми смертными, — ответила я, стараясь сдержать резкость тона.

Она фыркнула от смеха.

— Если ты такая умная, будешь держать рот на замке, а уши открытыми. Это тебе принесёт больше пользы, чем длинный язык. И держи своё остроумие при себе — даже твои чувства могут предать тебя здесь.

Я старалась не огрызнуться на предупреждение. Элис продолжила:

— Некоторые расстроены из-за Андрэса. Тем не менее, если ты меня спросишь — Андрэс был хорошим стражем, но он знал, с чем может столкнуться за стеной — знал, что, вероятно, найдёт неприятности. Остальные тоже понимают условия Договора — пусть их и возмущает твоё присутствие здесь, из-за милости нашего хозяина. Поэтому оставайся незаметной и никто из них не побеспокоит тебя. Хотя Люсьен — он может вынудить любого огрызаться, если у тебя хватит на это смелости.

Не хватит. Когда я хотела спросить больше о тех, кого мне нужно избегать, она уже закончила с причёской и открыла двери в коридор.

Глава 7

Когда Элис снова привела меня в столовую, Люсьен и золотоволосый Высший Фэ сидели, развалившись за столом. Перед ними больше не было тарелок, но они всё ещё пили из золотых бокалов. Настоящее золото — не краска или фальшивая позолота. Я замерла посреди комнаты, перед глазами промелькнули наши разнобойные столовые приборы. Такое богатство — ошеломляющее богатство, когда у нас нет ничего.

«Полудикий зверь» — назвала меня Нэста. Но по сравнению с ними, по сравнению с этим местом, по сравнению с элегантностью и лёгкостью, с которой они пьют из бокалов, то, как золотоволосый назвал меня человеком... для Высших Фэ мы все полудикие звери. Даже если шерсть и когти у них.

Еда по-прежнему оставалась на столе, гамма витающих в воздухе специй манила. Я умирала с голоду, голова кружилась.

Маска золотоволосого Высшего Фэ сверкала в последних лучах полуденного солнца.

— Прежде чем ты спросишь снова: еда не отравлена. Ты можешь поесть, — он указал на стул на другом конце стола. Ни следа когтей.

Когда я не сдвинулась с места, он резко выдохнул:

— Тогда чего ты хочешь?

Я ничего не сказала. *Поесть, сбежать, спасти свою семью...*

Люсьен медленно растягивал слова со своего места:

— Я говорил тебе, Тамлин, — он бросил взгляд в сторону друга. — Твои навыки общения с девушками определённо заржавели в последние десятилетия.

Тамлин. Он сердито посмотрел на Люсьена, повернувшись в кресле. Я старалась не

придавать особого значения очередной выданной Люсьеном крупице информации.
Десятилетия.

Тамлин выглядит немногим старше меня, но он один из бессмертных. Ему могут быть сотни лет. Тысячи. У меня во рту пересохло, пока я внимательно рассматривала их странные лица в масках — неземные, первородные, властные. Будто неизменные боги или адские придворные.

— Ну, — сказал Люсьен. Взгляд его уцелевшего красноватого глаза остановился на мне. — Теперь ты выглядишь не так плохо. И, полагаю, это облегчение, раз уж ты будешь жить с нами. Хотя туника не так хороша, как платье.

Волки, готовые наброситься — то, кто они есть, так же как их друг. Я слишком хорошо знаю о своей манере выражаться, поэтому глубоко вдохнула, прежде чем сказать:

— Я предпочла не надевать то платье.

— Почему нет? — промурлыкал Люсьен.

За меня ответил Тамлин.

— Потому что убить нас проще в штанах.

Внешне я сохранила хладнокровие, пытаюсь заставить сердце успокоиться, когда спросила:

— Теперь, когда я здесь, что... что вы собираетесь делать со мной?

Люсьен фыркнул, но Тамлин досадно прорычал:

— Просто сядь.

В конце стола был выдвинут пустой стул. Так много еды, над которой поднимается пар, и доносящиеся ароматы заманчивых специй. Видно, пока я мылась, слуги принесли новую пищу. Такое расточительство. Я сжала руки в кулаки.

— Мы не укусим, — сверкнувшие белые зубы Люсьена опровергали его слова.

Я избегала его взгляда, избегала этого странного движущегося металлического глаза, сфокусировавшегося на мне, пока я медленно шла к своему месту и садилась.

Тамлин поднялся, обошёл вокруг стола — ближе и ближе, каждое движение плавное и смертельное, чистокровный хищник с властью. Было усилием держаться неподвижно — особенно, когда он взял тарелку, поднёс её мне и свалил на неё мясо и соус.

— Я могу сама себя обслужить, — тихо сказала я. Что угодно. Что угодно, чтобы держать его подальше от меня.

Тамлин замер, так близко, что один удар спрятанных под кожей когтей может легко вырвать мне горло. Именно поэтому на кожаной перевязи нет оружия: зачем его использовать, когда ты сам оружие?

— Для человека большая честь — быть обслуженным Высшим Фэ, — грубо сказал он.

Я с трудом сглотнула. Он продолжал сваливать разнообразные продукты мне на тарелку до тех пор, пока она не ломилась от мяса, соусов и хлеба. Затем он наполнил мой стакан светлым игристым вином. Я облегчённо выдохнула, когда он ушёл обратно к своему месту, хотя он, наверно, мог услышать.

Я не хотела ничего больше, кроме как зарыться лицом в тарелку и съесть всё из неё, но я сложила руки на бёдрах и уставилась на двух фэйри.

Они смотрели на меня. Слишком пристально, чтобы это было случайно. Тамлин немного выпрямился и сказал:

— Ты выглядишь... лучше, чем раньше.

Это был комплимент? Я могу поклясться, что Люсьен ободряюще кивнул Тамлину.

— И твои волосы... чистые.

Возможно, жалкие попытки лести были моими голодными галлюцинациями. Тем не менее, я откинулась назад и продолжила говорить тихо и спокойно, так же, как я могла бы говорить с любым другим хищником.

— Высшие Фэ — аристократия фэйри?

Люсьен кашлянул и посмотрел на Тамлина.

— Забирай себе этот вопрос.

— Да, — сказал Тамлин. Он хмурился так, будто искал, что ещё мне сказать. Но хватило его всего лишь на: — Мы аристократия.

Прекрасно. Немногословный человек. Фэйри. Я убила его друга, я нежеланный гость. Я бы тоже не хотела говорить со мной.

— Так что вы собираетесь делать со мной теперь, когда я здесь?

— Ничего. Делай, что хочешь, — Тамлин не отводил глаз от моего лица.

— Значит, я не буду рабом? — решила спросить я.

Люсьен подавился вином. Но Тамлин не улыбнулся.

— Я не держу рабов.

Я проигнорировала ушедшую из груди тяжесть при этих словах.

— Но что я буду делать со своей жизнью здесь? — настаивала я. — Ты хочешь, чтобы я зарабатывала себе на пропитание? Работала? — глупый вопрос, если он не думал об этом, но... но я должна знать.

Тамлин застыл.

— Что ты будешь делать со своей жизнью — не моя проблема.

Люсьен многозначительно откашлялся и Тамлин одарил его свирепым взглядом. После обмена взглядами, которых я не могла понять, Тамлин вздохнул и сказал:

— У тебя есть какие-либо... интересы?

— Нет.

Не совсем правда, но я не собираюсь рассказывать ему о живописи. Не когда у него видимые проблемы с простым вежливым разговором со мной.

— Так по-человечески, — пробормотал Люсьен.

Губы Тамлина изогнулись в насмешке.

— Делай со своим временем, что хочешь. Просто держись подальше от неприятностей.

— То есть, я действительно останусь здесь навсегда, — но что я на самом деле имела в виду: *То есть, я останусь в роскоши, пока моя семья умирает от голода?*

— Не я составлял правила, — сухо сказал Тамлин.

— Моя семья *голодает*, — сказала я. Я не стеснялась умолять — не сейчас. Я дала слово и держала его так долго, что без него я никто и ничто. — Пожалуйста, позволь мне уйти. В правилах Договора обязаны быть какие-то другие лазейки, чтобы искупить вину.

— Искупить? — сказал Люсьен. — Ты хоть извинилась?

По-видимому, все попытки польстить мне исчезли. Я посмотрела прямо в оставшийся красноватый глаз Люсьена и сказала:

— Я сожалею.

Люсьен откинулся на спинку стула.

— Как ты убила его? Это был кровавый бой или просто хладнокровное убийство?

У меня позвоночник застыл.

— Я пустила в него ясеневую стрелу. Затем обычную — в глаз. Он не сопротивлялся.

После первого выстрела он просто смотрел на меня.

— Хотя он и не собирался тебя атаковать — ты всё равно убила его. И *освежевала* его, — прошипел Люсьен.

— Хватит, Люсьен, — сказал Тамлин своему придворному с рычанием. — Я не хочу слушать подробности.

Он повернулся ко мне, древний, жестокий и неуступчивый.

Я заговорила прежде, чем он успел что-либо сказать.

— Моя семья не протянет и месяца без меня.

Люсьен усмехнулся, я стиснула зубы.

— Вы знаете, что такое быть голодными? — спросила я, гнев разрастался и сметал любой здравый смысл. — Вы знаете, как это — не знать, когда сможешь поесть в следующий раз?

Тамлин стиснул челюсти.

— Твоя семья жива и обеспечена. Ты такого низкого мнения о фэйри, что веришь, будто я могу забрать их единственный источник дохода и питания и не заменить его?

Я выпрямилась.

— Ты клянёшься?

Даже если фэйри не могут лгать, мне нужно это услышать.

Низкий, скептический смех.

— Клянусь всем, что у меня есть.

— Почему ты не сказал мне, когда мы уходили из дома?

— Ты бы мне поверила? Ты хотя бы сейчас веришь мне? — когти Тамлина впились в подлокотники стула.

— С чего мне верить твоим словам? Все вы мастера выворачивать правду в вашу пользу.

— Некоторые скажут, что оскорблять Фэ в его доме неразумно, — отчеканил Тамлин. — Некоторые скажут, ты должна быть благодарна мне за то, что я нашёл тебя прежде, чем кто-то другой из моего рода пришёл требовать долг, не щадя твоей жизни и не предлагая тебе возможности жить в комфорте.

Я вскочила на ноги. Будь проклято благоразумие. Я собиралась ответить ударом на удар, когда невидимые руки сомкнулись на моих руках и усадили обратно на стул.

— О чём бы ты ни думала, лучше *не делай* этого, — сказал Тамлин.

Запах магии ударил в нос и я сидела смирно. Я пыталась покрутиться на стуле, проверяя невидимые узы. Но мои руки были надёжно зафиксированы, а спина до боли вдавлена в деревянную спинку стула. Я взглянула на нож рядом с тарелкой. Бесполезно или нет — я должна была ударить первой.

— Предупреждаю тебя только один раз, — слишком мягко сказал Тамлин. — Только один раз, а дальше всё зависит от тебя, человек. Меня не волнует, если ты уйдёшь жить куда-либо ещё в Прифиане. Но если ты пересечёшь стену, если ты сбежишь, обеспечивать твою семью больше никто не будет.

Его слова были как камень в голову. Если я сбегу, если я только *попытаюсь* сбежать, я наверняка обреку свою семью. Даже если отважусь рискнуть... если я смогу до них добраться, куда я смогу забрать их? Я не смогу увезти их далеко на корабле — и если мы доберёмся куда-то, где будет безопасно, у нас не будет, где жить. Но для него использовать благосостояние моей семьи против меня, чтобы бросить их на выживание, если я переступлю черту...

Я открыла рот, но от его рыка задрожали бокалы.

— Разве это не справедливая сделка? И если ты сбежишь, то вряд ли тебе повезёт с тем, кто следующим придёт вернуть тебя, — его когти скрылись под костяшками пальцев. — Еда не заколдована и в ней нет наркотиков, и если ты упадёшь в обморок, это будет твоя собственная вина. Так что ты будешь сидеть за столом и *есть*, Фейра. А Люсьен будет делать всё возможное, чтобы быть вежливым, — он бросил резкий взгляд в его сторону. Люсьен пожал плечами.

Невидимые узы ослабли, и я вздрогнула, когда мои руки ударились о дно стола. Узы на ногах и на талии остались нетронутыми. Один взгляд на горящие зелёные глаза Тамлина сказал мне, что я хотела узнать: его гость или нет, я не смогу подняться из-за стола до тех пор, пока не съем что-нибудь. О внезапных изменениях в плане побега я подумаю позже. Сейчас... пока что я посмотрела на серебряную вилку и осторожно подняла её.

Они по-прежнему смотрели на меня — наблюдали за каждым движением, за тем, как я нюхаю еду на своей тарелке. Никакого металлического запаха магии. И фэйри не могут лгать. Значит, он может быть прав насчёт еды. Наколов кусок курицы, я откусила кусочек.

Я едва удержалась от чавканья. Годами я не пробовала такой хорошей пищи. Даже пища, которую мы ели до банкротства, была немногим лучше пепла, по сравнению с этой. В тишине я съела всё, что было на тарелке. Прекрасно понимая, что Высшие Фэ следят за каждым моим укусом, я всё равно потянулась за второй порцией шоколадного торта, но еда исчезла. Просто исчезла, как будто её никогда и не было. Ни крошки.

С трудом сглотнув, я опустила вилку на стол и спрятала руки, чтобы они не смогли увидеть, как они начали дрожать.

— Ещё один кусок и твои кишки разорвутся, — сказал Тамлин, выпив из бокала.

Удерживающая меня магия ослабла. Беззвучное разрешение уйти.

— Спасибо за еду, — сказала я. Это было всё, о чём я могла думать.

— Не хочешь остаться и выпить вина? — со сладким ядом спросил Люсьен, развалившись на стуле.

Я упёрлась руками в стул, чтобы подняться.

— Я устала. Я бы хотела поспать.

— Последний раз я видел одного из вас несколько десятилетий назад, — протянул Люсьен. — Но вы, люди, не меняетесь. Так что я не думаю, что так неправильно спрашивать, почему ты считаешь нашу компанию настолько неприятной, когда мужчины на твоей родине не очень. Не на что смотреть.

На другой стороне стола, Тамлин пристально и предупреждающе посмотрел на своего эмиссара. Люсьен проигнорировал его.

— Вы — Высшие Фэ, — глухо сказала я. — Я бы спросила вас, почему вы вообще пригласили меня сюда и ужинаете со мной.

Глупо — я действительно должна была быть убита уже как минимум десять раз.

— Правда, — сказал Люсьен. — Но просвети меня: ты человеческая женщина, и ты готова есть горящие угли, лишь бы не оставаться с нами дольше, чем нужно. Не обращая внимания на это, — он указал рукой на металлический глаз и отвратительный шрам на его лице. — Безусловно, мы не так уж плохи, чтобы полюбоваться нами.

Типичные тщеславие и надменность фэйри. По крайней мере, об этом легенды не соврали. Я спрятала знания прочь.

— Если только у тебя нет кого-нибудь дома. Разве что к вашей лачуге не тянется

очередь женихов, в сравнении с которыми мы выглядим червями.

Он говорил так пренебрежительно, что я почувствовала удовлетворение, ответив:

— Я была близка с мужчиной в моей деревне.

До того, как этот Договор вырвал меня — до того, как стало ясно, что вы имеете право делать с нами, что захотите, а мы едва можем нанести вам ответный удар.

Тамлин и Люсьен обменялись взглядами, но спросил Тамлин:

— Ты влюблена в того человека?

— Нет, — сказала я так небрежно, как только могла.

Я не лгала, но даже если бы я чувствовала к Айзеку нечто подобное, мой ответ был бы тем же. И без того плохо, что Высшие Фэ знают о существовании моей семьи. Мне не нужно добавлять в этот список Айзека.

Фэйри снова обменялись взглядами.

— Ты... любишь кого-нибудь другого? — спросил Тамлин сквозь стиснутые зубы.

У меня вырвался смешок с оттенком истерики.

— Нет.

Я смотрела между ними. Ерунда. Эти смертоносные, бессмертные существа не смогли придумать ничего лучше этих вопросов?

— Это действительно то, что вы хотите узнать обо мне? Считаю ли я вас красивее человеческих мужчин и есть ли у меня мужчина дома? Зачем вообще спрашивать, когда я застряла здесь на остаток своей жизни?

Гнев заполнял все чувства.

— Мы хотим узнать больше о тебе, раз уж ты пробудешь здесь какое-то время, — сказал Тамлин. Его губы превратились в тонкую линию. — Но гордость Люсьена перебивает его манеры, — он вздохнул, как если бы он был готов покончить со мной. — Иди отдыхать. Большинство дней мы оба заняты, так что если тебе что-либо понадобится, попроси прислугу. Они помогут тебе.

— Почему? — спросила я. — С чего такая щедрость.

Во взгляде Люсьена читался тот же вопрос, учитывая, что я убила их приятеля. Тамлин посмотрел на меня долгим взглядом.

— Я и без того слишком часто убиваю, — наконец, сказал Тамлин, пожав широкими плечами. — А ты достаточно незначительна, чтобы раздражать кого-либо в усадьбе. По крайней мере, до тех пор, пока ты не решишь нас убивать.

Слабое тепло разлилось по шее и щекам. Незначительная — да, я незначительная в сравнении с их жизнью и властью. Такая же незначительная, как и выцветшие, облущенные узоры в нашем доме.

— Ну... — сказала я, не испытывая ни капли благодарности. — Спасибо.

Он слегка кивнул и жестом показал, что я могу идти. Отмахнулся. Как от жалкого человека, которым я и являюсь. Люсьен подпёр кулаком подбородок и одарил меня ленивой полуулыбкой.

Достаточно. Я поднялась на ноги и попятилась к двери. Повернуться к ним спиной, всё равно, что уходить от волка, решающего — пощадить твою жизнь или нет. Они ничего не сказали, когда я скрылась за дверью.

Секундой позже, по коридорам эхом разнёсся грубый смех Люсьена, за ним раздалось резкое злобное рычание, заткнувшее его.

Той ночью я спала спокойно, а замок на двери комнаты казался насмешкой и ни чем

больше.

Я проснулась до рассвета, но осталась в кровати и смотрела на филигранный потолок, наблюдала за растущей полоской света, пробивающейся сквозь шторы, наслаждалась мягкостью матраса. Обычно я выходила из дому с рассветом, каждое утро сёстры шипели на меня, что я так рано бужу их. Если бы я была дома, я бы уже шла в лес, не теряя ни минуты драгоценного солнечного света и слушая сонное щебетание немногочисленных зимних птиц. Вместо этого, эта спальня, тишина в доме и огромная, чужая и пустая кровать. Небольшая часть меня скучала за теплом тел сестёр рядом со мной.

Наверное, Нэста вытягивает ноги и улыбается дополнительному свободному месту. Наверняка она представляет меня в желудке фэйри — скорее всего, она воспользуется новостью, чтобы жители деревни хлопотали вокруг неё. Может быть, моя судьба подтолкнёт жителей к некоторым побрякам для моей семьи. Или, может быть, Тамлин дал им достаточно денег — или еды, или чего-то, что ещё он имел в виду под «обеспечением» — чтобы пережить зиму. Или, возможно, жители отвернутся от моей семьи, не желая иметь дел с людьми, связанными с Прифианом, и выгонят их из города.

Я спрятала лицо в подушке и натянула одеяло выше. Если Тамлин действительно их обеспечил, если эти компенсации прекратятся в момент, когда я пересеку стену, тогда моё возвращение больше их возмутит, чем обрадует.

Твои волосы... чистые.

Жалкий комплимент. Думаю, если он пригласил меня жить здесь, провести здесь остаток моих дней, он не может быть полностью... озлобленным. Возможно, он просто пытается сгладить наше довольно грубое начало. Может быть, я смогу найти способ убедить его найти какую-нибудь лазейку, с помощью которой можно обойти магию Договора. А если не способ убедить, то *кого-то*...

Мысли плавно перетекали от одной к другой, я пыталась разобраться в их путанице, когда дверной замок щёлкнул и...

Вскрик и глухой стук, и я вскочила, чтобы увидеть Элис на полу. Обрезок верёвки, который я сделала из отделки штор, сейчас болтался оттуда, где я приделала его, чтобы он ударил входящего по лицу. Это лучшее из того, что я могла сделать из того, что было под рукой.

— Прости, прости, — выпалила я, спрыгнув с кровати, но Элис уже поднялась, она отряхивала фартук и шипела на меня.

Она нахмурилась, увидев свисающую со светильника верёвку.

— Какого бездонного Котла...

— Я не думала, что кто-то может зайти сюда так рано, и я собиралась убрать это и...

Элис осмотрела меня с головы до пят.

— Думаешь, ударом верёвки по лицу ты остановишь меня и спасёшь себя от переломанных костей?

У меня кровь похолодела.

— Думаешь, ты можешь хоть как-то навредить нам?

Я хотела извиниться снова, но после насмешки передумала. Я скрестила руки.

— Это был предупреждающий колокольчик, чтобы я смогла убежать. Не ловушка.

Казалось, она уже готова плюнуть на меня, но тут её острые карие глаза сузились.

— Убежать от нас ты тоже не можешь, девочка.

— Знаю, — сказала я, моё сердце, наконец, успокоилось. — Но, по крайней мере, я бы знала, что умру.

Элис громко рассмеялась.

— Хозяин дал слово, что ты можешь здесь жить — *жить*, а не умереть. Мы выполняем его приказы, — она разглядывала свисающий кусок верёвки. — Ты испортила те прелестные шторы?

Я не хотела — я старалась не улыбаться, но уголки губ сами приподнялись. Элис подошла к подпорченным шторам и раздвинула их, открыв раскрашенное в глубокие фиолетово-голубые тона небо с брызгами оттенков горящего оранжевого и пурпурного от занимающегося на горизонте рассвета.

— Прости, — сказала я снова.

Элис щёлкнула языком.

— Во всяком случае, ты готова дать отпор, девочка. Я прощу тебе это.

Я открыла рот, чтобы ответить, но в комнату вошла другая женщина из прислуги в маске птицы — у неё в руках был поднос с завтраком. Она коротко пожелала мне доброго утра, оставила поднос на маленьком столике у окна и скрылась в примыкающей ванной. Комнату наполнил звук льющейся воды.

Я села за стол и изучила овсянку, яйца и бекон — *бекон*. Опять же, снова так похоже на пищу, что мы едим за стеной. Не знаю, почему я ожидала другого. Элис налила в чашку чего-то пахнущего и выглядящего как чай: насыщенный, ароматный чай, без сомнений — импортированный по огромной цене. В Прифиан и в граничащую с ним мою родину добраться не так просто.

— Что это за место? — тихо спросила я. — *Где* это место?

— Здесь безопасно и это всё, что тебе нужно знать, — сказала Элис, ставя чайник на место. — По крайней мере, в доме. Если будешь шататься по парку, держи своё остроумие при себе.

Хорошо — если она не ответила на *этот* вопрос... Я попытаюсь снова.

— Каких видов фэйри я должна опасаться?

— Всех, — сказала Элис. — Защита хозяина не безгранична. Они захотят затравить тебя и убить только за то, что ты человек — не смотря на то, что ты сделала с Андрэсом.

Очередной бесполезный ответ. Я вгрызлась в завтрак, смакуя каждый глоток богатого аромата чая, а Элис выскользнула в ванную комнату. Поев и искупавшись, я отказалась от помощи Элис и оделась сама в другую изысканную тунику — тёмно-фиолетовую, почти чёрную. Мне бы хотелось знать название оттенка, но, в любом случае, я запомнила его. Я натянула коричневые ботинки, в которых была вчера вечером, и села у мраморного туалетного столика, позволяя Элис заплести мокрые волосы. Я уставилась на своё отражение.

Оно мне не нравилось, хотя и не из-за самой внешности. У меня сравнительно прямой нос, ещё одна черта, унаследованная от матери. Я до сих пор помню, как она морщила нос в притворном веселье, когда один из её сказочно богатых друзей рассказывал несмешные шутки. По крайней мере, у меня мягкий рот отца, хотя он и выглядит нелепо со слишком острыми скулами и впалыми щеками. Я не могу заставить себя посмотреть в свои глаза со слегка приподнятыми внешними уголками. Я знаю, что увижу Нэсту или мать, вззирающих на

меня. Иногда я думала, что сестра оскорбляет меня из-за внешности. Я далека от уродства, но... Я свалила на Нэсту защиту слишком многих людей, которых мы любим и ненавидим. Слишком многих и для меня тоже.

Хотя, думаю, для Тамлина — для Высшего Фэ, привыкшего к эфирной и безупречной красоте — *должно* было быть трудно найти слова для комплимента. Ублюдок фэйри.

Элис доплела мою косу и я спрыгнула с места до того как она успела вплести маленькие цветы, которые она принесла с собой в корзинке. Я могла бы жить достойно своей тёзки, если бы не последствия нищеты, но меня это никогда и не заботило. В лесу красота ничего не значит.

Когда я спросила у Элис, что мне теперь делать — *что мне делать с остатком моей смертной жизни* — она пожала плечами и предложила прогуляться в саду. Я чуть не рассмеялась, но вовремя прикусила язык. Будет глупо оттолкнуть потенциального союзника. Я сомневалась, не доносит ли она Тамлину, поэтому пока не решалась вербовать её, но... По меньшей мере, прогулка даст мне шанс осмотреться и, возможно, найти кого-то, кто поможет мне с просьбой к Тамлину.

В коридорах оказалось пустынно и тихо — странно для такого огромного имения. Вчера они упоминали остальных, но я не видела и не слышала признаков присутствия кого-либо ещё. Мягкое дуновение ветра с ароматом... гиацинта, я узнала только потому, что они были в маленьком саду Элейн — коридоры растворились и я будто слышала приятное щебетание маленькой птички, которую не смогу услышать месяцами, пока не вернусь домой — если вообще когда-нибудь вернусь.

Я почти дошла до парадной лестницы, когда заметила картины.

Я не успела по-настоящему *осмотреться* вчера, но сейчас, в пустом коридоре, когда никто не смотрит... вспышка цвета на тёмном, мрачном фоне заставила меня остановиться, буйство цвета и фактур в позолоченной раме.

Я никогда — никогда — не видела ничего подобного.

«*Это всего лишь натюрморт*» — говорила часть меня. Так и было: зелёная стеклянная ваза с букетом разнообразных цветов, скрывающих узкое горлышко вазы цветами, листьями всевозможных форм, размеров и оттенков — розы, тюльпаны, выюнок, золотарник, кружевные бальзамины, пионы...

Какое же нужно умение, чтобы они выглядели настолько живыми, чтобы они выглядели *больше*, чем живыми... Просто ваза с цветами на тёмном фоне — не более того; казалось, цветы горят собственным светом, словно они горят наперекор теням. Сколько нужно мастерства, чтобы заставить стеклянную вазу удерживать этот свет, преломить свет в воде внутри, передать вес вазы, возвышающейся на каменном постаменте... Удивительно.

Я могла бы стоять и смотреть часами — бесчисленные картины по коридору могли бы занять весь мой день — но... сад. Планы.

Тем не менее, с тех пор, как я сюда попала, я не могу отрицать, что это место гораздо более... цивилизованное, чем я ожидала. Мирное, даже если я не хочу этого признавать.

Если Высшие Фэ действительно мягче, чем уверяют человеческие легенды и слухи, тогда, может быть, мне будет не так сложно убедить Элис в моих страданиях. Если я смогу завоевать доверие Элис, убедить её, что Договор не прав, требуя от меня такой расплаты, она сможет увидеть — есть ли способ избавить меня от этого долга и...

— Ты, — сказал кто-то, и я отскочила на шаг назад.

В свете из открытых стеклянных дверей в сад, передо мной возвышался мужской силуэт.

Тамлин. Он был в одежде воина, достаточно открытой, чтобы показать его загорелое тело, сейчас на перевязи были три простых ножа — каждый из них выглядел достаточно внушительно, чтобы понять, что ими меня выпотрошить так же легко, как и звериными когтями. Его светлые волосы были собраны сзади, оставив открытыми остроконечные уши и странную, но красивую маску.

— Куда ты собралась? — прозвучало достаточно грубо, почти как требование.

«Ты» — мне стало интересно, помнит ли он вообще моё имя.

Мне потребовалось время, чтобы собраться с силами и выровняться с полусогнутых ног.

— Доброе утро, — сказала я без эмоций.

В любом случае, это лучшее приветствие, чем «Ты».

— Ты сказал, я могу делать, что захочу. Я не думала, что я под домашним арестом.

Он сжал челюсти.

— Разумеется, ты не под домашним арестом.

Пока он говорил, я не смогла проигнорировать чистую мужскую красоту сильной челюсти, богатство золотисто-загорелой кожи. Он, вероятно, красивый — если он когда-нибудь снимает эту маску.

Когда он понял, что я не собираюсь отвечать, он обнажил зубы в чём-то, что, наверно, было попыткой улыбнуться, и сказал:

— Хочешь экскурсию?

— Нет, спасибо, — я хотела уйти, рядом с ним я чувствовала неловкость в каждом движении.

Он загородил мне дорогу — слишком близко, чтобы он понял это и отошёл на шаг назад.

— Я просидела в доме всё утро. Мне нужен свежий воздух.

«А ты достаточно незначительная, чтобы не быть помехой».

— Я в порядке, — сказала я, обходя его. — Ты... довольно великодушный, — я старалась верить в то, что говорю.

Неприятная полуулыбка, без сомнений — обман не сработал.

— У тебя какие-то трудности со мной?

— Нет, — тихо сказала я и вышла за дверь

Он негромко зарычал.

— Я не намерен убивать тебя, Фейра. Я не нарушаю обещаний.

Я почти споткнулась со ступеней в сад, когда обернулась через плечо. Он стоял наверху лестницы, такой же массивный и древний, как бледные камни имения.

— Убить — но не навредить? Очередная уловка? Та, которой воспользуется Люсьен или ещё кто-либо здесь?

— У них приказ не прикасаться к тебе.

— Однако я всё ещё в ловушке на твоей территории за нарушение правил, о существовании которых не подозревала. Почему твой друг был в лесу в тот день? Я думала, Договор запрещает вашему виду появляться в наших землях.

Он только смотрел на меня. Возможно, я зашла слишком далеко с вопросами. Возможно, он может на них ответить.

— Договор, — сказал он тихо. — Не запрещает нам ничего, кроме как использовать вас в качестве рабов. Стена не более чем неудобство. Если мы захотим, мы разрушим её и придём убить вас всех.

Я уже вынуждена жить в Прифиане вечно, но моя семья... Я рискнула спросить:

— А вы хотите разрушить стену?

Он осмотрел меня сверху донизу, будто решая, стоит ли мне объяснять.

— Я не заинтересован в землях смертных, но я не могу ответить за весь мой вид.

Но он так и не ответил на мой вопрос.

— Тогда что твой друг делал там?

Тамлин замер. Такой неземной, изначальная грациозность даже в дыхании.

— В этих краях... ходит болезнь. По Прифиану. Она существует уже около пятидесяти лет. Поэтому в этом доме и землях так пусто: большинство уехали. Болезнь распространяется медленно, но из-за неё магия действует... странно. Мои собственные силы уменьшаются из-за неё. Эти маски, — он тронул свою. — Последствия всплеска болезни на маскараде сорок девять лет назад. Даже теперь, мы не можем снять их.

Застрять в масках — почти на пятьдесят лет. Я бы сошла с ума, содрала бы кожу с лица.

— Когда ты был зверем, маски у тебя не было — как и у твоего друга.

— Коварство болезни.

Или жить как зверь, или жить в маске.

— Какого рода эта болезнь?

— Это не эпидемия — не чума и не недуг. Она сконцентрирована исключительно на магии, на обитателях Прифиана. Андрэс был за стеной в тот день, потому что я отправил его искать лекарство.

— Она действует на людей? — мой желудок сжался. — Она может распространиться за стену?

— Да, — сказал он. — Есть... вероятность, что она может поразить земли смертных, в том числе и твою местность. Больше я не знаю. Она медлительная, и сейчас твой вид в безопасности. В последние десятилетия прогресса болезни не было — магия стабилизировалась, хотя и ослабла.

Этими словами он признал, каким видит моё будущее: я никогда не вернусь домой, никогда не столкнусь с другим человеком, кому смогу раскрыть этот секрет об их уязвимости.

— Наёмница сказала мне, что она думает, будто фэйри собираются напасть. Это как-то связано?

Намёк на улыбку, возможно, немного удивлённую.

— Я не знаю. Ты часто общаешься с наёмниками?

— Я говорю со всеми, кто может рассказать мне что-то полезное.

Он выпрямился, и только его обещание не убивать меня удержало меня от порыва съёжиться. Он повёл плечами, будто стряхивая раздражение.

— Та задерживающая верёвка, что ты установила в комнате, была для меня?

Я выдохнула сквозь зубы.

— Ты можешь обвинить меня, если это так?

— Я могу обращаться зверем, но я цивилизованный, Фейра.

Итак, имя моё он помнит. Но я многозначительно посмотрела на его руки, на острые как лезвия кончики изогнутых когтей, проткнувших сквозь его смуглую кожу.

Заметив мой взгляд, он спрятал руки за спину.

— Увидимся за ужином, — резко сказал он.

Это была не просьба, но я кивнула ему и зашагала прочь между живыми изгородями, не

заботясь, куда иду, только бы подальше от него.

Болезнь в их землях, влияющая на магию, истощающая их... Магический вирус, который однажды придёт в мир людей. После стольких веков без волшебства, мы будем беззащитны против него — против всего, что болезнь способна сделать с людьми.

Интересно, предупредит ли кто-нибудь из Высших Фэ мой вид.

Мне не потребовалось много времени, чтобы узнать ответ.

Глава 8

Я притворялась, будто бесцельно брожу по тихому совершенному саду, мысленно отмечая тропинки и хитрые укромные места, где можно спрятаться в случае, если они мне понадобятся. Он забрал моё оружие, а я не настолько глупа, чтобы надеяться найти здесь ясень, из которого я могла бы сделать новое. Но на его перевязи были ножи; где-то на территории поместья должна быть оружейная. А если нет, тогда я найду другое оружие — украду, если придётся. На всякий случай.

Вчера вечером, осматривая комнату, я обнаружила, что на моём окне нет замка. Незаметно спуститься вниз по лозам глицинии будет не сложно — я достаточно взбиралась на деревья, чтобы не обращать внимания на высоту. Не то, что я планировала побег, но... по крайней мере, было бы неплохо знать, как действовать, если однажды я буду в отчаянии настолько, чтобы рискнуть.

Я не сомневалась в словах Тамлина о том, что остальной Прифиан смертелен для человека — и если на этих землях действительно существует болезнь... некоторое время мне лучше оставаться здесь.

Однако я не прекращу искать кого-то, кто сможет помочь мне с просьбой к Тамлину.

«Хотя Люсьен — он может вынудить любого огрызаться, если у тебя хватит на это смелости» — сказала мне вчера Элис.

Прогуливаясь, я грызла свои короткие ногти и учитывала любой возможный план и трудности. Я никогда не была особенно хороша в общении, никогда не умела вести словесные перепалки, в которых были так искусны сёстры и мать, но... я неплохо справлялась с продажей шкур на деревенском рынке.

Так что, возможно, я обращусь к эмиссару Тамлина, даже если он меня терпеть не может. Он явно заинтересован, чтобы меня здесь не было — он предложил *убить меня*. Может быть, он будет рад отправить меня обратно и сможет убедить Тамлина найти другой способ выполнения Договора. Даже если он будет один.

Я подошла к скамейке в укромном уголке цветущей наперстянки, когда услышала звуки шагов по гравии. Две пары лёгких, быстрых ног. Я выпрямилась, вглядываясь в дорогу, по которой пришла, но на тропинке никого не было.

Я остановилась у края открытого поля долговязых луговых лютиков. Яркое зелёно-жёлтое поле было пустынным. Позади меня возникла искривлённая дикая яблоня. Восхитительно цветущая, лепестки её цветков падали на скамейку, на которую я хотела сесть. Ветер зашелестел ветвями и водопад белых лепестков закружился вниз, словно снег.

Внимательным взглядом я пробежалась по саду и полю — осторожно, тщательно наблюдая и вслушиваясь, стараясь уловить звуки тех двух пар ног.

На дереве, как и за ним, ничего не было.

По спине пробежало колючее ощущение. Я провела вдоволь времени в лесу, чтобы доверять инстинктам.

Кто-то стоял за мной — возможно, двое. Негромкое презрительное фырканье и тихое хихиканье раздалось слишком близко. Сердце прыгнуло и застряло в горле.

Я бросила незаметный взгляд через плечо. Но краем глаза заметила только сверкающий серебристый свет.

Я должна обернуться. Должна встретиться лицом к лицу.

Хруст гравия, уже ближе. Боковым зрением я видела, как мерцающий свет разросся и разделился в две маленькие фигуры, не выше моей талии. Мои руки сжались в кулаки.

— Фейра! — голос Элис разнёсся над садом.

Я едва из кожи не выпрыгнула, когда она позвала меня снова.

— Фейра, ланч! — крикнула она.

Я повернулась, поднимая кулаки, как бы ни было это бесполезно, у меня на губах застыл крик, чтобы предупредить Элис о том, что рядом со мной.

Но сияние исчезло вместе с фырканьем и хихиканьем, а я оказалась перед статуей двух весёлых, скачущих ягнят. Я потёрла шею.

Элис позвала меня снова. Вернувшись в поместье, я судорожно вздохнула. Но даже когда я шла через живые изгороди, старательно повторяя свои шаги обратно к дому, я не могла отделаться от ощущения, что кто-то продолжал следить за мной — с интересом и желанием поиграть.

За ужином я украла нож. Просто чтобы было что-то — что угодно — чем я могу защититься.

Оказалось, что ужин — единственный приём пищи, к которому меня приглашают присоединиться. Это хорошо. Трижды в день садиться за стол в компании Тамлина и Люсьена было бы пытками. Я готова вытерпеть час за их роскошным столом, если так они будут думать, что я смирилась и не строю планов изменить судьбу.

Пока Люсьен возмущался Тамлину о какой-то неполадке магического резного глаза, который действительно позволял ему видеть, я спрятала нож в рукаве туники. Сердце билось так быстро, что я думала — они могут слышать, но Люсьен продолжал говорить, а внимание Тамлина оставалось направленным на придворного.

Думаю, я должна пожалеть их из-за масок, которые они вынуждены носить, и из-за болезни, заразившей их магию и народ. Но чем меньше я с ними общаюсь, тем лучше, особенно когда всё, что я говорю, Люсьену кажется уморительно человеческим и необразованным. Грубость ему моим планам не поможет. Завоевать его благосклонность будет нелегко, хотя бы из-за того, что я жива, а его друг — нет. Мне придётся договариваться с ним наедине, иначе я рискую слишком быстро вызвать подозрения у Тамлина.

Рыжие волосы Люсьена сияли в свете камина, цвета трепетали при каждом его движении, а в рукояти меча сверкали драгоценности — богато украшенный клинок, так непохожий на ножи на перевязи Тамлина, всё ещё пересекающей его грудь. Но здесь нет никого, против кого можно использовать меч. Несмотря на филигрань и инкрустацию драгоценными камнями, клинок достаточно большой, чтобы быть больше, чем украшением. Возможно, он должен что-то делать с теми невидимыми существами в саду. Может быть, Люсьен потерял глаз и получил шрам в бою. Я подавила дрожь.

Элис сказала, что в доме безопасно, но предупредила, чтобы я попридержала язык. Что

может таиться вне дома — или что способно использовать мои человеческие чувства против меня? До каких пределов распространяется приказ Тамлина не причинять мне вреда? Насколько велико его влияние?

Люсьен замолчал, усмешка мне сделала его шрам ещё отвратительнее.

— Ты любишь клинком или просто обдумываешь моё убийство, Фейра?

— Конечно, нет, — тихо сказала я и посмотрела на Тамлина.

Сияющие золотые пятнышки в его глазах заметны даже с другого конца стола. Сердце пустилось галопом. Что если он слышал, как я взяла нож, шёпот металла по дереву? Я заставила себя снова взглянуть на Люсьена.

Его ленивая, порочная ухмылка не исчезла. Быть культурной, вести себя хорошо и, по возможности, склонить его на свою сторону... Я могу это сделать.

Тишину нарушил Тамлин:

— Фейра любит охотиться.

— Я не люблю охотиться, — наверно, я должна была говорить более вежливо, но я продолжила. — Я охотилась из-за необходимости. С чего ты это взял?

Взгляд Тамлина был прямой, оценивающий.

— Иначе, почему ещё ты была в лесу в тот день? В твоём... доме были лук и стрелы.

Он почти сказал «*лачуга*».

— Когда я увидел руки твоего отца, я понял, что не он их использует, — он указал на мои покрытые рубцами, огрубевшие руки. — Ты сказала ему о продовольствии и деньгах за шкуры. Фэйри могут быть какими угодно, но не тупыми. Хотя ваши нелепые легенды именно так и утверждают.

Нелепая, незначительная.

Я устала на крошки хлеба и остатки соуса на золотой тарелке. Будь я дома, я бы вылизала тарелку дочиستا, умирая за любую лишнюю съестную крошку. А тарелки... Я могла бы купить упряжку лошадей, плуга и поле только за одну из них. Возмутительно.

Люсьен прокашлялся.

— Так или иначе, сколько тебе лет?

— Девятнадцать, — мило, воспитанно...

Люсьен цокнул.

— Такая юная, и такая мрачная. И уже опытная убийца.

Я сжала руки в кулаки, металл ножа нагрелся от кожи. Послушная, безобидная, приручённая... Я дала своей матери обещание и я сдержу его. Забота Тамлина о моей семье, не то же самое, что моя забота. Та безумная, маленькая мечта ещё может осуществиться: мои сёстры удачно вышли замуж, а я живу с отцом и у нас достаточно пищи для нас обоих, у меня есть время на рисование — или на изучение чего-то, что я захочу. Это всё ещё может сбыться — возможно, в далёких землях — если я когда-нибудь отделаюсь от этой сделки. Я ещё могу цепляться за обрывки этой мечты, хотя эти Высшие Фэ наверняка посмеются — как это типично по-человечески — думать мелко, хотеть так мало.

Тем не менее, любая крупная информация может помочь, а если я проявлю заинтересованность в них, возможно, они изменят своё отношение ко мне в лучшую сторону. Так что же это, как ни очередная ловушка в лесу? Поэтому я сказала:

— Значит, вот, что вы делаете с вашими жизнями? Щадите людей по Договору и отменно питаетесь?

Я бросила острый взгляд на перевязь Тамлина, воинскую одежду, клинок Люсьена.

Люсьен усмехнулся.

— Ещё мы танцуем с духами в полнолуние и крадём человеческих младенцев из колыбелей и оставляем вместо них подменшей...

— Разве... — перебил Тамлин, его глубокий голос прозвучал неожиданно мягко. — Разве твоя мать не рассказывала тебе ничего о нас?

Я ковырнула стол указательным пальцем, вогнав короткий ноготь в дерево.

— У моей матери не было времени рассказывать мне истории, — по крайней мере, эту часть своего прошлого я могу раскрыть.

Люсьен, в кои-то веки, не засмеялся. После довольно неестественной паузы, Тамлин спросил:

— Как она умерла?

Когда я приподняла брови, он добавил немного мягче:

— Я не увидел признаков старшей женщины в вашем доме.

Хищник или нет, в его жалости я не нуждаюсь. Но я сказала:

— Тиф. Когда мне было восемь, — я поднялась с места, чтобы уйти.

— Фейра, — сказал Тамлин, и я полуобернулась.

Его скулы напряглись.

Люсьен посмотрел между нами — взгляд металлического глаза блуждал — но промолчал. Тамлин тряхнул головой движением животного, и пробормотал:

— Я сожалею о твоей потере.

Я пыталась удержаться от гримасы, когда развернулась на каблуках и ушла. Я не хочу и не нуждаюсь в его соболезнованиях — не из-за матери, не когда я не тосковала по ней годами. Пусть Тамлин принимает меня за грубого, неотёсанного человека, не стоящего его забот.

Лучше я попробую убедить Люсьена поговорить за меня с Тамлином — и поскорее, прежде чем появятся остальные, кого они упоминали, или их болезнь вспыхнет с новой силой. Завтра — завтра я поговорю с Люсьеном, испытаю его немного.

У себя в комнате я нашла небольшой рюкзак в шкафу и собрала в него запасной комплект одежды и украденный нож. Жалкое лезвие, но столовый прибор лучше, чем ничего. Просто на случай, если меня когда-нибудь отпустят — чтобы я могла уйти в тот же момент.

Просто на случай.

Глава 9

Следующим утром, пока Элис и другие женщины из прислуги готовили для меня ванну, я обдумывала план. Тамлин упоминал, что у них с Люсьеном разные обязанности, и, помимо этого, сбежав вчера от него в сад, я не заметила ни одного из них поблизости. Итак, в первую очередь мне нужно найти Люсьена — одного.

Небрежный вопрос — и Элис проговорила, что сегодня Люсьен в пограничном патруле и сейчас он в конюшнях, готовится к отъезду.

Я шла через сады, спеша к уже показавшимся на горизонте зданиям, которые заметила вчера, когда за спиной прозвучал голос Тамлина:

— Сегодня никаких верёвочных ловушек?

Я замерла на полушаге и обернулась через плечо. Он стоял в нескольких шагах от меня.

Как ему удалось так бесшумно подкрасться по гравию? Не иначе как уловки фэйри. Я

заставила спокойствие побежать по венам и утихомирить мысли. И сказала так вежливо, как только смогла:

— Ты сказал — здесь я в безопасности. Я услышала.

Его глаза слегка сузились, но он попытался любезно улыбнуться, как мне показалось.

— Моя утренняя работа перенеслась, — сказал он.

В самом деле, вместо обычной туники и перевязи, на нём белая рубашка с закатанными до локтей рукавами, открывающая загорелые мускулистые руки.

— Если ты хочешь верховую прогулку по окрестностям — если ты заинтересована в своём новом... доме, я могу взять тебя с собой.

Опять. Столько усилий быть вежливым, будто каждое слово причиняет ему боль. Может, в итоге, Люсьен сможет повлиять на него. А до тех пор... сколько я смогу отделяться от него, если он вкладывает столько усилий, чтобы заставить своих людей клясться не навредить мне, чтобы защищать меня от Договора? Я вежливо улыбнулась и сказала:

— Мне бы хотелось провести день в одиночестве. Но спасибо за предложение.

Он напрягся.

— Как насчёт...

— Нет, спасибо, — перебила я, слегка удивившись собственной дерзости.

Но я должна поймать Люсьена в одиночестве, должна переговорить с ним. Возможно, он уже уехал.

Тамлин сжал руки в кулаки, словно борясь с проступающими когтями. Но он не упрекнул меня, он ничего не сделал, кроме как развернулся и ушёл обратно в дом, не проронив ни слова.

Вскоре, если мне повезёт, Тамлин больше не будет моей проблемой. Я поспешила к конюшням, выбрасывая эту ситуацию из головы. Возможно однажды, если я когда-нибудь отсюда выберусь, если нас будут разделять океаны и года, я мысленно вернусь назад и подумаю, почему ему не всё равно.

Когда я, наконец, добралась до довольно неплохо расписанных конюшен, я старалась выглядеть не слишком нетерпеливой и не слишком запыхавшейся. Меня не удивило, что все конюхи были в лошадиных масках. Я ощутила к ним толику жалости за то, что болезнь сделала с ними, за то, что они вынуждены носить эти нелепые маски до тех пор, пока кто-то не выяснит, как разрушить магию, приклеившую маски к их лицам. Но ни один из конюхов даже не взглянул на меня — или потому, что я того не стою, или потому, что они ненавидят меня из-за смерти Андрэса. Я не виню их.

Все попытки выглядеть непринуждённо провалились, когда я всё-таки нашла Люсьена верхом на чёрном мерине. Он ухмыльнулся слишком белыми зубами, глядя на меня сверху вниз.

— Доброе утро, Фейра.

Я попыталась скрыть сковавшее плечи напряжение и попробовала хоть немного улыбнуться.

— Собираешься на прогулку, или просто пересматриваешь предложение Тэма жить с нами?

Я старалась вспомнить подготовленные заранее слова для его завоевания, но он смеялся — и не особо по-доброму.

— Поехали. Сегодня я патрулирую южные леса и мне любопытны... способности,

благодаря которым ты убила моего друга — они дань случайности или нет. Я давно не сталкивался с людьми, не говоря уже об убийцах-Фэ. Побалуй меня охотой.

Отлично. По крайней мере, эта часть прошла хорошо, даже если и выглядела так же очаровательно, как встреча с медведем в его берлоге. Я отошла в сторону, пропустив конюха. Его движения были поразительно плавными, как и у всех здесь. Он не смотрел на меня, он будто не замечал присутствия *убийцы-Фэ* на его конюшне.

Однако мой способ охотиться не предполагает верховой езды. Моя охота — это осторожное преследование и тщательно продуманные ловушки и капканы. Я не знаю, как охотиться верхом на лошади. Вернувшийся конюх принёс колчан стрел, Люсьен забрал его с кивком благодарности. Улыбка не отразилась в глазах Люсьена — ни в металлическом, ни в красно-коричневом.

— К сожалению, ясеневых стрел сегодня нет.

Я стиснула челюсти, чтобы удержать рвущуюся с языка остроту. Не понимаю — если ему запрещено вредить мне, почему он пригласил меня с собой? Чтобы издеваться надо мной любым доступным ему способом? Или ему действительно настолько скучно. Мне же лучше.

Так что я как можно безразличнее пожала плечами.

— Ну... Думаю, для охоты я уже одета.

— Прекрасно, — сказал Люсьен. Его металлический глаз мерцал в свете косых солнечных лучей из открытых ворот конюшни.

Я молилась, чтобы там ни показался Тамлин — молилась, чтобы он не решил в одиночестве прогуляться верхом и не поймал нас здесь.

— Тогда поехали, — сказала я, и Люсьен жестом указал конюхам подготовить лошадь.

В ожидании, я прислонилась к деревянной стене, не спуская глаз с ворот в признаках появления Тамлина, и мягко отвечала на замечания Люсьена о погоде.

К счастью, вскоре я уже сидела верхом на белой кобыле и в компании Люсьена ехала по окутанному весной лесам, раскинувшимся за пределами садов. На широком пути я держалась на значительном расстоянии от фэйри в лисьей маске и надеялась, что его глаз не может видеть сквозь затылок.

Эта мысль не укладывалась в голове и я выбросила её подальше вместе с той частью меня, что восхищалась игрой солнечного света в листьях, яркими пурпурными вспышками гроздей крокусов среди зелёных и коричневых оттенков. Эти наблюдения не имели никакого отношения к моим планам, бесполезные детали только отвлекали от всего остального. Форма и уклон пути, на какие деревья проще всего забраться, звуки близлежащих источников воды — вот то, что когда-нибудь может понадобиться мне для выживания. Но, как и остальная территория поместья, лес был совершенно пустынным. Никаких следов фэйри, как и никаких рыскающих Высших Фэ. Тем лучше.

— Ну, ты, конечно, предпочитаешь безмолвное преследование, — Люсьен, осадив мерина, поравнялся со мной.

Хорошо. Пусть лучше он приблизится ко мне, чем я буду выглядеть слишком настойчивой и дружелюбной.

Я поправила ремень колчана на груди, пробежалась пальцами по гладкому изгибу тисового лука на коленях. Этот лук больше чем тот, которым я пользовалась дома, стрелы тяжелее и наконечники массивнее. Какую бы цель я не выбрала, я наверняка промахнусь, пока не приспособлюсь к весу и балансу лука.

Пять лет назад я взяла последние медяки у отца, оставшиеся от нашего бывшего состояния, и купила лук и стрелы. С тех пор, я каждый месяц выделяла небольшую сумму на стрелы и замену тетивы.

— Ну? — настаивал Люсьен. — Нет достаточно хорошей дичи для тебя? Мы проехали довольно много белок и птиц.

Лучи пробивались сквозь кроны деревьев и падали на его лисью маску — она искрилась светлыми и тёмными металлическими отблесками.

— Мне кажется, у вас на столе достаточно пищи и мне не нужно ничего добавлять к нему. Тем более, когда большинство блюд остаются нетронутыми.

Сомневаюсь, что белка достойна их стола.

Люсьен фыркнул, но больше ничего не сказал. Мы проехали мимо цветущей сирени, её низкие фиолетовые кисти задели меня по щеке, словно холодные бархатистые пальцы. Мы поехали дальше, а сладкий, свежий аромат остался. *«Бесполезные наблюдения»* — сказала себе я. Хотя... густой кустарник может быть неплохим укрытием, если оно мне понадобится.

— Ты говорил, ты эмиссар Тамлина, — решила я. — Разве эмиссары обычно патрулируют территории?

Небрежный, безразличный вопрос.

Люсьен щёлкнул языком.

— Я эмиссар Тамлина в официальных обстоятельствах, а патруль был обязанностью Андрэса. Кто-то должен был заменить его. Для меня это честь.

Я с трудом сглотнула. У Андрэса было своё место, свои друзья — он не был каким-то безымянным и безликим фэйри. За ним скучают больше, чем за мной. Не сомневаюсь.

— Мне... жаль, — сказала я — и это была правда. — Я не знала, сколько он значит для всех вас.

Люсьен пожал плечами.

— Тамлин сказал то же самое, потому он и привёз тебя сюда. Или, быть может, ты выглядела настолько жалко в тех лохмотьях, что он пожалел тебя.

— Я бы не поехала с тобой, если бы знала, что ты используешь эту поездку в качестве предлога оскорбить меня.

Элис упоминала, что Люсьен может использовать тех, кто огрызается с ним. Достаточно просто.

Люсьен хмыкнул.

— Мои извинения, Фейра.

Я бы назвала его лжецом за эти извинения, если бы не знала, что он не может лгать. Но что делает извинения... искренними? Не могу разобраться в этом.

— Итак, — сказал он. — Когда ты собираешься начать уговаривать меня просить Тамлина найти способ освободить тебя от условий Договора?

Я пыталась не дрожать.

— Что?

— Вот почему ты согласилась прогуляться со мной, не так ли? Иначе, почему ты оказалась в конюшнях ровно в тот момент, когда я уезжал? — он искоса взглянул на меня красно-коричневым глазом. — Честно говоря, я удивлён и польщён, что ты думала, будто у меня есть такое влияние на Тамлина.

Я не буду раскрывать карты — ещё нет.

— О чём ты...

Он вскинул голову, это было достаточным ответом. Он фыркнул от смеха и сказал:

— Прежде чем ты потратишь один из ваших драгоценных человеческих вдохов, позволь прояснить тебе две вещи. Первая: будь моя воля, ты бы ушла, поэтому тебе не пришлось бы особо убеждать меня. Вторая: как я хочу — быть не может, потому что альтернативы требованиям Договора нет. Нет никаких лазеек.

— Но... но должно быть что-то...

— Я восхищаюсь твоей дерзостью, Фейра. Правда. Или, возможно, это тупость. Не поскольку Тэм тебя не выпотрошил, что, как по мне, было бы оптимальным вариантом, ты застряла здесь. Если ты, конечно, не хочешь бродяжничать в одиночку по Прифиану, чего, — он осмотрел меня с ног до головы. — Я бы не советовал.

Нет. Нет, я не могу просто... просто *остаться здесь*. Навсегда. Пока не умру. Может быть... Может, есть ещё какой-либо способ, или кто-то ещё, кто сможет найти выход. Я справилась с неровным дыханием, отогнав панику и глупые мысли.

— Героические усилия, — сказал Люсьен с усмешкой.

Я не стала скрывать брошенного на него свирепого взгляда.

Мы ехали в тишине и, помимо нескольких птиц и белок, я не увидела и не услышала ничего необычного. Спустя несколько минут, мне удалось достаточно успокоить разбушевавшиеся мысли, чтобы сказать:

— Где остальные из двора Тамлина? Они все сбежали из-за болезни магии?

— Откуда ты знаешь о дворе? — он спросил так быстро, что я поняла — он думает, я имею в виду нечто иное.

Я не подала виду.

— Разве в обычных поместьях есть эмиссары? И непрерывно щебечущая прислуга. Не из-за этого ли вы заставили надеть их маски птиц на том празднике?

Люсьен нахмурился и его щрам напрягся.

— Каждый из нас сам выбирал, что надеть в тот вечер в честь дара Тамлина менять облик. Прислуга тоже. Но сейчас, если бы мы могли, мы бы содрали их голыми руками, — сказал он и дёрнул свою маску. Она не сдвинулась.

— Что случилось с магией? Из-за чего она так подействовала?

Люсьен резко рассмеялся.

— Нечто пришло из задницы Ада, — сказал он и, оглядевшись вокруг, признался. — Я не должен был так говорить. Если слова дойдут до неё...

— Кого?

Его загорелая кожа побледнела. Он провёл рукой по волосам.

— Неважно. Чем меньше ты знаешь, тем лучше. Тэм не счёл проблемой рассказывать тебе о вирусе, но я думаю, что человек вполне способен продать любую информацию по лучшей цене в своих целях.

Я вспыхнула, однако раскрытые им несколько кусочков информации сверкали передо мной драгоценными камнями. «Она» — кто пугает Люсьена достаточно, чтобы он волновался и боялся, что кто-то может слушать, шпионить, контролировать его поведение. Даже здесь. Я тщательно всматривалась в тени между деревьев, но ничего не заметила.

Прифианом правят семь Высших Лордов — возможно, «она» контролирует эти территории; если не Высший Лорд, то Высшая Леди. Если такое вообще возможно.

— Сколько тебе лет? — спросила я, надеясь, что он ещё раскроет какую-нибудь полезную информацию. Это лучше, чем не знать ничего.

— Достаточно, — сказал он.

Он вглядывался в чашу, но у меня было ощущение, что его мечущийся взгляд высматривает не добычу. Его плечи были слишком напряжены.

— Что у тебя за силы? Ты можешь менять облик как Тамлин?

Он вздохнул, глядя в небо, прежде чем настороженно посмотрел на меня, он прищурил металлический глаз, тот пугающе сфокусировался.

— Пытаешься выяснить мои слабости, чтобы ты смогла...

Я сердито уставилась на него.

— Хорошо. Нет, я не могу менять облик. Только Тэм может.

— Но ваш друг — он был волком. Только если это не был его...

— Нет, нет. Андрэс тоже был Высшим Фэ. Тэм может менять наши облики, если возникает необходимость. Хотя он и использует эту силу только на своих патрульных. Когда Андрэс шёл за стену, Тэм изменил его облик на волчий, чтобы, как фэйри, он остался незамеченным. Впрочем, его размеры наверняка были вполне красноречивы.

По спине прошла дрожь, достаточно сильная, чтобы я не заметила направленного на меня красноватого взгляда Люсьена. У меня не хватило смелости спросить, может ли Тамлин изменить мой облик.

— Как бы то ни было, — продолжил Люсьен. — У Высших Фэ нет специфических сил, как у низших фэйри. У меня нет прирождённых способностей, если ты об этом. Я не могу очистить всё в пределах видимости, не могу заманивать смертных под воду и не смогу ответить на все твои вопросы, если ты поймаешь меня в ловушку. Мы просто существуем. Чтобы править.

Я отвернулась в сторону, чтобы он не увидел, как я закатила глаза.

— Думаю, если бы я была одной из вас, я была бы одной из фэйри, не из Высших Фэ? Как Элис — низшей фэйри, во всём прислуживающей вам?

Он не ответил, это было равносильно «да». Не удивительно, что Люсьен с таким высокомерием отнёсся к замене мной его друга, посчитал её отвратительной. И поскольку он, вероятно, будет вечно меня ненавидеть, поскольку он оборвал мои интриги ещё до их начала, я спросила:

— Откуда у тебя этот шрам?

— Не держал язык за зубами, когда было нужно, и поплатился за это.

— Это сделал Тамлин?

— Котёл, нет. Его там не было. Но и от него мне позже досталось.

Больше похоже на ответы без ответов.

— Значит, существуют фэйри, которые действительно могут ответить на любые вопросы, если ты их поймашь?

Возможно, они знают, как я могу избавиться от условий Договора.

— Да, — сказал он сухо. — Суриэль. Но они старые и озлобленные и их поиски не стоят тех опасностей, через которые придётся пройти. А если ты настолько глупа, чтобы выглядеть такой заинтригованной, я могу стать на редкость подозрительным и сказать Тэму посадить тебя под домашний арест. Хотя я считаю, ты заслуживаешь этого, если и вправду настолько глупа, чтобы искать одного из них.

Если он так забеспокоился, значит, они скрываются где-то поблизости. Люсьен резко повернул голову вправо, прислушался, его глаз тихо жужжал. У меня волосы на затылке дыбом встали, и в мгновение ока я подняла лук и нацелила его в направлении взгляда

Люсьена.

— Опустит лук, — жёстко прошептал он, понизив голос. — Опустит свой чёртов лук, человек, и смотри только вперёд.

Я сделала так, как он сказал. У меня волосы на руках зашевелились, когда что-то зашелестело в чаще.

— Не реагируй, — сказал Люсьен, переведя взгляд вперёд. Металлический глаз бесшумно замер. — Не важно, что ты увидишь или почувствуешь — не реагируй. *Не оглядывайся.* Смотри только вперёд.

Я задрожала, вцепившись потными руками в поводья. Я могла бы подумать, что это какая-то ужасная шутка, но лицо Люсьена побледнело. Лошади прижали уши, но продолжали идти, словно они тоже поняли приказ Люсьена.

И тогда я это почувствовала.

Глава 10

Моя кровь застыла, когда леденящий, врывающийся холод охватил округу. Я ничего не видела, только улавливала смутное мерцание боковым зрением, но лошадь подо мной напряглась. Усилием воли я сохраняла на лице невозмутимость. Даже ароматный весенний лес, казалось, изменился, поблёл и заледенел.

Нечто холодное, кружась, прошелестело мимо. Я не могла ничего видеть, но я могла *чувствовать* это. А в глубине сознания, древний, глухой голос прошептал:

«Я раздроблю твои кости когтями. Я выпью твой костный мозг. Я полакомлюсь твоей плотью. Я то, чего ты боишься. Я то, что тебя пугает... Взгляни на меня. Смотри на меня»

Я пыталась сглотнуть, но в горле словно комок застрял. Я не отрывала взгляда от деревьев, от их крон, от чего угодно, но ледяное нечто кружило над нами снова и снова.

«Смотри на меня»

Я хотела посмотреть — мне нужно увидеть, что это.

«Смотри на меня»

Я уставилась на грубый ствол вяза вдаль, думая о приятных мелочах. Таких как горячий хлеб и полный желудок...

«Ты будешь в моём желудке. Я сожру тебя. Посмотри на меня»

Безоблачное звёздное ночное небо — мирное, мерцающее и бесконечное. Летний рассвет. Освежающее купание в лесной заводи. Встречи с Айзеком, когда на час или два я теряла себя в его теле, в нашем дыхании.

Оно всё ещё было рядом с нами, такое холодное, что у меня зуб на зуб не попадал.

«Смотри на меня»

Не решаясь моргнуть, я смотрела и смотрела на тот ствол дерева, надеясь, что он хоть когда-то приблизится. От напряжения глаза заслезились и я закрыла их, отказываясь признавать нечто, кружащее вокруг нас.

«Смотри на меня»

И когда я уже думала сдаться, когда от стараний *не смотреть* болели глаза, холод исчез в чаще, оставив за собой след из неподвижных, бесшумных растений. Только после того, как Люсьен выдохнул, а наши лошади встряхнули головами, я расслабилась в седле. Казалось, даже крокусы снова расправились.

— Что это было? — спросила я, смахивая слёзы с лица.

Люсьен всё ещё был бледен.

— Ты не хочешь этого знать.

— Пожалуйста. Это был... Суриэль, о котором ты говорил?

Красновато-коричневый глаз Люсьена потемнел, а голос звучал хрипло, когда он ответил:

— Нет. Это было существо, которого не должно быть в этих землях. Мы называем его Богги. Ты не можешь охотиться на него и ты не можешь убить его. Даже с твоими любимыми ясеневыми стрелами.

— Почему мне нельзя смотреть на него?

— Потому что, когда ты согласишься на него — когда признаешь — тогда он станет реальным. И тогда он сможет убить тебя.

По спине пробежала дрожь. Вот он, Прифиан, который я ожидала увидеть — существа, вынуждающие людей даже сейчас приглушённо говорить о них. Поэтому я не медлила ни мгновения, когда подумала, что тот волк мог оказаться фэйри.

— Я слышала его голос в своих мыслях. Он говорил мне смотреть на него.

Люсьен пожал плечами.

— Ну, слава Котлу, ты этого не сделала. Уборка бардака за тобой могла бы испортить весь мой день, — он вяло улыбнулся мне.

Я не ответила улыбкой.

Я всё ещё слышала голос Богги, шепчущий среди листьев, зовущий меня.

После часа скитаний среди деревьев, с трудом разговаривая друг с другом, я перестала дрожать настолько, чтобы обратиться к Люсьену.

— Значит, ты старый, — сказала я. — Ещё ты носишь клинок и патрулируешь приграничье. Ты сражался на Войне?

Ладно. Мне так и не удалось унять любопытство о том, что случилось с его глазом.

Он поморщился.

— Чёрт, Фейра. Я не настолько старый.

— Значит, ты воин? — *Сможешь ли ты убить меня, если дойдёт до этого?*

Люсьен смешливо фыркнул.

— Не настолько хорош, как Тэм, но я знаю, как обращаться с оружием, — он похлопал по рукояти меча. — Хочешь, чтобы я научил тебя владеть клинком? Или ты уже умеешь, о могущественная смертная охотница? Раз тебе удалось справиться с Андрэсом, то, вероятно, тебя не нужно ничему обучать. Только показать, куда целиться, верно? — он хлопнул себя по груди.

— Я не знаю, как пользоваться клинком. Я только знаю, как охотиться.

— То же самое, не так ли?

— Для меня это разные вещи.

Люсьен задумчиво замолчал.

— Я думал вы, люди, такие полные ненависти трусы, что вы бы обмочились, скрючившись в ожидании смерти, если бы наверняка знали, кто на самом деле Андрэс.

Невыносимо.

Люсьен вздохнул, окинув меня взглядом:

— Ты хоть когда-нибудь прекратишь быть такой серьёзной и скучной?

— А ты хоть когда-нибудь прекратишь быть таким придурком? — огрызнулась в ответ я.

Мёртвой. Действительно, на самом деле я должна была бы уже быть мёртвой за это.

Но Люсьен усмехнулся.

— Намного лучше.

Кажется, Элис была права.

Что бы за хрупкое перемирие мы ни построили днём, за ужином оно исчезло.

Тамлин, развалившись, сидел на своём привычном месте, длинный коготь очерчивал края бокала. Коготь замер, как только я вошла, Люсьен шел за мной по пятам. Его зелёные глаза пригвоздили меня к месту.

Точно. Я же отмахнулась от него этим утром под предлогом, будто хочу побыть в одиночестве.

Тамлин медленно перевёл взгляд на Люсьена, чьё лицо помрачнело.

— Мы были на охоте, — сказал Люсьен.

— Я слышал, — небрежно ответил Тамлин, глядя между нами, когда мы заняли свои места. — Вы повеселились? — его коготь медленно втянулся.

Люсьен не ответил, оставив вопрос мне. Трус. Я прочистила горло.

— Вроде того, — ответила я.

— Поймали что-нибудь? — каждое слово словно отчеканено.

— Нет.

Люсьен выразительно кашлянул, как будто намекая сказать больше.

Но мне было нечего сказать. Тамлин одарил меня долгим взглядом, а после уткнулся в свою тарелку, видимо, не так уж и заинтересованный в разговоре со мной.

— Тэм, — негромко сказал Люсьен.

Тамлин посмотрел на него, в зелёных глазах было больше зверя, чем фэйри. Требование, чтобы Люсьен продолжил, независимо от того, что должен сказать.

Горло Люсьена дёрнулось.

— Сегодня в лесу был Богги.

Вилка в руке Тамлина согнулась пополам.

— Вы с ним столкнулись? — спросил он с убийственным спокойствием.

Люсьен кивнул.

— Он двигался мимо, но близко. Должно быть, крался через границу.

Металл застонал, когда когти Тамлина пронзили вилку, уничтожив её. Он поднялся на ноги мощным, звериным движением. Я пыталась не дрожать, когда его клыки удлинились и, сдерживая ярость, он спросил:

— Где именно в лесу?

Люсьен сказал ему. Тамлин бросил взгляд в мою сторону, прежде чем удалиться из комнаты и закрыть за собой дверь с нервирующей мягкостью.

Люсьен выдохнул, отодвинул тарелку с наполовину съеденной пищей и потёр виски.

— Куда он ушёл? — спросила я, глядя на дверь.

— Охотиться на Богги.

— Ты говорил, его нельзя убить — что ты не можешь столкнуться с ним.

— Тэм может.

На мгновение у меня перехватило дыхание. Грубоватый Высший Фэ, без энтузиазма мне

льстящий, способен убить такое существо, как Богги. И всё же он обслужил меня за столом в первый вечер, предложил мне жизнь, а не смерть. Я знала, что он смертельно опасен, что он воин в некотором роде, но...

— То есть, он ушёл охотиться на Богги туда, где мы сегодня были?

Люсьен пожал плечами.

— Если он собирается взять след, он будет там.

Я понятия не имела, как кто-то может встретиться лицом к лицу с этим бессмертным ужасом, но... это не моя проблема.

И только из-за того, что Люсьен больше не собирается есть, это не означает, что и я не буду. Люсьен задумался и даже не заметил, с каким пиршеством я разделалась.

Вернувшись в свою комнату, я была ещё бодрой и, за неимением других дел, начала наблюдения за садом и его пределами в поисках признаков возвращения Тамлина. Он не возвращался.

Я наточила нож спрятанным осколком камня, который прихватила из сада. Прошёл час — а Тамлин всё ещё не вернулся.

В небе показалась луна, раскрашивая сад внизу в серебро и тени.

Нелепо. Абсолютно нелепо наблюдать за его возвращением, чтобы увидеть, смог ли он действительно выжить после встречи с Богги. Я отвернулась от окна, с мыслью, что пора тащить себя в постель.

Но в саду что-то показалось.

Я бросилась за шторы у окна — не хочу быть пойманной в ожидании его — и выглянула.

Не Тамлин — но кто-то притаился за живыми изгородями перед домом. Глядя в *мою* сторону.

Мужчина, сгорбленный и...

У меня душа ушла в пятки, когда фэйри, прихрамывая, приблизился — всего два шага к слабому свету, льющемуся из окон дома.

Не фэйри, а человек.

Мой отец.

Глава 11

Панике и сомнениям я не оставила и шанса, я только пожалела, что не припрятала немного еды из моего завтрака, пока натягивала тунику за туникой, поспешно влезала в пальто и засовывала украденный нож в ботинок. Лишняя одежда в сумке просто будет обузой.

Мой отец. Мой отец пришёл забрать меня — спасти меня. Значит, предложенные Тамлином возмещения взамен моего отъезда не были такими уж заманчивыми. Может быть, у него есть корабль, который увезёт нас далеко, очень далеко. Может быть, он каким-то образом продал дом и теперь у него достаточно денег, чтобы мы могли обосноваться на новом месте, новом континенте.

Мой отец — мой покалеченный, сломленный отец пришёл за мной.

Бегло осмотрев землю под моим окном, я не увидела никого снаружи. Тишина в доме говорила — пока что моего отца никто не заметил. Он всё ещё ждал у живой изгороди, подавая мне знаки. По крайней мере, Тамлин ещё не вернулся.

Последний раз окинув комнату взглядом, прислушавшись к звукам из коридора, я

ухватила за ближайшую решётку для глицинии и спустилась вниз.

Я вздрогнула от хрустнувшего под ботинками гравия, но отец уже направлялся ко внешним воротам, прихрамывая со своей тростью. Как только он сюда добрался? Наверно, где-то рядом должны быть лошади. Когда мы пересечём стену, нас будет ждать зима, а на нём вряд ли достаточно одежды для поджидающего холода. Но на мне столько слоёв, что я смогу поделиться с ним, если возникнет необходимость.

Я старалась двигаться легко и тихо, тщательно избегая лунного света, и спешила вслед за отцом. Он передвигался удивительно быстро к темнеющим живым изгородям и внешним воротам.

В доме горели всего несколько свечей в коридоре. Я не осмеливалась дышать слишком громко — не осмеливалась позвать отца, хромящего к воротам. Если мы уйдём сейчас, если у него действительно есть лошади, то, когда меня хватятся, мы будем уже на полпути домой. Тогда мы сбежим — сбежим от Тамлина, сбежим от болезни, которая вскоре может вторгнуться и на наши земли.

Отец добрался до ворот. Они уже были открыты, тёмный лес за ними манил. Должно быть, он спрятал лошадей дальше. Он обернулся ко мне, знакомое лицо напряжено, ясные карие глаза, он жестами звал за собой. «*Быстрее, торопись*» — как будто кричало каждое движение его рук.

Сердце бешено колотилось в груди, в горле. Всего несколько шагов — к нему, к свободе, к новой жизни...

Сильная рука схватила меня за плечо.

— Куда-то собралась?

Чёрт, чёрт, *чёрт*.

Когти Тамлина насквозь прошили слои моей одежды, я смотрела на него в нескрываемом ужасе.

Я не решалась пошевелиться, не когда его губы сжаты в тонкую линию, челюсти стиснуты и желваки ходят. Не когда он открыл рот и я увидела клыки — длинные, способные разрывать глотки клыки, сверкнувшие в лунном свете.

Он убьёт меня — убьёт меня прямо здесь, а потом убьёт моего отца. Больше никаких уловок, никакой лести, никакой пощады. Теперь ему всё равно. Я уже мертва.

— Пожалуйста, — выдохнула я. — Мой отец...

— Твой *отец*? — он поднял взгляд на ворота позади меня, его рык прогремел сквозь меня, когда он оскалился. — Почему бы тебе не взглянуть ещё раз? — он отпустил меня.

Я отшатнулась в сторону, крутнувшись и вдохнув воздуха, чтобы сказать отцу бежать, но...

Но его там не было. Только тусклый лук и колчан бледных стрел, оставленных у ворот. Горный ясень. Мгновение назад их здесь не было. Не было...

Они подёрнулись рябью, так, словно были водой и ни чем больше — и тогда лук и стрелы стали большим тюком, загруженным припасами. Снова рябь — там были мои сёстры, прижавшиеся друг к другу и всхлипывающие.

У меня подогнулись колени.

— Что это... — я не договорила вопрос.

Теперь там снова был мой отец, всё ещё сторбившийся и зовущий жестами за собой. Безупречное изображение.

— Разве тебя не предупреждали, чтобы ты не теряла бдительность? — прорычал

Тамлин. — Что твои человеческие чувства изменят тебе?

Он шагнул вперёд и зарычал настолько злобно, что, что бы ни было за воротами, оно замерцало неярким светом и ринулось прочь в темноту быстрее вспышки молнии.

— Дура, — сказал он мне, обернувшись. — Если ты когда-нибудь соберёшься сбежать, то, по крайней мере, делай это в дневное время.

Он не сводил с меня глаз, клыки медленно втянулись. Когти остались.

— Ночью в этих лесах рыщут создания похуже Богги. То существо у ворот не одно из них, но оно всё равно могло бы долго и со вкусом пожирать тебя.

Каким-то образом я снова смогла говорить. И из всего, что я хотела сказать, я выпалила:

— Можешь упрекнуть меня? Мой покалеченный отец появляется под моим окном и ты думаешь, я не побегу за ним? Ты на самом деле думаешь, будто я с радостью останусь здесь навсегда, даже если ты позаботился о моей семье в счёт какого-то Договора, не имеющего ко мне никакого отношения и позволяющего твоему виду убивать людей так, как вам вздумается?

Он пошевелил пальцами, словно стараясь убрать когти, но они остались — готовые рвать плоть и кости.

— Чего ты хочешь, Фейра?

— Я хочу *домой!*

— Домой к чему, конкретно? Ты предпочтёшь жалкое человеческое существование этому?

— Я дала обещание, — сказала я, моё дыхание сбилось. — Моей матери, когда она умирала. Что я буду присматривать за семьёй. Что буду о них заботиться. Всё, что я делала каждый день, каждый час, всё было ради этой клятвы. И только потому, что я охотилась, чтобы спасти свою семью, чтобы накормить их, теперь я вынуждена нарушить её.

Он направился к дому, и я отступила в сторону, уступая ему широкую дорогу прежде, чем пойти следом за ним. Его когти медленно, медленно втянулись. Он не смотрел на меня, говоря:

— Ты не нарушаешь свою клятву — оставаясь здесь, ты выполняешь её и даже больше. О твоей семье сейчас заботятся гораздо лучше, чем когда-либо заботилась ты.

У меня перед глазами пронеслись облупленные и выцветшие рисунки внутри дома. Возможно, в первую очередь они забудут о том, кто когда-то нарисовал их. Незначительные — такими станут все те года, что я отдала им, такие же незначительные, как я для этих Высших Фэ. И та моя мечта о прекрасном дне, где живём мы с отцом и у нас достаточно еды, денег и я могу рисовать... это была моя мечта — ничья больше.

Я прикоснулась к сердцу.

— Я не могу просто так отказаться от клятвы, от них. Независимо от того, что ты говоришь.

Даже если я дура — глупая, человеческая дура — поверившая, что мой отец может когда-либо прийти за мной.

Тамлин искоса посмотрел на меня.

— Ты не отказываешься от них.

— Живя в роскоши, набивая желудок пищей? Как это не...

— О них заботятся — они сыты и в комфорте.

Сыты и в комфорте. Если он не может лгать, если это правда, тогда... тогда это за пределами всего, на что я вообще смела надеяться.

Тогда... моя клятва матери выполнена.

Это ошеломило меня настолько, что некоторое время я шла молча.

Сейчас моя жизнь принадлежит Договору, но... возможно, я смогу освободиться каким-то иным образом.

Мы приблизились к широкой лестнице, ведущей в поместье, и я, наконец, спросила:

— Люсьен выходил в пограничный патруль, ещё вы упоминали других дозорных, но я до сих пор не видела здесь ни одного. Где они все?

— На границе, — сказал он так, будто это подходящий ответ. После он добавил:

— Мы не нуждаемся в дозорных, когда я здесь.

Потому что он достаточно смертоносный. Я старалась не думать об этом, но всё равно спросила:

— То есть, ты обучался как воин?

— Да.

Когда я ничего не ответила, он добавил:

— Большую часть своей жизни я провёл на границе в военном отряде своего отца, обучаясь как воин, чтобы однажды служить ему — или другим. Управление этими землями... не должно было достаться мне.

Апатия, с которой он говорил, рассказала мне достаточно о том, как он чувствует себя в нынешнем титуле, и о том, почему ему так необходимо присутствие его красноречивого друга.

Но это слишком личное, слишком требовательно спрашивать его о том, что настолько сильно изменило обстоятельства. Поэтому я прочистила горло и сказала:

— Что за фэйри бродят по лесам за воротами, если Богги не худший из них? Что это было за существо?

Что я хотела спросить, так это: *«Что сначала замучает, а затем съест меня? Кто ты такой, чтобы быть таким могущественным, раз для тебя они не представляют никакой угрозы?»*.

Он остановился на нижней ступеньке, пока я не догнала его.

— Пука. Они используют твои собственные желания, чтобы заманить тебя в отдалённое место. После они тебя съедят. Медленно. Похоже, они учуяли твой человеческий запах в лесу и последовали за ним к дому.

Я вздрогнула и не скрывала этого. Тамлин продолжил:

— Раньше эти земли хорошо охранялись. Смертоносные фэйри сдерживались в пределах их родных территорий, контролируемые местными лордами Фэ, или изгонялись в подполья. Существа, подобные Пука, никогда бы не осмелились ступить сюда. Но сейчас, болезнь, поразившая Прифиан, ослабила удерживающие их преграды, — долгая пауза, будто слова из него вытягивают клещами. — Теперь дела обстоят иначе. Путешествовать в одиночку в ночное время не безопасно — особенно, если ты человек.

Поскольку люди беззащитны, словно младенцы, по сравнению с прирождёнными хищниками — такими, как Люсьен — и Тамлин, которому не нужно оружие, чтобы охотиться. Я посмотрела на его руки, но не нашла никаких следов когтей. Только загорелая, немного огрубевшая кожа.

— Что ещё теперь изменилось? — спросила я, поднимаясь за ним на мраморное крыльцо.

На этот раз он не остановился и даже не обернулся через плечо, чтобы взглянуть на

меня, когда он ответил:

— Всё.

Итак, я действительно проведу здесь весь свой остаток жизни. При том, что мне хотелось убедиться в правдивости слов Тамлина о заботе о моей семье, при том, что он сказал, будто наилучший способ для меня позаботиться о семье — это держаться от них подальше, даже если я действительно выполняю свою клятву матери, оставаясь в Прифиане... без груза этого обещания, я осталась опустошённой.

Следующие три дня я провела в компании Люсьена на старом маршруте патруля Андрэса, пока Тамлин выслеживал невидимого для нас Богги на территориях. Несмотря на то, что он редкий засранец, Люсьен не возражал против моего присутствия и, по большей части, говорил он, что мне нравилось; это давало мне время на размышления о последствиях выстрела всего одной стрелы.

Стрела. За эти три дня, что мы ездили вдоль границы, я не выпустила ни одной. В то же утро я заметила рыжеватую лань в долине и инстинктивно взяла её на прицел, стрела была готова сорваться и лететь ей прямо в глаз, когда Люсьен съехидничал, что она хотя бы не фэйри. Но я уставилась на неё — упитанную, здоровую и довольную — и опустила лук, вернула стрелу в колчан и позволила лани уйти.

Я не видела Тамлина в поместье или рядом — он охотился на Богги днём и ночью, как объяснил Люсьен. За ужином он говорил мало и рано уходил — продолжать свою охоту, ночь за ночью. Я не была против его отсутствия. Это было облегчением, если уж на то пошло.

На третий вечер после моего столкновения с Пука, едва я села за стол, Тамлин поднялся и извинился, что не хочет тратить время охоты.

Какое-то время, Люсьен и я смотрели ему вслед.

Лицо Люсьена было бледным и напряжённым.

— Ты беспокоишься о нём, — сказала я.

Люсьен совершенно несолидно для лорда Фэ упал на стул.

— Тамлин поддаётся... настроениям.

— Он не хочет, чтобы ты помог ему охотиться на Богги?

— Он предпочитает быть в одиночестве. А объявившийся на наших землях Богги... не думаю, что ты поймёшь. Пука слишком мелкий, чтобы обеспокоить его, но даже после того, как он порвал Богги, он всё ещё думает об этом.

— И нет никого, кто может ему помочь?

— Он наверняка разорвёт их в клочья за нарушение его приказа держаться подальше.

По затылку ледяной кистью скользнул холодок.

— Он будет настолько жесток?

Люсьен изучал вино в своём бокале.

— Ты не продержишься у власти, будучи другом для каждого. А среди фэйри, в равной степени среди низших и Высших Фэ, твёрдая рука необходима. Мы слишком могущественны и нам слишком наскучило бессмертие, чтобы нас могло удержать что-либо ещё.

Это выглядело как холодное, одинокое положение, в особенности, если ты на самом деле не хочешь этого. Я не была уверена, почему меня это настолько задело.

Шёл снег, густой и безжалостный, уже достигший колен, когда я натянула тетиву — всё сильнее и сильнее, пока моя рука не задрожала. За моей спиной притаилась тень — нет, она наблюдала. Я не решалась обернуться и посмотреть на неё, увидеть, что скрывается в этой тени и следит, не когда, через поляну, на меня уставился волк.

Просто смотрит. Словно он ждёт, словно он позволяет мне пустить в него ясеневую стрелу.

Нет. Нет, я не хочу этого делать, не в этот раз, только не опять, не...

Но я не могла контролировать собственные пальцы, не могла ничего контролировать, а он всё так же смотрел на меня, когда я выстрелила.

Один выстрел. Один выстрел ровно в золотистый глаз.

Брызнувшие на снег капли крови, глухой звук упавшего тяжёлого тела, шум ветра. Нет.

На снег упал не волк. Нет, это был человек — высокий, совершенно сложенный .

Нет, не человек. Высший Фэ, с этими их заострёнными ушами.

Я моргнула, а затем... мои руки были тёплыми и липкими от крови, его тело было красным, без кожи, от него поднимался пар в морозном воздухе, а его кожа... его кожа, которую я держала в своих руках и...

Я силой вынудила себя проснуться, пот стекал по спине. Я заставила себя глубоко дышать, открыть глаза и внимательно всматриваться в каждую деталь тонущей в ночной темноте комнаты. Реальность. Это — реальность.

Но я всё ещё видела лежащего лицом в снег мужчину из Высших Фэ, свою стрелу, вонзившуюся ему в глаз, и залитый алеющей кровью снег, где я резала и сдираала с него кожу.

К горлу подступила жёлчь.

Не реально. Просто сон. Даже если то, что я сделала с Андрэсом, как с волком, было... было...

Я потёрла лицо. Возможно, это из-за тишины и опустошённости в последние несколько дней. Возможно, это из-за того, что мне больше не нужно часами думать о том, как спасти свою семью, но...это было сожаление и, может быть, стыд, которыми покрылись мои язык и кости.

Я передёрнула плечами, как если бы могла так стряхнуть всё это, откинула простыни и поднялась с постели.

Глава 12

Люсьен и прислуга давно уже спали. Я шла тёмными коридорами поместья и не могла полностью отделаться от ужасного сна, полного крови. Но мне нужно делать хоть что-то — *что угодно* — после этого кошмара. В одной руке зажат клочок бумаги, в другой — перо. Я аккуратно набрасывала свой путь, отмечая окна, двери и выходы, иногда делала расплывчатые зарисовки и расставляла крестики на пергаменте.

Это лучшее, что я могла сделать. Для любого грамотного человека мои пометки

покажутся полной бессмыслицей. Но я могу писать или читать только буквы моего имени, а моя самодельная карта лучше, чем ничего. Если я остаюсь здесь, то мне необходимо знать, где я могу спрятаться, самые простые пути к выходу, если для меня ситуация ухудшится. Я не могу отказаться от инстинкта полностью.

Было слишком темно, чтобы любоваться картинами на стенах, а зажечь свечу я не рискнула. За прошедшие три дня, в коридорах было полно прислуги каждый раз, как я старалась набраться храбрости и рассмотреть картины. Часть меня, говорящая голосом Нэсты, смеялась над мыслью о необразованном человеке, пытающемся любоваться искусством фэйри. «Ну, в другой раз» — говорила я сама себе. Я найду другой день, тихий час, когда никого не будет рядом, и буду любоваться картинами. Теперь у меня достаточно часов — передо мной целая жизнь. Возможно... возможно, я выясню, как хочу провести её.

Я прокралась к главной лестнице, лунный свет заливал чёрно-белые плитки холла. Я спустилась вниз, мои босые ноги бесшумно ступили на холодные плитки. Я прислушалась. Ничего. Никого.

Я положила свою маленькую карту на столик и нарисовала несколько крестиков и кружков, обозначающих двери, окна, мраморную лестницу в холле. Я настолько хорошо изучу дом, что смогу ориентироваться в нём, даже если ослепну.

Лёгкий порыв ветра предупредил о его появлении — и я отвернулась от столика к длинному коридору, к открытым стеклянным дверям в сад.

Я и забыла, какой он огромный в этом облике — забыла о витых рогах, о волчьей морде, о теле, величиной с медведя, но с плавными кошачьими движениями. Он неотрывно смотрел на меня, его зелёные глаза пылали в темноте, а когда двери за ним захлопнулись, коридор наполнился стуком его когтей о мрамор. Я замерла на месте, не смея вздрогнуть или пошевелиться.

Он немного прихрамывал. За ним оставался след из тёмных, блестящих в лунном свете пятен.

Он шёл ко мне, вытесняя воздух из холла. Он был таким огромным, что пространство становилось тесным, словно клетка. Скрежет когтей, раздражённое неровное дыхание, капающая кровь.

На полушаге он изменил форму, я зажмурилась от ослепительной вспышки. Когда, наконец, мои глаза привыкли к вернувшейся темноте, он стоял передо мной.

Стоял, но — не совсем там. Ни перевязи, ни ножей. Его одежда разорвана в клочья — длинные, ужасные порезы, которые заставили меня задуматься — почему он не выпотрошен и не мёртв. Но мускулистое тело, виднеющееся под рубашкой, было гладким, целым и невредимым.

— Ты убил Богги? — мой голос был едва ли громче шёпота.

— Да, — скучный, пустой ответ. Так, будто он забыл побеспокоиться о вежливости. Так, будто я на самом дне длинного списка приоритетов.

— Ты ранен, — сказала я ещё тише.

В самом деле, его рука была вся в крови, пол около него был забрызган. Он безучастно посмотрел на руку — так, словно ему потребовалось приложить колоссальные усилия, чтобы вспомнить о её существовании и о том, что она ранена. Сколько усилий воли и силы ему понадобилось, чтобы убить Богги, чтобы встретиться лицом к лицу с той проклятой угрозой? Насколько глубоко ему пришлось уйти в себя — к бессмертному могуществу и живущему внутри зверю — чтобы убить его?

Он взглянул на карту на столе, и, когда он говорил, в его голосе не было ничего — ни эмоций, ни гнева, ни издёвки:

— Что это?

Я схватила карту.

— Я подумала, я должна изучить местность.

Кап, кап, кап.

Я открыла рот, чтобы снова указать на его руку, но он опередил меня:

— Ты не умеешь писать, не так ли?

Я не ответила. Я не знала, что сказать. *Невежественный, незначительный человек.*

— Неудивительно, что ты стала столь искусна в других вещах.

Думаю, он был так занят мыслями о столкновении с Богги, что сам не понял сказанного мне комплимента. Если это был комплимент.

Кровь опять забрызгивает мрамор.

— Где мы можем привести твою руку в порядок?

Он поднял голову и снова посмотрел на меня. Неподвижно, безмолвно, устало. После он сказал:

— Здесь есть небольшой медпункт.

Я убеждала себя, что, вероятно, это была самая полезная вещь из того, что я узнала за ночь. Но, пока я шла за ним и обходила кровавый след, я думала о том, что Люсьен говорил мне о его обособленности, о том бремени, думала о том, как Тамлин упоминал, что не он должен был управлять этими землями, и я чувствовала... мне было жаль его.

Медпункт оказался хорошо укомплектован, но здесь были только шкафы с различными средствами и рабочий стол, а не реальное место для размещения больных фэйри. Полагаю, это и всё, что им нужно, раз они способны исцелять себя сами с помощью своих бессмертных сил. Но эта рана... эта рана не исцелялась.

Тамлин сел на край стола, сжимая запястье пострадавшей руки и наблюдая, как я перебираю средства на полках и в ящиках. Когда я собрала необходимое, я старалась не думать, что мне придётся его касаться, но... я не позволила себе поддаться ужасу, когда взяла его за руку. Жар его кожи казался адским по сравнению с моими прохладными пальцами.

Я очистила его руку от крови и грязи, готовая к внезапному появлению когтей. Но его когти не показывались и он хранил молчание, пока я перевязывала и бинтовала его руку — как ни странно, там было всего несколько зверских порезов, которые не требовалось зашивать.

Я закрепила повязку на месте и отошла с миской кровавой воды к глубокой раковине на другой стороне комнаты. Он не сводил с меня прожигающего взгляда, пока я заканчивала с уборкой, комната стала слишком маленькой, стало слишком жарко. Он убил Богги и остался практически невредимым. Если Тамлин настолько могущественен, то Высшие Лорды Прифиана должны быть едва ли не богами. Все смертные инстинкты моего тела впали в панику при этой мысли.

Я была уже почти у открытой двери, борясь с желанием броситься обратно в свою комнату, когда он сказал:

— Ты не умеешь писать, но ты научилась охотиться и выживать. Как?

Я замерла на пороге.

— Это то, что происходит, когда ты ответственен не только за свою жизнь, не так ли?

Ты делаешь то, что должен.

Он всё ещё сидел на столе, всё ещё колебался на той внутренней линии, разграничивающей здесь и сейчас и то, кем он должен был быть, чтобы выдержать бой с Богги. Я встретилась с его диким, светящимся взглядом.

— Ты не то, чего я ожидал — как от человека, — сказал он.

Я не ответила. А он не попрощался, когда я уходила.

Наутро, спускаясь вниз по парадной лестнице, я старалась не задумываться о вымытых дочиста мраморных плитках пола — не осталось и следа крови Тамлина. Если честно, я вообще старалась не думать о нашей неожиданной встрече.

Когда я обнаружила, что холл пуст, я почти улыбнулась — почувствовала, как преследующая меня опустошённость подёрнулась рябью. Возможно сейчас, возможно в это мгновение тишины, я, наконец, смогу полюбоваться картинами на стенах, не торопясь разглядывать их, изучать и восхищаться.

С этими мыслями сердце забилось быстрее, я собиралась направиться в холл, заполненный картинами, когда услышала негромкие мужские голоса, доносившиеся из столовой.

Я остановилась. Голоса были достаточно напряжёнными, чтобы я бесшумно скользнула в тени за открытой дверью. Трусливый, жалкий поступок — но то, о чём они говорили, оттолкнуло в сторону всякую вину.

— Я только хочу знать, о чем ты думал, — знакомая ленивая злоба в каждом слове — Люсьен.

— О чем *ты* думал? — огрызнулся Тамлин.

Сквозь пространство между дверными петлями, я могла разглядеть их обоих, они стояли почти лицом к лицу. На неперевязанной руке Тамлина сверкали когти в утреннем свете.

— Я? — Люсьен положил руку себе на грудь. — К Котлу, Тэм — осталось не так много времени, а ты только дуешься и сердисься. Ты даже не пытаешься больше притворяться.

Мои брови приподнялись. Тамлин отвернулся, но мгновенно развернулся обратно, оскалив зубы.

— Это было ошибкой с самого начала. Я не могу терпеть этого, не после того, что мой отец сделал их виду, их землям. Я не пойду по его стопам. Не буду такой личностью. Так что *не вмешивайся*.

— Не вмешиваться? Не вмешиваться, пока ты предрешаешь наши судьбы и всё разрушаешь? Я остался с тобой из надежды, а не смотреть, как ты спотыкаешься. Для кого-то с каменным сердцем, твоё, безусловно, мягкое в последние дни. На наших землях был Богги — Богги, Тамлин! Барьеры между Дворами исчезли, даже наши леса кишат такой грязью как Пука. Ты собираешься жить снаружи и убивать каждого прокравшегося паразита?

— Следи за языком, — сказал Тамлин.

Люсьен шагнул к нему, так же оскалив зубы. Нечто вроде пульсирующего воздуха толкнуло меня в живот, металлическая вонь ударила в нос. Но я не могла увидеть никакую

магию — только почувствовать. Не могу сказать, стало ли хуже.

— Не дави на меня, Люсьен, — Тамлин заговорил опасно тихим тоном, а когда он зарычал как подлинное животное, у меня на затылке волосы дыбом встали. — Думаешь, я не знаю, что происходит на моих собственных землях? Что ещё мне терять? То, что уже потеряно?

Болезнь. Может, она и подавлена, но выглядит так, будто она по-прежнему сеет хаос — всё ещё представляет угрозу, и, пожалуй, одна из причин, почему они так не хотят, чтобы я знала об этом — это либо из-за отсутствия доверия или потому... потому что я никто и ничто для них. Я наклонилась вперёд, но мой палец соскользнул и негромко стукнул о дверь. Человек, возможно, не услышал бы, но оба Высших Фэ обернулись. Моё сердце пропустило удар.

Я шагнула к порогу и прочистила горло, перебирая десятки отговорок в свою защиту. Я посмотрела на Люсьена и заставила себя улыбнуться. Его глаза округлились и я задалась вопросом — это из-за улыбки или потому что я выглядела действительно виноватой.

— Ты собираешься на прогулку? — спросила я, немного ощущая тошноту, и указав большим пальцем себе за спину.

Сегодня я не планировала прогулки верхом с ним, но это звучало достойным оправданием.

Взгляд красно-коричневого глаза Люсьена был понимающим, но улыбка такой не была. Лицо эмиссара Тамлина было больше отточено придворными манерами и расчётливостью, чем я видела до этого.

— Я сегодня занят, — сказал он. Он кивнул подбородком в сторону Тамлина. — Он поедет с тобой.

Тамлин бросил презрительный взгляд на своего друга и ему потребовались некоторые усилия, чтобы скрыть это. Столько ножей в его обычной перевязи я ещё не видела, они богато сверкнули, когда он повернулся ко мне. Его плечи были напряжены.

— Когда захочешь пойти куда-нибудь, просто скажи.

Когти на его здоровой руке скрылись под кожей.

«Нет» — почти сказала я вслух, когда заметила умоляющий взгляд Люсьена. Люсьен лишь похлопал меня по плечу, проходя мимо:

— Быть может завтра, человек.

Я с трудом сглотнула. Я осталась наедине с Тамлином.

Он стоял и ждал.

— Я не хочу на охоту, — в конце концов, сказала я тихо. Правда. — Я ненавижу охотиться.

Он склонил голову.

— Тогда чем ты хочешь заняться?

Тамлин провёл меня по коридорам. Мягкие порывы ветра, пронизанные ароматами роз, врывались сквозь открытые окна и ласкали моё лицо.

— Ты ездила на охоту, — сказал, наконец, Тамлин. — Но у тебя нет ни малейшего интереса к охоте, — он искоса посмотрел на меня. — Не удивительно, что вы двое всегда возвращались без добычи.

Никаких следов вчерашнего совершенного холодною воина или разгневанного титулованного Фэ, бывшего здесь несколькими минутами ранее. Кажется, сейчас это просто Тамлин.

Я буду душой, если расслаблюсь рядом с Тамлином, если буду думать, что его нормальное поведение значит хоть что-нибудь, особенно когда в его поместье что-то явно не так. Он убил Богги — это делает его наиболее опасным из существ, с которыми я когда-либо сталкивалась. Я не совсем знала, что делать, и потому несколько чопорно спросила:

— Как твоя рука?

Он согнул перевязанную руку, изучая повязку, абсолютно белую на фоне его загорелой кожи.

— Я не поблагодарил тебя.

— Ты не должен.

Но он покачал головой и его золотистые волосы поймали утренний свет так, словно они сами были созданы из солнечных лучей.

— Укус Богги способен достаточно замедлить исцеление Высших Фэ, чтобы убить нас. Я благодарен тебе.

Когда я пожалала плечами, он добавил:

— Как ты научилась так перевязывать раны? Несмотря на бинты, я могу двигать рукой.

— Методом проб и ошибок. Я должна была быть в состоянии натягивать тетиву на следующий день.

Он молчал, пока мы проходили по ещё одному залитому солнцем мраморному коридору, и я решилась взглянуть на него. Он внимательно изучал меня, его губы были сжаты в тонкую линию.

— О тебе хоть когда-то кто-нибудь заботился? — негромко спросил он.

— Нет.

Я давно перестала жалеть себя из-за этого.

— Охотиться ты училась так же — методом проб и ошибок?

— Я шпионила за охотниками, когда мне это удавалось, а потом практиковалась до тех пор, пока не попадала в кого-то. Когда я промахивалась, мы не ели. Так что первое, что я поняла — это как целиться.

— Мне любопытно, — сказал он небрежно. Янтарь в его зелёных глазах мерцал. Возможно, воин-зверь исчез не бесследно. — Ты когда-либо собираешься использовать тот нож, который ты украдал с моего стола?

Я замерла.

— Как ты узнал?

Я могла бы поклясться, под маской его брови были приподняты.

— Меня учили замечать подобное. Но больше всего я чувствовал твой запах страха.

— Я думала, никто не заметил, — проворчала я.

Он криво улыбнулся и эта улыбка была настоящей в отличие от всех тех фальшивых и льстивых, которыми он одаривал меня раньше.

— Несмотря на Договор, если ты хочешь иметь шанс сбежать от моего вида, ты должна думать более творчески, чем кража моих столовых ножей. Но с твоей склонностью подслушивать, может, однажды, ты узнаешь что-нибудь полезное.

Мои уши вспыхнули.

— Я... я не... извини, — пробормотала я.

Но я мысленно пробежалась по услышанному. Нет смысла притворяться, будто я не подслушивала.

— Люсьен сказал, у вас не так много времени. Что он имел в виду? Из-за болезни здесь появится больше таких существ как Богги?

Тамлин напрягся, окинул взглядом коридор, уделяя внимание каждой мелочи в поле зрения, каждому звуку и запаху. Затем он пожал плечами. Слишком неестественно, чтобы это было правдой.

— Я бессмертный. У меня нет ничего, кроме времени, Фейра.

Он произнёс моё имя с такой... интимностью. Как будто бы он не был существом, способным убивать монстров, созданных из ночных кошмаров. Я открыла рот, чтобы потребовать больше ответов, но он перебил меня.

— Сила, поражающая наши земли и способности — когда-нибудь, она тоже пройдёт, если Котёл благословит нас. Но да — теперь, когда Богги ступил на наши земли, будет логично предположить, что за ним последуют и другие, особенно если учесть насколько наглым был Пука.

Если, как сказал Люсьен, границ между Дворами больше нет — если всё в Прифианс изменилось из-за болезни, как говорил Тамлин... Ну, я не хочу попасть в какую-то жестокую войну или революцию. Я сомневаюсь, что долго проживу.

Тамлин шагнул вперёд и открыл двойные двери в конце коридора. Под одеждой двигались мощные мышцы его спины. Я никогда не забуду, кто он. И на что он способен. И чему он, по-видимому, обучен.

— Как ты и просила, — сказал он. — Кабинет.

Я увидела, что находится за ним, и у меня скрутило желудок.

Глава 13

Тамлин махнул рукой и вспыхнули сотни свечей. Что бы Люсьен ни говорил об истощении и беспорядочности магии из-за болезни, Тамлин явно не так уж сильно и пострадал, или, вероятно, он гораздо более могущественен — начать хотя бы с того, что он может превращать своих часовых в волков, когда ему вздумается. Острый запах магии ужалил моё сознание, но я не подала виду. В смысле, пока не заглянула внутрь.

У меня вспотели ладони, когда я зашла в огромный, роскошный кабинет. Фолианты выстроились вдоль стен, словно солдаты безмолвных войск, диваны, столы и богатые ковры, разбросанные по всей комнате. Но... прошло чуть больше недели, как я оставила свою семью. Хотя мой отец и сказал мне никогда не возвращаться, хотя моя клятва матери и выполнена, я могла бы, по меньшей мере, хотя бы дать им знать, что я в безопасности — в относительной безопасности. И предупредить их о захлестнувшей Прифиан болезни, которая, возможно, вскоре может пересечь стену.

Есть только один способ передать это.

— Тебе нужно что-нибудь ещё? — спросил Тамлин и я дёрнулась. Он всё ещё стоял у меня за спиной.

— Нет, — ответила я, шагая вглубь кабинета.

Я не могу думать о той естественной силе, которую он только что показал — об изящной беспечности, с которой он призвал столько огня. Я должна сосредоточиться на поставленной задаче.

В том, что я едва могу читать, не совсем моя вина. До того как мы разорились, моя мать

крайне пренебрегала нашим образованием, она не позаботилась о том, чтобы нанять гувернантку. А после удара бедности, мои старшие сёстры, умеющие читать и писать, посчитали деревенскую школу ниже нашего достоинства и не побеспокоились научить меня. Я могу читать достаточно, чтобы выполнять свои обязанности — достаточно, чтобы сформировать письмо, но настолько плохо, что даже написать одно только моё имя будет унижительным оскорблением.

Не очень хорошо, что Тамлин об этом знает. Я думала о том, как доставить письмо родным, когда оно будет готово; может быть, я попрошу об одолжении Тамлина, или Люсьена.

Просить их написать письмо за меня будет слишком стыдно и унижительно. Я уже слышу их слова: *типичный невежественный человек*. А поскольку Люсьен убеждён, будто я шпионю в любой подвернувшийся момент, он, без сомнений, сожжёт это письмо и все, что я попытаюсь написать после. Поэтому я должна научиться сама.

— Тогда я оставлю тебя одну, — сказал Тамлин, когда молчание затянулось, стало слишком напряжённым.

Я не двигалась, пока он не запер дверь, закрывая меня внутри. Когда я подошла к полке, мой пульс отзывался по всему телу.

Мне пришлось сделать перерыв на ужин и сон, но я вернулась в кабинет ещё до рассвета. Я нашла небольшой письменный стол в углу и собрала бумаги и чернила. Я водила пальцем по строкам текста и шептала слова.

— «Она схва-ти-ла... схватила свою туфлю, ст... сто... стоя на своём ме... м...», — я откинулась на спинку стула и закрыла глаза ладонями.

Когда желание рвать на себе волосы ослабло, я взяла перо и подчеркнула слово: *месте*.

Трясущейся рукой, я старалась изо всех сил копировать букву за буквой на постоянно пополняющийся лист, который я держала рядом с книгой. По меньшей мере, там уже около сорока слов, буквы искажены и едва разборчивы. Позже я найду их правильное произношение.

Я поднялась с кресла, чтобы размять ноги и позвоночник — или чтобы просто уйти подальше от этого списка слов, произношения которых не знаю, и от постоянного жара, сейчас опаляющего моё лицо и шею.

Думаю, кабинет здесь исполняет роль библиотеки, так как я не могу увидеть ни одну из стен из-за небольших лабиринтов книжных стеллажей, примыкающих к основной части и свисающих сверху антресолей, от стены до стены заполненных книгами. Но «кабинет» звучит менее пугающе. Я бродила между стеллажей, следуя за полоской света из ряда окон в дальнем конце комнаты. Оттуда открывался вид на розарий, тонущий в десятках оттенков тёмно-красного, розового, белого и жёлтого.

Я могла бы позволить себе на мгновение потеряться в оттенках, покрытых сверкающей в утреннем солнце росой, если бы не увидела картину, простирающуюся вдоль стены рядом с окнами.

«Не картина» — моргнув, подумала я и отступила назад, чтобы увидеть её полный масштаб. Нет, это... Я искала слово в полузабытой части сознания. *Фреска*. Вот, что это такое.

Сначала я ничего не могла сделать, кроме как изумлённо смотреть на размеры фрески, поражаться трудолюбию и тому факту, что этот шедевр скрыт здесь так, чтобы его никто никогда не увидел, так, словно эта фреска пустяк — абсолютная мелочь — создать нечто подобное.

Фреска рассказывала историю оттенками, формами и избытком света, путём изменений тонов росписи. История... история Прифиана.

И началась она с котла.

В бесконечной звёздной ночи, пылающие тонкие женские руки удерживают громадный чёрный котёл. Руки накрывают его и сверкающая золотистая жидкость переливается через край. Нет, не сверкающая, а... кипящая искромётными крохотными символами — вероятно, какой-то древний язык фэйри. Что бы ни было там написано и чем бы это ни было, содержимое котла спадало в пустоту ниже, объединяясь на земле, чтобы сформировать наш мир...

Карта охватывала весь наш мир — не только наши земли, но так же моря и крупные континенты за ними. Каждая территория отмечена и окрашена в свой цвет, некоторые с искусными, витиеватыми изображениями существ, когда-то правившими землями, которые сейчас принадлежат людям. Я с содроганием вспомнила, что всё это — весь мир однажды принадлежал им. По крайней мере, как они верят в то, что мир создан для них тем, кто держит котёл. Здесь не было ни одного упоминания о людях — ни знака нашего существования. Полагаю, мы для них ни чем не лучше свиней.

На следующую часть фрески было тяжело смотреть. Это было так просто, но так подробно, что, на мгновение, я стояла на том поле боя, чувствуя рельеф окровавленной грязи под ногами, выстроившись плечом к плечу с тысячами человеческих солдат, без страха встречая орды фэйри, готовые нас атаковать. Минута молчания перед бойней.

Человеческие мечи и стрелы казались такими бесполезными против Высших Фэ в их мерцающей броне, как и против оскаливших клыки и выпустивших когти фэйри. Я знала — знала и без следующей части фрески — люди не пережили ту битву. Чёрные мазки с проблесками красного рядом с этой частью говорили достаточно.

Затем ещё одна карта с заметно урезанными территориями фэйри. Северные территории отрезаны и поделены для Высших Фэ, потерявших свои земли к югу от стены. Всё к северу от стены отошло к ним; оставшееся к югу выглядело неясной кляксой. Уничтоженный, забытый мир — словно художник не потрудился изобразить его.

Я изучала различные территории, сейчас принадлежащие Высшим Фэ. По-прежнему столько территорий — такая чудовищная мощь, охватывающая всю северную часть нашего мира. Я знала, что правят ими короли, королевы, советы, императоры и императрицы, но я никогда не видела их изображений, не слышала о том, почему они были вынуждены уступить Юга и насколько переполнены их земли сейчас в сравнении.

Для сравнения, наш массивный остров почти полностью занимает Прифиан, нам — жалким людишкам, отдан всего лишь клочок на южном крае. Основную жертву принесла самая южная из семи территорий: территория, разрисованная крокусами, ягнятами и розами. Весенние земли.

Я шагнула ближе, чтобы увидеть тёмные, безобразные мазки на месте стены — ещё один презрительный штрих художника. На территории людей ни единой пометки, никаких обозначений крупных городов или центров, но... я заметила пересечённую местность, где была наша деревня, и леса, отделяющие её от стены. То двухдневное путешествие казалось

таким коротким — слишком коротким — в сравнении со скрывающимся над нами могуществом. Ведя пальцем над картиной, я провела линию через стену, в эти земли — земли Весеннего Двора. Опять же, никаких пометок, но территория заполнена прикосновениями весны: цветущие деревья, изменчивые грозы, молодые животные... По крайней мере, проживу остаток своих дней в одном из дворов с наиболее умеренной и предсказуемой погодой. Небольшое утешение.

Я снова отступила назад и взглянула севернее. Остальную территорию лоскутами занимали шесть других Дворов Прифиана. Осенний, Летний и Зимний узнавались достаточно легко. Затем, выше, два сверкающих Двора: тот, что южнее — словно мягко загорающееся небо — Рассветный Двор; сверху — яркое золото, оттенки жёлтого и голубого — Дневной Двор. А над ними, раскинувшаяся в морозных горных просторах, во тьме и звёздах, размашистая и огромная территория Ночного Двора.

В тених среди этих гор угадывались маленькие глаза и поблёскивающие зубы. Земли смертоносной красоты. У меня на руках волосы дыбом поднялись.

Я могла бы рассмотреть другие королевства за морями, окружающими наши земли, как и изолированное царство фэйри к западу от нас, которое, казалось, избежало потерь территорий и фэйри там всё ещё сами себе хозяева, если бы не посмотрела в самый центр восхитительной, точной карты.

В центре земли, как если бы это было сердце, вокруг которого образовалось всё остальное, или, возможно, место, куда жидкость из котла коснулась первой, была небольшая заснеженная горная гряда. Из неё возвышался громадный, одинокий пик. Неприкрытый снегом и лишённый жизни — так, словно что-либо отказывалось прикасаться к нему. Больше подсказок о том, что это может быть, не было. Ничего не указывало на его значение и важность. Полагаю, зрители уже должны были это знать. Эта фреска не для человеческих глаз.

С этой мыслью я вернулась к своему небольшому столу. По меньшей мере, я узнала расположение их земель — и поняла, что на север я не пойду никогда.

Я устроилась в своём кресле и нашла место в книге, на котором остановилась. Моё лицо вспыхнуло, когда взгляд наткнулся на иллюстрации, разбросанные по всему тексту. Детская книга, и всё же я едва смогла осилить около двадцати страниц. *Зачем* Тамлину детские книги в его библиотеке? Они остались здесь из его детства? Или они для будущих детей? Не имеет значения. Я даже их не могу прочитать. Я возненавидела запах этих книг — ветхие пыльные страницы, насмешливый шепот бумаги, переплёты из грубой кожи. Я посмотрела на клочок бумаги, на все те слова, которых я не знаю.

Я скомкала лист в руке, сбила его в бумажный шарик и швырнула в мусорную корзину.

— Я могу помочь тебе написать им, если ты здесь за этим.

Я дёрнулась в кресле, едва не свалившись с него, и обернулась, чтобы увидеть Тамлина со стопкой книг в руках за моей спиной. Я подавила поднимающийся к щекам и ушам жар, подавила панику при мысли о том, что он мог догадаться, какую информацию я пытаюсь им передать.

— Помочь? Ты хочешь сказать, фэйри отвергнет возможность поглумиться над невежественным смертным?

Он оставил книги на столе, его челюсти плотно сжаты. Я не смогла прочитать поблёскивающие на кожаных корешках названия.

— Почему я должен издеваться над тобой за изъян, в котором нет твоей вины? Позволь

мне помочь тебе. Я в долгу перед тобой за руку.

Изъян. Это был изъян.

Тем не менее, одно дело — перевязать ему руку и поговорить с ним так, будто он не созданный убивать и разрушать хищник, но показать, как мало я знаю на самом деле, позволить ему увидеть ту часть меня, что всё ещё грубый и неотёсанный ребёнок — это совсем другое... Его лицо было непроницаемым. Хотя в его голосе и не было жалости, я выпрямилась.

— Я в порядке.

— Думаешь, мне больше нечем заняться, кроме как выдумывать усложнённые способы унижить тебя?

Я думала о небрежных и невыразительных мазках краски, которыми художник изобразил земли людей, и не находила ответ — по крайней мере, ни один вежливый ответ. Я уже достаточно принесла жертв им — ему.

Тамлин покачал головой.

— То есть, на охоту с Люсьеном ты ездишь, а...

— Люсьен, — я перебила его тихо, но не мягко. — Не пытается быть кем-то, кроме себя.

— Что это означает? — прорычал он, но когти не выпустил, даже когда сжал кулаки по бокам.

Я определённо подошла к опасной черте, но мне было наплевать. Даже если он и предложил мне убежище, я не обязана падать к его ногам.

— Это означает, — я говорила с тем же ледяным спокойствием. — Что я не знаю тебя. Я не знаю, кто ты или что ты на самом деле, или чего ты хочешь.

— Это означает, ты мне не доверяешь.

— Как я могу доверять фэйри? Разве не вам приносит удовольствие убивать и дурачить нас?

Его рык заставил вздрогнуть пламя свечей.

— Ты отличаешься от моих представлений о людях — поверь мне.

Я почти физически ощущала глубокую рану в груди, будто она разорвалась, и из неё хлынули все те ужасные, тихие слова. *Безграмотная, невежественная, непримечательная, гордая, равнодушная* — все они слетали с губ Нэсты и сейчас эхом повторялись её насмешливым голосом у меня в голове.

Я поджала губы.

Он поморщился и слегка поднял руку, будто собирался дотронуться до меня.

— Фейра, — начал он — достаточно тихо, чтобы я просто покачала головой и вышла из комнаты.

Он не останавливал меня.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Но после полудня, когда я вернулась забрать свой скомканный лист из мусорной корзины, его там не было. И в моей куче книг кто-то копался — названия были в другом порядке. Вероятно, это была прислуга — уверяла себя я, успокаивая тяжесть в груди. Просто Элис или какой-то другой фэйри в маске птицы прибирался. Я не написала ничего разоблачительного — он не может знать, что я пыталась предупредить семью. Сомневаюсь, что он накажет меня за это, но... разговор у нас был не слишком хорошим.

И всё же, у меня дрожали руки, когда я села за свой небольшой стол и нашла в книге

страницу, на которой остановилась утром. Я знала, что делать в книге пометки чернилами стыдно и безобразно, но если Тамлин может себе позволить золотые тарелки, то и заменить одну-две книги он тоже сможет.

Я смотрела в книгу, но видела только прыгающие и перемешавшиеся буквы.

Может быть, я сглупила, когда отказалась от его помощи, когда не проглотила свою гордость и не попросила его написать письмо всего за несколько мгновений. Даже не письмо с предупреждением, а просто — просто дать им знать, что я в безопасности. Если бы у него были дела важнее, чем беспокоить и сбивать меня с толку, то, конечно, тогда бы у него не было времени помогать мне с письмом для семьи. И всё же он предложил.

Неподалёку часы пробили час.

Изъян — очередной из моих *изъянов*. Я потёрла лоб большим и указательным пальцами. Глупо было испытывать к нему жалость — к одинокому мрачному фэйри. К кому-то, кому, как я глупо надеялась, будет важно встретить того, кто чувствует то же самое и, возможно, понимает — пускай и по-человечески грубо и незначительно — каково это — нести бремя заботы о других. Я должна была оставить его руку истекать кровью той ночью, должна была знать, а не надеяться, что, может быть — может быть, найдётся кто-то, неважно — человек или фэйри, кто сможет понять какой моя жизнь — какой я — стала в последние несколько лет.

Прошла минута, другая.

Фэйри не могут лгать, но они определённо могут умалчивать информацию; Тамлин, Люсьен и Элис делают всё возможное, лишь бы не отвечать на мои конкретные вопросы. Узнать больше об угрожающей им болезни — узнать о ней *что угодно*, откуда она пришла, как ещё она может влиять и, в особенности, как она может отразиться на *человеке* — на это стоит потратить время.

И если есть шанс, что они могут знать о какой-нибудь забытой лазейке в этом проклятом Договоре, если они знают какой-то способ, как я могу вернуть долг и вернуться к семье, то я смогу сама предупредить их о болезни... Я должна рискнуть.

Двадцать минут спустя, я разыскала Люсьена в его спальне. На своей маленькой карте я отметила, где она находится — в отдельном крыле на втором уровне, далеко от моей. После поисков по обычным местам его обитания, это было последнее место, где его искать. Я постучала в белые двойные двери.

— Входи, человек.

Он наверняка узнал меня по одному только дыханию. Или, возможно, тот его глаз способен видеть сквозь двери.

Я осторожно открыла двери. По размерам его комната такая же, как и моя, но убрана в оттенках красного, золотого и оранжевого с незначительными вкраплениями зелёного и коричневого. Словно в осеннем лесу. Но если в моей комнате всё мягко и изящно, его отличается жёсткостью и прочностью. Вместо симпатичного столика для завтраков у окна, пространство занимал старый рабочий стол, заваленный различными видами оружия. Именно там он и сидел, одетый только в белую рубашку и брюки, его рыжие волосы распущены и пестреют, словно жидкое пламя. Отточенный манерами двора эмиссар Тамлина, но воин по праву.

— Я не видела тебя, — сказала я, закрыв дверь и прислонившись к ней.

— Я должен был разобраться с некоторыми сорвиголовами на северной границе — официальные дела эмиссара, — сказал он, отложив охотничий нож с длинным пугающим

лезвием, которое он чистил. — Я вернулся как раз, чтобы услышать вашу маленькую ссору с Тамлином, и решил, что мне будет безопаснее здесь. Однако я рад слышать, что твоё человеческое сердце потеплело ко мне. По крайней мере, я не первый в твоём списке убийств.

Я посмотрела на него долгим выразительным взглядом.

— Ну, продолжил он, пожав плечами. — Похоже, тебе удалось неплохо задеть Тамлина, раз он нашёл меня и едва не отгрыз мне голову. Так что, полагаю, это тебя мне следует поблагодарить за испорченный мирный обед. К счастью для меня, в западном лесу какие-то беспокойства и мой бедный друг должен разобраться с ними способом, доступным только ему. Я удивлён, что ты не столкнулась с ним на лестнице.

Спасибо забытым богам за это небольшое милосердие.

— Какие беспокойства?

Люсьен пожал плечами, но это движение оказалось слишком напряжённым для небрежности:

— Обычные: нежелательные, мерзкие существа выползают из пекла.

Хорошо. Хорошо, что Тамлин далеко и, раз его здесь нет, он не сможет уличить меня в том, что я планирую сделать. Ещё немножко удачи.

— Я удивлена, как много ты мне ответил, — сказала я так небрежно, как только могла, продумывая свои слова. — Но жаль, что ты не Суриэль, раскрывающий любую информацию, которую я захочу. Если, конечно, я была бы достаточно умной, чтобы заманить тебя в ловушку.

На мгновение он уставился на меня. Но потом его губы искривились в усмешке, а металлический глаз прокрутился и сфокусировался на мне.

— Я так понимаю, ты не скажешь мне, что именно ты хочешь знать.

— У тебя свои секреты, у меня свои, — сказала я осторожно.

Я не могу знать, будет ли он пытаться убедить меня в обратном, если я скажу ему правду.

— Но если бы ты был Суриэлем, — добавила я нарочито медленно, на случай если он не уловил мой замысел. — То как именно я бы заманила тебя в ловушку?

Люсьен отложил нож и посмотрел на свои ногти. На мгновение, я подумала, что он мне вообще ничего не скажет. Подумала, что он пойдёт прямо к Тамлину и заложит меня.

Но после он сказал:

— У меня наверняка была бы слабость к молодым берёзовым рощам в западных лесах, и к свежесрезанным курам, и, вероятно, я был бы таким жадным, что не заметил бы ловушки из двойной петли в роще, которая пригвоздит меня к месту за ноги.

— Хм.

Я не рискнула спросить, почему он пошёл на уступки. Большой шанс, что он будет не против увидеть меня мёртвой, всё ещё есть, но я рискну.

— Почему-то я предпочитаю тебя как Высшего Фэ.

Он усмехнулся, но веселье было не долгим.

— Если бы я был настолько сумасшедшим и глупым, чтобы преследовать Суриэля, я бы ещё взял с собой лук и колчан и, возможно, нож как этот, — он вложил в ножны нож, который он чистил, и оставил его на краю стола — предложение. — И я бы приготовился бежать как ошпаренный, сразу как освободил бы его — к ближайшей проточной воде, пересекать которую они ненавидят.

— Но ты не сумасшедший, поэтому будешь здесь — в целостности и сохранности?

— Я удачно буду охотиться в близлежащих землях, а с моим превосходным слухом, я могу быть достаточно великодушным, чтобы услышать чьи-то крики из западных лесов. Но это хорошо, что я не имею никакого отношения к твоим прогулкам сегодня, поскольку Тэм выпотрошит любого, кто расскажет тебе, как поймать Суриэля; и хорошо, что я в любом случае планировал охоту сегодня, ведь если меня поймают помогающим тебе, тогда нас будет ждать чёртова уйма проблем. Надеюсь, твои секреты стоят этого, — он сказал это со своей обычной усмешкой, но было и ещё кое-что — предупреждение, которое я не пропущу.

Ещё одна загадка и ещё немного информации.

— Это хорошо, что у тебя превосходный слух, а я обладаю превосходной способностью держать рот на замке, — сказала я.

Когда я взяла нож со стола и повернулась, чтобы забрать лук из своей комнаты, он фыркнул.

— Думаю, ты начинаешь мне нравиться — как для человеческого убийцы.

Глава 14

Западные леса. Молодая берёзовая роща. Свежесрезанные куры. Двойная петля. Неподдалёку от проточной воды.

Повторяя указания Люсьена, я вышла из поместья через ухоженный сад, затем пробралась через дикий, спустилась по травяным холмам за ним, прошла через чистые ручьи и приблизилась к весеннему лесу. Меня никто не остановил — рядом никого не было даже чтобы просто заметить, как я уйду с луком и колчаном за спиной, с ножом Люсьена на боку. Я тащила с собой сумку, набитую только зарезанными курицами, любезно предоставленными озадаченным персоналом кухни. И припрятала ещё один клинок в сапоге.

Земли оказались такими же пустынными, как и само поместье, хотя, время от времени, я замечала какое-то мерцание в уголке глаза. Каждый раз, стоило мне только обернуться посмотреть, как мерцание обращалось танцующим в ближайшем ручье солнечным светом, или в порхающие на ветру листья одинокого клёна, растущего на вершине холма. Когда я проходила вблизи большого пруда у подножья высокого холма, я могла бы поклясться, что видела четыре сияющие женские головы, выглядывающие из яркой воды, наблюдающие за мной. Я ускорила шаг.

Когда я зашла во всё ещё зелёный западный лес, остались только звуки щебечущих птиц и шорохи мелких зверьков. На охоте с Люсьеном я никогда не ездила через эти леса. Здесь нет тропы, ничего не окультурено. Дубы, буки и вязы сплелись в плотный узор, удушающий хрупкие лучи солнечного света, прокрадывающиеся сквозь густой полог. Земля, укрытая мхом, поглощала любые звуки, которые я создавала.

Старый. Этот лес древний. И живой. Я не могу этого описать, могу только чувствовать, глубоко в душе и дрожью в костях. Возможно, за последние пятьсот лет, я первый человек, ступивший под эти тяжёлые, тёмные ветви, вдыхающий свежесть весенних листьев, скрывающих влажную, густую гниль.

Берёзы, проточная вода. Я шла по лесу, прокладывая собственную тропинку. Дыхание в груди спёрло. Я напоминала себе, ночь — опасное время. У меня есть всего несколько часов до захода солнца.

Хотя Богги и преследовал нас в дневное время.

Богги мёртв, а очередной ужас, с которым сейчас разбирается Тамлин, находится в

другой части этих земель. Весенний Двор. Интересно, каким образом Тамлин должен отвечать перед Высшим Лордом, или это тот же Высший Лорд, который создал глаз для Люсьена. Может, это супруга Высшего Лорда — та «она», кого упоминал Люсьен — может, это она вселяет в них такой страх. Я отогнала прочь эту мысль.

Я двигалась легко и тихо, держала глаза и уши открытыми, а биение сердца ровным. Изъяны или нет, я всё ещё могу охотиться. И ответы, в которых я нуждаюсь, стоят того.

Я нашла рошу тонких молодых берёз, вокруг которых ходила расширяющимися кругами, пока не наткнулась на ближайший ручей. Не глубокий, но достаточно широкий — мне придётся разбежаться, чтобы перепрыгнуть его. Люсьен сказал найти проточную воду, а эта довольно близко, чтобы побег был возможным. Если мне придётся бежать. Надеюсь, не придётся.

Я нашла, а затем прошла туда-обратно несколькими различными маршрутами к ручью. И ещё несколькими альтернативными маршрутами, на случай, если те пути вдруг окажутся перекрытыми. Только когда я убедилась в расположении каждого корня, камня и впадины в окрестностях, я вернулась на маленькую поляну, окружённую стройными белыми деревьями, и подготовила ловушку.

Выбрав место на ближайшем дереве — крепкий, дремучий дуб, яркие листья которого полностью скрывают меня от взгляда снизу — я ждала. И ждала. Послеполуденное солнце зависло над головой, жаркое даже сквозь полог из листьев настолько, что мне пришлось снять плащ и засучить рукава туники. Желудок забурчал, и я вытащила ломоть сыра из рюкзака. Его я съем тише, чем яблоко, которое тоже стащила с кухни по пути к выходу. Расправившись с сыром, я отхлебнула воды из фляги, промочив пересохшее от жары горло.

Устают ли Тамлин или Люсьен от вечной весны изо дня в день? Или они отправляются в другие территории, когда хотят почувствовать иной сезон? Я бы не возражала против бесконечной мягкой весны, заботясь о своей семье — зима каждый раз подводила нас к смерти слишком близко — но если бы я была бессмертной, мне бы хотелось немного разнообразия, чтобы коротать время. Наверно, я бы хотела заняться чем-то большим, чем скрываться в поместье. Хотя я до сих пор не собралась с духом, чтобы высказать просьбу, закрывающуюся в сознание, когда я увидела фреску.

Я пошевелилась настолько, насколько осмелилась шевелиться на ветке, лишь бы кровь продолжала беспрепятственно циркулировать по венам. Я как раз снова устроилась, когда до меня докатилась волна тишины. Будто лесные дрозды, белки и бабочки затаили дыхание, пока нечто проходит рядом.

Тетива на луке уже была натянута. Я спокойно наложила на неё стрелу. Тишина подкрадывалась ближе и ближе.

Казалось, деревья наклонились и их переплетённые ветви сомкнулись плотнее, живая клетка, не позволяющая вырваться из-под высокого полога даже самым крохотным птицам.

Возможно, это была очень плохая идея. Возможно, Люсьен переоценил мои способности. Или, возможно, он ждал шанса отправить меня на погибель.

Мышцы напряглись от неподвижной позы на ветке, но я удерживала баланс и слушала. И я услышала: шепот, как если бы ткань тянули по камням и корням; голодное, свистящее дыхание, доносящиеся с соседней поляны.

Я аккуратно устанавливала силки, придав курице вид, как если бы она сама забрела слишком далеко и сломала себе шею, пока пыталась выбраться из-под привалившей её ветки. Я позаботилась, чтобы птица как можно меньше пахла мной. Но у этих фэйри такое острое чутьё, и даже если я скрыла все свои следы...

Щелчок, свист рассекаемого воздуха и опустошённый, свирепый крик, от которого мои кости и мышцы замерли, а дыхание перехватило.

Ещё один разъярённый крик пронзил лес, пока мои силки со скрипом затягивались, затягивались и затягивались.

Я спрыгнула с дерева и отправилась на встречу с Суриэлем.

Подкрадываясь к фэйри в берёзовой роще, я убедилась — Люсьен на самом деле, по-настоящему желал мне смерти.

Я не знала, чего ожидать, когда вступала в кольцо белых деревьев — высоких и ровных точно столбы — но замотанная в тёмные и рваные одежды фигура не была ни высокой, ни стройной. Передо мной была его сутулая спина, и я могла пересчитать жёсткие бугорки позвонков, выпирающие сквозь тонкую ткань. Хилые, покрытые струпьями серые руки вцепились в петлю пожелтевшими, потрескавшимися ногтями.

«Бежать» — прошептала какая-то первобытная, истинно человеческая часть меня. Умоляла. *Бежать, бежать, бежать и никогда не оглядываться назад.*

Но я не опустила легко натянутый лук.

— Ты один из Суриэлей? — спросила я тихо.

Фэйри застыл. Принюхался. Один раз. Второй.

Затем он медленно обернулся ко мне, призрачный ветер сбросил тёмную ткань с его лысой головы.

Его лицо выглядело так, словно оно вытесано из высохших, потрёпанных костей, словно его кожа отвергнута и забыта; безгубый рот и слишком длинные зубы, выпирающие из почерневших дёсен; рваные щели вместо ноздрей, а глаза... глаза не что иное, как два колодца, клубившихся молочно-белыми туманами — белизной смерти, белизной болезни, белизной мёртвой плоти.

Выглядывающее из рваной горловины тело выглядело сплошь костями и венами, таким же иссушенным, твёрдым и ужасающим, как и его лицо. Он оставил в покое силки, и, изучая меня, он щёлкал не в меру длинными пальцами.

— Человек, — сказал он, и его голос был всем и ничем, одним и многим, старым и юным, прекрасным и уродливым. Моё сердце ушло в пятки. — Ты подготовила эту умную, подлую ловушку для меня?

— Ты один из Суриэлей? — спросила я снова, мои слова едва ли были чем-то больше неровного дыхания.

— Да, безусловно.

Щёлк, щёлк. По щелчку пальцев для каждого слова.

— Значит, ловушка для тебя, — подтвердила я. *Бежать, бежать, бежать.*

Он остался сидеть, его скрюченные голые ноги попались в мою ловушку.

— Я целую вечность не видел человеческих девушек. Подойди ближе, чтобы я смог взглянуть на своего пленителя.

Ни за что. Я не двинулась с места.

Он издал шершавый, пугающий смешок.

— И кто же из моих братьев выдал тебе мои секреты?

— Никто из них. Моя мать рассказывала мне истории о вас.

— Ложь — я чую ложь в твоём дыхании.

Он снова принюхался, его пальцы щёлкнули. Он склонил голову в сторону резким, непредсказуемым движением, вслед за которым дёрнулась тёмная ткань.

— Что нужно человеческой девушке от Суриэля?

— Ты мне скажи, — тихо ответила я.

Он снова издал низкий смешок.

— Проверка? Глупо и бесполезно, ибо если ты осмелилась поймать меня, значит, тебе крайне нужны ответы.

Я ничего не ответила, а он улыбнулся своим ртом без губ, демонстрируя свои огромные жуткие серые зубы.

— Задавай свои вопросы, человек, и затем освободи меня.

Я судорожно сглотнула.

— Правда ли... действительно ли для меня нет никакого способа вернуться домой?

— Нет, если ты не стремишься умереть и не желаешь своей семье того же. Ты должна оставаться здесь.

За какой бы оставшийся клочок надежды я ни цеплялась, какой бы глупый оптимизм не питала, он скорчился и умер. Это ничего не изменило. В любом случае, до моей утренней стычки с Тамлином, я даже не рассматривала эту идею. Вполне возможно, я пришла сюда только назло ему. Итак, ладно — если я уже здесь, перед лицом верной смерти, то я могу узнать что-нибудь ещё.

— Что ты знаешь о Тамлине?

— Больше конкретики, человек. Больше конкретики. Ибо я знаю многое о Высшем Лорде Весеннего Двора.

У меня земля ушла из-под ног.

— Тамлин... Тамлин — Высший Лорд?

Щёлк, щёлк, щёлк.

— Ты не знала. Любопытно.

Не просто какой-то мелкий лорд фэйри из поместья, а... а Высший Лорд одной из семи территорий. Высший Лорд Прифиана.

— О том, что это Весенний Двор, ты тоже не знала, маленький человек?

— Нет... нет, это я знаю.

Суриэль устроился на земле.

— Весенний, Летний, Осенний, Зимний, Рассветный, Дневной и Ночной, — он рассуждал так, будто я не ответила. — Семь Дворов Прифиана, в каждом из которых правит Высший Лорд, и все они смертоносны каждый по-своему. Они не просто могущественные — *они и есть* Могущество.

Вот почему Тамлин способен встретиться с Богги лицом к лицу и выжить. Высший Лорд.

Я запрятала страх как можно дальше.

— В Весеннем Дворе все застряли в масках, а ты нет, — осторожно заметила я. — Ты не принадлежишь к этому Двору?

— Я не принадлежу ни к одному из Дворов. Я старше Высших Лордов, старше Прифиана, старше костей этого мира.

Люсьен *определённо* переоценил мои способности.

— А что можно сделать с болезнью, расплзшейся по Прифиану и ворующей и изменяющей магию? Откуда она взялась?

— Оставайся с Высшим Лордом, человек, — сказал Суриэль. — Это всё, что ты можешь сделать. Ты будешь в безопасности. Не вмешивайся. После сегодняшнего дня не ищи больше ответы, иначе зависшая над Прифианом тень поглотит тебя. Он защитит тебя от неё, поэтому будь рядом с ним и всё будет исправлено.

Это был не совсем ответ.

— Откуда пошла болезнь? — повторила я.

Белёные глаза сузились.

— Высший Лорд не знает, что ты сейчас здесь, не так ли? Он не знает, что его человеческая девушка отправилась ловить Суриэля, потому что он не может дать ей ответы, которые ей нужны. Но уже слишком поздно, человек — для Высшего Лорда, для тебя, для твоих родных земель, возможно, тоже...

Несмотря на всё что он сказал, несмотря на приказ прекратить задавать вопросы и оставаться с Тамлином, слова «его человеческая девушка» эхом звучали в моей голове. Это заставило меня стиснуть зубы.

А Суриэль продолжал.

— За неистовым западным морем есть ещё одно царство фэйри, называемое Хайберн, где правит злобный, могущественный король. Да, король, — сказал он, когда я выгнула бровь. — Не Высший Лорд — там, его территория не разбита на дворы. Там, он сам себе закон. На его землях больше не существуют люди, хотя его трон из их костей.

Этот большой остров я видела на карте, тот самый, что не отдал людям никаких земель после Договора. Трон из костей. Съеденный сыр превратился в желудке в камень.

— Уже не первый день Король Хайберна недоволен давним Договором, что другие правящие Высшие Фэ мира заключили с вами, людьми. Он возмущён, что был вынужден подписать его, позволить своим смертным рабам уйти и остаться прикованным к сырому зелёному острову на краю мира. И поэтому, сто лет назад, он отправил своих наиболее доверенных и преданных командиров, своих смертоносных воинов, остатки древних армий, которые он однажды уже отправлял на материк вести столь жестокую войну против вас, людей, и все они такие же голодные и коварные, как и он. В течение пятидесяти лет, они — в качестве шпионов, придворных и любовников — проникали в различные дворы, королевства и империи Высших Фэ по всему миру, а когда они собрали достаточно информации, он создал свой план. Но около пяти десятилетий назад, один из его командиров ослушался его. Обманщик. И... — Суриэль выпрямился. — Мы не одни.

Я натянула лук сильнее, но продолжала удерживать его направленным в землю, пока осматривала деревья. Но все звуки стихли ещё с появления Суриэля.

— Человек, ты должна освободить меня и бежать, — сказал он, его затопленные смертью глаза расширились. — Беги в поместье Высшего Лорда. Не забывай, что я тебе сказал — оставайся с Высшим Лордом и живи, чтобы увидеть, как всё наладится.

— Кто? — если бы я знала, кто приближается, у меня было бы больше шансов...

— Наги — фэйри из теней, ненависти и гнили. Они слышали мой крик и они учуяли тебя. Освободи меня, человек. Они посадят меня в клетку, если поймают здесь. *Освободи*

меня и возвращайся на территорию Высшего Лорда.

Чёрт. *Чёрт.* Я бросилась к ловушке, убирая лук и выхватывая нож.

Но четыре призрачные фигуры уже скользили среди берёз, столь тёмные, что они казались созданными из непроглядной беззвёздной ночи.

Глава 15

Наги словно были сотканы из кошмаров. Покрытые тёмной чешуёй и ничем больше, они сочетали в себе змеиные черты и человекоподобные тела мужчин, их руки заканчивались отполированными чёрными когтями, раздирающими плоть.

Вот они — существа из кровавых легенд. Те, которые пробиваются через стену мучить и убивать смертных. Те, кого я была бы рада убить в тот день в заснеженных лесах. Их огромные, миндалевидные глаза жадно впивались в Суриэля и меня.

Четверо из них остановились на той стороне поляны, нас разделял Суриэль, и я нацелила стрелу на нага в центре.

Существо улыбнулось, приветственно оскалив ряд острых, как лезвие, зубов, на мгновение показался серебристый раздвоенный язык.

— Сегодня Тёмная Мать послала нам подарок, братья, — сказал он, не сводя глаз с Суриэля, вцепившегося в силки. Янтарный взгляд нага снова обратился ко мне. — И пищу.

— Есть в ней особо нечего, — сказал другой, разминая когти.

Не опуская лук, я осторожно попятилась назад — в сторону ручья, к поместью. Один мой крик — и Люсьен мог бы меня услышать, но я едва дышала. И, если он отправил меня сюда, он может вообще не прийти. Все мои обострённые чувства были направлены на плавные отступающие шаги.

— *Человек,* — взмолился Суриэль.

У меня десять стрел — девять, как только я отпущу натянутую тетиву лука. Ни одной из ясеня, но, возможно, они смогут достаточно задержать наг, чтобы я смогла сбежать.

Ещё один шаг назад. Четыре нага подползли ближе, будто смакуя неторопливую охоту, будто уже попробовав меня на вкус.

Три удара сердца — и я приняла решение. Три удара сердца, чтобы осуществить план.

Я сильнее натянула тетиву, рука дрожала.

А потом я закричала. Пронзительно и громко, выдыхая каждую крупницу воздуха из моих слишком тесных лёгких.

Пока внимание наг было приковано исключительно ко мне, я выстрелила в верёвку, удерживающую Суриэля на месте.

Ловушка разрушена. Суриэль освободился и исчез, словно тень на ветру, тёмным порывом, пошатнувших наг.

Тот, что был ближе ко мне, обернулся вслед Суриэлю, его сильная чешуйчатая шея вытянулась. Нет больше ни шанса, что мои действия примут за неспровоцированное нападение — не теперь, когда они увидели мою цель. Они всё так же хотят убить меня.

И я выпустила стрелу.

Наконечник сверкнул падающей звездой во мраке леса. У меня было всего мгновение, прежде чем стрела попала в цель и брызнула кровь.

Наг повалился на землю, остальные трое повернулись ко мне. Я не знала, был ли это смертельный удар. Меня там уже не было.

Я мчалась к ручью по изученному пути и не осмеливалась оглядываться назад. Люсьен

говорил, что будет неподалёку — но я глубоко в лесу, слишком далеко от поместья и помощи.

Ветки и лозы трещали за мной — слишком близко — как и наполняющее застывший лес рычание, подобного которому я не слышала ни от Тамлина, ни от Люсьена, ни от волка и ни от какого-либо другого животного.

Моя единственная надежда выбраться живой — достаточно оторваться от них и добраться до Люсьена, если, конечно, он там, где обещал быть. Я не позволяла себе думать обо всех тех холмах, по которым мне придётся взбираться, когда лес останется позади. Или о том, что я буду делать, если Люсьен передумал.

Треск кустарников становился всё ближе и громче, и я свернула направо, перепрыгнув ручей. Проточная вода, возможно, могла бы остановить Суриэля, но шипение и глухой стук позади ясно показали, что для наг ручей преградой не оказался.

Я ринулась через чащу, шипы расцарапали мне щёки. Я едва чувствовала их жалящие поцелуи и тёплую кровь на лице. Я не успела даже вздрогнуть, как две тёмные фигуры мелькнули по бокам, окружая меня и подрезая.

Колени заныли, когда я заставила бежать себя ещё быстрее, сосредоточившись на ярком свете впереди, означающем конец леса. Но скользкий справа наг бросился на меня так быстро, что я могла только отпрыгнуть в сторону, избегая встречи с беспощадными когтями.

Я споткнулась, но удержалась на ногах, когда на меня набросился наг слева.

Резко остановившись, я подняла лук вверх и ударила по широкой дуге. Я чуть не потеряла хватку, когда лук столкнулся со змеиным лицом и с ужасающим скрежетом захрустели кости. Не останавливаясь, чтобы оглянуться на остальных, я перепрыгнула упавшее огромное тело.

Три шага — и третий наг преградил мне дорогу.

Я замахнулась луком ему в голову. Он увернулся. Два других подоспевших нага шипели за моей спиной, я крепче перехватила лук.

Окружена.

Я медленно обернулась по кругу, держа лук наготове.

Один из них обнюхал меня, его узкие ноздри раздувались.

— Тощее человеческое существо, — сказал, как сплюнул, он остальным, чьи улыбки стали едкими.

— Ты хоть знаешь, чего ты нам стоила?

Я не сдамся без боя, не забрав кого-то из них с собой.

— Катись в пекло, — сказала я на выдохе.

Они смеялись, подступая ближе. Я замахнулась луком на ближайшего. Он, посмеиваясь, увернулся.

— Мы развлечёмся, хотя ты вряд ли оценишь забаву.

Стиснув зубы, я замахнулась снова. Они не затравят меня словно волки оленя. Я найду способ выбраться. Я...

Пальцы с чёрными когтями сомкнулись на рукояти лука, гулкий треск эхом разнёсся по притихшему лесу.

Свистящий выдох и я едва успела полуобернуться, прежде чем один из них схватил меня за горло и швырнул на землю. Он прижал мою руку к земле настолько сильно, что у меня кости заныли, а пальцы разжались, обронив остатки лука.

— Когда мы закончим сдирать с тебя кожу, ты пожалеешь, что пересекла границу

Прифиана, — выдохнул он мне в лицо, вонь мертвечины сдавила горло. Я поперхнулась. — Мы так тщательно изрежем тебя на куски, что воронам мало что достанется.

Сквозь меня словно прошло белое горячее пламя. Злость, страх или дикий инстинкт — я не знаю. Я не думала. Я выхватила нож из сапога и вогнула его в жёсткую шею нага.

Кровь полилась мне на лицо, в рот, когда я закричала в гневе и ужасе.

Наг тяжело осел назад. Я вскочила на ноги прежде, чем двое оставшихся добрались до меня, но нечто каменно-твёрдое ударило меня по лицу. Упав на землю, я почувствовала вкус крови, грязи и травы. Перед глазами полыхали звёзды, но я снова инстинктивно поднялась на ноги и схватила охотничий нож Люсьена.

Только не так, только не так, только не так.

Один из них бросился на меня, я уклонилась в сторону. Его когти сжали мой плащ и рывком разодрали его на ленты, а его напарник бросил меня на землю, когтями порвав руки.

— У тебя кровь, — один из них, тяжело дыша, рассмеялся себе под нос, глядя на нож, который я подняла. — Мы выпустим твою кровь медленно и красиво.

Он пошевелил когтями — идеально подходящими для глубоких мучительных порезов. Он снова открыл рот и поляну потряс сокрушающий кости рёв.

Только прозвучал он не из глотки твари.

Ещё до того, как стихло эхо, наг отлетел от меня, врезавшись в дерево с такой силой, что древесина дала трещину. Я увидела сверкнувшие золотом маску и волосы и длинные смертоносные когти до того, как Тамлин ранил существо.

Удерживающий меня наг вскрикнул, ослабив хватку, и выпрямился, когда когти Тамлина вспороли шею его напарника. Вырвали с плотью и кровью.

Я оставалась на земле, держа нож наготове и выжидая.

Тамлин снова издал рык, от которого у меня похолодели кости, и обнажил удлинённые клыки.

Оставшаяся тварь метнулась в лес.

Он вырвался всего не несколько шагов вперёд, прежде чем Тамлин схватил его, пригвоздив к земле. Он выпотрошил нага одним длинным глубоким порезом.

Я не двигалась с места, моё лицо почти похоронено под листьями, обломками веток и мхом. Я не пыталась подняться. Меня трясло так сильно, что мне казалось, я развалюсь на куски. Всё, на что я была способна, это держать нож.

Тамлин выпрямился, выдернув когти из живота твари. С них капала и стекала кровь, окрашивая тёмно-зелёный мох.

Высший Лорд. Высший Лорд. Высший Лорд.

В его взгляде продолжала тлеть звериная ярость, и я вздрогнула, когда он опустился на колени рядом со мной. Он потянулся ко мне, но я дёрнулась назад, подальше от выпущенных окровавленных когтей. Я смогла сесть перед тем, как меня снова начало трясти. Я знала, что не смогу подняться на ноги.

— Фейра, — сказал он.

Из его взгляда исчез гнев, когти скрылись под кожей, но я всё ещё слышала его рык. В этом звуке не было ничего, кроме первородной ярости.

— Как? — это всё, что мне удалось сказать, но он понял меня.

— Я выслеживал их стаю — эти четверо оторвались и, должно быть, последовали за твоим запахом через лес. Я слышал твой крик.

Значит, о Суриэле он не знает. И он... он пришёл мне на помощь.

Он протянул ко мне руку, и я содрогнулась, когда его холодные, мокрые пальцы пробежались вниз по моей ноющей и жгущей щеке. Кровь. На них кровь. Судя по липкости на лице, я знала — там уже достаточно крови, обрызгавшей меня, так что ещё немного ситуации не изменит.

Боль на лице и в руке поблёкла, после исчезла совсем. Его глаза потемнели при взгляде на синяк, уже наверняка расцветший на моей щеке, но пульсирующая боль быстро растворилась. Меня окутал металлический запах магии. Налетевший лёгкий ветерок унёс его с собой.

— В половине мили отсюда я нашёл одного мёртвого, — продолжил он, убрав руки от моего лица, чтобы расстегнуть перевязь. Сняв тунику, он передал её мне. Моя спереди была вся в крови и разодрана когтями наг. — Я увидел одну из своих стрел в его глотке и потому пошёл по их следам сюда.

Я натянула тунику Тамлина поверх своей, не обращая внимание на то, как легко могу рассмотреть рельеф его мускул под белой рубашкой. Попавшая на неё кровь сделала их ещё заметнее. Чистокровный хищник, созданный убивать без промедлений, без сожалений. Снова вздрогнув, я наслаждалась теплом, исходящим от ткани. *Высший Лорд*. Я должна была знать, должна была догадаться. Возможно, я не хотела. Возможно, я боялась.

— Держись, — сказал он, поднявшись на ноги и предложив мне окровавленную руку.

Не решаясь посмотреть на убитого нага, я ухватилась за протянутую руку и он поднял меня на ноги. У меня подгибались колени, но я устояла.

Я уставилась на наши сцепленные руки, обе перепачканные чужой кровью.

Нет, он не единственный, кто только что проливал кровь. И на языке я чувствую вкус не только своей крови. Может быть, это делает меня таким же зверем, как и он. Но он спас меня. Убил для меня. Я сплюнула на траву, жалея, что потеряла флягу.

— Мне нужно знать, что ты здесь делала? — спросил он.

Нет. Определённо нет. Не после стольких предупреждений.

— Я подумала, что не ограничена только домом и садом. Я не осознавала, что ушла так далеко.

Он отпустил мою руку.

— В дни, когда меня зовут разобраться с... неприятностями, не уходи далеко от дома.

Я кивнула немного в оцепенении.

— Спасибо, — пробормотала я, справляясь с мучительной дрожью в теле, в мыслях.

Ощущение присохшей крови нага на моей коже стало почти невыносимым. Я снова сплюнула.

— Не... не только за это. За то, что спас мне жизнь.

Я хотела сказать, как много для меня это значит — то, что Высший Лорд Весеннего Двора решил, что меня стоит спасти — но я не могла подобрать нужных слов.

Его клыки уменьшились.

— Это... меньше, что я мог сделать. Они не должны были забраться так далеко в моих землях, — он покачал головой — больше для себя. Его плечи тяжело опустились. — Пойдём домой, — сказал он, избавляя меня от объяснений, почему и как я оказалась здесь.

Я не смогла заставить себя сказать ему, что поместье мне не дом — что, возможно, у меня вообще больше нет дома.

Возвращались мы в тишине, оба залитые кровью и бледные. Я всё ещё могла ощущать бойню, оставляемую нами позади — пропитанные кровью землю и деревья. Куски наг.

Ну, по крайней мере, я кое-что узнала у Суриэля. Даже если это и не совсем то, что я хотела услышать — или узнать.

«Оставайся с Высшим Лордом». Хорошо. Это довольно просто. Но что насчёт его прерванного урока истории о злых королях, их командирах и каким образом они связаны с Высшим Лордом, идущим возле меня, и болезнью... У меня всё так же нет ничего конкретного, чтобы предупредить свою семью. Но Суриэль сказал мне больше не искать ответов.

У меня ощущение, что я буду полной дурой, если проигнорирую его совет. Значит, моей семье придётся довольствоваться той информацией, что у меня есть. Надеюсь, этого будет достаточно.

Я больше ничего не спрашивала у Тамлина о нагах — о том, скольких он убил прежде, чем ускользнули те четверо — я вообще не спрашивала его ни о чём, потому что я не замечала у него признаков торжества, скорее уж нечто похожее на глубокий, бесконечный стыд и расстройство.

Глава 16

После часа в ванной, я сидела на стуле с низкой спинкой у потрескивающего камина у себя в комнате и наслаждалась ощущением, как Элис распутывает мои мокрые волосы. Хоть и вскоре должен был быть подан ужин, Элис принесла чашку расплавленного шоколада и отказалась что-либо делать, пока я не сделаю несколько глотков.

Это оказалось лучшее, что я когда-либо пробовала. Пока Элис расчёсывала мои волосы, я пила из большой чашки и едва ли не мурлыкала от ощущения её порхающих тонких пальцев по моей голове.

Но когда остальные из прислуги ушли вниз — помогать с ужином, я опустила чашку на колени.

— Если фэйри продолжают пересекать границы Двора и нападать — будет война?

«Может, мы просто должны возразить — может, пора сказать хватит» — сказал Люсьен Тамлину в тот первый вечер.

Расчёска замерла.

— Не задавай таких вопросов. Ты накличешь лихо.

Я повернулась на стуле и посмотрела прямо в её скрытое маской лицо.

— Почему другие Высшие Лорды не следят за своими подданными, не сдерживают их? Почему этим жутким существам позволено бродить, где им вздумается? Кое-кто... кое-кто начал рассказывать мне историю о короле Хайберна...

Элис взяла меня за плечи и развернула обратно.

— Это не твоё дело.

— О, а я думаю моё, — я снова повернулась, ухватившись за низкую спинку деревянного стула. — Если это повлияет на мир людей, если идёт война или эта болезнь поразит наши земли... — я подавила разрушительную панику. Я должна предупредить свою семью — *должна* написать им. Как можно скорее.

— Чем меньше ты знаешь, тем лучше. Позволь разобраться с этим Лорду Тамлину — только он на это способен.

Суриэль сказал то же самое. Взгляд карих глаз Элис был тяжёлым, неумолимым.

— Ты думала, никто не скажет мне, что ты сегодня просила на кухне, и я не пойму, кого ты ушла ловить? Безрассудная, глупая девчонка. Если бы Суриэль не был в

благожелательном настроении, ты бы заслуживала смерти от его рук. Я не знаю, что хуже: это или твой идиотизм с Пука.

— Ты бы поступила по-другому? Будь у тебя семья...

— У меня есть семья.

Я окинула её взглядом сверху донизу. Кольца на её пальце не было.

Элис заметила мой взгляд и сказала:

— Мою сестру и её мужа убили почти пятьдесят лет назад, у них были два малыша. Поэтому всё, что я делаю, и всё, для чего работаю, это всё для этих мальчиков. Так что, девочка, ты не имеешь права так смотреть на меня и спрашивать, как бы я поступила.

— Где они? Они живут здесь?

Может, поэтому в кабинете были детские книжки. Возможно, те две маленькие сверкающие фигуры в саду... возможно, это были они.

— Нет, они не живут здесь, — слишком резко сказала она. — Они в другом месте. Далеко отсюда.

Обдумав её слова, я наклонила голову.

— Возраст детей фэйри считается иначе?

Если их родителей убили около пятидесяти лет назад, их вряд ли можно назвать мальчиками.

— О, некоторые виды, такие как ты, могут размножаться так же часто как кролики, но есть виды — такие как я, как Высшие Фэ — которые весьма редко способны обзавестись детьми. Они растут немного медленнее. У нас всех был шок, когда моя сестра родила второго всего спустя пять лет после старшего, который ещё даже не достиг совершеннолетия — семидесяти пяти лет. Но они такая редкость — все наши малыши. И для нас они ценнее драгоценностей и золота, — она сжала челюсти так плотно, что я поняла — больше я из неё ничего не вытяну.

— Я не хотела усомниться в твоей преданности им, — тихо сказала я. Когда она не ответила, я добавила. — Я понимаю, что ты имеешь в виду — о том, что ты делаешь всё для них.

Элис поджала губы, но сказала:

— В следующий раз, когда дурак Люсьен будет советовать тебе, как поймать Суриэля, ты идёшь ко мне. Мёртвые куры, дряблая моя задница. Всё, что тебе нужно было сделать — это предложить ему новую одежду и он бы пресмыкался у твоих ног.

Когда я спустилась в столовую, меня больше не трясло и по венам снова разлилось тепло. Высший Лорд Прифиана или нет, но съёживаться и дрожать от страха перед ним я не собираюсь — не после сегодняшнего.

Люсьен и Тамлин уже ждали меня за столом.

— Добрый вечер, — сказала я, направившись к своему привычному месту.

Люсьен вскинул голову в молчаливом вопросе и я незаметно кивнула ему, опустившись на стул. Его секрет в безопасности, хотя он и заслуживает хорошей взбучки за то, что отправил меня к Суриэлю такой неподготовленной.

Люсьен слегка развалился на своём стуле.

— Слышал, у вас двоих был довольно занимательный день. Хотел бы я быть там и

помочь вам.

Скрытые и, возможно, равнодушные извинения, но я снова незаметно кивнула.

— Ну, несмотря на твой адский день, ты всё равно выглядишь прекрасно, — сказал он с натянутой беспечностью.

Я фыркнула. Никогда в жизни я не выглядела прекрасно.

— Я думала, фэйри не могут лгать.

Тамлин подавился вином, а Люсьен широко ухмыльнулся — его жуткий шрам резко выделился.

— Кто тебе это сказал?

— Все это знают, — сказала я, накладывая на тарелку еду и начиная сомневаться во всём, что они говорили мне раньше, в каждой фразе, которую я принимала за чистую монету.

Люсьен откинулся на стуле, улыбаясь с присущей кошкам хитростью.

— Разумеется, мы можем лгать. Мы считаем ложь искусством. И мы лгали, рассказывая тем древним смертным о том, что не способны говорить неправду. Как ещё мы могли заставить их доверять нам и выполнять наши требования?

Мои губы сжались в тонкую, тугую линию. Он говорит правду, ведь если он лжёт... От попытки рассуждать логически закружилась голова.

— Железо? — выдавила я.

— Не причиняет нам и капли вреда. Только яшень, как тебе хорошо известно.

Моё лицо пылало. Все их слова я принимала за сущую правду. Возможно, Суриэль сегодня тоже лгал, пускаясь в многословные разъяснения о политике миров фэйри. О том, что я должна оставаться с Высшим Лордом. И о том, что в итоге всё наладится.

Я взглянула на Тамлина. *Высший Лорд*. Это ложью не было — эта правда словно костями ощущалась. Хоть он и не ведёт себя как Высшие Лорды из легенд, приносящие в жертву девственниц и убивающие людей, когда им захочется. Нет, Тамлин... он в точности такой, как представляют те фанатичные Дети Благословенных щедрость и комфорт Прифиана.

— Пусть Люсьен и раскрыл некоторые из наших самых охраняемых *секретов*, — сказал Тамлин, процедив последнее слово с рычанием и бросив взгляд на друга. — Мы никогда не использовали твою неосведомлённость против тебя, — его взгляд встретился с моим. — Добровольно мы никогда тебе не лгали.

Мне удалось кивнуть и сделать большой глоток воды. Я ела молча, настолько занятая переосмысливанием каждого слова, услышанного с момента появления здесь, что не заметила, как Люсьен извинился и исчез перед десертом. Я осталась наедине с самым опасным существом, которое когда-либо встречала.

Стены комнаты давили на меня.

— Ты... хорошо себя чувствуешь? — хоть он и подпирал кулаком подбородок, беспокойство — и, возможно, удивление этому беспокойству — сверкало в его глазах.

Я судорожно сглотнула.

— Если я больше никогда не столкнусь с нагами, я буду считать, что мне повезло.

— Что ты делала в западных лесах?

Правда или ложь, ложь или правда... и то, и другое.

— Однажды я слышала легенду о существе, которое отвечает на все твои вопросы, если ты сумеешь его поймать.

Тамлин вздрогнул, когда его выскочившие когти поранили лицо. Но раны затянулись, едва успев появиться, оставив только стекающие по золотистой коже мазки крови, которые он вытер тыльной стороной рукава.

— Ты ходила ловить Суриэля.

— Я поймала Суриэля, — поправила я.

— И он рассказал тебе всё, что ты хотела знать?

Я не уверена, что он дышит.

— Наги прервали нас прежде, чем он успел рассказать мне что-нибудь стоящее.

Он поджал губы.

— Я бы высказался, но, думаю, сегодняшний день был достаточно поучительным, — он покачал головой. — Ты на самом деле поймала Суриэля. Человеческая девушка.

Несмотря на прошедший день, уголки моих губ сами собой дрогнули вверх.

— Разве это должно было быть трудно?

Он усмехнулся, а затем выудил что-то из кармана.

— Ну, если мне повезёт, мне не придётся ловить Суриэля, чтобы узнать — что это, — он продемонстрировал мой скомканный список слов.

У меня сердце в пятки ушло.

— Это... — я не могла придумать правдоподобную ложь — все отговорки выглядели нелепыми.

— *Необыкновенный? Очередь? Убийство? Разрушительный пожар?* — прочитал он список.

Я хотела сжаться в комок и умереть. Слова, которые я не смогла понять в книгах. Слова, которые теперь кажутся столь простыми, до смешного простыми, когда он произнёс их вслух.

— Это поэма о моём убийстве и о сожжении моего тела?

В горле застрял комок, а руки пришлось сжать в кулаки, чтобы удержаться от желания закрыть ими лицо.

— Доброй ночи, — едва не шёпотом сказала я, поднимаясь. Колени дрожали.

Я была уже почти у дверей, когда он заговорил снова:

— Ты их очень сильно любишь, не так ли?

Я полуобернулась к нему. Он поднялся из-за стола, чтобы подойти ко мне, и его зелёные глаза встретились с моими. Он остановился на достаточном расстоянии.

В его руке всё ещё был список уродливых слов.

— Интересно, осознаёт ли это твоя семья, — негромко сказал он. — Всё то, что ты делала, было не ради обещания твоей матери, не ради тебя, а только ради них.

Я ничего не ответила, не доверяя собственному голосу, способному выдать стыд.

— Я знаю — знаю, что когда я говорил тебе это раньше, у меня получилось не очень хорошо, но я мог бы помочь тебе написать...

— Оставь меня в покое, — сказала я.

Я почти выскочила за дверь, когда натолкнулась на кого-то — на него. Я отшатнулась назад. Я и забыла, какой он быстрый.

— Я не пытаюсь тебя оскорбить, — от его тихого голоса стало только хуже.

— Я не нуждаюсь в твоей помощи.

— Разумеется, нет, — сказал он с полуулыбкой. Но улыбка поблёкла. — Человек, способный убить фэйри в волчьей шкуре, способный поймать Суриэля и собственноручно

убивший двух наг... — он подавил смешок и покачал головой. Огненные блики танцевали на его маске. — Они глупцы. Глупцы, раз не видели этого, — он поморщился, но в его глазах не было зла. — Вот, — сказал он, протягивая список слов.

Я спрятала его в карман. Я отвернулась, но он мягко схватил меня за руку.

— Ты от многого отказалась ради них, — он поднял другую руку, будто собираясь прикоснуться к моей щеке. Я напряглась, но он опустил руку так и не коснувшись кожи. — Ты хотя бы знаешь, как смеяться?

Не в силах сдерживать гневные слова, я стряхнула его руку. Будь ты проклят, Высший Лорд.

— Мне не нужна твоя жалость.

Его нефритовые глаза были такими яркими, что я не могла отвести взгляд.

— Как насчёт друга?

— Разве фэйри и смертные могут быть друзьями?

— Пятьсот лет назад довольно многие фэйри были настолько дружны со смертными, что на войне они выступали на их стороне.

— Что? — я никогда такого раньше не слышала. И этого не было на фреске в кабинете.

— А как ты думаешь армии людей выживали так долго и как причинили столько ущерба, что мой вид согласился пойти на заключение договора? С одним только ясеневым оружием? Были фэйри, которые сражались и умирали на стороне людей за их свободу, и которые скорбели, когда единственным решением оказалось разделение нашего народа.

— Ты был одним из них?

— В то время я был ребёнком. Слишком юным, чтобы понимать, что происходило — или даже для того, чтобы знать о происходящем, — сказал он. *Ребёнок*. Значит, сейчас ему должно быть больше... — Но будь я достаточно взрослым, я был бы на их стороне. Против рабства, против тирании — я бы с удовольствием отдал свою жизнь, и не важно, чью бы свободу я защищал.

Я не уверена, что поступила бы так же. Моим приоритетом была бы защита семьи — и я бы выбрала любую сторону, способную их обезопасить. Раньше я никогда не думала об этом, как о слабости. До сегодняшнего дня.

— Как бы то ни было, — сказал Тамлин. — Твоя семья знает, что ты в безопасности. Они ничего не помнят о ворвавшемся в их дом звере. Они думают, будто тебя позвала дальняя, давно забытая и очень богатая тётя, чтобы ты досматривала её. Они знают, что ты жива, сыта и что о тебе заботятся. Но им так же известны слухи о... некой угрозе в Прифиане, и они готовы бежать в случае любых тревожных знаков из-за стены.

— Ты... ты изменил их воспоминания? — я шагнула назад. Надменные фэйри, столь самонадеянно с их стороны — изменять наш разум, внушать мысли так, словно это не насилие...

— Зачаровал их воспоминания — как набросил на них флер. Я опасался, твой отец мог пойти за тобой или убедить нескольких жителей деревни пересечь стену вместе с ним и, в дальнейшем, нарушить Договор.

И, в любом случае, они все погибли бы, едва столкнувшись с такими существами как Пука, Богги или наги. Тишина окутала мысли, я была настолько измучена, что едва могла думать и не смогла остановить себя прежде, чем произнесла:

— Ты не знаешь его. Мой отец не потрудился бы сделать хоть что-нибудь.

Тамлин посмотрел на меня долгим взглядом.

— Нет, он сделал бы.

Не сделал бы — не с покалеченной ногой. Не с ней в качестве оправдания. Я поняла это в тот момент, когда иллюзия Пука разрушилась.

Сытые, в комфорте и безопасности — их даже предупредили о болезни, независимо от того поймут они или нет. Его глаза были открытыми, честными. Он зашёл гораздо дальше, чем я могла предположить, чтобы развеять все мои беспокойства и опасения.

— Ты действительно предупредил их... о возможной угрозе?

Серьёзный, тяжёлый кивок.

— Не прямое предупреждение, но... это вплетено во флер на их воспоминаниях — наряду с приказом бежать по первому знаку, что что-то неладно.

Надменность фэйри, но... но он сделал намного больше, чем смогла бы я. Моя семья могла бы полностью проигнорировать моё письмо. Если бы я знала, что он обладает этими способностями, возможно, я бы даже сама попросила Высшего Лорда зачаровать их воспоминания, если бы он сам этого не сделал.

Значит, мне больше не о чем беспокоиться, за исключением того, что они, наверно, забудут меня раньше, чем я ожидала. Я не могу осуждать их за это. Моё обещание выполнено, моё задание тоже — что ещё мне осталось?

Блики огней танцевали на его маске, оживляя золото и заставляя изумруды сверкать. Столько красок и оттенков... Красок, названия которых я не знаю. Красок, которые я бы хотела знать и переплетать их. Краски, изучение которых у меня сейчас нет причин откладывать.

— Краски, — сказала я едва слышно. Он склонил голову, а я сглотнула и расправила плечи. — Если... если это не слишком большая просьба, я бы хотела немного красок. И кистей.

Тамлин моргнул.

— Тебе нравится... искусство? Тебе нравится рисовать?

В его запинаящихся словах не было зла. Для меня этого было достаточно, чтобы продолжить.

— Да. Я не... не так уж хороша, но если это не доставит слишком много неприятностей... Я буду рисовать снаружи, так что я не устрою беспорядка, но...

— Снаружи, внутри, на крыше — рисуй, где захочешь. Мне всё равно, — сказал он. — Но если тебе нужны краски и кисти, тебе также понадобятся холсты и бумага.

— Я могу работать — помогать на кухне или в садах — чтобы заплатить за них.

— Ты будешь больше мешать, чем помогать. Может потребоваться несколько дней, чтобы найти их, но краски, кисти, холсты и пространство твои. Работай, где пожелаешь. В любом случае, этот дом слишком чистый.

— Спасибо — в смысле, на самом деле. Спасибо.

— Несомненно.

Я развернулась уйти, но он заговорил снова:

— Ты видела галерею?

— В этом доме есть галерея? — выпалила я.

Он улыбнулся — Высший Лорд Весеннего Двора действительно улыбнулся.

— Я закрыл её, когда унаследовал это место, — кажется, унаследование титула его не слишком радует. — Заставлять прислугу держать её в чистоте казалось пустой тратой времени.

Разумеется, пустая трата времени — для тренированного воина.

Он продолжил:

— Завтра я занят, а галерею должны привести в порядок, так что... послезавтра — позволь мне показать тебе её послезавтра, — он потёр шею, на его щеках появился слабый оттенок — сделав его более живым и тёплым, чем я видела раньше. — Пожалуйста — я буду рад.

И я поверила ему, молча кивнув. Если картины в холлах изысканные и восхитительные, значит, выбранные для галереи должны быть за гранью моего человеческого воображения.

— Спасибо, с удовольствием.

Он снова улыбнулся мне — широко, открыто и без колебаний. Айзек никогда мне так не улыбался. От улыбки Айзека у меня никогда не перехватывало дыхание, даже немножко.

Ощущение оказалось столь поразительным, что я уходила, вцепившись в скомканную бумажку в кармане так, будто она способна помешать моим губам отвечать на улыбку.

Глава 17

Я проснулась посреди ночи, тяжело дыша. В моих снах щёлкали костяные пальцы Суриэля, ухмылялся наг, а бледная, безликая девушка тянулась окровавленными ногтями к моему горлу, разрывая его по кусочкам. Она снова и снова спрашивала моё имя, но каждый раз, как я пыталась заговорить, кровь в ранах пузырилась и булькала, и я давилась ею.

Я провела руками по влажным от пота волосам. Едва отдышавшись, я услышала другой звук, наполнивший воздух, проникший из коридоров в щель под дверью. Крики и чьи-то пронзительные вопли.

В мгновение ока я выскочила из постели. Крики не были агрессивными, скорее командными — организовывающими. Но эти истошные вопли...

Я распахнула двери и у меня волосы дыбом встали. Я могла бы остаться и забиться в угол, но я уже слышала подобные дикие крики — дома, в лесу, когда не убила с первого раза и животное страдало. Я не могу терпеть их. И я должна знать.

Добравшись до парадной лестницы, я увидела распахнутые двери главного входа в поместье и спешащего Тамлина с перекинутым через плечо вопящим фэйри.

Фэйри почти такой же высокий, как и Тамлин, но Высший Лорд нёс его так, словно он ничуть не тяжелее мешка с зерном. Ещё один вид низших фэйри — с голубой кожей, долговыми конечностями, заострёнными ушами и длинными волосами цвета оникса. Но даже с высоты лестницы, я могла разглядеть хлещущую из спины фэйри кровь — кровь из чёрных обрубков, выступающих на его лопатках. Кровь, которая впитывалась в зелёную тунику Тамлина, покрывая её насыщенными, маслянистыми пятнами. В его перевязи не хватало одного ножа.

Люсьен как раз ворвался в холл, когда Тамлин крикнул:

— Подготовь стол!

Люсьен сбросил вазу с цветами с длинного стола в центре холла. Или Тамлин плохо соображал, или он боялся потерять драгоценные минуты по пути к медпункту. Звонко разбившееся стекло заставило меня двигаться, и я была уже на полпути вниз по лестнице до того, как Тамлин уложил на стол визжащего фэйри на живот. У этого фэйри не было маски. Ничто не скрывало агонию, искривляющую его продолговатые, неземные черты.

— Его наши разведчики. Он был брошен прямо на границе, — Тамлин говорил Люсьену, но его взгляд метнулся ко мне.

В его глазах вспыхнуло предупреждение, но я шагнула на ещё одну ступеньку ниже.

— Он из Летнего Двора, — сказал он Люсьену.

— Силы Котла, — сказал Люсьен, осматривая повреждения.

— Мои крылья, — сдавленно выдохнул фэйри, широко распахнув блестящие чёрные глаза и глядя в никуда. — Она забрала мои крылья.

И снова эта безымянная «она», наводящая страх на их жизни. Если она не правит в Весеннем Дворе, значит, скорее всего, она правит другим Двором. По щелчку Тамлина, на столе просто *появились* парующая вода и бинты. У меня пересохло во рту, но я спустилась вниз по лестнице и подошла к столу и смерти, уверенно витающей в этом холле.

— Она забрала мои крылья, — сказал фэйри. — Она забрала мои крылья, — повторял он, вцепившись тонкими синими пальцами в край стола.

Тамлин пробормотал мягкий, бессловесный звук — с нежностью, которой я раньше никогда не слышала — и, взяв лоскут ткани, намочил его в воде. Я остановилась по другую сторону стола от Тамлина, а, увидев раны, со свистом выдохнула.

Кем бы ни была эта «она», она не просто забрала его крылья. Она вырвала их.

Кровь сочилась из чёрных бархатных обрубков на спине фэйри. Раны были неровными, словно зубчатыми — хрящи и ткани разорваны так, словно их грубо вырезали. Так, если бы она отдирала его крылья по кусочку.

— Она забрала мои крылья, — снова повторил фэйри убитым голосом.

Он дрожал, объятый шоком, вены на его коже мерцали чистым золотом — переливались. Он был словно голубая бабочка.

— Не шевелись, — приказал Тамлин, выжимая тряпку. — Так ты слишком быстро истечёшь кровью.

— Н-н-нет, — фэйри заёрзал, пытаясь перевернуться на спину и отодвинуться подальше от Тамлина, подальше от боли, которая, несомненно, будет, едва тряпка коснётся тех чувствительных обрубков.

Это был инстинкт, или милосердие, или, возможно, отчаяние, — схватить плечи фэйри и опустить их снова, придавливая его к столу так аккуратно и мягко, как только могла. Он метался довольно сильно, чтобы я сосредоточилась исключительно на том, как его удерживать. Его кожа была бархатно-гладкой и скользкой — текстура, которую я бы никогда не смогла передать красками, даже если бы у меня была вечность на её создание. Но я прижимала его к столу, стискивая зубы и пытаясь его утихомирить. Я посмотрела на Люсьена — с его лица исчезли все краски, оставив лишь болезненную зеленоватую бледность.

— Люсьен, — сказал Тамлин — негромкая команда.

Но Люсьен продолжал в изумлении смотреть на израненную спину фэйри, на обрубки, а его металлический глаз сужался и расширялся, сужался и расширялся. Он шагнул назад. Ещё один шаг. А потом его вырвало на растение в горшке, после чего он пулей вылетел из зала.

Фэйри снова заёрзал и я сильнее придавила его к столу, мои руки дрожали от напряжения. Должно быть, раны хорошо его ослабили, раз я могу его удерживать.

— Пожалуйста, — выдохнула я. — Пожалуйста, не дёргайся.

— Она забрала мои крылья, — всхлипнул фэйри. — Она забрала их.

— Знаю, — прошептала я, мои пальцы ныли. — Я знаю.

Тамлин коснулся тряпкой одного из обрубков, и фэйри закричал так громко, что мои чувства взорвались, и я ошеломлённо отшатнулась назад. Он попытался встать, но его руки

подогнулись и он снова рухнул на стол.

Хлынула кровь — такая быстрая и яркая, что мне хватило мгновения, чтобы понять — к подобным ранам необходимы жгуты, а фэйри уже потерял слишком много крови, чтобы пытаться хоть как-то изменить ситуацию. Кровь лилась по спине и на стол, откуда стекала к краю и *кап-кап-капала* около моих ног.

Я заметила, что Тамлин смотрит на меня.

— Кровь не сворачивается, — сказал он вполголоса, когда фэйри начал задыхаться.

— Разве ты не можешь использовать свою магию? — спросила я, желая сорвать маску с его лица, чтобы увидеть все эмоции.

Тамлин с трудом сглотнул.

— Нет. Не для таких серьёзных повреждений. Раньше — да, но не теперь.

Фэйри на столе всхлипывал, его дыхание замедлялось.

— Она забрала мои крылья, — прошептал он.

Зелёные глаза Тамлина замерцали, а я знала, что, прямо сейчас, фэйри умрёт. Смерть не просто витала в холле. Она отсчитывала последние удары сердца фэйри.

Я взяла фэйри за руку. Его кожа была плотной и, возможно, больше из-за рефлекса, его длинные пальцы обвили мои, полностью накрыв их.

— Она забрала мои крылья, — снова сказал он, его дрожь понемногу утихала.

Я убрала в сторону длинные влажные волосы с повёрнутого вполоборота лица фэйри, открывая заострённый нос и полный острых зубов рот. Его тёмные глаза встретились с моими, умоляя и прося.

— Всё будет хорошо, — сказала я, надеясь, что он не может чувствовать ложь так же как Суриэль.

Я погладила его по волосам — они были словно жидкая ночь. Ещё одна текстура, которую я никогда не смогу передать красками, но буду пытаться, возможно, целую вечность.

— Всё будет хорошо.

Фэйри закрыл глаза, а я крепче сжала его руку.

Что-то мокрое коснулось моих ног, и мне не нужно было смотреть вниз, чтобы увидеть его кровь.

— Мои крылья, — прошептал фэйри.

— Ты получишь их обратно.

Фэйри с трудом открыл глаза.

— Ты клянёшься?

— Да, — тихо выдохнула я.

Фэйри сумел слабо улыбнуться и снова закрыл глаза. У меня дрожали губы. Я хотела бы сказать что-то ещё, что-то большее, чем мои пустые обещания. Моя первая фальшивая клятва. Но тут заговорил Тамлин и я увидела, как он берёт фэйри за другую руку.

— Да хранит тебя Котёл, — сказал он, произнося слова молитвы, которая, наверно, древнее мира смертных. — Мать проведёт тебя. Пройди сквозь врата и ощути изобилие бессмертных земель. Не опасайся зла. Не чувствуй боли, — голос Тамлина дрогнул, но он договорил. — Иди, и войди в вечность.

Фэйри в последний раз с трудом вздохнул, и его рука обмякла. Однако я не отпустила её, я продолжала гладить фэйри по волосам, даже когда Тамлин отпустил его и отошёл от стола в сторону на несколько шагов.

Я чувствовала взгляд Тамлина на себе, но не отпускала руку фэйри. Я не знаю, сколько душе требуется времени, чтобы отделиться от тела. Я стояла в луже крови до тех пор, пока она не стала холодной, я не отпускала тонкой руки, не прекращала гладить его по волосам. Я задавалась вопросом, знал ли он, что я солгала, поклявшись, что он вернёт свои крылья. Я гадала, *получил* ли он их обратно, где бы он сейчас ни был.

Где-то в доме пробили часы, и Тамлин опустил руку мне на плечо. Я не понимала, насколько замёрзла, пока не почувствовала тепло его руки сквозь ночную рубашку.

— Его больше нет. Отпусти его.

Я вглядывалась в лицо фэйри — такое неземное, такое нечеловеческое. Кто мог быть настолько жестоким, чтобы сотворить с ним такое?

— Фейра, — позвал Тамлин, сжимая моё плечо.

Я заправила волосы фэйри за его длинное заострённое ухо, жалея, что не знаю его имени, и отпустила его.

Тамлин провёл меня вверх по лестнице, и никто из нас не беспокоился ни о кровавых следах, которые я оставляла за собой, ни о ледяной крови, пропитавшей мою ночную рубашку. Я остановилась на верхней ступеньке и, вывернувшись из его рук, уставилась на стол в холле.

— Мы не можем оставить его там, — сказала я, попытавшись шагнуть вниз. Тамлин поймал меня за локоть.

— Знаю, — сказал он, его голос звучал опустошённым и уставшим. — Я собирался сначала проводить тебя наверх.

Прежде, чем похоронить его.

— Я хочу пойти с тобой.

— Ночью для тебя слишком опасно...

— Я могу взять свой...

— Нет, — сказал он, его зелёные глаза вспыхнули.

Я выпрямилась, но он вздохнул и его плечи чуть опустились.

— Это должен сделать я. Один.

Он склонил голову. Ни клыков, ни когтей. С этим врагом, с этой участью ничего нельзя поделать. Ему не с кем сражаться. И потому я кивнула, потому что я тоже хотела бы сделать это в одиночестве. Я развернулась в сторону своей комнаты. Тамлин остался на верхней ступеньке лестницы.

— Фейра, — сказал он — достаточно мягко и тихо, чтобы я снова обернулась. — Почему? — он слегка склонил голову набок. — Ты ненавидела наш вид. И после Андрэса... — даже в полумраке коридора я видела, как его обычно светлые глаза потемнели. — Так почему?

Я шагнула ближе к нему, мои запачканные кровью ноги прилипали к ковру. Я взглянула вниз, где я всё ещё могла видеть распостёртого на столе фэйри, обрубки его крыльев.

— Я бы не хотела умирать в одиночестве, — сказала я, и мой голос дрогнул, когда я посмотрела на Тамлина, заставив себя встретиться с ним взглядом. — Я бы хотела, чтобы кто-то держал меня за руку до самого конца и немного после. Это то, чего заслуживает каждый — человек или фэйри, — я тяжело сглотнула, горло болезненно сдавило. — Я сожалею о том, что сделала с Андрэсом, — слова душили и звучали не громче шёпота. — Мне жаль... что в моём сердце было столько ненависти. Я бы хотела повернуть всё вспять и... Я сожалею. Мне действительно очень жаль.

Я не могла вспомнить последний раз, когда я говорила кому-то нечто подобное — если я вообще хоть когда-либо такое говорила. Но он лишь кивнул и отвернулся, а я думала, должна ли я сказать больше, должна ли упасть на колени и умолять его о прощении. Если он испытывает такое горе, такую вину по отношению к чужаку, то к Андрэсу... К тому времени, когда я открыла рот, он уже спустился вниз по ступенькам.

Я наблюдала за ним — следила за каждым его движением, за виднеющимися сквозь промокшую в крови тунику мускулами, следила за невидимой тяжестью, опустившейся на его плечи. Не глядя на меня, он подхватил искалеченное тело и понёс его к дверям в сад, которых мне не было видно. Подойдя к окну у верхней части лестницы, я смотрела, как Тамлин несёт фэйри через залитый лунным светом сад в сторону простирающихся дальше холмов и полей. Он ни разу не оглянулся назад.

Глава 18

На следующий день, к тому времени как я позавтракала, умылась и оделась, кровь фэйри уже прибрали. Утром я не торопилась, и потому, когда стояла наверху лестницы и вглядывалась в холл внизу, был уже почти полдень. Вглядывалась, просто чтобы убедиться, что всё исчезло.

Я настроилась найти Тамлина и объяснить — искренне объяснить — как я сожалею об Андрэсе. Если я должна остаться здесь, с ним, то я хотя бы попытаюсь исправить то, что разрушила. Я оглянулась на большое окно позади меня, вид столь обширный, что я могла разглядеть путь к зеркальному пруду за пределами сада.

В спокойной водной глади безукоризненно отражались красочное небо и большие пышные облака. Просить их после вчерашней ночи казалось кощунством, но возможно... возможно, если краски и кисти *уже здесь*, я могла бы сходить к пруду и запечатлеть его.

Я бы осталась любоваться переплетениями цветов, света и текстур, если бы из другого крыла поместья не показались Тамлин и Люсьен, обсуждающие приграничные патрули. Когда я спустилась по лестнице, они замолчали, а Люсьен сразу зашагал к парадным дверям, всего лишь махнув рукой в качестве «доброго утра». Жест не был злым, но он явно не собирался участвовать в намечающемся у нас с Тамлином разговоре.

В надежде обнаружить обещанные краски, я оглянулась вокруг, но Тэм указал на распахнутые парадные двери, за которыми скрылся Люсьен. За ними я разглядела оседланных и ждущих нас наших лошадей. Люсьен уже взобрался в седло третьей лошади. Я обернулась к Тамлину.

Оставаться с ним. Он убережёт меня от опасностей и всё наладится. Ладно. Я могу это сделать.

— Куда мы едем? — мои слова были едва ли не бормотанием.

— Всё, что тебе необходимо для рисования, прибудет только завтра, а в галерее убирают и моя... встреча перенеслась.

Он теряет в словах?

— Я подумал, мы могли бы прогуляться — без убийств. И без беспокойств о нагах.

Хоть он и говорил с полуулыбкой, но в его глазах промелькнула печаль. В самом деле, за последние два дня смертей было предостаточно. Хватит убийств фэйри. Убийств кого угодно. Ни на боку Тамлина, ни на перевязи оружия не было, но рукоять ножа поблёскивала из его сапога.

Где он похоронил того фэйри? Высший лорд, копающий могилу для незнакомца. Если

бы мне такое рассказали, я бы, скорее всего, не поверила. Не поверила бы, если бы он не предложил мне убежище вместо смерти.

— Куда? — спросила я.

Он лишь улыбнулся.

Когда мы приехали, я не могла подобрать ни слова — и я знала, будь у меня возможность нарисовать это, никакими стараниями этого не передать. Это не просто самое прекрасное место, которое я когда-либо видела, и оно не просто наполняло меня тоской и радостью одновременно, но оно казалось таким... *правильным*. Словно цвета, свет и узоры всего мира сплелись воедино, чтобы создать одно идеальное место — один шедевр истинной красоты. После вчерашней ночи, это именно то место, куда мне было необходимо.

Мы сидели на вершине травянистого холма, откуда открывался удивительный вид на столь высокие и широкие дубы, что они могли бы быть столпами и шпильями древнего замка. Мимо проплывали мерцающие пушинки одуванчиков, а в низине поляну устилала покачивающиеся крокусы, подснежники и колокольчики. Ко времени, когда мы добрались, был час или два после полудня — свет был ярким, плотным и золотистым.

Хоть тут были только мы трое, я могла поклясться, что слышала пение. Обняв колени, я любовалась долиной.

— У нас есть одеяло, — сказал Тамлин, и я оглянулась через плечо, чтобы увидеть, как он кивает в сторону фиолетового одеяла, расстеленного в нескольких футах. Люсьен плюхнулся на него и вытянул ноги. Тамлин остался на ногах, ожидая моего ответа.

Я отрицательно покачала головой и посмотрела вперёд, запустив руку в мягкую, словно пёрышки, траву и запоминая её цвет и текстуру. Я никогда не прикасалась к такой траве, как эта, и, безусловно, я не собираюсь лишать себя этих ощущений, сидя на одеяле.

За моей спиной вспыхнули быстрые перешёптывания, но до того, как я обернулась разузнать, что происходит, рядом со мной опустился Тамлин. Его челюсти были достаточно сжаты, чтобы я предпочла смотреть вперёд.

— Что это за место? — спросила я, продолжая перебирать пальцами траву.

В боковом зрении Тамлин выглядел какой-нибудь сверкающей золотой фигурой.

— Просто долина.

За нашими спинами фыркнул Люсьен.

— Тебе здесь нравится? — быстро спросил Тамлин.

Зелень его глаз удивительно походила на траву в моих пальцах, а янтарные блики были словно лучи солнечного света, проникающие сквозь деревья. Даже его маска, странная и чужеродная, казалось, идеально вписывается в долину — так, словно это место было создано специально для него. Я легко могла представить его здесь в звериной форме — свернувшимся в полудреме на траве.

— Что? — опомнилась я. Я забыла, о чём он спрашивал.

— Тебе здесь нравится? — повторил он, его губы тронула улыбка.

Неровно вздохнув, я снова окинула взглядом долину.

— Да.

Он усмехнулся.

— И это всё? Одно только «да»?

— Хотите, чтобы я рассыпалась перед вами в благодарностях, что привезли меня сюда, Высший Лорд?

— А Суриэль ведь не сказал тебе ничего стоящего, не так ли?

Эта его улыбка разожгла во мне нечто смелое.

— Он также сказал, что тебе нравится, когда тебя вычёсывают, и, если я умная девочка, я могла бы обучать тебя с лакомствами.

Тамлин запрокинул голову к небу и разразился смехом. Вопреки себе, я невольно мягко усмехнулась.

— Я мог бы умереть от неожиданности, — сказал Люсьен за спиной. — Фейра пошутила.

Я обернулась к нему с холодной улыбкой.

— Тебе бы не хотелось узнать, что Суриэль говорил о тебе, — я вздёрнула брови, а Люсьен поднял руки, признавая поражение.

— А я бы хорошо заплатил, чтобы послушать, что Суриэль думает о Люсьене, — сказал Тамлин.

Выскочила пробка, за ней последовали звуки, с которыми Люсьен выпил содержимое бутылки, а после, посмеиваясь, он пробормотал:

— Нравится, когда вычёсывают.

В глазах Тамлина по-прежнему сверкал смех, когда он взял меня за локоть и потянул встать на ноги.

— Пойдём, — сказал он, кивнув головой на пробегающий у основания холма маленький ручей, внизу склона. — Я хочу тебе кое-то показать.

Я поднялась на ноги, но Люсьен остался сидеть на одеяле, отсалютовав мне бутылкой вина. Глотнув из неё, он растянулся на спине и уставился на зелёный полог.

Каждое движение Тамлина было точным и решительным, его сильные мускулистые ноги словно поглощали землю, когда мы петляли между высокими деревьями, перепрыгивали крошечные ручейки и карабкались по крутым буграм. Мы остановились на вершине холма, и у меня руки ослабли. Там, на поляне, окружённый величественно возвышающимися деревьями, раскинулся искрящийся серебристый пруд. Даже на расстоянии я могу сказать, что там не вода, а что-то гораздо более редкое и бесконечно ценное.

Тамлин взял меня за запястье и потянул вниз по склону, его мозолистые пальцы нежно касались моей кожи. Он отпустил меня, одним движением перепрыгнул через корень дерева и спустился к кромке воды. Я могла только стиснуть зубы, оступившись, перебираясь через корни.

Он присел у пруда и зачерпнул воды рукой. Наклонив ладонь, он позволил воде выскользнуть.

— Взгляни.

Серебристая сверкающая вода, тоненькой струйкой сбегаящая с его руки создавала танцующую рябь по всему пруду, каждая капелька сияла своим цветом и...

— Словно звёздный свет, — выдохнула я.

Он фыркнул от смеха и снова зачерпнул и выпустил воду обратно. Я изумлённо уставилась на сверкающие воды.

— Это и *есть* звёздный свет.

— Невозможно, — сказала я, борясь с желанием шагнуть к воде.

— Это Прифиан. Согласно вашим легендам, ничего невозможного нет.

— Как? — спросила я, не в силах отвести взгляд от пруда — не только серебристый, но и голубой, и красный, и розовый, и проглядывающий жёлтый, лёгкость которого...

— Я не знаю. Я никогда не спрашивал, и никто никогда не объяснял.

Когда я продолжила неотрывно глядеть на пруд, он засмеялся, отвлекая моё внимание — и я отвлеклась, только чтобы обнаружить, что он расстёгивает тунику.

— Прыгай в воду, — сказал он, в его глазах плясало приглашение.

Плавать — раздетыми, наедине. С Высшим Лордом. Я отрицательно покачала головой, отступив назад. Его пальцы замерли над второй застёжкой от воротника.

— Ты не хочешь узнать, каково это?

Не знаю, что он имел в виду: купание в звёздном свете или купание с ним.

— Я — нет.

— Ладно, — он оставил тунику расстёгнутой. Под ней была только обнажённая, мускулистая, золотистая кожа.

— Почему это место? — спросила я, отведя глаза от его груди.

— Здесь было моё любимое логово, когда я был мальчишкой.

— И когда это было? — я не смогла удержаться от вопроса.

Он бросил взгляд в мою сторону.

— Очень давно, — он сказал это так тихо, что это заставило меня перемяться с ноги на ногу. В самом деле, очень давно, если во времена Войны он был мальчиком.

Ну, раз уж я стала на эту дорожку, то рискнула спросить:

— С Люсьеном всё в порядке? В смысле, после вчерашнего, — кажется, он снова вернулся к своим ехидству и фривольности, но его вывернуло наизнанку при виде умирающего фэйри. — Он... не очень хорошо отреагировал.

Тамлин пожал плечами, но его слова были мягкими, когда он заговорил:

— Люсьен... Люсьен пережил события, из-за которых такие ситуации, как вчерашней ночью... становятся трудными. Не только шрам и глаз, хотя я уверен, вчера на него нашли и эти воспоминания тоже.

Тамлин потёр шею и встретился со мной взглядом. Столько древней тяжести в его глазах, в сжатых челюстях.

— Люсьен — младший сын Высшего Лорда Осеннего Двора.

Я выпрямилась.

— Младший из семи братьев. Осенний Двор... жестокий. Прекрасный. Но его братья видели друг в друге только конкурентов, так как титул должен унаследовать не старший, а сильнейший из них. Так же и во всём Прифиане, в каждом Дворе. Люсьен никогда не беспокоился об этом, никогда не думал занимать место Высшего Лорда, а потому всю свою юность он делал то, что, вероятно, сыну Высшего Лорда делать не следует: путешествовал по Дворам, заводил друзей среди сыновей других Высших Лордов, — при этих словах в глазах Тамлина мелькнул слабый блеск. — И проводил время с девушками, которые были далеки от знати Осеннего Двора.

Тамлин запнулся на мгновение и я уже почти ощутила печаль до того, как он заговорил снова:

— Люсьен влюбился в фэйри, которую его отец посчитал абсолютно неподходящей для кого-то с его родословной. Люсьен сказал, что для него не имеет значения, что она не из Высших Фэ, что он уверен, будто духовная связь установится в ближайшее время и что скоро

он женится на ней и оставит Двор отца своим коварным братьям, — тяжёлый вздох. — Его отец убил её. Казнил на глазах у Люсьена, пока два его старших брата удерживали его, заставляя смотреть.

У меня желудок перевернулся и я прижала руку к груди. Я представить себе не могла, не могла постичь этой потери.

— Люсьен ушёл. Он проклял своего отца, отказался от своего титула и Осеннего Двора, и ушёл. А без защищающего его титула, его братья решили избавиться от ещё одного претендента на корону Высшего Лорда. Трое из них пошли следом, чтобы убить. Вернулся один.

— Люсьен... убил их?

— Он убил одного, — сказал Тамлин. — Другого убил я, так как они пересекли границу моих территорий, а я, как уже тогда Высший Лорд, мог делать что угодно с нарушителями, угрожающими миру на моих землях, — холодное, жестокое заявление. — Я объявил Люсьена своим — назначил его эмиссаром, поскольку у него уже было много друзей в разных Дворах и он всегда был хорош в общении, тогда как для меня... это было трудно. С тех пор он здесь.

— Как эмиссару, — начала я. — Ему приходилось иметь дело с отцом? Или с братьями?

— Да. Его отец никогда не извинялся, а его братья слишком боятся меня и не рискнут причинять ему вред, — ни капли высокомерия в словах, только леденящая правда. — Но он никогда не забывает, ни что они сделали с ней, ни того, что его братья пытались сделать с ним. Даже если он и делает вид, что забыл.

Это не совсем оправдывает всё то, что Люсьен говорил мне и как со мной поступал, но... теперь я понимаю. Я могу понять эти стены и барьеры, которыми он, без сомнений, оградил себя. У меня внутри всё сжалось, слишком тесно, чтобы вместить всю боль. Глядя на сверкающий звёздным светом пруд, я тяжело выдохнула. Мне необходимо сменить тему.

— Что произойдёт, если я выпью этой воды?

Тамлин немного выпрямился, а затем расслабился, словно рад отпустить старую печаль.

— Легенды гласят, ты будешь счастлив до последнего вздоха. Похоже, нам обоим не помешает по стакану, — добавил он.

— Не думаю, что мне хватит даже целого пруда, — сказала я, и он рассмеялся.

— Две шутки за один день — чудо, посланное Котлом, — сказал он.

Я криво улыбнулась. Он шагнул ближе, как если бы он силой оставлял позади тёмные, печальные события, произошедшие с Люсьеном. В его глазах кружил в танцах звёздный свет, когда он спросил:

— Чего будет достаточно, чтобы ты была счастлива?

Я покраснела от шеи до макушки.

— Я... я не знаю.

Это была правда — я никогда не думала о таких вещах, кроме мыслей о том, как удачно выдать сестёр замуж, после жить с отцом в достатке еды и учиться рисовать.

— Хм, — сказал он, не отступая. — Как насчёт звона колокольчиков? Или ленточки из солнечного света? Или венка из лунного сияния? — он озорно улыбнулся.

Действительно, Высший Лорд Прифиана. Больше похож на Высшего Лорда Глупостей. И он знал — знал, что я скажу «нет», что мне просто немного неловко наедине с ним.

Нет. Я не позволю ему радоваться из-за того, что он меня смущает. Хватит с меня этого, хватит... той девушки, закованной льдом и горечью. Поэтому я мило улыбнулась ему в ответ,

делая всё возможное, чтобы скрыть, как у меня желудок сжимается.

— Купание звучит восхитительно.

Я не дала себе времени сомневаться. И я не приняла толики гордости в том, что мои пальцы не дрожали, пока я снимала сапоги, после расстёгивала тунику и брюки и бросила их на траву. Моё бельё было достаточно скромным, чтобы не открывать многое, но я всё ещё смотрела прямо на него, стоя на травянистом берегу. Воздух был мягким и тёплым, и нежный ветерок мягко коснулся моего голого живота.

Медленно, очень медленно его взгляд блуждал сверху донизу и обратно. Как если бы он изучал меня с головы до пят, каждый мой изгиб. И хотя на мне было бельё цвета слоновой кости, этот взгляд заставлял ощутить себя обнажённой.

Его глаза встретились с моими и он лениво улыбнулся, прежде чем избавился от своей одежды. Застёжка за застёжкой. Я могла бы поклясться, что блеск в его глазах стал голодным и диким — и этого хватило, чтобы я смотрела куда угодно, только не на его лицо.

До того, как зайти в пруд, я позволила себе увлечься и быстрым взглядом окинуть его широкую грудь, перевитые мускулами руки и длинные сильные ноги. Строение его тела не было похоже на Айзека, чьё тело застыло в том долговязом периоде перехода от мальчика к мужчине. Нет — великолепное тело Тамлина отточено веками борьбы и жестокости.

Жидкость в пруду оказалась удивительно тёплой, я шла вперёд, пока не зашла достаточно глубоко, чтобы немного проплыть и зависнуть на месте. Не вода, а что-то более однородное, плотное. Но и не масло, а что-то более чистое и тонкое. Словно ты завернулся в тёплый шёлк. Я настолько увлеклась перебиранием пальцами этой серебристой жидкости, что не замечала его, пока он не оказался рядом со мной.

— Кто научил тебя плавать? — спросил он и окунулся с головой. Вынырнув, он улыбался, а по контурам его маски сбегали сверкающие потоки звёздного сияния.

Я не ныряла, не была полностью уверена, шутил ли он о том, что я стану весёлой, если выпью воды.

— Когда мне было двенадцать, я наблюдала, как в водоёме плавали деревенские дети, и научилась сама.

Это были одни из моих самых страшных впечатлений в жизни. В процессе я проглотила половину водоёма, но я уловила основы, мне удалось победить слепую панику и ужас и довериться себе. Умение плавать казалось жизненно важным навыком, который однажды может оказаться разницей между жизнью и смертью. При этом я никогда не ожидала, что умение плавать приведёт меня к *этому*.

Он снова опустился под воду, а когда вынырнул, провёл рукой по золотистым волосам.

— Как твой отец потерял состояние?

— Как ты узнал об этом?

Тамлин фыркнул.

— Не думаю, что родившиеся крестьянами обладают такой дикцией.

Какая-то часть меня хотела высказать комментарий о снобизме, но... ну, он прав, и я не могу обвинять его в излишней наблюдательности.

— Моего отца называли Принцем Купцов, — коротко сказала я, плавая в этой шелковистой, странной воде. Мне даже не требовалось прилагать никаких усилий — вода была настолько тёплой и лёгкой, что я чувствовала, словно зависла в воздухе, вся боль в моём теле растворялась в никуда. — Но этот титул, который он унаследовал от своего отца, а тот от своего, был ложью. У нас всего лишь было доброе имя, маскирующее три поколения

безнадёжных долгов. Мой отец годами пытался найти способ избавиться от этих многолетних долгов, и когда он нашёл возможность выплатить их, он сделал это, невзирая на риски, — я сглотнула. — Восемь лет назад он собрал всё наше богатство на трёх кораблях и отправил в Бхарат за бесценными специями и тканью.

Тамлин нахмурился.

— Действительно рискованно. Те воды — смертельная ловушка, только если не идёшь по длинному пути.

— Ну, он выбрал не длинный путь. Это заняло бы слишком много времени, а кредиторы уже дышали ему в спину. Вот он и рискнул отправить корабли непосредственно в Бхарат. И они никогда не достигли берегов Бхарата, — я отбросила волосы назад, в воду, отпуская воспоминания о том, каким было лицо отца в день, когда пришло сообщение о затонувших кораблях. — Когда корабли затонули, кредиторы окружили его словно волки. Они рвали его на части, пока от него не осталось ничего, кроме испорченного имени и нескольких золотых монет для покупки того дома. Мне было одиннадцать. Мой отец... он просто прекратил пытаться после этого.

Я не смогла заставить себя упомянуть о последнем, мерзком моменте, когда другие кредиторы со своими дружками пришли сломать ногу моему отцу.

— И тогда ты начала охотиться?

— Нет. Несмотря на то, что мы перебрались в тот дом, оставшихся денег нам хватило ещё на три года, — сказала я. — Я начала охотиться, когда мне было четырнадцать.

Его глаза блеснули — ни следа война, вынужденного принять ношу Высшего Лорда.

— И вот ты здесь. Чему ещё ты научилась сама?

Может быть, это был зачарованный пруд или, возможно, это была искренняя заинтересованность в вопросе, но я улыбнулась и рассказала ему о годах в лесу.

Уставшая, но удивительно довольная несколькими часами купания, еды и отдыха в долине, на Люсьена я взглянула, когда мы ехали обратно в поместье во второй половине дня. Мы проезжали широко раскинувшийся луг молодой весенней травы, когда он поймал мой взгляд в десятый раз, и я приготовилась, когда он отстал от Тамлина.

Его металлический взгляд сузился на мне, в то время как другой оставался настороженным, не выражающим восторга.

— Да?

Этого было достаточно, чтобы убедить меня ничего не говорить о его прошлом. Я бы тоже ненавидела жалость. И он не знает меня — не достаточно хорошо, чтобы гарантировать что-либо, кроме негодования, если я принесу ему соболезнования, даже если его горе гложет меня изнутри.

Я дождалась, пока Тамлин не отъехал достаточно далеко, чтобы даже его слух Высшего Фэ не уловил моих слов.

— Я никогда не скажу тебе «спасибо» за твой совет с Суриэлем.

Люсьен напрягся.

— Правда?

Я посмотрела вперёд, на то, как легко едет Тамлин, а лошадь совершенно не обременяет могучий всадник.

— Если ты всё ещё хочешь моей смерти, — сказала я. — Ты должен постараться немного сильнее.

Люсьен выдохнул:

— Это не то, на что я рассчитывал.

Я уставилась на него долгим взглядом.

— Я бы и слезинки не проронил, — поправился он, и я знала, что это правда. — Но то, что случилось с тобой...

— Я пошутила, — сказала я, слегка улыбнувшись ему.

— Ты, вероятно, не сможешь простить меня так просто за то, что отправил тебя в опасность.

— Нет. И часть меня только и хочет того, что задать тебе трёпку за то, что не всё сказал о Суриэле. Но я понимаю: я человек, убивший твоего друга, и который теперь живёт в твоём доме, а ты должен мириться с этим. Я понимаю, — сказала я снова.

Он молчал довольно долго, я уже подумала, что он не будет отвечать. Едва я собралась ехать дальше, он заговорил:

— Тэм сказал, твой первый крик был ради спасения жизни Суриэля. Не твоей собственной.

— Это казалось правильным решением.

Взгляд, которым он окинул меня, был более задумчивым, чем он когда-либо прежде смотрел на меня.

— Я знаю слишком много Высших Фэ и низших фэйри, которые бы так не посчитали — или вообще не стали бы задумываться.

Он потянулся за чем-то с другой стороны и бросил это мне. Я с трудом удержалась в седле, а после разглядела предмет — инкрустированный драгоценностями охотничий нож.

— Я слышал твой крик, — сказал он, пока я изучала в руках оружие.

У меня никогда не было такого мастерски сделанного ножа, так идеально сбалансированного.

— И я сомневался. Не долго, но я сомневался, прежде чем броситься бежать. Хоть Тэм и оказался там вовремя, я нарушил своё слово в те секунды, что колебался, — он кивнул подбородком на нож. — Он твой. Не всади его мне в спину, пожалуйста.

Глава 19

На следующее утро прибыли мои краски и материалы оттуда, где их раздобыл Тамлин или прислуга, но прежде чем Тамлин позволил мне увидеть их, он увёл меня по множеству коридоров, пока мы не оказались в крыле, куда я ни разу не доходила, даже в своих ночных разведках. Он не сказал, куда мы идём, но я и так это знала. Мраморные полы блестели так ярко, словно их только что вымыли, а из открытых окон ветер приносил ароматы роз. Всё это — он сделал это для меня. Будто бы мне было дело до паутины и пыли.

Он остановился перед двустворчатыми деревянными дверями и легко улыбнулся мне, и этого было достаточно, чтобы я выпалила:

— Зачем делать что-то — что-то в этом роде?

Улыбка дрогнула.

— Прошло много времени с тех пор, как здесь был кто-то способный оценить все эти вещи. Мне нравится видеть, что они снова нужны.

Особенно, когда во всех остальных частях моей жизни столько смерти и крови.

Он распахнул двери галереи, и у меня перехватило дыхание.

Бледные деревянные полы мерцали в чистом ярком свете, льющемся из окон. В помещении было пусто, за исключением нескольких больших кресел и лавочек для просмотра... просмотра...

Я едва осознавала, что иду по длинной галерее и рассеянно прижимаю одну руку к шее, глядя на картины.

Так много, такие разные, но настолько гармонично организованы вместе... Столь разные взгляды, фрагменты и уголки мира. Пасторали, портреты, натюрморты... в каждой история и переживание, в каждой голос кричит, шепчет или воспекает о том моменте, том чувстве, каждая из них кричала сквозь время о том, что они были здесь, существовали. Некоторые из них были нарисованы так, как и я вижу, художники видели цвета и формы такими, как их видела и понимала я. О некоторых представленных цветах я не думала; это была словно дорога, позволяющая мне увидеть мир другими глазами — глазами того, кто рисовал их. Портал в разум существа, так непохожего на меня, и всё же... и всё же я смотрела на эти работы и понимала, чувствовала, мне было интересно.

— Я никогда не думал, — сказал Тамлин позади меня. — Что люди способны...

Он замолчал, когда я обернулась, моя рука от шеи спустилась к груди, где неистово билось моё сердце в радости, печали и подавляющем смирении — смирении перед этим великолепным искусством.

Он стоял у дверей, по-звериному склонив голову набок, слова всё ещё не сорвались с его языка.

Я вытерла мокрые щёки.

— Это...

Превосходно, чудесно, за пределами моих самых безумных грез. Я держала руку на сердце.

— Спасибо, — сказала я.

Это было всё, как я только могла показать ему, что эти картины — разрешение увидеть эту галерею — значат для меня.

— Приходи сюда, когда пожелаешь.

Я улыбнулась ему, едва способная вместить свет и яркость в моём сердце. Его ответная улыбка была осторожной, но сияющей, а затем он оставил меня одну любоваться галереей.

Я оставалась там часами — оставалась, пока не опьянела от искусства, пока не закружилась голова от голода и пока я не отправилась на поиски пищи.

После обеда, Элис показала мне пустую комнату на первом этаже, где был стол, заваленный холстами различных размеров, кистями, чьи деревянные ручки сверкали в идеальном солнечном свете, и красками — так много, очень много красок, помимо тех основных четырёх, на которые я надеялась, что у меня снова перехватило дыхание.

А когда Элис ушла и комната погрузилась в тишину и ожидание, когда комната осталась полностью в моём распоряжении...

Тогда я начала рисовать.

Шли недели, дни таяли один за другим. Я рисовала и рисовала, большинство работ были ужасными и никуда не годными.

Я никому не позволяла увидеть их, не обращая внимания на подстрекания Тамлина и усмешки Люсьена, видевшего перепачканную красками одежду. Мои работы не соответствовали пылающим в воображении образам и я не чувствовала удовлетворения. Зачастую я рисовала от рассвета до заката — иногда в той комнате, иногда в саду. Изредка я делала перерывы на исследования Весенних земель с Тамлином, исполняющим роль моего гида, и возвращалась обратно со свежими идеями, заставляющими меня выпрыгивать из постели на следующее утро и делать эскизы или небрежные зарисовки увиденных сцен или красок.

Но были дни, когда Тамлина вызывали разобраться с новыми угрозами на границах его территорий, и тогда, вплоть до его возвращения, меня не могло отвлечь даже рисование. Он возвращался весь в чужой крови — когда в звериной форме, когда как Высший Лорд. Он никогда не посвящал меня в детали, а я не осмеливалась о них спросить; его благополучного возвращения было достаточно.

Около самого поместья не было признаков таких существ как наги или Богги, но я всё равно старалась держаться подальше от западных лесов, хотя и довольно часто рисовала их по памяти. И хотя во снах меня продолжали преследовать смерти, которым я была очевидцем, смерти, которым я была виной, и та жуткая бледная девушка, рвущая меня ключьями — и мой взгляд никогда не мог спокойно скользнуть мимо тени — постепенно я перестала бояться. *«Оставайся с Высшим Лордом. Ты будешь в безопасности»*. Так я и делала.

Весенний Двор — территория зелёных холмов, густых лесов и чистых, бездонных озёр. Магия не просто обитала на холмах и в лощинах — она росла здесь. Как ни пыталась я изобразить её на холсте, мне так ни разу и не удалось уловить её — уловить её чувство. Потому иногда я осмеливалась рисовать Высшего Лорда, который прогуливался вместе со мной в ленивые дни по его землям — Высшего Лорда, с кем я была рада поговорить или провести несколько часов в комфортном молчании.

Видимо, это была убаюкивающая магия, затуманившая мои мысли, и я не думала о своей семье, пока однажды утром не вышла за пределы живых изгородей в поисках нового места для рисования. Ветерок с юга растрепал мои волосы — свежий и тёплый. Сейчас в мире смертных только-только расцветает весна.

Моя семья — зачарованные, в безопасности, где о них заботятся — но они так и не представляют, где я. Мир смертных... он живёт дальше без меня, словно меня никогда не существовало. Шёпот ничтожной жизни — исчез, забыт всеми, кого я знала и о ком беспокоилась.

В тот день я не рисовала и не отправилась на прогулку с Тамлином. Вместо этого, я сидела перед пустым холстом, у меня в мыслях не было ни единой краски.

Никто не вспомнит о том, что я должна вернуться домой — я для них всё равно, что умерла. А Тамлин *«позволил»* мне забыть их. Может быть, краски оказались отвлечением — способом прекратить мои жалобы, способом для него избавиться от занозы в заднице в виде моих желаний увидеть семью. Или, может быть, краски отвлекли от всего происходящего с болезнью и Прифианом. Я перестала задавать вопросы, как и приказывал Суриэль — как глупый, бесполезный, покорный человек.

Пережить ужин было огромным усилием воли. Заметившие моё настроение Тамлин и Люсьен вели диалог между собой. От нарастающей ярости это не помогло, и когда я наелась досыта, я гордо вышла в залитый лунным светом сад и забылась в лабиринте живых

изгородей и цветочных клумб.

Мне было не важно, куда я шла. Спустя некоторое время, я остановилась в саду роз. Лунный свет окрасил красные лепестки в глубокий пурпур, а белые розы сверкали бликами серебра.

— Мой отец вырастил этот сад для моей матери, — сказал Тамлин позади меня.

Я не стала к нему оборачиваться. Когда он остановился рядом со мной, я вогнула ногти в ладони.

— Это был соединяющий подарок.

Я уставилась на цветы, не видя больше ничего. Наверно цветы, которыми дома я разрисовала стол, уже стёрлись или облезли. Может даже Нэста сама счистила их.

Ногти больно впивались в кожу на ладонях. Обеспечил их Тамлин или нет, зачаровал их воспоминания или нет, но я... стёрта из их жизней. Забыта. Я позволила ему стереть меня. Он предложил мне краски, место и время для занятий; он показал мне пруды звёздного света; он спас мне жизнь словно какой-то смертоносный рыцарь из легенд, а я выпила всё это как волшебное вино. Я ничуть не лучше тех фанатичных Детей Благословенных.

В темноте его маска казалась бронзовой, а изумруды сверкали.

— Ты выглядишь... расстроенной.

Я подошла к ближайшему кусту роз и сорвала одну, в пальцы вонзились шипы. Я проигнорировала боль и стекающую тёплую кровь. У меня никогда не получалось достоверно нарисовать её — никогда не получалось изобразить так, как художники тех шедевров в галерее. Я никогда не смогу нарисовать маленький сад Элэйн у дома так, как помню его я, даже если моя семья меня не помнит.

Он не сделал мне замечания за то, что я сорвала одну из его родительских роз — родители, которых не было так же, как и моих, но которые наверняка любили друг друга и любили его больше, чем мои заботились обо мне. Семья, которая бы предложила занять его место, если бы кто-то пришёл забрать его.

Пальцы обжигало болью, но я не отпустила розу, когда заговорила:

— Я не знаю, почему мне так ужасно стыдно за то, что оставила их. Почему это кажется таким эгоистичным и страшным — рисовать. Я не должна — не должна себя так чувствовать, ведь так? Я знаю, что не должна, но ничего не могу с этим поделать, — роза вяло повисла в моих пальцах. — Все те годы, что я делала всё ради них... А они даже не попытались помешать тебе забрать меня, — вот где она, эта гигантская боль, разрывающая меня пополам, если думать об этом слишком долго. — Я не знаю, почему ожидала от них чего-то подобного — почему поверила в иллюзию Пуки в ту ночь. Я не знаю, почему продолжаю думать об этом. Или почему всё ещё беспокоюсь.

Он молчал довольно долго, чтобы я добавила:

— По сравнению с тобой — с проблемами на твоих границах и ослабшей магией — полагаю, моя жалость к себе абсурдна.

— Если у тебя из-за этого болит душа, — сказал он, его слова ласково обволакивали. — Тогда я не думаю, что это абсурд.

— Почему? — безжизненный вопрос и я бросила розу в кусты.

Он взял меня за руки. Его мозолистые пальцы, сильные и крепкие, нежно поднесли мою руку к его рту и он поцеловал мою ладонь. Так, словно этого было достаточно для ответа.

Его губы были гладкими в сравнении с моей кожей, а дыхание тёплым, и у меня подогнулись колени, когда он поднёс к губам вторую мою руку и тоже поцеловал. Поцеловал

бережно — так, что у меня внутри вспыхнул пульсирующий жар, между ног.

На его губах сияла моя кровь, когда он отвёл мои руки от своего лица. Я посмотрела на руки, которые он всё ещё держал, и не нашла ни одной раны. Я снова посмотрела ему в лицо, на его позолоченную маску, на загорелую кожу, на покрытые кровью губы, когда он прошептал:

— Не вини себя за мгновение, приносящее удовольствие.

Он шагнул ближе, отпустив одну мою руку, чтобы заправить сорванную мной розу мне за ухо. Я не знала, как она оказалась у него в руке и куда исчезли шипы.

Я не смогла удержаться от назойливого вопроса:

— Зачем... зачем всё это?

Он наклонился ближе, так близко, что мне пришлось запрокинуть голову, чтобы видеть его.

— Потому что ваша человеческая радость восхищает меня — то, как вы ощущаете вещи на протяжении вашей жизни, так дико и глубоко и всё сразу, это... восхитительно. Меня тянет к этому, даже когда я знаю, что этого не должно быть, даже когда я пытаюсь избежать этого.

Потому что я человек, я буду стареть и... я не могу позволить себе зайти так далеко, когда он склонился ещё ниже. Медленно, словно давая мне время отстраниться, он коснулся губами моей щеки. Мягко, тепло и душераздирающе нежно. Это едва ли было нечто большее, чем нежность, прежде чем он выпрямился. Я не шевелилась с момента, как его губы коснулись моей кожи.

— Однажды... однажды будут ответы на всё, — сказал он, отпустив мою руку и шагнув назад. — Но не ранее, чем настанет время. Пока не станет безопасно.

В темноте, его тона было достаточно, чтобы понять, что в его глазах появилась горечь.

Он оставил меня, а я неровно выдохнула, не понимая, что до этого не дышала.

Не понимая, что я желала его тепла, его близости, пока он не ушёл.

Томительный стыд из-за того, в чём я призналась, из-за того, что... *изменилось* между нами, заставил меня сбежать из поместья после завтрака, искать убежище в лесах, чтобы подышать свежим воздухом и изучить свет и цвета. Я взяла с собой лук и стрелы, как и инкрустированный драгоценностями охотничий нож, который дал мне Люсьен. Лучше быть во всеоружии, чем попасться с пустыми руками.

Я кралась между деревьями и кустами, около часа назад почувствовав слезку за собой — кто-то подбирался всё ближе и ближе, спугнутые животные стремились скрыться. Я улыбнулась сама себе и, двадцать минут спустя, я притаилась на сгибе высокого вяза и приготовилась ждать.

Зашелестели кусты — едва ли громче порыва шуршащего ветерка, но я знала, чего ожидать, знала признаки.

Щелчок и по землям проносится эхо разъярённого рыка, распугавшего птиц.

Спустившись с дерева и выйдя на маленькую поляну, я лишь скрестила руки и посмотрела на Высшего Лорда, чьи ноги попали в подготовленную мной ловушку.

Даже вверх ногами, он лениво улыбнулся мне, когда я подошла.

— Жестокий человек.

— Вот, что бывает, когда ты кого-то преследуешь.

Он усмехнулся, а я подошла достаточно близко, чтобы осмелиться коснуться пальцем шелковистых золотистых волос, свисающих чуть выше моего лица, чтобы полюбоваться множеством оттенков — пшеничного, жёлтого и коричневого. Моё сердце грохотало и я знала, что, вероятно, он может это слышать. Но он наклонил ко мне голову — безмолвное предложение, и я пробежалась пальцами по его волосам — мягко, осторожно. Он мурлыкал, урчащий звук эхом проскальзывал сквозь мои пальцы, руки, ноги, всё тело. Я задумалась, как бы ощущался этот звук, если бы он полностью прижался ко мне, кожа к коже. Я шагнула назад.

Он взвился вверх плавным, мощным движением и перерубил вьющуюся лозу, которую я использовала в качестве верёвки, всего одним когтём. Я набрала воздуха, чтобы закричать, но он перевернулся в падении и мягко приземлился на ноги. Для меня никогда невозможно будет забыть кто он и на что способен. Он шагнул в мою сторону, на его лице всё ещё плясало веселье.

— Сегодня чувствуешь себя лучше?

В ответ я пробормотала нечто неопределённое.

— Хорошо, — сказал он, то ли отбросив, то ли запрятав своё веселье. — Но, на всякий случай, я хотел бы дать тебе это, — добавил он, вытянув из туники какие-то бумаги и протянув их мне.

Уставившись на эти три листа бумаги, я прикусила щёку изнутри. Это была цепочка из пятистрочных... *стихотворений*. Всего их было пять, и я уже начала потеть, глядя на слова, значение которых не понимала. У меня уйдёт целый день только на то, чтобы выяснить, что эти слова означают.

— Перед тем, как ты сбежишь или начнёшь кричать... — сказал он, обойдя меня, чтобы заглянуть через моё плечо.

Если бы я решилась, я могла бы откинуться ему на грудь. Его тёплое дыхание согревало мою шею и ухо.

Он прочистил горло и прочитал первое стихотворение:

— *Жила когда-то на свете леди прекрасная*

Энергичная, и если бы только не немного необыкновенная

Её друзьями были немногие

Но люди перед ней выстраивались очередью

Но от неё получали они только отказ.

Мои брови подпрыгнули так высоко, что я подумала, будто они коснулись волос, и я обернулась, прищурившись на него, наше дыхание смешалось, когда он с улыбкой дочитал стихотворение.

Не дожидаясь моего ответа, Тамлин забрал бумаги и отступил на шаг, чтобы зачитать второе стихотворение, которое уже не было таким вежливым, как первое. К тому времени, когда он читал третье стихотворение, моё лицо горело. Тамлин замолчал, прежде чем зачитать четвёртое, и вернул бумаги мне.

— Заключительные слова во второй и четвёртой строках в каждом стихотворении, — сказал он, кивнув подбородком на бумаги в моих руках.

Необыкновенная. Очередь. Я посмотрела на второй стих. Убийство. Разрушительный пожар.

— Это... — начала я.

— Твой список слов был слишком интересным, чтобы не обратить на него внимания. И далеко не самым хорошим для любовных поэм.

Когда я приподняла бровь в немом вопросе, он сказал:

— Во время, когда я жил с отрядом моего отца на границе, у нас были соревнования на то, кто может сочинять самые грязные частушки. Мне не особо нравилось проигрывать, так что я стал одним из лучших.

Я не знаю, как он запомнил тот длинный список, который я составила — не хочу знать. Почувствовав, что я не собираюсь схватить стрелу и выстрелить в него, Тамлин взял бумаги и прочитал пятый стих, самый пошлый и гнусный из всех.

Когда он дочитал, я откинула голову назад и захохотала, мой смех словно солнечный свет разрушал наслоившийся за долгие годы лёд.

Я по-прежнему улыбалась, когда мы вышли из парка в сторону холмов, возвращаясь в поместье извилистым путём.

— Той ночью в саду роз ты сказал... — на мгновение я придержала слова на языке. — Ты сказал, твой отец посадил его к соединению твоих родителей — не женитьбе?

— По большей части, Высшие Фэ вступают в брак, — сказал он, его золотистая кожа немного зарумянилась. — Но если им повезёт, они находят своего партнёра — своего равного, подходящего им во всём. Высшие Фэ вступают в брак без соединяющей духовной связи, но, если ты находишь своего партнёра, связь настолько глубока, что брак... в сравнении с ней становится незначительным.

У меня не хватило смелости спросить, возникала ли когда-нибудь соединяющая связь между фэйри и человеком, но, вместо этого, я рискнула спросить:

— Где твои родители? Что с ними произошло?

Мышцы его челюсти напряглись, и я пожалела о вопросе, хотя бы из-за боли, мелькнувшей в его глазах.

— Мой отец...

На его костяшках пальцев блеснули когти, но дальше они не выдвинулись. Я определённо задала не тот вопрос.

— Мой отец был так же плох, как и отец Люсьена. Хуже. Два моих старших брата были в точности как он. Они держали рабов — все они. И мои братья... Я был юн, когда заключили Договор, но я всё ещё помню, что делали мои братья... — он замолчал. — Это оставило след — достаточный след, чтобы, когда я увидел тебя, твой дом, я не мог — не смог позволить себе быть похожим на них. Я не мог причинить вред твоей семье, или тебе, или подвергнуть тебя причудам фэйри.

Рабы — *здесь* были рабы. Я не хочу знать — никогда не искала их следов, даже пятьсот лет спустя. Для большинства его людей, его мира, я всего лишь чуть больше, чем собственность. Вот почему — почему он предложил лазейку, почему он предоставил мне выбор жить где угодно в Прифиане.

— Спасибо, — сказала я. Он пожал плечами, будто это уменьшит его доброту, тяжесть вины, всё ещё давящей на него. — Что насчёт твоей матери?

Тамлин прерывисто выдохнул.

— Моя мать — она очень сильно любила моего отца. Слишком сильно, но они были

связаны и... Даже если она видела, каким тираном он был, она бы и слова дурного против него не сказала. Я никогда не думал — никогда не хотел — титула своего отца. Мои братья никогда не позволили бы мне дожить до подросткового возраста, если бы они заподозрили, что я сделал. Ко времени, когда я был достаточно взрослым, я присоединился к военному отряду отца и тренировался так, чтобы однажды служить ему, или одному из моих братьев, унаследовавших титул, — он размял руки, словно представляя когти. — С раннего возраста я осознал, что сражения и убийства были единственными вещами, в которых я хорош.

— Сомневаюсь в этом, — сказала я.

Он криво улыбнулся.

— О, я могу сыграть злую скрипку, но сыновья Высших Лордов не становятся странствующими менестрелями. Поэтому я тренировался и сражался за моего отца против всех, на кого он только указывал, и я был бы счастлив оставить интриги моим братьям. Но моя сила росла и я не мог этого скрыть — не среди нашего вида, — он качнул головой. — К счастью или несчастью, все они были убиты Высшим Лордом враждебного Двора. По какой-то причине или милости Котла, я остался в живых. Мать я оплакивал. Остальных... — слишком напряжённое пожатие плечами. — Мои братья не попытались бы спасти меня от такой участи, как у тебя.

Я посмотрела на него. Такой жестокий, суровый мир, в котором семьи убивают друг друга за власть, месть, злобу и контроль. Возможно, его щедрость и доброта были реакцией на это — может быть, он увидел меня и обнаружил, что он будто бы смотрит в некое подобие зеркала.

— Я сожалею о твоей матери, — сказала я, и это было всё, что я могла ему предложить — всё, что он когда-то предложил мне. Он слабо улыбнулся. — Значит, вот как ты стал Высшим Лордом.

— Большинство Высших Лордов с рождения обучаются манерам, юриспруденции и военному делу. Когда на меня свалился титул, это был... грубый переход. Многие из придворных отца предпочли перейти в другие Двора, чем служить рычащему на них воину-зверю.

Полудикий зверь — как однажды назвала меня Нэста. Было огромным усилием не взять его за руку, не потянуться к нему и не сказать, что я понимаю. Потому я сказала всего лишь:

— Значит, они идиоты. Ты удерживаешь эти земли защищёнными от болезни, когда кажется, что другие в этом преуспели не так хорошо. Они идиоты, — сказала я снова.

Но в глазах Тамлина мелькнула тьма, а его плечи едва заметно опустились. Прежде чем я успела об этом спросить, мы вышли из небольшого леса, перед нами расстелилась холмистая местность. Вдали, на вершинах многих холмов были фэйри в масках, они строили что-то похожее на будущее кострище.

— Что это? — спросила я, остановившись.

— Они подготавливают костры — для *Каланмэй*. Он через два дня.

— Для чего?

— Огненная Ночь?

Я покачала головой.

— Мы не отмечаем праздники в человеческом мире. Не после вас — не после того, что оставил ваш народ. В некоторых местах, это запрещено. Мы даже не помним имён ваших богов. В честь чего празднуется Кала... Огненная Ночь?

Он потёр шею.

— Это просто весенний обряд. Мы зажигаем костры, и... магия, которую мы создаём, помогает землям восстанавливаться в течение следующего года.

— Как вы создаёте магию?

— Есть ритуал. Но он... очень фэйский, — стиснув челюсти, он продолжил идти, подалее от заготовок костров. — Ты можешь увидеть вблизи больше фэйри, чем обычно — фэйри из этого двора, а также фэйри с других территорий, которые могут свободно пересекать границы в ту ночь.

— Я думала, болезнь многих отпугнула.

— Да, и всё же некоторые из них будут. Просто... держись подалее от них всех. В доме ты будешь в безопасности, но если ты столкнёшься с кем-то из них до того, как мы зажжём костры на закате через два дня, игнорируй их.

— Значит, я на ваш обряд не приглашена?

— Нет. Ты — нет, — он сжимал и разжимал пальцы, снова и снова, словно пытаюсь удержать проступающие когти.

Хоть я и пыталась это игнорировать, в груди немного сжалось.

Мы возвращались в напряжённой тишине, которой между нами не было уже несколько недель.

Когда мы вошли в сад, Тамлин мгновенно застыл. Не из-за меня или нашего неловкого разговора — это была та ужасающая тишина, что обычно означает близкое присутствие одного из мерзких фэйри. Тамлин низко зарычал, оскалив клыки.

— Спрячься, и, что бы ты ни услышала, не выходи.

Затем он исчез.

Оставшись одна, я, как какая-то идиотка, оглядывалась по сторонам гравиевой дорожки. Если там действительно что-то есть, меня легко заметят на открытом пространстве. Возможно, это постыдно — не прийти к нему на помощь, но... он Высший Лорд. Я буду только мешать ему.

Едва нырнув за живую изгородь, я слышала приближающихся Тамлина и Люсьена. Я молча выругалась и замерла. Возможно, я могла бы прокрасться через поле к конюшням. Если что-то неладно, то конюшни станут не только укрытием, но, если придётся сбежать, я найду там лошадь. Я собиралась сделать несколько шагов к высокой траве за пределами сада, когда рык Тамлина всколыхнул воздух по другую сторону изгороди.

Я обернулась, как раз достаточно, чтобы следить за ними сквозь густые листья. «Спрячься» — велел он. Если я сейчас пошевелюсь, меня, несомненно, заметят.

— Я знаю, что сегодня за день, — сказал Тамлин, но не Люсьену.

Вернее сказать, они оба стояли лицом к... пустому месту. К кому-то, кого там не было. К кому-то невидимому. Я бы подумала, что они решили надо мной подшутить, если бы не услышала ответ бестелесного, низкого голоса.

— Твоё поведение продолжает вызывать интерес во Дворе, — сказал голос, глубокий и свистящий. Несмотря на тёплый день, я вздрогнула. — Она начала интересоваться — интересоваться, почему ты ещё не сдался. И почему, не так давно, были обнаружены четыре мёртвых нага.

— Тамлин не похож на прочих дураков, — отрезал Люсьен, развернув плечи, выровнявшись во весь рост. Воин. Таким я ещё никогда его не видела. Неудивительно, что у него в комнате столько оружия. — Если она ждёт склонённых голов, тогда она ещё большая идиотка, чем я предполагал.

Голос зашипел, у меня кровь захолонула от этого звука.

— Так плохо говорить о той, кто держит ваши судьбы в своих руках? Она одним словом может разрушить это жалкое поместье. Она не была рада, когда узнала, что ты отправляешь своих воинов, — казалось, голос повернулся к Тамлину. — Но, так как из этого ничего не вышло, она предпочла это игнорировать.

Высший Лорд гортанно зарычал, но, когда заговорил, его слова были спокойны:

— Передай ей, что мне надоело убирать мусор, который она сваливает на моих границах.

Голос усмехнулся — звук, словно просыпался песок.

— Она оставляет их в качестве подарков — и напоминаний о том, что случится, если она заметит, что ты пытаешься нарушить условия...

— Он не пытается, — зарычал Люсьен. — А теперь — *выметайся*. Нам хватает вашего отродья, кишашего на границах — нам ни к чему твои дефиле по нашему дому. Если на то пошло, держись подальше от пещеры. Это не какая-то общая дорога для такой грязи, как ты, чтобы путешествовать, когда им заблагорассудится.

Тамлин согласно рыкнул.

Невидимка снова рассмеялся. Ужасный, злобный звук.

— Хоть у тебя и каменное сердце, Тамлин, — невидимка заговорил и Тамлин застыл. — Внутри него у тебя полно страха, — голос переключился на напев. — Не беспокойся, *Высший Лорд*, — он выплюнул титул, как издёвку. — Довольно скоро всё будет в полном порядке.

— Гори в Аду, — ответил Люсьен за Тамлина, а невидимка опять рассмеялся, прежде чем громко взмахнули кожистые крылья, вонючий ветер ударил мне в лицо и всё стихло.

Спустя мгновение, они глубоко вздохнули. Я закрыла глаза, тоже нуждаясь в выдохе, чтобы успокоиться, но массивные руки сжали мои плечи и я вскрикнула.

— Он ушёл, — сказал Тамлин, отпуская меня. Это было всё, что я могла сделать, лишь бы не упасть в живую изгородь.

— Что ты слышала? — требовательно спросил Люсьен, выйдя из-за угла и скрестив руки на груди.

Я перевела взгляд на Тамлина, но его лицо было настолько побелевшим от злости — злости на то нечто — что мне снова пришлось посмотреть на Люсьена.

— Ничего — я... Ну, ничего, что мне было бы понятно, — сказала я то, что и подразумевала. Ничего из услышанного не имело смысла. Я не могла унять дрожь. Что-то в том голосе вытянуло из меня всё тепло. — Кто... *что* это было?

Тамлин прошёлся, гравий шипел под его сапогами.

— В Прифиане есть некоторые фэйри, которые вдохновляют легенды, которых вы, люди, так боитесь. Такие, как этот, подпитывают мифы реальностью.

В том шипящем голосе я слышала крики человеческих жертв, мольбы юных девушек, которых вспарывали на жертвенных алтарях. Казалось, он упоминает не о «дворе» Тамлина — может, это *она*, которая убила родителей Тамлина? Высшая Леди, видимо, вместо Лорда. Учитывая, какими безжалостными Высшие Фэ могут быть к своим семьям, для врагов они должны быть сущими кошмарами. И если есть вражда между Дворами, если болезнь уже ослабила Тамлина...

— Если Аттор видел её... — сказал Люсьен, озираясь.

— Не видел, — сказал Тамлин.

— Ты уверен...

— *Не видел*, — рыкнул Тамлин через плечо, затем посмотрел на меня, его лицо было всё ещё белым от ярости, губы плотно сжаты. — Увидимся за ужином.

Понимая, что мне лучше уйти, и желая запереть дверь своей комнаты, я плелась в сторону дома, размышляя о том, кто эта «она» такая, что может заставить Тамлина и Люсьена так нервничать, и что способна командовать таким *нечто*, как её посланник.

Весенний ветер прошептал, что я не хочу этого знать.

Глава 20

После напряжённого ужина, во время которого Тамлин почти не говорил ни с Люсьеном, ни со мной, у себя в комнате я зажгла все свечи, чтобы прогнать малейшие тени.

На следующий день на улицу я не выходила, а когда села рисовать, то на холсте возникло высокое, костлявое, серое существо с ушами летучей мыши и гигантскими перепончатыми крыльями. Он словно бы прыгнул в полёт, его пасть открыта в рёве, ряд за рядом открывая клыки. Пока я рисовала его, я могла поклясться, что ощущала запах его дыхания, от которого разило падалью, что воздух в его крыльях шепчет обещания смерти.

Готовая работа была достаточно леденящей, чтобы я отложила её в дальнем углу комнаты и отправилась попытаться убедить Элис позволить мне помочь с приготовлением еды к Огненной Ночи на кухне. Что угодно, лишь бы не идти в сад, где может появиться Аттор.

День Огненной Ночи — *Каланмэй*, как назвал его Тамлин — наступил, и я весь день не видела ни Тамлина, ни Люсьена. Когда день склонился к закату, я снова оказалась на главном перекрёстке поместья. Никого из прислуги в птичьих масках видно не было. На кухне не было ни персонала, ни еды, что они готовили в течение двух дней. Грянули звуки барабанов.

Барабанный бой доносился издали — за садом, из-за охотничьего парка, из леса, раскинувшегося за ним. Звуки были глубокими, пробирающими. За одним ударом отзывались два других. Призывающие.

Я остановилась у дверей в сад, глядя вдаль, за пределы территории поместья, где небеса купались в оранжевых и красных оттенках. Вдали, за пологими холмами, ведущими в леса, мерцали несколько огней, перья чёрного дыма взвивались в рубиновое небо — подготовленные костры, что я заметила два дня назад. Меня не пригласили — напоминала себе я. Не пригласили к какому-то празднику, о котором хихикали и смеялись между собой все фэйри на кухне.

Барабаны забили быстрее — громче. Хоть я и привыкла к запаху магии, у меня в носу пощипывало от усиливающегося запаха металла, более насыщенного, чем я ощущала раньше. Я сделала шаг вперёд, но остановилась на пороге. Я должна вернуться обратно. Позади меня, заходящее солнце раскрашивало чёрно-белые плиты пола в мерцающие мандариновые оттенки, а моя длинная тень, казалось, пульсирует в ритме барабанов.

Даже сад, обычно жужжащий от его шумных обитателей, притих, чтобы услышать барабаны. Была какая-то нить — струна, тянувшая всё внутри меня в сторону тех холмов, приказывающая мне идти, услышать волшебные барабаны...

И я бы сделала это, если бы в коридоре не появился Тамлин.

Он был без рубашки, только в перевязи, переброшенной через мускулистую грудь. В уходящих солнечных лучах золотом блеснул эфес его меча, а оперение стрел, выглядывающих над его широким плечом, окрасилось красным. Я уставилась на него, а он

наблюдал за мной в ответ. Воин во плоти.

— Куда ты собрался? — удалось спросить мне.

— Это *Каланмэй*, — решительно сказал он. — Я должен идти, — он кивнул подбородком в сторону огней и барабанов.

— И что ты будешь там делать? — спросила я, глядя на лук в его руке. Моё сердце вторило барабанам снаружи, зайдясь в диком ритме.

Его зелёные глаза были в тени под золочёной маской.

— Как Высший Лорд, я должен принимать участие в Великом Обряде.

— Что за Великий...

— Иди в свою комнату, — прорычал он, и бросил взгляд в сторону огней. — Запри двери, установи ловушку или что ты ещё обычно делаешь.

— Зачем? — потребовала я.

Мою память всколыхнул голос Аттора. Тамлин говорил что-то о очень фэйском ритуале — что это, чёрт побери, такое? Исходя из оружия, это должно быть что-то жестокое и насильственное — особенно, если облик зверя Тамлина недостаточно вооружён.

— Просто сделай это, — его клыки удлинились. Моё сердце сорвалось в галоп. — До утра не выходи.

Барабаны били сильнее, быстрее, мышцы на шее Тамлина дрогнули, как если бы каким-то образом ему было больно оставаться на месте.

— Ты собираешься в бой? — прошептала я, и он хрипло усмехнулся.

Он поднял руку, словно собираясь коснуться моей руки. Но опустил её раньше, чем его пальцы задели ткань моей туники.

— Оставайся в своей комнате, Фейра.

— Но я...

— Пожалуйста.

Прежде чем я успела попросить его изменить решение и не оставлять меня в одиночестве, он убежал. Мускулы его спины двигались, когда он быстро спускался по лестнице и шёл по саду — проворный и быстрый, словно олень. За считанные секунды он исчез.

Я сделала, как он велел, хотя вскоре поняла, что заперла себя в комнате без ужина. А с несмолкающими барабанами и десятками костров, вспыхивающими за далёкими холмами, я не могла остановиться и ходила взад-вперёд по комнате, вглядываясь вдаль, в отсветы костров.

«*Оставайся в своей комнате*».

Но волнующий, опасный голос вплетался в бой барабанов и шептал совсем иное. «*Иди*» — говорил этот голос, притягивая меня. «*Иди и посмотри*».

К десяти часам, я больше не могла этого терпеть. Я последовала за звуками барабанов.

На конюшнях никого не было, но за последние несколько недель Тамлин научил меня ездить верхом без седла, так что, вскоре моя белая кобыла пошла рысью. Мне не пришлось направлять её — она тоже следовала за манящими барабанами, и уже поднялась на первый из холмов.

Дым и магия плотной пеленой висели в воздухе. Завернувшись в плащ с капюшоном, я

во все глаза разглядывала первый гигантский костёр на холме, к которому приблизилась. Там кружили сотни Высших Фэ, но, из-за разнообразных масок на их лицах, я не могла их разглядеть. Откуда они взялись? Где они живут, если принадлежат к Весеннему Двору, но не обитают в поместье? Когда я попыталась сосредоточиться на конкретных особенностях их лиц, они превращались в карнавал размытых пёстрых красок. Они были более явными и чёткими, когда я смотрела на них боковым зрением, но стоило мне повернуться к ним, как я сталкивалась с вихрями беспорядочных теней и оттенков.

Это была магия — какое-то волшебство, направленное на *меня*, предотвращающее мои попытки внимательно рассмотреть их. Меня околдовали, как и мою семью. Я бы разозлилась, предпочла бы вернуться в поместье, если бы бой барабанов эхом не отозвался по телу и тот безумный голос снова не поманил меня.

Я спешила с лошади, но держалась ближе к ней, проходя через толпу и скрывая свои предательски человеческие черты лица в глубоких тенях капюшона. Я молилась, чтобы дым и бесчисленные запахи различных Высших Фэ и фэйри перекрыли мой человеческий запах, но, продолжая двигаться вглубь празднования, я всё равно проверила наличие двух ножей по бокам.

Хоть барабанщики и играли на одной стороне от огня, фэйри сходились к вытянутой долине между двумя ближайшими холмами. Я оставила лошадь, привязав её к одинокому явору, на вершине небольшого холма, и последовала за ними, наслаждаясь пульсирующим ритмом барабанов, резонирующим от земли и ощутимым сквозь подошву. Дважды в мою сторону не смотрел никто.

Почти соскользнув с крутого склона, я вошла в долину. С одной стороны, на пологом склоне, разверзлась пасть пещеры. Снаружи она была украшена цветами, ветвями и листьями, и я смогла заметить виднеющиеся шкуры, покрывающий пол, сразу за входом в пещеру. То, что внутри, было скрыто от взглядов, так как пещера заворачивала недалеко от входа, но на стенах танцевали отсветы огней.

Что бы ни происходило в пещере — или то, что должно было там случиться — было центром внимания призрачных фэйри, выстроившихся по обе стороны длинного пути к ней. Путь извивался между впадин и холмов, а Высшие Фэ покачивались на месте, двигаясь в ритме барабанов, чьи удары эхом звучали у меня в животе.

Глядя, как они покачиваются, я переминалась с ноги на ногу. Я должна была сидеть взаперти из-за *этого*? Я окинула взглядом освещённое кострами пространство, пытаюсь заглянуть за завесу дыма и ночи. Ничего интересного я не обнаружила, и ни один фэйри в маске не обращал на меня никакого внимания. Они оставались вдоль пути, с каждой минутой их прибывало всё больше. Что-то определённо должно произойти — чем бы ни был этот Великий Обряд.

Я взобралась вверх по склону и остановилась у деревьев, неподалёку от костра, наблюдая за фэйри. Я как раз набиралась храбрости спросить у проходящего мимо низшего фэйри — прислуги в маске птицы, как у Элис — что за ритуал должен произойти, как кто-то схватил меня за руку и повернул к себе.

Я моргнула, глядя на трёх незнакомцев, и остолбенела, увидев их острые черты лица, не скрытые масками. Они выглядели как Высшие Фэ, но их что-то неуловимо отличало, они выше и стройнее, чем Тамлин или Люсьен, в их бездонных глазах крошечной тьмы что-то более жестокое. Значит, фэйри.

Схвативший меня за руку улыбнулся, обнажив слегка заострённые зубы.

— Человеческая девушка, — прошептал он, окидывая меня взглядом. — Мы давно не встречали никого из вас.

Я попыталась рывком высвободить руку, но он крепко держал меня за локоть.

— Что вам нужно? — требовательно спросила я, сохраняя в голосе спокойствие и холод. Два его спутника улыбнулись мне, а один из них перехватил мою вторую руку, едва я попыталась выхватить нож.

— Всего лишь немного веселья Огненной Ночи, — сказал один из них, протягивая бледную, слишком длинную руку, чтобы коснуться пряди моих волос. Я дёрнулась в сторону, стараясь избежать его касания, но он держал твёрдо. Ни один фэйри у костра не реагировал — никто из них даже не удосужился посмотреть.

Если я позову на помощь, кто-нибудь откликнется? Откликнется ли Тамлин? Вряд ли мне снова так повезёт. Вероятно, я использовала всю свою возможную удачу с нагами.

Я с силой дёрнула руками. Они сжали хватки до боли, продолжая удерживать мои руки подальше от ножей. Третий из них подошёл ближе, закрывая меня от остальных. Я оглянулась вокруг в поисках любого союзника. Вокруг стало гораздо больше фэйри без масок. Три фэйри посмеивались — низкий шипящий шум, холодом пробегающий по телу. Я не осознавала, как далеко стояла от всех остальных — как близко я подошла к самой границе леса.

— Оставьте меня в покое, — сказала я громче и злее, чем ожидала, учитывая, как начали дрожать мои колени.

— Смелое заявление от человека в *Каланмэй*, — сказал тот, что держал мою левую руку. Костры не отбрасывали блики в его глазах. Как словно если бы они поглощали свет. Я вспомнила о нагах, чья жуткая внешность соответствовала их прогнившим сердцам. Каким-то образом, эти прекрасные, эфирные фэйри были гораздо хуже.

— Как только пройдёт Обряд, мы повеселимся, не так ли? Подарок — какой подарок — найти здесь человеческую девушку.

Я оскалила на него зубы.

— Убери от меня свои руки, — сказала я достаточно громко, чтобы кто-нибудь мог услышать.

Один из них провёл рукой по моему боку, его костлявые пальцы впивались в мои рёбра, мои бёдра. Я отпрянула и врезалась в третьего, запустившего свои длинные пальцы в мои волосы и прижавшегося ближе. Никто не смотрел. Никто не замечал.

— Прекратите, — сказала я, но слова прозвучали сдавленным вздохом, когда они потащили меня в сторону деревьев, во тьму.

Я выворачивалась и билась — они только шипели. Один из них толкнул меня и я пошатнулась, падая из их рук. Земля приближалась навстречу, и я потянулась за ножами, но крепкие руки подхватили меня за плечи прежде, чем я выхватила ножи или упала в траву.

Руки были сильными — тёплыми и широкими. Совсем не такими, как колючие и костлявые пальцы трёх фэйри, застывших абсолютно неподвижно с того момента, как кто-то мягко поймал меня и поднял на ноги.

— Вот ты где. Я тебя искал, — сказал глубокий, чувственный мужской голос, которого я никогда не слышала. Но я не сводила глаз с трёх фэйри, готовясь к побегу, когда мужчина за мной стал сбоку и обыденным движением обнял за плечи.

Три низших фэйри побледнели, их тёмные глаза широко распахнулись.

— Спасибо, что нашли её для меня, — спокойно и изысканно сказал им мой

спаситель. — Наслаждайтесь Обрядом.

В его последних словах был леденящий холод, заставивший фэйри окоченеть. Без лишних слов, они поспешно удрали обратно к кострам.

Я освободилась от руки моего спасителя и повернулась, чтобы поблагодарить его. Передо мной стоял самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела.

Глава 21

Всё в незнакомце излучало чувственное изящество и непринуждённость. Несомненно, Высший Фэ. Его короткие чёрные волосы блестели, словно перья ворона, оттеняя его бледную кожу и голубые глаза оттенка настолько глубокого, что они были фиолетовыми даже в свете костра. В них мерцало веселье, пока он наблюдал за мной.

На мгновение, воцарилось молчание. «*Спасибо*» — казалось недостаточной благодарностью за то, что он для меня сделал, но что-то в том, с какой абсолютной неподвижностью он стоял, как ночь, казалось, сгущается вокруг него, заставило меня помедлить с признательностью — мне хотелось бежать в противоположном направлении.

На нём тоже не было маски. Значит, он из другого Двора.

На его губах заиграла полуулыбка.

— Что смертная девушка делает здесь в Огненную Ночь? — его голос был мурлыканьем любовника, от которого по телу побежали мурашки, лаская каждую мышцу, кость и нерв.

Я шагнула назад.

— Меня привели друзья.

Ритм барабанов усилился, приближаясь к неведомой мне кульминации. Я так давно не видела обнажённого лица, даже отдалённо напоминающего человеческое. Его одежда — вся чёрная, подобрана с прекрасным вкусом — достаточно облегла его тело, чтобы я могла увидеть, насколько он великолепен. Слово он создан из самой ночи.

— И кто же твои друзья? — он по-прежнему улыбался мне — хищник, оценивающий добычу.

— Две леди, — снова солгала я.

— А их имена? — он приблизился, сунув руки в карманы.

Я отступила чуть дальше, храня молчание. Неужели я только что променяла трёх монстров на кого-то гораздо хуже?

Когда стало ясно, что я не отвечу, он усмехнулся.

— Не стоит благодарности, — сказал он. — За твоё спасение.

Меня разозлила его надменность, но я отступила на ещё один шаг. Я была довольно близко к костру, к той небольшой долине, где собрались все фэйри, я могу выбраться, если побегу. Может быть, кто-то из них сжалится надо мной — может быть, где-то там Люсьен или Элис.

— Дружить с двумя фэйри — странно для смертного, — размышлял он, приближаясь ко мне по дуге. Я могла бы поклясться — за ним оставался след из витков поцелованной звёздами ночи. — Разве, как правило, люди не в полном ужасе от нас? И разве ты, если уж на то пошло, не должна быть по другую сторону стены?

Я была в ужасе от *него*, но я не собиралась позволить ему это увидеть.

— Я знаю их всю свою жизнь. Они никогда не давали повода опасаться их.

Он остановился. Теперь он стоял между мной и костром — на пути моего бегства.

— И всё же они привели тебя на Великий Обряд и бросили.

— Они ушли за напитками, — сказала я, и его улыбка стала шире. Что бы я только что ни сказала, это меня выдавало. Я заметила прислугу, нагруженную пищей, но, возможно, это было не здесь.

Он улыбнулся и у меня сердце замерло. Я никогда не встречала кого-либо столь красивого — и никогда прежде у меня в голове не звенело столько предупреждающих колокольчиков из-за этого.

— Боюсь, напитки далеко, — сказал он, приблизившись. — Их возвращение займёт некоторое время. А пока, могу ли я проводить тебя куда-нибудь? — он вытянул руку из кармана, приглашая меня.

Он отпугнул тех фэйри и пальцем не шевельнув.

— Нет, — сказала я, едва ворочая языком.

Он махнул рукой в сторону долины, в сторону барабанов.

— Тогда наслаждайся Обрядом. И попробуй держаться подальше от неприятностей.

Его глаза мерцали так, что совет держаться подальше от неприятностей означал держаться как можно дальше от него.

Возможно, это было самое рискованное, что я когда-либо делала, но я выпалила:

— Значит, ты не принадлежишь к Весеннему Двору?

Он вернулся ко мне, каждое движение изысканно и пронизано убийственной силой, но я сохранила самообладание, когда он лениво улыбнулся мне.

— Неужели я похож на обитателей Весеннего Двора? — слова были сказаны с тем оттенком высокомерия, которого могут достичь лишь бессмертные. Он негромко рассмеялся. — Нет, я не из знати Весеннего Двора. И я рад этому, — он указал на своё лицо, где могла бы быть маска.

Мне следовало бы уйти, следовало бы замолчать.

— Тогда почему ты здесь?

Его необыкновенные глаза, казалось, засияли — с достаточной смертоносной дерзостью, чтобы я шагнула назад.

— Сегодня все монстры вышли из своих клеток, независимо от их принадлежности ко Дворам. И, до рассвета, я могу гулять, где пожелаю.

Ещё больше загадок и вопросов, требующих ответов. Но мне этого хватило — особенно, когда его улыбка обратилась холодом и жестокостью.

— Наслаждайся Обрядом, — повторила я так вежливо, как только могла.

Я поспешила обратно в долину, слишком ясно понимая, что повернулась к нему спиной. Я с облегчением затерялась в толпе, всё ещё выстроившейся вдоль пути к пещере, всё ещё ожидающей какого-то момента.

Когда меня перестало трясти, я оглянулась, рассматривая собравшихся фэйри. Большинство из них всё же были в масках, но были и некоторые, как тот опасный незнакомец и те трое жутких фэйри, на которых масок не было — по которым невозможно было понять, к какому Двору они принадлежат. Я не могла различить их. Когда я оглядывала толпу, мои глаза встретились с глазами фэйри в маске на другой стороне пути. Один глаз был красно-коричневым и сверкал так же ярко, как и рыжие волосы. Второй глаз — металлический. Я моргнула одновременно с ним, а в следующую секунду его глаза расширились. Он растворился в никуда, а мгновением позже, кто-то схватил меня за локоть и выдернул из толпы.

— Ты с ума сошла? — выкрикнул Люсьен, перекрывая звуки барабанов. Его лицо было

призрачно белым. — Что ты здесь делаешь?

Ни один фэйри нас не заметил — все они напряжённо смотрели в противоположную от пещеры сторону пути.

— Я хотела... — начала я, но Люсьен яростно выругался.

— Идиотка! — крикнул он на меня, а затем оглянулся в ту же сторону, куда глядели все фэйри. — Бестолковая человеческая дура.

Без каких-либо дальнейших слов, он забросил меня на плечо, будто мешок картошки.

Несмотря на мои попытки вырваться и протестующие крики, несмотря на требования забрать мою лошадь, он держал меня крепко, а когда я подняла голову, я обнаружила, что он бежит — быстро. Быстрее, чем что-либо способное двигаться. От этого меня так затошнило, что я закрыла глаза. Он не останавливался, пока воздух не стал прохладнее и спокойнее, а бой барабанов остался где-то вдали.

Люсьен сбросил меня на пол в коридоре поместья, а когда я успокоилась, я увидела, что его лицо по-прежнему мертвенно бледное.

— Ты глупая смертная, — рыкнул он. — Разве он не сказал тебе оставаться в своей комнате?

Люсьен бросил взгляд через плечо, к холмам, где бой барабанов стал таким громким и быстрым, что звук был похож на штормовой ливень.

— Едва ли что-нибудь...

— Это была даже не церемония! — и только тогда я заметила пот на его лице и блеск паники в глазах. — Силы Котла, если бы Тамлин заметил тебя там...

— То что? — сказала я, так же повысив голос. Я ненавидела чувствовать себя так, словно я непослушный ребёнок.

— Это *Великий Обряд*, свари меня Котёл! Разве никто тебе не сказал, что это такое?

Моё молчание было достаточным ответом. Я практически могла видеть, как барабанный бой пульсирует под его кожей, манит его вновь присоединиться к толпе.

— Огненная Ночь означает официальное начало весны — как и в Прифиане, так и в мире смертных, — сказал Люсьен. Хоть его слова и были спокойны, они словно слегка дрожали.

Я прислонилась к стене коридора, стараясь изобразить небрежность, которой не чувствовала.

— Здесь, наши урожаи зависят от магии, которую мы возрождаем в *Каланмэй* — сегодня.

Я сунула руки в карманы штанов. Два дня назад Тамлин говорил нечто подобное. Люсьен вздрогнул, словно стряхивая невидимое прикосновение.

— И делаем мы это посредством проведения Великого Обряда. Каждый из семи Высших Лордов Прифиана проводит его каждый год, так как их магия приходит из земли и, в конце концов, возвращается обратно — это как взаимообмен.

— Но что это такое? — спросила я, и он щёлкнул языком.

— Сегодня, Тэм позволит... великой и ужасной магии проникнуть в его тело, — сказал Люсьен, глядя на костры вдали. — Магия захватит контроль над его разумом, его телом, его душой и превратит его в Охотника. Магия заполнит его с единственной целью: найти Деву. От их связи, магия освободится и распространится по земле, где, в будущем году, она будет возрождать жизнь.

Моё лицо вспыхнуло, а я боролась с желанием беспокойно ёрзать.

— Сегодня Тэм не будет фэйри, которого ты знаешь, — говорил Люсьен. — Он даже не будет помнить своего имени. Магия растворит всё в нём, кроме одного основного приказа — и необходимости.

— Кто... кто эта Дева? — выдавила я.

Люсьен фыркнул.

— Никто не знает, пока не придёт время. После того как Тэм выследит белого оленя и убьёт его в качестве жертвенного подношения, он пойдёт к той священной пещере, где он обнаружит выстроившихся вдоль пути девушек фэйри, ожидающих, чтобы он выбрал одну из них как своего партнёра на сегодня.

— Что?

Люсьен засмеялся.

— Да — все те девушки фэйри вокруг тебя были девушками, из которых Тамлин будет выбирать. Это большая честь — быть избранной, но только его инстинкты выбирают её.

— Но и ты был там — как и другие мужчины фэйри.

Моё лицо горело так, что я начала потеть. Вот почему те три жутких фэйри были там — и почему они думали, что одно моё присутствие уже говорит, что я буду рада их планам.

— А, — усмехнулся Люсьен. — Ну, Тэм не единственный, кто будет проводить сегодня обряд. После того, как он сделает свой выбор, мы вольны смешаться. Хотя наши сегодняшние интрижки и не Великий Обряд, они тоже помогут земле, — он снова сбросил прикосновение невидимой руки и его взгляд устремился к холмам. — Тебе повезло, что тебя нашёл я, — сказал он. — Потому что он бы учуял и выбрал тебя, но в пещеру тебя привёл бы не Тамлин, — его глаза встретились с моими и по спине пробежал холодок. — И я не думаю, что тебя понравилось бы. Эта ночь не для любовных ласк.

Я сглотнула подступившую тошноту.

— Я должен идти, — сказал Люсьен, глядя на холмы. — Мне нужно вернуться до того, как он достигнет пещеры — по крайней мере, попытаюсь его контролировать, когда он учует тебя и не сможет найти в толпе.

От этого меня затошнило — мысль о преследующем меня Тамлине, о магии, способной стереть чувства собственного «я», ощущения правильного и неправильного. Но слышать то... то, что какая-то дикая часть его хотела меня... Дыхание стало болезненным.

— Сегодня оставайся в своей комнате, Фейра, — сказал Люсьен на пути к дверям в сад. — Кто бы ни постучал, не отпирай дверь. Не выходи до утра.

В какой-то момент, сидя за туалетным столиком, я задремала. Я проснулась, едва стихли барабаны. Дрожащая тишина пронзила дом, а у меня на руках волосы дыбом встали, когда мимо меня пронеслась магия, словно рябь.

Хоть я и старалась не думать о вероятном источнике, я покраснела, даже в груди сдавило. Я взглянула на часы. Было уже за два часа ночи.

Ну, он определённо не спешил с ритуалом, что означает — девушка, вероятно, была прекрасной и очаровательной, и удовлетворяла его *инстинктам*.

Я задумалась, была ли она рада стать избранной. Скорее всего. Она пришла к холмам по собственной воле. Как-никак, Тамлин — Высший лорд, и это большая честь. И, я полагаю, Тамлин красив. Жутко красив. Даже если я не могу видеть верхнюю часть его лица, я вижу

его прекрасные глаза и красиво изогнутые и полные губы. А ещё и его тело, которое... которое... я зашипела и поднялась.

Я уставилась на дверь, на подстроенную ловушку. Какой невероятный абсурд — как будто куски верёвки и дерево смогут защитить меня от демонов этих земель.

Чувствуя необходимость чем-то занять руки, я осторожно разобрала ловушку. Затем я открыла дверь и шагнула в коридор. Что за дикий праздник. Абсурд. Хорошо, что люди забросили их обычаи.

Я спустилась в пустую кухню и проглотила половину буханки хлеба, яблоко и лимонный пирог. Грызая шоколадное печенье, я шла в свою маленькую комнату для рисования. Мне необходимо выбросить из моего разума хотя бы часть яростных образов, даже если мне придётся рисовать при свете свечей.

Я собиралась свернуть по коридору, когда передо мной появилась высокая мужская фигура. Лунный свет из распахнутого окна превратил его маску в серебряную, а его золотистые волосы — распущенные и увенчанные лавровыми листьями — мерцали.

— Куда-то собралась? — спросил Тамлин. Его голос звучал словно не из этого мира.

Я подавила дрожь.

— Полуночный перекус, — сказала я, чётко контролируя каждое движение, каждый вдох, приближаясь к нему.

Его обнажённая грудь была разрисована завитками тёмно-синей вайдой, и по смазанным рисункам я могла точно определить, где к нему прикасались. Я старалась не замечать, что они спускались вниз по мускулистому животу.

Я уже хотела пройти мимо него, когда он схватил меня, так быстро, что я ничего не успела увидеть, пока он не прижал меня к стене. Печенье выпало из моих рук, когда он схватил меня за запястья.

— Я слышал твой запах, — выдохнул он, его разрисованная грудь вздымалась и опадала так близко к моей. — Я искал тебя, но тебя там не было.

От него ощутимо пахло магией. Когда я посмотрела в его глаза, там всё ещё мелькали остатки могущества. Ни доброты, ни мрачного юмора, ни мягких упрёков. Тамлин, которого я знала, исчез.

— Отпусти, — сказала я настолько спокойно, как только могла, но он выпустил когти, вогнав их в дерево над моими руками. В нём всё ещё бушевала магия, он был полудиким.

— Ты сводишь меня с ума, — прорычал он, и звук дрожащим эхом до боли отозвался в моей груди. — Я искал тебя, но тебя там не было. Когда я не нашёл тебя, — сказал он, склонившись так близко ко мне, что наше дыхание смешивалось. — Мне пришлось выбрать другую.

Я не могла сбежать. Но я не была уверена полностью, что хотела сбежать.

— Она просила не быть с ней нежным, — прорычал он, его зубы ярко сверкнули в лунном свете. Он приблизил губы к моему уху. — Но с тобой я был бы нежен.

Я вздрогнула, закрыв глаза. Его слова проносились эхом сквозь меня и каждая частица тела напряглась.

— Я бы заставил тебя стонать моим именем каждым прикосновением. И я бы не торопился, я бы растягивал время, Фейра.

Он произнёс моё имя как невероятную ласку, его горячее дыхание щекотало ухо. Моя спина слегка выгнулась.

Он вырвал когти из стены, и, когда он отпустил меня, у меня подогнулись колени. Я

ухватила за стену, чтобы не опуститься на пол, чтобы не наброситься на него — с желанием ударить или ласкать, я не знала. Я открыла глаза. Он по-прежнему улыбался — улыбался, как животное.

— С чего мне хотеть чьи-то объедки? — сказала я, пытаюсь оттолкнуть его. Он снова схватил меня за руки и прикусил за шею.

Я вскрикнула, когда его зубы сомкнулись на нежной коже между плечом и шеей. Я не могла пошевелиться — не могла думать, весь мой мир сузился до ощущения его губ и зубов на моей коже. Он не укусил до крови, но прикусил достаточно сильно, чтобы удержать меня. Давление его тела на моё, твёрдое и мягкое, вынудило меня потерять самообладание — увидеть вспышку и прижаться к нему бёдрами. Я должна его ненавидеть — ненавидеть его за глупый ритуал, за девушку, с которой он сегодня был...

Его прикус ослаб, и его язык прошёлся по тому месту, где были его зубы. Он не двигался — он просто застыл на месте, целуя мою шею. Тщательно, сосредоточенно, лениво. Жар пульсировал между ног, а когда его тело прижалось к моему, едва ли не каждой клеточкой, с моих губ сорвался стон.

Он отпрянул назад. Для освобождённой кожи воздух казался колючим и холодным, я задышалась, когда он смотрел на меня.

— Никогда больше не смей ослушиваться меня, — сказал он, его голос звучал глубоким мурлыканьем по телу, пробуждая всё и баюкая.

Осознав сказанные им слова, я выпрямилась. Он по дикому усмехнулся мне, а я ударила его по лицу.

— Не говори мне, что делать, — выдохнула я, ладонь жгло. — И не кусай меня, как какой-то взбесившийся зверь.

Он горько усмехнулся. Лунный свет обратил оттенок его глаз в цвет листьев в тенях. Больше — я хотела тяжести его тела, прижимающего моё; я хотела его губ, зубов и языка на обнажённой коже, на груди, между ног. Всюду — я хотела его *всюду*. Я тонула в этой жажде.

Его ноздри раздулись, когда он услышал мой запах — услышал каждую прожигающую, неистовую мысль, пульсирующую в моём теле, моих чувствах. Он со свистом выдохнул.

Прежде чем уйти прочь, он рыкнул — низко, разочарованно, злобно.

Глава 22

Проворочавшись всю ночь, я проснулась с ноющей головой, когда солнце было уже высоко.

Слуги всё ещё спали после ночного празднования, поэтому я сама приготовила себе ванну и долго в ней отмокала. Как бы я ни пыталась забыть ощущение губ Тамлина на шее, на месте, где он укусил, образовался огромный синяк. После купания, я оделась и села за туалетный столик, чтобы заплести волосы.

Я открывала ящики столика в поисках шарфа или чего-нибудь, чем можно прикрыть виднеющийся над воротником голубой туники синяк, но затем я замерла и посмотрела на себя в зеркало. Он вёл себя как дикое животное, и если к утру он пришёл в себя, тогда пусть видит, что сделал, это будет хоть каким-то минимальным наказанием.

Презрительно фыркнув, я больше расстегнула воротник туники и заправила золотисто-каштановые пряди волос за уши так, чтобы ничего не скрывало синяк. Я не буду съедиваться от страха.

Негромко напевая и размахивая руками, я спустилась вниз по лестнице и последовала

на запах в столовую, где, как я знала, обычно подают ланч для Тамлина и Люсьена. Распахнув двери, я увидела их на привычных местах за столом. Я могла бы поклясться, что Люсьен спал и сейчас, с вилкой в руке.

— Хорошего дня, — бодро сказала я, с особенно сахарной улыбкой для Высшего Лорда.

Он моргнул, глядя на меня, и оба фэйри пробормотали свои ответные пожелания, когда я села напротив Люсьена, а не как обычно — напротив Тамлина.

Я выпила достаточно много воды из своего бокала, прежде чем приступить к пище. Я наслаждалась напряжённой тишиной, расправляясь с едой на своей тарелке.

— Ты выглядишь... посвежевшей, — заметил Люсьен, бросив взгляд на Тамлина. Я пожала плечами. — Хорошо спала?

— Как младенец, — улыбнувшись ему, я снова вернулась к еде. Я чувствовала, как взгляд Люсьена неминуемо спускается к моей шее.

— Что это за синяк? — требовательно спросил Люсьен.

Я указала вилкой на Тамлина.

— Его спроси. Он это оставил.

Люсьен переводил взгляд с Тамлина на меня и обратно.

— Почему у Фейры на шее оставленный тобой синяк? — спросил он без капли веселья.

— Я укусил её, — сказал Тамлин, не отвлекаясь от разрезания стейка. — Мы столкнулись в холле после Обряда.

Я выпрямилась на стуле.

— Кажется, она хотела умереть, — продолжал он, разрезая мясо. Когти оставались спрятанными, но пытались пробиться сквозь кожу над костяшками пальцев. У меня перехватило дыхание. О, он был взбешён — в ярости от моей глупости покинуть комнату — но каким-то образом ему удалось сдержать свой гнев на тугом, очень тугом поводке. — Так что, если Фейра не считает необходимым следовать приказам, то я не могу нести ответственность за последствия.

— Ответственность? — вспыхнула я, положив руки на стол. — В холле ты припёр меня к стенке, словно волк кролика!

Люсьен поставил локоть на стол и прикрыл рот рукой, его красноватый глаз сиял.

— В то время как я мог быть не в себе, Люсьен и я сказали тебе оставаться в твоей комнате, — Тамлин говорил так спокойно, что мне хотелось рвать на себе волосы.

Я ничего не могла поделать. Даже не пыталась бороться со вспышкой эмоций, затмившей всё остальное.

— Фэйские свиньи! — крикнула я, а Люсьен захохотал, едва не опрокинувшись на стуле. При виде растущей на губах Тамлина улыбки, я ушла.

У меня ушло несколько часов на то, чтобы прекратить рисовать маленькие портреты Тамлина и Люсьена с чертами свиней. Но, когда я закончила последний — *«Две фэйские свиньи, барахтающиеся в собственной грязи»*, так я их назову — я улыбалась в своей собственной чистой и светлой комнате для рисования. Я знала, что Тамлин заглянет сюда.

И от этого... мне становилось весело.

Мы извинились за ужином. Он даже принёс мне букет белых роз из парка его родителей, и, несмотря на то, что я отмахнулась от них, вернувшись в комнату, я убедилась,

что Элис хорошо о них позаботилась. Она сухо кивнула мне, пообещав отнести их в комнату для рисования. Я засыпала с улыбкой на губах.

Впервые за долгое, долгое время, я спала спокойно.

— Не уверена, должна ли я радоваться или беспокоиться, — сказала Элис следующим вечером, помогая мне надеть чехол под платье, золотистая ткань скользнула вниз по поднятым рукам, затем Элис дёрнула её вниз.

Я слегка улыбнулась, любуясь замысловатым металлическим кружевом, охватившим мои руки и корпус, словно вторая кожа, а после свободно спадающим на ковёр.

— Это просто платье, — сказала я, снова поднимая руки, когда она принесла платье из бирюзовой паутинки. Оно было достаточно прозрачным, чтобы увидеть мерцающую под ним тонкую золотистую ткань, а ещё лёгким и воздушным, полным движения, как если бы оно струилось вслед за невидимым потоком.

Элис только усмехнулась своим мыслям и повела меня к туалетному столику, чтобы заняться моими волосами. У меня не хватало смелости взглянуть на себя в зеркало, пока она хлопотала за моей спиной.

— Означает ли это, что отныне ты будешь носить платье? — спросила она, разделяя мои волосы на пряди для какого-то чуда, которое она собиралась сотворить с ними.

— Нет, — быстро отозвалась я. — Я имею в виду — днём я буду носить привычную для меня одежду, но я подумала, что было бы неплохо... примерить его, по крайней мере, на сегодня.

— Понятно. Значит, хорошо, что ты не теряешь свой здравый смысл полностью.

Я усмехнулась уголком губ.

— Кто тебя научил так укладывать волосы?

Её пальцы замерли, но снова продолжили свою работу.

— Моя мать научила меня и мою сестру, а до этого её научила её мать.

— Ты всегда была в Весеннем Дворе?

— Нет, — сказала она, искусно закрепляя мои волосы в различных местах. — Нет, мы родом из Летнего Двора — там до сих пор обитает моя родня.

— Как ты очутилась здесь?

Элис встретилась со мной взглядом в зеркале, её губы были сжаты в тонкую линию.

— Это был мой выбор, переехать сюда — и моя родня посчитала меня сумасшедшей. Но мою сестру и её супруга убили, а для её мальчиков... — она закашлялась, будто захлебнувшись словами. — Я приехала сюда, чтобы сделать всё, что в моих силах, — она хлопнула меня по плечу. — Взгляни.

Я решила взглянуть на своё отражение.

Я поспешила из комнаты, пока не растеряла всю свою храбрость.

Когда я спустилась к столовой, мне пришлось крепко прижимать руки к бокам, чтобы не вытирать потные ладони о юбку платья, и я сразу подумала о бегстве обратно наверх и переодевании в брюки и тунику. Но я знала, что они уже услышали меня, или учуяли, или

использовали ещё какое-то своё обострённое чувство для обнаружения моего присутствия, и, так как бегство делает всё ещё хуже, я нашла в себе решимость толкнуть двустворчатые двери.

О чём бы ни говорили Тамлин и Люсьен, они замолчали, а я старалась не смотреть на их широко распахнутые глаза, пока направлялась к своему обычному месту в конце стола.

— Ну, я опаздываю к чему-то невероятно важному, — сказал Люсьен и, прежде чем я смогла обвинить его в откровенной лжи или попросить его остаться, фэйри в лисьей маске исчез.

Я чувствовала всю тяжесть пристального внимания Тамлина, направленного на меня — на каждый вдох и каждое моё движение. Я внимательно изучала канделябры на каминной полке недалеко от стола. У меня не было чего сказать и что не прозвучало бы абсурдно, но, по какой-то причине, мои губы сами решили шевелиться.

— Ты так далеко, — я указала на пространство разделявшего нас стола. — Словно ты в другой комнате.

Большая часть стола растворилась, Тамлин оказался не дальше двух шагов, теперь сидя за бесконечно более интимным столиком. Я вскрикнула и едва не опрокинулась на стуле. Он засмеялся, когда я уставилась на маленький столик между нами.

— Лучше? — спросил он.

Проигнорировав металлический привкус магии, я сказала:

— Как... Как ты это сделал? Куда делась остальная часть стола?

Он склонил голову.

— Посреди. Думай об этом как... о кладовке, скрытой в карманах мира, — он размял руки и шею, как если бы пытался избавиться от боли.

— Тебя это утомляет?

Казалось, на его сильной шее блестит пот.

Он прекратил разминать руки и положил их на стол.

— Раньше это было так же легко, как дышать. Но сейчас... требуется концентрация.

Из-за болезни в Прифиане и её влияния на него.

— Ты мог бы просто сесть ближе, — сказала я.

Тамлин лениво усмехнулся.

— И упустить шанс произвести впечатление на красивую девушку? Ни за что.

Я улыбнулась, глядя в тарелку.

— Ты действительно прекрасно выглядишь, — сказал он тихо. — Серьёзно, — добавил он, когда я криво усмехнулась. — Ты разве не смотрелась в зеркало?

Хоть мою шею всё ещё обезображивал оставленный им синяк, я *вправду* выглядела довольно мило. Женственно. Я бы не рискнула называть себя красавицей, но... я не съёжилась. Несколько месяцев здесь сотворили чудеса с угловатыми и острыми чертами моего лица. И я осмелюсь сказать, что в мои глаза прокрался свет — *мои* глаза, а не глаза моей матери или Нэсты. *Мои*.

— Спасибо, — сказала я, радуясь, что можно избежать дальнейших разговоров, так как он обслужил сначала меня, затем себя. Когда мой желудок был переполнен до отказа, я осмелилась взглянуть на Тамлина — по-настоящему *взглянуть* на него — снова.

Тамлин откинулся на стуле, но его плечи были напряжены, а губы сжаты в тонкую линию. Последние несколько дней его не вызывали к границам — он не возвращался уставшим и весь в крови, как перед Огненной Ночью. И все же... Он горевал о том

безымянном фэйри с оторванными крыльями из Летнего Двора. Какие ещё горести и тяготы он несёт на себе за тех, кого потерял в этом конфликте — потерял из-за болезни или из-за атак на границах? Высший Лорд — титул, которого он не хотел и не ждал, но который он был вынужден принять и делать всё, что в его силах.

— Пойдём, — сказала я, поднимаясь из-за стола и протягивая руку. Мозолистая кожа коснулась моей, но его пальцы сжались, когда он посмотрел на меня. — У меня есть кое-что для тебя.

— Для меня, — осторожно повторил он, но поднялся.

Я вывела его из столовой. Когда я хотела отпустить его руку, он не выпустил. Этого было достаточно, чтобы я шла быстро, как если бы могла обогнать оглушающие удары сердца или его явное бессмертное присутствие рядом. Я вела его по коридору за коридором, пока мы не оказались у моей маленькой комнаты для рисования, и он, наконец-то, отпустил мою руку, когда я потянулась за ключом. После тепла его кожи холодный воздух покалывал руку.

— Я знаю, что ты просила ключ у Элис, но я не думаю, что ты на самом деле заперла комнату, — сказал он за моей спиной.

Толкнув открытую дверь, я с прищуром обернулась через плечо.

— В этом доме все суют свои носы в чужие дела. Я не хотела, чтобы ты или Люсьен приходили сюда, пока я не буду готова.

Я шагнула в тёмную комнату и прочистила горло, молчаливая просьба для него зажечь свечи. У него это заняло дольше времени, чем я видела прежде, и я задумалась — что если манипуляции со столом отняли у него больше сил, чем он показывает. Суриэль говорил, что Высшие Лорды *были* Могуществом — и все же... все же что-то было действительно и абсолютно неправильно, если это всё, на что он способен. Комната постепенно наполнилась светом, и, ступив дальше в комнату, я отбросила тревоги в сторону. Я глубоко вдохнула и указала на картину, оставленную на мольберте. Я надеялась, что картин, прислонённых к стенам, он не заметит.

Он повернулся на месте, окидывая комнату взглядом.

— Знаю, они странные, — сказала я, мои руки снова вспотели. Я спрятала их за спину. — И я знаю, что они не такие... не так хороши, как те, что у тебя есть, но... — я подошла к картине на мольберте. Это был импрессионизм, не реалистичное изображение. — Я хотела, чтобы ты увидел эту, — проговорила я, указывая на мазки зелёного, золотистого, серебристого и голубого. — Это для тебя. Подарок. За всё, что ты сделал.

Жар поднялся к моей шее, щекам и ушам, когда он молча приблизился к картине.

— Это долина — с прудом звёздного света, — выпалила я.

— Я знаю, что это, — прошептал он, изучая картину.

Я отступила на шаг, не в силах наблюдать, как он смотрит на неё, жалея, что привела его сюда, обвиняя себя за вино за ужином, за глупое платье. Он рассматривал картину несчастную вечность, а затем посмотрел в сторону — на ближайшую картину, прислонённую к стене.

У меня желудок свело. Туманный снежный пейзаж с костлявыми деревьями и больше ничего. Это выглядело как... как ничто, я надеялась. Для всех, кроме меня. Я открыла рот, чтобы объяснить, жалея, что не отвернула остальные картины другой стороной, но он заговорил.

— Это был твой лес. Где ты охотилась.

Он подошёл ближе к картине, всматриваясь в мрачную, холодную пустоту белого, серого, коричневого и чёрного.

— Это была твоя жизнь, — уточнил он.

Я была слишком подавлена, слишком ошеломлена, чтобы ответить. Он подошёл к следующей картине, оставленной у стены. Темнота и насыщенный коричневый, и мерцающие проблески рубиново-красного и оранжевого, пробивающиеся сквозь них.

— Твой дом ночью.

Я пыталась пошевелиться, сказать ему прекратить рассматривать выстроившиеся у стены картины, но я не могла — не могла даже дышать нормально, когда он шагнул к следующей картине. Загорелая, крепкая мужская рука, сжатая в кулак на сене, бледные частички сена запутаны в золотисто-коричневых прядях — мои волосы. У меня желудок перевернулся.

— Мужчина, с которым ты виделась — в своей деревне.

Он снова склонил голову, изучая картину, и у него вырвалось низкое рычание.

— Во время ваших занятий любовью.

Он отступил назад, пробегая взглядом по ряду картин.

— Эта единственная хоть с какой-то яркостью.

Это была... ревность?

— Это было моё единственное спасение.

Правда. Я не буду извиняться за Айзека. Только не после участия Тамлина в Великом Обряде. Я не обвиняю его, но если он собирается ревновать к *Айзеку*...

Должно быть, Тамлин тоже это понял, потому что он медленно выдохнул, прежде чем перейти к следующей картине. Высокие мужские тени, капающая кровь с их кулаков, с их деревянных дубинок, залила и заполнила все края картины, в то время как тени возвышались над скрюченной на полу фигурой, истекающей кровью и с вывернутой под неправильным углом ногой.

Тамлин выругался.

— Ты была там, когда они сломали ногу твоему отцу.

— Кто-то должен был умолять их остановиться.

Тамлин бросил слишком понимающий взгляд в мою сторону и повернулся посмотреть на оставшиеся картины. Они были там, все раны, что я медленно залечивала за эти несколько месяцев. Я моргнула. Несколько месяцев. Неужели моя семья верит, что я навечно останусь с так называемой умирающей тёткой?

Напоследок, Тамлин посмотрел на картину с прудом и звёздным светом. Он кивнул в знак благодарности. Но он указал на картину покрытого снежной вуалью леса.

— Вот эту. Я хочу эту.

— Она холодная и тоскливая, — сказала я, пряча дрожь. — Она вовсе не подходит этому месту.

Он подошёл к ней, и его улыбка, посланная мне, была гораздо красивее любых зачарованных лугов или прудов со звёздами.

— Тем не менее, я хочу эту, — мягко сказал он.

Я никогда ещё так сильно не мечтала больше всего на свете снять его маску и увидеть лицо под ней, узнать, соответствует ли он моим представлениям.

— Скажи, что есть какой-то способ помочь тебе, — выдохнула я. — С масками, с той угрозой, отнявшей у тебя столько силы. Скажи мне — просто скажи, что я могу сделать,

чтобы помочь тебе.

— Человек хочет помочь фэйри?

— Не подкалывай меня, — сказала я. — Пожалуйста — просто... скажи мне.

— Я не хочу, чтобы ты что-либо делала, нет ничего, что ты можешь сделать — или кто-то другой. Это моё бремя.

— Ты не обязан...

— Обязан. То, с чем я должен столкнуться, что выдержать, Фейра... ты не переживёшь.

— То есть, я буду жить здесь всю свою жизнь в неведении подлинных масштабов происходящего? Если ты не хочешь, чтобы я понимала, что происходит... может тогда тебе лучше... — я тяжело сглотнула. — Может быть, мне лучше поискать другое место, где я останусь жить? Где я не буду помехой?

— Разве *Каланмэй* тебя ни чему не научил?

— Только тому, что магия превращает тебя в животное.

Он засмеялся, хотя и не совсем весело. Когда я промолчала, он вздохнул.

— Нет, я не хочу, чтобы ты уходила в другое место. Я хочу, чтобы ты оставалась здесь, где я могу приглядывать за тобой — где я могу вернуться домой и быть уверенным, что ты здесь, в безопасности и рисуешь.

Я не могла оторвать от него взгляда.

— Поначалу я думал отправить тебя куда-нибудь, — прошептал он. — Часть меня до сих пор считает, что я должен найти для тебя другое место. Но, возможно, я был эгоистом. Даже когда ты ясно показала, что намного больше заинтересована в игнорировании Договора или поиска лазейки в нём, я не смог заставить себя отпустить тебя — найти какое-нибудь место в Прифиане, где тебе будет достаточно комфортно, чтобы ты не пыталась сбежать.

— Почему?

Он поднял небольшую картину замёрзшего леса и снова изучил её.

— У меня было много любовниц, — признался он. — Девушки благородного происхождения, воины, принцессы...

При мысли о них, глубоко внутри во мне вспыхнула ярость — ярость на их титулы, на их, несомненно, прекрасную внешность, на их близость к нему.

— Но они никогда не понимали. Каково это было и как это сейчас для меня — заботиться о своих людях, землях. Что шрамы всё ещё здесь, на что похожи плохие дни.

Полыхнувшая ревность исчезла, как утренняя роса, когда он улыбнулся моей картине.

— Она напоминает мне об этом.

— О чём? — выдохнула я.

Он опустил картину и посмотрел прямо на меня, внутрь меня.

— Что я не один.

Той ночью я не запирала дверь в свою комнату.

Глава 23

На следующий день, я наслаждалась теплом солнечных лучей, проскальзывающих сквозь полог из листьев, лёжа на траве и думая о том, как изобразить это в моей следующей картине. Люсьен, утверждая, будто ему необходимо присутствовать на каком-то жалком эмиссарском мероприятии, предоставил нас самим себе, и Высший Лорд привёл меня в ещё один прекрасный уголок в его зачарованном лесу.

Но ничего волшебного здесь не было — ни прудов звёздного света, ни радужных водопадов. Это просто травянистая долина под плачущими ивами и с чистым ручейком неподалёку. Мы отдыхали в уютной тишине, и я взглянула на Тамлина, дремавшего рядом со мной. Его золотистые волосы и маска ярко сверкали на фоне изумрудного ковра травы. Я залюбовалась аккуратными арками его заострённых ушей.

Он открыл один глаз и лениво улыбнулся мне.

— Эти песни ивы всегда навевают на меня сон.

— Что-что? — спросила я, приподнявшись на локтях, чтобы посмотреть на дерево над нами.

Тамлин указал на иву. Ветви словно вздыхали на ветру.

— Она поёт.

— Полагаю, она тоже поёт частушки военного лагеря?

Он улыбнулся и приподнялся, чтобы обернуться и посмотреть на меня.

— Ты человек, — сказал он и я закатила глаза. — Твои ощущения по-прежнему изолированы от всего.

Я скорчила гримасу.

— Всего лишь ещё один из множества моих недостатков.

Но слово «недостатки» каким-то образом потеряло своё значение.

Он убрал несколько травинок из моих волос. Моё лицо вспыхнуло, когда его пальцы задели щеку.

— Я мог бы помочь тебе увидеть, — сказал он. Его пальцы задержались на кончике моей косы, накручивая локон. — Увидеть мой мир — услышать его, почувствовать его аромат, — когда он сел, моё дыхание стало поверхностным. — Попробовать его, — его взгляд метнулся к побледневшему синяку на моей шее.

— Как? — спросила я, жар разросся, когда он присел передо мной.

— У каждого подарка есть своя цена, — он усмехнулся, а я нахмурилась. — Поцелуй.

— Нет! Исключено! — но кровь горела и мне пришлось сжать траву в кулаки, чтобы удержаться и не коснуться его. — Тебе не кажется, что неспособность видеть всё это ставит меня в невыгодное положение?

— Я один из Высших Фэ — мы не даём ничего, не получив чего-то взамен.

К своему собственному удивлению, я сказала:

— Хорошо.

Он моргнул, вероятно, ожидая, что я буду сопротивляться сильнее. Пряча улыбку, я села напротив него так, что наши колени касались на траве. Я облизнула губы, сердце стучало так быстро, что мне казалось, будто у меня в груди заперта колибри.

— Закрой глаза, — сказал он и я послушалась, мои пальцы вцепились в траву.

Птицы щебетали, ветви ивы вздыхали. Трава хрустнула, когда Тамлин поднялся на коленях. Я замерла, едва его губы коснулись одного века, затем другого. Он отстранился, а у меня перехватило дыхание, поцелуи всё ещё ощущались на коже.

Пение птиц обратилось оркестром — симфонией болтовни и радости. Я никогда не слышала столько уровней музыки, не слышала столько вариаций и тем, сплетающих арпеджио. А за пением птиц звучала эфирная мелодия — девушка, меланхоличная и уставшая... ива. Изумлённо ахнув, я открыла глаза.

Мир стал насыщеннее, яснее. Ручей был словно едва видимая водная радуга — призывно гладкая будто шёлк, ниспадающая по камням. Деревья слабо мерцали светом,

исходящим изнутри и танцующим на кончиках их листьев. Больше не было острого металлического запаха — нет, аромат магии теперь был словно жасмин, или сирень, или розы. Я никогда не смогу изобразить это богатство, ощущения... Возможно, отголоски, но не полностью.

Волшебство — *всё* было волшебством, и это разбило мне сердце.

Я посмотрела на Тамлина и моё сердце полностью разорвалось.

Это был и Тамлин, и нет. Вернее, это был Тамлин, о котором я мечтала. Его кожа сверкала золотом, а над его головой сиял ореол солнечного света. А его глаза...

Не только зелёные с золотистым, а каждый мыслимый оттенок, который только можно вообразить, как если бы каждый лист в лесу оказался под единой тенью. *Это* был Высший Лорд Прифиана — ужасающе красивый, пленительный и, несомненно, могущественный.

Я коснулась контуров его маски и у меня перехватило дыхание. Прохладный металл слегка покалывал кончики пальцев, а изумруды скользили под моей огрубевшей кожей. Я осторожно взялась свободной рукой за другую сторону его маски. Легонько потянула.

Она не поддалась.

Он заулыбался, когда я потянула снова, и я моргнула, опуская руки. Тотчас золотистый, сияющий Тамлин исчез и вернулся тот, которого я знаю. Я всё ещё могла слышать пение ивы и птиц, но...

— Почему я больше не могу тебя видеть?

— Потому что я пожелал, чтобы чары вернулись обратно.

— Чары для чего?

— Чтобы выглядеть нормально. Или настолько нормально, насколько можно нормально выглядеть с этой проклятой штуковиной, — добавил он, указав на маску. — Будучи Высшим Лордом, даже таким с... ограниченными силами, у меня тоже есть физические признаки. Вот почему я не мог скрывать того, кем становлюсь, от своих братьев — от кого угодно. Мне всё ещё легче не выделяться.

— Но маска действительно не снимается — я имею в виду, ты уверен, что нет никого, кто знает как исправить то, что магия сделала в ту ночь? Даже кого-то из другого Двора? — я не знаю, почему маска настолько меня беспокоила. Чтобы узнать его, мне не нужно видеть всё его лицо.

— Мне жаль тебя разочаровывать.

— Я просто... просто хочу знать, как ты выглядишь, — я задумалась, когда успела так осмелеть.

— Как ты думаешь, как я выгляжу?

Я склонила голову набок.

— Решительный, прямой нос, — сказала я, опираясь на то, что однажды пыталась нарисовать. — Высокие скулы, подчёркивающие твои глаза. Немного... немного изогнутые брови, — я замолчала, покраснев.

Он улыбался так широко, что я могла видеть почти все его зубы — клыков видно не было. Я пыталась придумать извинение за свою дерзость, но веки налились тяжестью и я зевнула.

— Как насчёт твоей части сделки?

— Какой?

Он наклонился ближе, его улыбка превратилась в плутовскую.

— Как насчёт моего поцелуя?

Я схватила его за пальцы.

— Вот, — сказала я, коснувшись губами тыльной стороны его руки. — Вот твой поцелуй.

Тамлин покотился со смеху, но мир терял ясность очертаний, баюкал меня. Ива манила меня прилечь и я была обязана её послушать. Как издалека я услышала проклятья Тамлина.

— Фейра?

Спать. Я хотела спать. И нет лучшего места для сна, чем здесь, слушая иву, птиц и ручей. Я повернулась набок и согнула локоть вместо подушки.

— Я должен вернуть тебя домой, — прошептал он, хотя и не пошевелился, чтобы поднять меня на ноги. Вместо этого, я почувствовала лёгкий толчок земли, и услышала запахи весеннего дождя и молодой травы, когда он лёг рядом. Я вздрогнула от удовольствия, когда он гладил мои волосы.

Это был такой прекрасный сон. Я ещё никогда раньше так чудесно не спала. Удобно и тепло устроившись возле него. Спокойно. Когда он заговорил снова, лаская дыханием моё ухо, слабое эхо его слов звучало в мире моего сна.

— Ты тоже именно та, о которой я мечтал.

И всё поглотила тьма.

Глава 24

Меня разбудил не рассвет, а, скорее, жужжание. Я со стоном села в постели и покосилась на приземистую женщину с кожей словно бы из древесной коры, сутившуюся около моего завтрака.

— Где Элис? — спросила я, протирая заспанные глаза.

Должно быть, меня сюда принёс Тамлин — похоже, он нёс меня всю дорогу домой.

— Что? — она обернулась ко мне.

Её птичья маска выглядела знакомо. Но я бы точно запомнила фэйри с такой кожей. Я бы уже нарисовала её.

— Элис нездоровится? — сказала я, соскользнув с кровати.

Это ведь моя комната, верно? Беглый взгляд по сторонам сказал мне «да».

— Ты в своём уме? — сказала фэйри. Я прикусила губу. — Я — Элис, — фыркнула она и, покачав головой, она скрылась в купальне, чтобы подготовить ванну.

Это невозможно. Элис, которую я знаю, светлая, слегка полноватая и выглядит как Высшая Фэ.

Я протёрла глаза большими и указательными пальцами. Чары — то, что носит Тамлин, как он сказал. Его зрение фэйри позволило увидеть сквозь чары, которые я видела до этого. Но какой смысл прятать всё за чарами?

Потому что я была дрожащим забитым человеком, вот почему. Потому что Тамлин знал, что я бы заперлась в этой комнате и никогда бы не вышла, если бы увидела их подлинные сущности.

Всё стало только хуже, когда я спустилась вниз в поисках Высшего Лорда. В коридорах кишели фэйри в масках, которых я прежде не встречала. Одни были высокими и человекоподобными — Высшие Фэ, как и Тамлин — другие... нет. Фэйри. Я старалась не смотреть на них, так как они больше всего удивлялись, замечая моё внимание.

Пока я дошла до столовой, меня уже почти трясло. К счастью, Люсьен выглядел как Люсьен. Я не спрашивала, было ли это из-за того, что Тамлин предупредил его, чтобы он

использовал более сильные чары, или из-за того, что он и не пытался быть тем, кем не является.

Тамлин развалился на своём привычном месте, но выпрямился, едва я показалась на пороге.

— Что не так?

— Там... полно народу — фэйри — они повсюду. Когда они прибыли?

Я чуть не завизжала, выглянув в окно своей спальни и увидев всех фэйри в саду. Многие из них — все в масках насекомых — подрезали живые изгороди и ухаживали за цветами. Те фэйри были самыми странными из всех — с их радужными, жужжащими за их спинами крыльями. И, конечно, у всех них была зеленовато-коричневая кожа, неестественно длинные конечности и...

Тамлин прикусил губу, сдерживая улыбку.

— Всё это время они были здесь.

— Но... но я ничего не слышала.

— Разумеется, ты ничего не слышала, — протянул Люсьен, вертя в руках один из своих кинжалов. — Мы позаботились о том, чтобы ты не видела и не слышала никого, кроме тех, кто необходим.

Я поправила отвороты туники.

— То есть, ты имеешь в виду, что... что в ту ночь, когда я побежала за Пукой...

— У тебя были зрители, — договорил за меня Люсьен.

А я думала, что была такой незаметной. Между тем, я кралась на цыпочках мимо наверняка умирающих со смеху фэйри, наблюдающих за ослеплённым человеком, преследующим иллюзию.

Борясь с нарастающей обидой, я обернулась к Тамлину. Его губы дрогнули и он плотно сжал их, но весёлые огоньки всё ещё плясали в его глазах, когда он кивнул.

— Это была отважная попытка.

— Но я видела нагов — и Пуку, и Суриэля. И... и того фэйри с... вырванными крыльями, — сказала я, мысленно содрогнувшись. — Почему чары не распространились на них?

Его глаза потемнели.

— Они не принадлежали к моему Двору, — ответил Тамлин. — Потому мои чары на них не держались. Пука принадлежит ветрам и погоде, всему, что изменчиво. А наги... они принадлежали кому-то другому.

— Поняла, — солгала я, на самом деле далеко многое не понимая. Люсьен усмехнулся, видя это, и я искоса посмотрела на него. — Ты снова надолго пропал.

Он чистил кинжалом ногти.

— Я был занят. Как и ты, я полагаю.

— И что бы это значило? — потребовала я.

— Если бы я предложил тебе принца на белом коне, ты бы тоже меня поцеловала?

— Не валяй дурака, — обратился к нему Тамлин с мягким рыком, но Люсьен продолжал смеяться и, всё также смеясь, он вышел из комнаты.

Оставшись наедине с Тамлином, я перемялась с ноги на ногу.

— Значит, если я снова столкнусь с Аттором, — заговорила я, чтобы избежать тягостной тишины. — Теперь я его действительно увижу?

— Да, и это будет не очень приятно.

— Ты сказал, что тогда он меня не видел, но ведь я не принадлежу к твоему Двору, — решила я. — Как?

— Потому что я набросил на тебя чары, когда мы вошли в сад, — просто сказал он. — Аттор не мог тебя ни видеть, ни слышать, ни учуять, — он взглянул на окно за моей спиной и провёл рукой по волосам. — Я сделал всё возможное, чтобы ты оставалась незаметной для созданий вроде Аттора — и хуже. Болезнь снова вспыхивает — и всё больше подобных существ срываются со своих привязей.

У меня желудок перевернулся.

— Если заметишь одного из них, — продолжал Тамлин. — Даже если он выглядит безобидным, но заставляет тебя чувствовать себя некомфортно, то притворись, что не видишь его. Не говори с ним. Если он ранит тебя, я... исход не будет приятным ни для него, ни для меня. Ты помнишь, что случилось с нагами.

Это было для моей безопасности, не для его развлечений. Он не хотел, чтобы меня ранили — он не хотел наказывать их за причинённый мне вред. Даже если наги не были частью его Двора, ему было больно убивать их?

Понимая, что он ждёт моего ответа, я кивнула.

— Болезнь... вспыхнула снова?

— Пока лишь на других территориях. Здесь ты в безопасности.

— Дело не в моей безопасности, я беспокоюсь.

Взгляд Тамлина смягчился, но его губы были сжаты в тонкую линию, когда он сказал:

— Всё будет в порядке.

— Возможно ли, что это кратковременный всплеск? — глупая надежда.

Тамлин не ответил, и этого было достаточно. Если болезнь снова активна... я не стала предлагать свою помощь. Я уже знала, что он не позволит мне помочь, в чём бы ни заключался этот конфликт.

Но я подумала о той картине, что я подарила ему, и о том, что он сказал о ней... я хотела, чтобы он позволил мне помочь в любом случае.

Следующим утром, я обнаружила в саду голову.

Истекающая кровью голова мужчины из Высших Фэ — наколотая на вершину фонтанной скульптуры большой цапли с распростёртыми крыльями. Камень был достаточно залит кровью, чтобы предположить, что голова была свежей, когда кто-то насадил её на запрокинутый вверх клюв цапли.

Я переносила краски и мольберт в сад, чтобы написать одну из клумб ирисов, когда наткнулась на это. Мои баночки и кисти с грохотом упали на гравий.

Глядя на эту застывшую в крике голову, карие глаза навывкате, сломанные и окровавленные зубы, я забыла, куда шла. У него нет маски — значит, он не из Весеннего Двора. Ничего больше о нём я понять не могла.

Его кровь была столь яркой на сером камне, а его рот так широко раскрыт. Я отступила на шаг и врезалась во что-то тёплое и жёсткое.

Я развернулась, инстинктивно вскидывая руки, но голос Тамлина сказал:

— Это я.

И я замерла. Люсьен стоял рядом с ним, бледный и мрачный.

— Не Осенний Двор, — сказал Люсьен. — Я совсем не узнаю его.

Когда я снова повернулась к голове, руки Тамлина сжали мои плечи.

— Я тоже, — в его слова вплеталось мягкое, злобное рычание, но никакие когти не кололи моей кожи, пока он держал меня.

Хотя, его руки сжались, в то время как Люсьен вошёл в небольшой бассейн, в котором стояла статуя — он шёл по красной воде, пока не приблизился, чтобы всмотреться в полное мучений лицо.

— За ухом его заклеили знаком, — сказал Люсьен, выругавшись. — Гора с тремя звёздами...

— Ночной Двор, — произнёс Тамлин слишком тихо.

Ночной Двор — самая северная часть Прифиана, если я правильно помню карту на фреске. Территория тьмы и звёздного света.

— Зачем... зачем они это сделали? — выдохнула я.

Тамлин отпустил меня и стал рядом, пока Люсьен взбирался на статую, чтобы снять голову. Чтобы не видеть этого, я предпочла смотреть в сторону цветущей дикой яблони.

— Ночной Двор делает, что захочет, — сказал Тамлин. — Они живут по своим собственным законам, по собственной искаженной морали.

— Все они убийцы-садисты, — сказал Люсьен. Я осмелилась взглянуть на него. Он сидел на каменном крыле цапли. Я снова уставилась в сторону. — Они восхищаются пытками любого вида — и подобного рода выходку они считают забавой.

— Забава? Не послание? — я пристально разглядывала сад.

— О, это послание, — сказал Люсьен, а я съёжилась от густого и влажного звука плоти и костей по камню, когда Люсьен сдёрнул голову.

Я освежала достаточно животных, но это... Тамлин положил руку мне на плечо.

— Пробраться к нам, обойти нашу защиту, чтобы, вероятно, совершить преступление поблизости, иначе кровь не была бы такой свежей... — раздался всплеск, когда Люсьен приземлился, снова оказавшись в воде. — Это именно то, что Высший Лорд Ночного Двора считает забавным. Ублюдок.

Я мысленно оценила расстояние между бассейном и домом. Шестьдесят, возможно, семьдесят футов. Вот как близко они к нам подобрались. Тамлин погладил меня по плечу.

— Здесь ты по-прежнему в безопасности. Это всего лишь их представления о шутке.

— Это не связано с болезнью? — спросила я.

— Только тем, что они знают о вновь проснувшейся вспышке — и они хотят, чтобы мы знали, если наши стражи будут гибнуть, они кружат стервятниками над Весенним Двором, — должно быть, я выглядела так же отвратительно, как и чувствовала себя, раз Тамлин добавил. — Я не позволю этому случиться.

У меня не хватило духу сказать, что их маски прекрасно показывают, что против болезни ничего нельзя поделать.

Люсьен выпрыгнул из фонтана, но я не могла смотреть на него, не когда он держит голову, а его руки и одежда наверняка в крови.

— Скоро они получают, чего заслуживают. Надеюсь, болезнь тоже ударит по ним.

Тамлин рыкнул на Люсьена, чтобы тот позаботился о голове, гравий захрустел под ногами уходящего Люсьена.

Я присела подобрать кисти и краски, руки тряслись, пока я нащупала большую кисть. Тамлин опустился на колени рядом со мной и взял меня за руки, осторожно сжимая.

— Ты по-прежнему в безопасности, — повторил он.

В голове эхом отозвался приказ Суриэля. *«Оставайся с Высшим Лордом, человек. Ты будешь в безопасности».*

Я кивнула.

— Это демонстрация позиции Двора, — сказал он. — Ночной Двор смертельно опасен, но это было всего лишь понятие их Лорда о шутке. Нападение на кого-нибудь здесь — нападение на тебя — вызовет больше проблем, чем оно того стоит для него. Если болезнь действительно поразит эти земли и Ночной Двор пересечёт наши границы, мы будем готовы.

Я поднялась на ноги, но мои колени дрожали. Политика фэйри, Дворы фэйри...

— Наверно, их понятия о шутках были ещё хуже, когда мы были вашими рабами.

Наверняка они мучили нас, когда им вздумается — наверняка творили невыразимые, ужасные вещи со своими ручными людьми.

В его глазах мелькнула тень.

— Иногда я очень рад, что был ребёнком в то время, когда мой отец послал своих рабов к югу от стены. То, чему я тогда был свидетелем, было довольно ужасным.

Я не хотела представлять этого. Даже сейчас, я всё ещё не хотела искать какие-либо признаки тех людей, что были здесь когда-то давно. Не думаю, что пяти столетий достаточно, чтобы стереть пятна ужаса, что пережил мой народ. Я должна была это отпустить — должна, но не могла.

— Ты помнишь, были ли они счастливы уйти?

Тамлин пожал плечами.

— Да. Хотя они никогда не знали свободы и не знали других сезонов, как ты. Они не знали, что им делать в мире смертных. Но да — большинство из них были очень, очень счастливы уйти, — каждое следующее слово давалось ему труднее предыдущего. — Я был счастлив видеть, как они уходят, даже если мой отец не был.

Несмотря на его неподвижность, с которой он замер, над костяшками его пальцев показались когти.

Не удивительно, что он был таким неловким со мной, когда я впервые оказалась здесь, он понятия не имел, что со мной делать. Но я тихо сказала:

— Ты не твой отец, Тамлин. И не твои братья, — он отвёл взгляд, а я добавила. — Ты никогда не заставлял меня чувствовать себя заключённой — я никогда не чувствовала себя чуть большим, нежели собственность.

Он кивнул мне в знак благодарности, но мерцающие в его глазах тени сказали мне, что это не всё — есть что-то большее, чем он уже рассказал мне о своей семье, о своей жизни до того, как их убили, и до того как на него свалился этот титул. Я не буду спрашивать, не когда на него давит ситуация с болезнью — не буду спрашивать, пока он не будет готов. Он дал мне пространство и уважение. Я не могу предложить ему меньше.

Тем не менее, в тот день я не смогла заставить себя рисовать.

Глава 25

Через несколько часов после того как я нашла голову, Тамлина вызвали на одну из границ — куда и зачем, мне он не сказал. Но я достаточно поняла из того, что он не сказал: болезнь действительно ползёт из других Дворов прямо к нашему.

Он остался там на ночь — впервые он не вернулся — но он прислал Люсьена сообщить мне, что он жив. Люсьен особо подчеркнул, что последнего слова достаточно, чтобы я

прекрасно спала, в то же время я была бесконечно удивлена до глубины души, что Тамлин побеспокоился о том, чтобы сообщить мне, что он в порядке. Я знала — знала, что становлюсь на путь, который приведёт к разбитому в дребезги моему смертному сердцу, и всё же... И всё же я не могла остановиться. Не могла остановиться с того дня с нагами. Но увидеть ту голову... игры, в которые играют эти Дворы, с чужими жизнями в качестве разменных монет... каждый раз, думая об этом, я с трудом сдерживала тошноту.

Тем не менее, несмотря на прокравшееся зло, следующим утром я проснулась от весёлых игривых звуков, а, выглянув в окно, я обнаружила украшенный лентами и гирляндами сад. На дальних холмах я заметила подготовку костров и установленные майские деревья — украшенные цветами столбы. Когда я спросила у Элис — чей народ, как я узнала, называется *юриск* — она просто сказала:

— Летнее Солнцестояние. Обычно главное празднование проходит в Летнем Дворе, но... теперь всё обстоит иначе. Поэтому теперь мы тоже его празднуем здесь. Ты приглашена.

Лето — за недели, что я рисовала, ужинала с Тамлином и путешествовала с ним по землям Двора, пришло лето. Неужели моя семья до сих пор действительно верит, будто я всё ещё гостюю у какой-то давно забытой тёти? Что с ними? Как они живут? Если уже солнцестояние, значит, в деревне будет небольшой сбор в центре — разумеется, ничего религиозного, хотя Дети Благословенных будут блуждать там в попытках завербовать молодых людей; просто немного разделённой еды, бесплатный эль в единственной таверне и, возможно, какие-то танцы в линию. Единственное, что действительно праздновалось, так это день перерыва после долгой летней посадки и возделывания земли. Глядя на украшения вокруг поместья, я могла сказать, что это будет что-то гораздо более грандиозное — гораздо более одухотворённое.

Большую часть дня Тамлина не было. Беспокойство грызло меня, даже когда я рисовала развевающиеся ленты в саду, стараясь передать их проворство и свободу. Возможно, это было мелко и эгоистично, учитывая возвращающуюся болезнь, но я также тихо надеялась, что солнцестояние не включает в себя ритуалы Огненной Ночи. Я не позволяла себе думать слишком много о том, что буду делать, если к Тамлину снова выстроится очередь из прекрасных фэйри.

Только поздним вечером я услышала пронёсшееся по коридорам к моей комнате для рисования эхо низкого голоса Тамлина и рокочущего смеха Люсьена. Из груди вырвался вздох облегчения, но когда я поспешила к ним, на лестнице меня перехватила Элис. Она стянула с меня забрызганную красками одежду и настояла на том, чтобы я надела ниспадающее васильковое шифоновое платье. Она оставила мои волосы распущенными, но сплела венок из розовых, белых и голубых полевых цветов.

Возможно, я должна была чувствовать себя по-детски в нём, но за проведённые здесь месяцы моя угловатая худоба исчезла. Тело женщины. Я провела руками по обрисовавшимся мягким изгибам талии и бёдрам. Я никогда даже не думала, что смогу почувствовать что-то кроме мышц и костей.

— Свари меня Котёл, — присвистнул Люсьен, когда я спускалась по лестнице. — Она выглядит определённо фэйски.

Я была слишком занята, чтобы поблагодарить Люсьена за комплимент, я смотрела на Тамлина — искала какие-либо раны, малейшие признаки крови или метки, оставленный болезнью. Но Тамлин был в порядке, почти сверкал, абсолютно без оружия — и улыбался

мне. С чем бы ему ни пришлось столкнуться, он остался невредим.

— Ты прекрасно выглядишь, — прошептал Тамлин и что-то в его мягком тоне вызвало во мне желание замурлыкать.

Я расправила плечи, не собираясь позволять ему увидеть, насколько сильно его слова, голос и то, что он в порядке, повлияло на меня. Ещё нет.

— Я удивлена, что сегодня мне даже позволено присоединиться к празднованию.

— К сожалению для тебя и твоей шеи, — парировал Люсьен. — Сегодня просто вечеринка.

— Ты не спишь по ночам, придумывая все свои остроумные ответы на следующий день?

Люсьен подмигнул мне, а Тамлин засмеялся и предложил мне руку.

— Он прав, — сказал Высший Лорд.

Я чувствовала каждый дюйм прикосновения, твёрдые мышцы под его зелёной туникой. Он повёл меня в сад, Люсьен последовал за нами.

— Солнцестояние празднуется, когда день и ночь равны — это время нейтральности, время распустить волосы и расслабиться, быть собой и наслаждаться простым существованием фэйри — не Высшие Фэ или фэйри, а только *мы* и ничего больше.

— Так что будут песни, танцы и безмерное количество алкоголя, — встрял Люсьен, идущий в шаге от меня. — И развлечений и флирта, — добавил он с порочной усмешкой.

Действительно, с каждым лёгким соприкосновением с телом Тамлина становилось всё труднее бороться с желанием полностью опереться на него, вдыхать его, прикоснуться и попробовать. Заметил он или нет опаливший моё лицо и шею жар, или услышал неровное сердцебиение, но он никак не отреагировал, только сжав мою руку крепче, когда мы вышли за пределы сада и направились к полям за его пределами.

Солнце уже клонилось к закату, когда мы достигли плато, на котором будет проходить празднование. Я старалась не глядеть на фэйри, хоть они тоже таращились на меня в ответ. Я ещё никогда не видела столько фэйри в одном месте, по крайней мере, без чар, скрывающих их от меня. Теперь, когда мои глаза открыты, просто чудо наблюдать за изысканными платьями и гибкими формами, сложенными так странно и по-разному и таких разнообразных цветов. Тем не менее, новизна моего присутствия рядом с Высшим Лордом вскоре исчерпала себя — с помощью низкого, предупреждающего рыка Тамлина, отправившего любопытных заниматься своими делами.

Один за другим столы с едой выстроились на дальнем краю плато, и я потеряла из виду Тамлина, пока стояла в очереди, чтобы наполнить тарелку. Я делала всё возможное, только бы не выглядеть его человеческой игрушкой. Музыка заиграла около огромного, дымящего костра — скрипки, барабаны и весёлые музыкальные инструменты заставили мои ноги притопывать в траве. Свет и открытая радость, весёлая сестра кровожадной Огненной Ночи.

Люсьен, конечно же, успешно испарился, когда я в нём нуждалась, и поэтому я, в полном одиночестве под украшенным шёлковыми фонариками и искристыми лентами явором, съела весь слоеный торт с клубникой, яблочный пирог и черничный пирожок — никаких различий с угощениями в мире смертных.

Я не возражала против одиночества — я была занята, разглядывая фонарики и ленты и пытаясь понять, каким образом они сияют и отбрасывают тени; возможно, это будет моя следующая картина. Или, быть может, я нарисую эфирных фэйри, пускающихся в пляс. С разных ракурсов и в ярких красках. Я задумалась, был ли кто-либо из них моделью художников, чьи работы выставлены в галерее.

Я отошла только чтобы раздобыть чего-нибудь выпить. Чем ближе солнце склонялось к горизонту, тем больше фэйри собиралось на плато. На других холмах тоже вспыхнули костры и начались празднования, их музыка вплеталась в случайные паузы в нашей мелодии. Я наливала себе в бокал золотистого сверкающего вина, когда, наконец-то, позади меня появился Люсьен и заглянул мне через плечо.

— Был бы я тобой, я бы не стал этого пить.

— Правда? — сказала я, хмурясь, вглядываясь в шипящую жидкость.

— Фэйское вино. Солнцестояние, — намекнул Люсьен.

— Хмм, — протянула я, принимаясь.

От напитка не исходил запах алкоголя. На самом деле, у него был аромат летнего дня, проведённого лёжа в траве, и купания в прохладном бассейне. Я никогда не ощущала настолько фантастического аромата.

— Я серьёзно, — сказал Люсьен, когда я поднесла бокал к губам. Я приподняла брови. — Помнишь прошлый раз, когда ты проигнорировала моё предупреждение? — он ткнул меня в шею, а я стукнула его по руке.

— Ещё я помню, как ты говорил мне о безобидности ведьминых ягод и следующее, что я помню, я в полубреду и лезу вон из кожи, — сказала я, вспоминая день несколько недель назад. После этого у меня несколько часов были галлюцинации, а Люсьен так обхохотывался, что Тамлин пнул его в зеркальный бассейн. Я прогнала мысли прочь. Сегодня — только сегодня — я действительно хочу дать себе волю. Сегодня — пусть будет проклята осторожность. Пусть забудется болезнь, подкравшаяся к границам Двора и угрожающая моему Высшему Лорду и его землям. И всё же, где Тамлин? Если бы возникла угроза, безусловно, Люсьен знал бы о ней — и, конечно же, они бы наверняка отменили празднование.

— Ну, на этот раз я не шучу, — сказал Люсьен, а я отвела бокал в сторону, чтоб он не дотянулся до него. — Тэм выпотрошит меня, если поймает тебя за этой выпивкой.

— Всегда заботишься о своих интересах, — ответила я и демонстративно отпила из бокала.

Внутри меня словно взорвались миллионы фейерверков, наполняя вены звёздным светом. Я громко засмеялась, Люсьен застонал.

— Человеческая дурочка, — прошипел он.

Но маскирующие его чары разлетелись вдребезги. Его рыжие волосы горели раскалённым металлом, а его красноватый глаз тлел углями кузницы. *Вот то*, что я следующим хочу запечатлеть.

— Я нарисую тебя, — хихикнула я — я на самом деле *хихикала*, когда вырвались эти слова.

— Свари и зажарь меня Котёл, — пробормотал Люсьен, а я снова рассмеялась.

Прежде, чем он успел остановить меня, я выпила ещё один бокал волшебного вина. Это была самая изумительная вещь, которую я когда-либо пробовала. Она освободила меня от оков, о существовании которых я и не подозревала.

Музыка обратилось песней сирены. Мелодия манила меня магнитом и я была не в силах ей противостоять. С каждым шагом я наслаждалась влажной травой под босыми ногами. Я не помнила, когда потеряла обувь.

Небо казалось водоворотом расплавленного аметиста, сапфира и рубина, кровоточащих и плавно растворившихся в бездне оникса. Я хотела плавать в нём, хотела искупаться в его

оттенках и почувствовать сквозь пальцы мерцающие звёзды.

Я споткнулась и, моргнув, обнаружила себя у края круга танцующих. Музыканты играли на своих волшебных фэйских инструментах, а я покачивалась на ногах, глядя на танцующих фэйри, кружащих вокруг костра. Не церемонные танцы. Как если бы они был так же свободны, как и я. Свободны. Я любила их за это.

— Проклятье, Фейра, — выругался Люсьен, схватив меня за локоть. — Ты хочешь, чтобы я убился, пытаюсь не позволить твой смертной тушке влипнуть в очередные неприятности?

— Что? — переспросила я, обернувшись к нему. Весь мир кружился вместе со мной, восхитительный и упоительный.

— Идиотка, — сказал он, заглянув мне в лицо. — Пьяная идиотка.

Ритм усилился. Я хотела быть в музыке, хотела мчаться с её скоростью и вплетаться в её ноты. Я могла ощущать музыку вокруг себя как нечто живое, дышащее из чуда радости и красоты.

— Фейра, прекрати, — сказал Люсьен, снова поймав меня. Я танцевала, и моё тело всё ещё покачивалось и тянулось вслед за звуками.

— Ты прекрати. Прекрати быть таким серьёзным, — сказала я, стряхнув его руку. Я хотела слышать музыку, хотела слышать её горячей, едва слетевшей с инструментов. Люсьен выругался, когда я сорвалась с места.

Подобрав юбки, я скользила между танцорами. Музыканты в масках, сидящие за своими инструментами, даже не взглянули на меня, когда я выскочила перед ними и осталась танцевать на месте. Ни оков, ни границ — только я и музыка, танцуем и танцуем. Я не фэйри, но я часть этой земли, а земля — это часть меня, и я была бы счастлива танцевать здесь всю свою оставшуюся жизнь.

Один из музыкантов оторвался от своей игры и я застыла.

Его подбородок упирался в тёмное дерево скрипки, на сильной шее сверкал пот. Он закатал рукава рубашки, открыв жгуты мышц, охватывающих руки. Некогда он упомянул, что, если бы он не был ни воином, ни Высшим Лордом, то он стал бы странствующим менестрелем — сейчас, слыша его игру, я знаю, что он мог бы сколотить состояние на этом.

— Прости, Тэм, — выпалил Люсьен, появившись из ниоткуда. — Я ненадолго оставил её одну у столов с едой, а, когда я догнал её, она уже пила вино и...

Тамлин не прерывал игру. Его золотистые волосы были влажными от пота, он выглядел божественно прекрасным — хоть я и не могла видеть большую часть его лица. Он подарил мне дикую улыбку и я начала танцевать перед ним.

— Я присмотрю за ней, — прошептал Тамлин сквозь музыку, а я сияла, мой танец становился быстрее. — Иди, развлекись.

Люсьен испарился.

Я перекричала музыку:

— Мне не нужен сторож!

Я хотела кружиться, кружиться и кружиться.

— Нет, не нужен, — ответил Тамлин, ни разу не сбившись с игры.

Смычок плясал по струнам, на его сильных и крепких пальцах ни следа тех когтей, что я всё ещё боялась...

— Танцуй, Фейра, — прошептал он.

И я танцевала.

Я освободилась, мир кружился и кружился в вихре, и я не знала ни с кем танцевала, ни как они выглядели, я знала только, что стала музыкой, пламенем и ночью, и нет ничего, что могло бы меня удержать.

Всё это время, Тамлин и его музыканты играли столь жизнерадостную музыку, что я не думала, будто мир способен вместить её. Я была возле него, моего фэйского лорда, моего защитника и воина, моего друга, и я танцевала для него. Он усмехнулся мне и я не прервала танец, когда он поднялся со своего места и встал на колени на траве передо мной, предлагая мне соло своей скрипки.

Музыка только для меня — подарок. Он играл, его пальцы сильно и жестко скользили по струнам скрипки. Моё тело извивалось змеей, я запрокинула голову к небесам и позволила музыке Тамлина заполнить всю меня.

Кто-то обхватил меня за талию и чьи-то руки увлекли меня обратно в круг танцующих. Я хохотала так сильно и думала, что сгорю, а когда я открыла глаза, я увидела Тамлина, подхватившего меня в вихрь танца.

Всё смешалось в яркие пятна цвета и звука, и только он был единственным в этом вихре, кто связывал меня с разумом, с моим телом, сверкающим и пылающим в каждой клеточке, где он прикасался.

Меня переполнял солнечный свет. Это был так, словно никогда раньше до этого я не знала, что такое лето, как если бы я никогда не знала, кто ждёт своего часа за лесом изо льда и снега. Я не хотела, чтобы это прекращалось — я хотела навсегда остаться на этом холме.

Музыка подошла к концу и я, задыхаясь, взглянула на луну — она уже собиралась прятаться. Пот скатывался со всего моего тела.

Тамлин, так же тяжело дыша, взял меня за руку.

— Время летит быстрее, когда ты опьянён фэйским вином.

— Я не пьяна, — фыркнула я.

Он только усмехнулся и увёл меня от танцующих. Я упёрлась пятками в землю, когда мы приблизились к краю отсветов костра.

— Они снова начинают, — сказала я, указывая на танцоров, вновь собравшихся перед отдохнувшими музыкантами.

Он наклонился ближе, он прошептал и его дыхание ласкало ухо:

— Я хочу показать тебе кое-что получше.

Я прекратила упираться.

Он увёл меня с холма, ориентируясь лишь по лунному свету. Какой бы путь он ни выбирал, он не забывал о моих босых ногах, мои шаги тонули в исключительно мягкой траве. Вскоре даже музыка растворилась, её заменили тихие вздохи деревьев на ночном ветру.

— Вот, — сказал Тамлин, остановившись на краю огромного луга. Пока мы осматривались, его рука задержалась на моём плече.

Уходящий лунный свет плясал в высокой траве, колыхавшейся точно вода.

— Что это? — выдохнула я, но он приложил палец к губам и кивком указал, чтобы я смотрела.

В течение нескольких минут ничего не происходило. Затем, с другой стороны луга, из травы выскользнули десятки мерцающих фигур, словно миражи из лунного сияния. И тогда послышалось пение.

Это был хор, но в нём переплетались и мужские, и женские голоса — две стороны одной медали, они пели друг другу, взывая и отвечая. Я поднесла руку к шее, когда их

музыка стала сильнее и громче и они пустились танцевать. Призрачные и эфирные, не более чем стройные вспышки сияния луны, они вальсировали по лугу.

— Что они такое?

— Блуждающие огоньки — духи воздуха и света, — негромко произнёс он. — Они приходят отпраздновать солнцестояние.

— Они прекрасны.

Его губы касались моей шеи, когда его шепот пробежался по коже:

— Потанцуй со мной, Фейра.

— В самом деле? — я обернулась и оказалась в нескольких дюймах от его лица.

Он лениво улыбнулся.

— В самом деле.

Он решительно утянул меня в танец, будто я была легче воздуха. Я едва ли помнила хоть какие-то шаги, разученные в детстве, но он компенсировал это своей звериной грацией, не сбиваясь, всегда предугадывая запинки прежде, чем я их совершала, пока мы танцевали по сияющему духами лугу.

Я была свободной и легкой, словно пух одуванчика, а он был ветром, кружившим меня над миром.

Он улыбался мне, и я обнаружила, что улыбаюсь ему в ответ. Мне не нужно притворяться, здесь и сейчас мне не нужно быть кем-то ещё, кроме себя, кружащей по лугу, где блуждающие огоньки пляшут вокруг нас десятками лун.

Наш танец замедлился и мы остановились, держа друг друга и покачиваясь под песни духов. Он оперся подбородком на мою макушку и погладил волосы, его пальцы задели голую кожу на моей шее.

— Фейра, — прошептал он над моей головой. В его устах моё имя звучало восхитительно. — Фейра, — прошептал он снова — не обращаясь, а просто — как если бы ему нравилось произносить его.

Так же быстро, как и появились, духи исчезли, забрав с собой и музыку. Я моргнула. Звёзды побледнели, а небо казалось серовато-фиолетовым.

Лицо Тамлина было всего в паре дюймов от моего.

— Уже почти рассвет.

Я кивнула, очарованная его видом, запахом и ощущением, что он меня держит. Я потянулась коснуться его маски. Несмотря на разгоряченную кожу под ней, маска оставалась холодной. Моя рука дрогнула и дыхание сбилось, когда я задела его подбородок. Кожа была гладкой — и горячей.

Он облизнул губы, его дыхание было таким же сбивчивым, как и моё. Его пальцы сжались на моей пояснице и я позволила ему притянуть себя ближе — пока наши тела не притронулись и его тепло не окутало и меня.

Мне пришлось запрокинуть голову, чтобы видеть его лицо. Его губы застыли где-то между улыбкой и дрожью.

— Что? — спросила я, положив ему руку на грудь и готовясь оттолкнуть его обратно. Но другая его рука скользнула под мои волосы, устроившись у основания шеи.

— Думаю, я мог бы тебя поцеловать, — сказал он тихо, напряженно.

— Тогда целуй, — я покраснела от собственной дерзости.

Но Тамлин лишь усмехнулся с придыханием и склонился ниже.

Его губы коснулись моих — пробуя, мягкие и тёплые. Он немного отстранился. Он

продолжал смотреть на меня, а я смотрела в ответ, когда он поцеловал меня снова, сильнее, но совсем не так, как он целовал мою шею. В этот раз он отстранился немного дальше и снова посмотрел на меня.

— И это всё? — спросила я, и он засмеялся и жарко поцеловал меня.

Мои руки обвились вокруг его шеи, притягивая ближе, сильнее прижимаясь к нему. Его руки скользили по моей спине, играли в волосах, обхватывали меня за талию так, будто ему было недостаточно касаться меня.

Он низко застонал.

— Пойдём, — сказал он, целуя меня в бровь. — Если не пойдём сейчас, то всё пропустим.

— Лучше, чем блуждающие огоньки? — спросила я, а он целовал мои щёки, шею и, наконец, губы.

Я пошла за ним в лес, через всё светлеющий мир. Его рука была твёрдой и крепко держала мою, пока мы проходили низинные туманы и он помогал мне взобраться на влажный от росы холм.

Мы сидели на вершине холма, и я спрятала улыбку, когда Тамлин обнял меня рукой за плечи и притянул ближе. Я опустила голову ему на грудь, а он играл с цветами на венке в моих волосах.

В тишине, мы смотрели вдаль зелёных просторов.

По небу разлился сиренево-голубой, облака наполнились розовым сиянием. И тогда, словно мерцающий диск — слишком богатый и слишком чистый, чтобы описать его, солнце выскользнуло из-за горизонта и раскрасило всё в золото. Это было как наблюдать за рождением мира, и мы были единственными свидетелями.

Тамлин крепче обнял меня и поцеловал в макушку. Я отстранилась, чтобы посмотреть на него.

От восходящего солнца, золото в его глазах мерцало.

— Что?

— Как-то отец сказал мне, что я должна позволить сёстрам представить лучшую жизнь — лучший мир. И я ответила ему, что такого мира не существует, — я в восхищении провела пальцем по его губам и покачала головой. — Я никогда не понимала — потому что я не могла... не могла поверить, что такое возможно, — сглотнув, я опустила руку. — До этого момента.

Его горло дёрнулось. В этот раз его поцелуй был глубже и полнее, неторопливый и пристальный.

Я позволила рассвету пробраться в меня, пусть светает с каждым движением его губ и касанием его языка. В моих закрытых глазах защипали слёзы.

Это был самый счастливый момент в моей жизни.

Глава 26

На следующий день, за обедом, который был для нас всех завтраком, к нам присоединился Люсьен. С тех пор как я пожаловалась на несуразные размеры стола, мы собираемся за гораздо более меньшей его вариацией. Обедая, непривычно тихий Люсьен потирал виски и я, пряча улыбку, спросила его:

— А где ты был прошлым вечером?

Люсьен прищурил свой металлический глаз на меня.

— Между прочим, пока вы двое танцевали среди духов, я застрял на пограничном патруле.

Тамлин демонстративно кашлянул и Люсьен добавил:

— С кое-какой компанией, — он лукаво усмехнулся мне. — Ходят слухи, вы двое вернулись лишь после рассвета.

Прикусив губу, я взглянула на Тамлина. Утром я, практически порхая, вернулась в свою комнату. Но сейчас Тамлин всматривался в моё лицо в поисках следов малейшего сожаления, или страха. Смешно.

— В Огненную Ночь ты укусил меня за шею, — сказала я вполголоса. — Если после этого я смогла смотреть тебе в лицо, то несколько поцелуев — это пустяки.

Он уперся локтями в стол, наклонившись ближе ко мне.

— Пустяки? — его взгляд метнулся к моим губам.

Люсьен заерзал на стуле, ворчливо поминая Котёл и прося избавить его от этого, но я не обратила на него внимания.

— Пустяки, — повторила я с некоторым холодом, наблюдая за движением губ Тамлина, остро ощущая каждый его жест, проклиная стол между нами. Я почти могла чувствовать тепло его дыхания.

— Ты уверена? — прошептал он, напряжённо и достаточно голодно, чтобы порадоваться, что я сижу. Он мог бы взять меня прямо здесь, на этом столе. Я хотела его широких рук, скользящих по моей голой коже, хотела его зубов, впивающихся в шею, хотела чувствовать его губы по всему телу.

— Вообще-то я тут поесть пытаюсь, — сказал Люсьен и я моргнула, шумно выдохнув. — Но теперь, когда ты обратил на меня внимание, *Тамлин*, — рыкнул Люсьен. Тем не менее, Высший Лорд снова посмотрел на меня — жадно пожирая глазами. Я едва могла усидеть на месте, едва терпела раздражающую раскалённую кожу одежду. С некоторым усилием, Тамлин перевёл взгляд на своего эмиссара.

Люсьен поерзал на стуле.

— Я не вестник совсем уж плохих новостей, но мой контакт из Зимнего Двора передал мне письмо, — Люсьен вдохнул, чтобы успокоиться, а я задумалась — означает ли положение эмиссара, что ты должен быть ещё и шпионом. И задумалась, с чего он вообще заговорил об этом в моём присутствии.

Улыбка с лица Тамлина испарилась мгновенно.

— Болезнь, — кратко и тихо сказал Люсьен. — Она унесла два десятка их молодняка. *Два десятка*, все погибли, — он сглотнул. — Она просто... выжгла их магию, а затем разорвала в клочья их разум. Никто из Зимнего Двора не мог ничего сделать — никто не мог остановить этого, когда оно обратило внимание на них. Их горе... непостижимо. Мой знакомый сказал, что пострадали и другие Дворы — хотя, конечно, Ночному Двору удаётся оставаться невредимым. Но, похоже, болезнь распространяет свою мерзость всё дальше на юг с каждым ударом.

Всё тепло, всё искристое веселье отхлынуло от меня, как и кровь с лица.

— Болезнь может... действительно может убивать? — с трудом выговорила я.

Молодняк. Она убила детей, как какая-то буря из тьмы и смерти. И если дети на самом деле такая редкость, как говорила Элис, то потеря такого количества намного катастрофичнее, чем я могу себе представить.

Глаза Тамлина потемнели, он медленно покачал головой — словно пытаюсь избавиться

от горя и потрясения этих смертей.

— Болезнь способна причинить нам вред такими способами, которых ты... — он вскочил на ноги так быстро, что его стул перевернулся. Он обнажил когти и зарычал в сторону распахнутых дверей, оскалив длинные и поблескивающие клыки.

Дом, обычно наполненный шуршанием юбок и щебета прислуги, затих.

Не та многозначительная тишина Огненной Ночи, а скорее трепещущее затишье, от которого мне захотелось забиться под стол. Или просто броситься бежать. Люсьен выругался и выхватил клинок.

— Убери Фейру к окну — за штору, — прорычал Тамлин Люсьену, не отводя глаз от открытых дверей. Рука Люсьена ухватила меня за локоть, выдернув из-за стола.

— Что... — начала я, но Тамлин зарычал снова и звук эхом разнёсся по комнате.

Я схватила один из ножей со стола и позволила Люсьену отвести меня к окну, где он толкнул меня за бархатные шторы. Я хотела спросить, почему он сам спрятал меня за ними, но фэйри в лисьей маске просто придавил меня спиной, зажав между собой и стеной.

Запах магии ударил в нос. Хоть клинок Люсьена был направлен в пол, он сжал его так, что побелели костяшки пальцев. Магия — чары. Чтобы спрятать меня, чтобы сделать меня частью Люсьена — невидимой, скрытой за магией и запахом фэйри. Я выглянула через его плечо, чтобы посмотреть на Тамлина, который глубоко вдохнул и убрал клыки и когти, прямо из воздуха на его груди появилась перевязь с ножами. Но он не выхватывал ни один из ножей, он поднял свой стул, опустился на него и устался на свои ногти. Как будто ничего не происходило.

Но кто-то приближался, кто-то достаточно ужасающий, чтобы напугать их — кто-то, кто может захотеть причинить мне вред, если о моём присутствии узнают.

В памяти пронёсся шипящий голос Аттора. Есть существа намного хуже него, сказал мне Тамлин. Как и хуже чем наги, Суриэль и Богги.

Шаги послышались из коридора. Ровные, прогулочные, обыденные.

Тамлин продолжал чистить ногти, а Люсьен передо мной сделал вид, будто смотрит в окно. Шаги становились громче — сапоги лениво шаркали по мраморным плитам.

И тут он появился.

Без маски. Он, как и Аттор, принадлежал к чему-то другому. *Кому-то* другому.

И что ещё хуже... Я уже встречала его раньше. Он спас меня от тех трёх фэйри в Огненную Ночь.

Его шаги слишком изящны, слишком кошачьи. Он подошел к обеденному столу и остановился в нескольких ярдах от Высшего Лорда. Он был в точности таким, как я его запомнила — в его прекрасной, богатой одежде, покрытой прикосновениями ночи: чёрная как смоль туника, отделанная золотой и серебряной парчой, тёмные брюки и чёрные сапоги до колен. Я никогда не отважусь его нарисовать — и теперь знаю, что у меня на это никогда не хватит смелости.

— Высший Лорд, — промурлыкал незнакомец, слегка наклонив голову. Не поклон.

Тамлин остался сидеть. Он сидел спиной ко мне и я не могла видеть его лица, но его голос был пронизан обещанием расправы, когда он заговорил:

— Чего ты хочешь, Рисанд?

Рисанд улыбнулся — душераздирающе в своей красоте — и приложил руку к груди.

— Рисанд? Да ладно, Тамлин. Я не видел тебя всего сорок девять лет, и ты уже начинаешь звать меня Рисанд? Так меня называют только мои пленники и враги, — на

последних словах его улыбка стала шире, и что-то в его лице сменилось диким и беспощадным, в нём этого было больше, чем я когда-либо видела в Тамлине. Рисанд обернулся и я затаила дыхание, когда он окинул взглядом Люсьена. — Лисья маска. Тебе подходит, Люсьен.

— Катись в пекло, Рис, — огрызнулся Люсьен.

— Всегда приятно пообщаться с чернью, — сказал Рисанд и снова обратился к Тамлину. Я всё ещё не дышала. — Надеюсь, я не помешал.

— Мы как раз обедали, — сказал Тамлин — тепло, к которому я так привыкла, исчезло из его голоса. Голос Высшего Лорда. У меня внутри всё похолодело.

— Вдохновляюще, — мурлыкнул Рисанд.

— Что ты здесь делаешь, Рис? — всё так же не поднимаясь, спросил Тамлин.

— Я хотел навестить тебя. Посмотреть, как твои дела. Получил ли ты мой маленький подарок.

— В твоём подарке не было необходимости.

— Но приятное напоминание о весёлых деньках, не так ли? — щёлкнул языком Рисанд и обвёл взглядом комнату. — Почти полвека отсиживаться в усадьбе. Не знаю, как тебе это удаётся. Но, — сказал он, повернувшись к Тамлину. — Ты такой упёртый ублюдок, что, должно быть, это место тебе кажется раем по сравнению с Подгорьем. Так и есть, полагаю. Хотя, я удивлён: сорок девять лет и ни единой попытки спасти себя или свои земли. Даже сейчас, когда всё снова становится интереснее.

— Я ничего не могу поделать, — признал Тамлин, понизив голос.

Рисанд подошёл к Тамлину, каждое движение плавное словно шёлк. Его голос упал до шепота — чувственный ласкающий звук, от которого у меня вспыхнули щёки.

— Какая жалость, что ты должен нести на себе всю эту тяжесть, Тамлин — и ещё большая жалость, что ты так покорно принял свою судьбу. Ты можешь быть упрямым, но выглядит это убого. Как же отличается Высший Лорд от жестокого лидера военного отряда нескольких веков назад.

— Да что ты вообще знаешь? Ты всего-то шлюха Амаранты, — перебил Люсьен.

— Может, я и её шлюха, но не без своих на то причин, — я вздрогнула, когда его голос стал словно лезвие. — По крайней мере, я не выжидаю подходящего момента, прячась среди изгородей и цветочков, пока мир скатывается в пекло.

Люсьен слегка поднял клинок.

— Если ты думаешь, что я занят только этим, скоро ты убедишься в обратном.

— Малыш Люсьен. Ты, конечно, подбросил им пищи для разговоров, перейдя в Весенний. Так печально видеть твою прекрасную мать в вечном трауре по тебе.

Люсьен направил клинок на Рисанда.

— Следи за своим грязным ртом.

Рисанд рассмеялся как смеётся любовник — низко, мягко, интимно.

— Разве так говорят с Высшим Лордом Прифиана?

Моё сердце замерло. Вот почему в Огненную Ночь те фэйри сбежали. Перечить ему было бы самоубийством. А потому, как от него волнами распускается тьма, как словно звёзды горят его фиолетовые глаза...

— Ну же, Тамлин, — сказал Рисанд. — Разве ты не должен устроить трёпку своему лакею за подобные высказывания в мой адрес?

— В моём Дворе не соблюдают ранги, — сказал Тамлин.

— До сих пор? — Рисанд скрестил руки. — Но это так увлекательно, когда они пресмыкаются. Полагаю, твой отец не удосужился показать тебе этого.

— Здесь не Ночной Двор, — прошипел Люсьен. — И здесь ты не имеешь никакой власти — так что выметайся. Постель Амаранты остывает.

Я старалась дышать как можно тише. Рисанд — это *он* отправил ту голову. Как *подарок*. Я вздрогнула. А эта женщина — эта Амаранта — она тоже в Ночном Дворе?

Рисанд фыркнул, но в следующий миг он оказался возле Люсьена, слишком быстро для моих человеческих глаз, и зарычал ему в лицо. Люсьен вдавил меня спиной в стену с такой силой, что я с трудом подавила вскрик, меня едва не расплющило о деревянную стену.

— Я устраивал резню на поле боя ещё до твоего рождения, — прорычал Рисанд. Затем, он отошёл так же быстро, как и приблизился, буднично и небрежно. Нет, я никогда не осмелюсь отобразить на холсте эту тьму, бессмертную грацию — даже через сотни лет.

— Кроме того, — сказал он, сунув руки в карманы. — Кто, по-твоему, обучал твоего обожаемого Тамлина всем тонкостям с клинками и девушками? Ты не можешь действительно верить, будто он научился всему в маленьком отряде отца.

Тамлин потёр виски.

— Прибереги это для другого случая, Рис. Довольно скоро увидимся.

Рисанд направился к двери.

— Она уже готовится к встрече с тобой. Учитывая твоё нынешнее состояние, думаю, я могу с уверенностью передать, что ты уже разбит и пересмотришь её предложение.

У Люсьена перехватило дыхание, когда Рисанд проходил мимо стола. Высший Лорд Ночного Двора провёл пальцем по спинке моего стула — обычный жест.

— Жду не дождусь увидеть твоё лицо, когда ты...

Рисанд окинул взглядом стол.

Люсьен выпрямился и ещё сильнее придавил меня к стене. Стол был всё так же накрыт на троих, моя тарелка с недоеденным обедом стояла прямо перед Рисандом.

— Где твой гость? — спросил Рисанд, подняв мой бокал и, прежде чем поставить его на место, понюхав.

— Я отослал их, когда почувствовал твоё приближение, — холодно солгал Тамлин.

Рисанд стоял напротив Высшего Лорда, с его идеального лица исчезли все эмоции, прежде чем брови приподнялись. Вспышка азарта — возможно, даже неверия — промелькнула на его лице, и он повернул голову к Люсьену. Магия обожгла дыхание, я в полном ужасе смотрела на Рисанда, когда его лицо исказила ярость.

— Вы *посмели* использовать чары против *меня*? — прорычал он, его горящие фиолетовые глаза сверлили меня взглядом. Люсьен только сильнее прижал меня к стене.

Стул Тамлина закрипел, когда он отодвинулся назад. Он поднялся, наготове когти, смертоноснее любых кинжалов в перевязи.

Рисанд смотрел и смотрел на меня, его лицо превратилось в маску холодной ярости.

— Я тебя помню, — мурлыкнул он. — Похоже, ты проигнорировала моё предостережение держаться подальше от неприятностей, — он обернулся к Тамлину. — Кто, скажи на милость, твой гость?

— Моя невеста, — ответил Люсьен.

— Оу? А я-то думал, спустя столько веков, ты всё ещё оплакиваешь свою возлюбленную простолюдинку, — сказал Рисанд, приближаясь ко мне. Солнечный свет не отражался на металлических нитях его туники, как если бы его отталкивала пульсирующая вокруг него

Тьма.

Люсьен плюнул под ноги Рисанду и поднял клинок между нами.

Пропитанная ядом улыбка Рисанда стала шире.

— Ты меня расстроил, Люсьен, и ты узнаешь, как быстро шлюха Амаранты может заставить Осенний Двор истекать кровью. В особенности их драгоценную Леди.

Люсьен побледнел, но остался стоять на месте. Ответил Тамлин:

— Опустит клинок, Люсьен.

Рисанд пробежался взглядом по мне.

— Я знал, что ты подбираешь любовниц с низов, Люсьен, но я никогда не думал, что ты в действительности опустишься до смертного мусора.

Моё лицо вспыхнуло. Люсьен дрожал — от гнева, страха или горя — я не знала.

— Леди Осеннего Двора серьёзно огорчится, услышав о своём младшем сыне. Был бы я тобой, я бы как можно дальше держал твою новую зверушку от твоего отца.

— Хватит, Рис, — скомандовал Тамлин, стоя в нескольких шагах за спиной Высшего Лорда Ночного Двора.

И всё же, за исключением когтей, он не сделал ни одного движения к атаке, несмотря на приблизившегося ко мне Рисанда. Возможно, битва между двумя Высшими Лордами могла разнести поместье до основания — и оставить только прах на своём пути. Или, возможно, если Рисанд на самом деле любовник той женщины, расплата за причинённый ему вред будет слишком велика. Особенно перед нависшей угрозой болезни.

Рисанд отбросил Люсьена в сторону, будто он был занавеской.

Теперь между нами ничего не было, воздух стал колючим и холодным. Но Тамлин не двинулся с места, а Люсьен и моргнуть не успел, когда Рисанд с ужасающей мягкостью забрал нож из моих рук и запустил его через всю комнату.

— В любом случае, он тебе не поможет, — сказал мне Рисанд. — Если бы ты была разумной, ты бы кричала и убегала прочь из этого места, от этих существ. На самом деле, удивительно, что ты всё ещё здесь, — должно быть, замешательство отразилось на моём лице, потому что Рисанд громко рассмеялся. — О, она не знает, не так ли?

Меня трясло, я не находила ни слов, ни смелости.

— У тебя есть секунды, Рис, — предупредил Тамлин. — Секунды, чтобы убраться.

— На твоём месте я бы не говорил так со мной.

Вопреки моей воле, тело выпрямилось, каждая мышца натянулась, кости напряглись. Магия, но что-то ещё сильнее и глубже. Могущество, сковавшее всё внутри меня и взявшее контроль: даже моя кровь текла по его желанию.

Я не могла двигаться. Невидимая, когтистая рука испарывала мой разум. И я знала — один удар, один взмах этих ментальных когтей и моё «я» перестанет существовать.

— Отпусти её, — сказал Тамлин оскалившись, но не сдвинувшись с места. В его глазах промелькнуло что-то похожее на панику и он перевёл взгляд с меня на Рисанда. — *Хватит.*

— Я и забыл, как легко разрушить человеческий разум. Как яичную скорлупу, — сказал Рисанд, проведя пальцем по основанию моей шеи. Я вздрогнула, мои глаза горели. — Смотри, как она восхитительна — смотри, как она пытается не закричать от ужаса. Это будет быстро, я обещаю.

Если бы у меня остался хоть какой-то контроль над телом, меня бы вырвало.

— Самые вкусные мысли у неё о тебе, Тамлин, — сказал он. — Она желает знать каково это — чувствовать твои пальцы на её бёдрах — и между ними тоже, — он усмехнулся.

Даже сейчас, когда он озвучил мои самые личные мысли, когда я горела от стыда и возмущения, я дрожала от хватки в моём разуме. Рисанд обернулся к Высшему Лорду.

— Мне любопытно: почему ей так интересно, будет ли ей приятно, если ты укусишь её грудь так же, как ты кусал её шею?

— Отпусти. Её, — лицо Тамлина исказила такая дикая ярость, что это всколыхнуло во мне другой, глубокий аккорд ужаса.

— Если тебя это утешит, — доверительно поведал ему Рисанд. — Она могла бы стать той самой для тебя — и тебе это сошло бы с рук. Однако уже немного поздно. Она гораздо упрямее тебя.

Невидимые когти ещё раз лениво погладили мой разум — и растворились. Я опустилась на пол и обхватила колени, меня закружило всё, чем я была, я пыталась не разрыдаться, не вырвать содержимое желудка на пол.

— Амаранта насладится, ломая её, — Рисанд наблюдал за Тамлином. — Почти так же, как она будет наслаждаться глядя на *тебя*, когда она будет рвать её кусок за куском.

Тамлин окаменел, его руки — его когти — бессильно опустились по бокам. Я никогда не видела его таким.

— Пожалуйста, — всё, что сказал Тамлин.

— «Пожалуйста» *что?* — сказал Рисанд — нежно, хитро. Как любовник.

— Не говори о ней Амаранте, — голос Тамлина напряженный.

— А почему бы и нет? Как её *иллюха*, — он бросил взгляд на Люсьена. — Я должен рассказывать ей обо всём.

— Пожалуйста, — выдавил Тамлин, ему будто было тяжело дышать.

Рисанд указал на пол и его улыбка стала жестокой.

— Умоляй, и я подумаю, говорить ли Амаранте.

Тамлин опустился на колени и склонил голову.

— Ниже.

Тамлин прижался лбом к полу, его руки скользнули по полу к сапогам Рисанда. Я едва не рыдала от ярости при виде Тамлина, вынужденного кому-то кланяться, при виде моего Высшего Лорда, опущенного так низко. Рисанд кивнул Люсьену.

— Ты тоже, лисёнок.

Люсьен помрачнел, но он опустился на колени, затем коснувшись головой пола. Я отчаянно мечтала о ноже, который Рисанд отбросил прочь, хоть о чём-нибудь, чем можно убить его.

Я достаточно прекратила дрожать, чтобы услышать, как Рис заговорил снова.

— Ты делаешь это ради себя или ради неё? — размышлял он, затем пожав плечами так, будто он не заставил Высшего Лорда Прифиана унижаться. — Ты слишком отчаянный, Тамлин. Это отталкивает. Став Высшим Лордом ты стал таким скучным.

— Ты расскажешь Амаранте? — спросил Тамлин, не поднимая головы от пола.

Рисанд ухмыльнулся.

— Может, скажу, а, может, и не буду.

Вспышкой движения слишком быстрой для моих глаз, Тамлин оказался на ногах, клыки в опасной близости от лица Рисанда.

— Прекрати это, — Рисанд щёлкнул языком и легко отстранил от себя Тамлина одной рукой. — Не при леди, — его взгляд скользнул к моему лицу. — Как тебя зовут, милая?

Сказать ему своё имя — и фамилию — это приведёт только к ещё большей боли и

страданиям. Он вполне может найти мою семью и притащить их в Прифиан, чтобы мучить себе на потеху. Но, если я буду колебаться слишком долго, он может украсть моё имя из разума. Стараясь держать разум спокойным и пустым, я пробормотала первое пришедшее на ум имя — имя деревенской подруги моих сестёр, с которой я никогда не говорила и чьё лицо не смогла вспомнить.

— Клэр Беддор, — мой голос был едва ли громче вдоха.

Рисанд повернулся к Тамлину, равнодушный к опасной близости Высшего Лорда.

— Ну, это было занимательно. Самое весёлое событие за последние годы, если честно. С нетерпением жду вас троих в Подгорье. Я передам Амаранте привет от тебя.

И Рисанд растворился в никуда — словно он шагнул в прореху в мире — оставив нас одних в ужасном, дрожащем молчании.

Глава 27

Я лежала в постели, наблюдая за движениями омутов лунного света на полу. Было тяжело не смотреть в лицо Тамлина, когда он приказал мне и Люсьену уйти из столовой и закрыть за собой дверь. Не будь я так сосредоточена на собирании себя по кусочку, я бы осталась. Могла бы даже попросить Люсьена об этом — обо всём. Но как трусиха, которой я и являюсь, я поплелась в свою комнату, где меня уже ждала Элис с растопленным шоколадом. Ещё тяжелее было не вспоминать рёв, сотрясший канделябры и грохот ломаемой мебели, эхом разносившийся по дому.

На ужин я не спустилась. Я не хотела знать, осталась ли ещё столовая. И я не могла заставить себя рисовать.

На некоторое время дом погрузился в тишину, но волны ярости Тамлина эхом проходили по дому, отражаясь от дерева, камня и стекла.

Я не хотела думать обо всём, что сказал Рисанд — не хотела думать о болезни, надвигающейся словно шторм, или о Подгорье — какое бы место так ни называлось — и почему меня могут вынудить туда пойти. И об Амаранте — наконец-то имя этой женщины, преследующей их жизни. Я вздрагивала каждый раз, как представляла насколько опасной и смертоносной она должна быть, чтобы командовать Высшими Лордами Прифиана. Чтобы держать Рисанда на поводке и заставить Тамлина умолять скрывать меня от неё.

Дверь скрипнула и я резко села. Лунный свет мерцал на золоте, но моё сердце не успокоилось, когда Тамлин закрыл дверь и подошёл к кровати. Его шаги были медленными и тяжёлыми — и он ни слова не проронил, пока не опустился на край постели.

— Мне жаль, — сказал он. Его голос был пустым и хриплым.

— Всё в порядке, — соврала я, сжимая в руках простыни. Если я буду думать об этом слишком долго, я всё ещё могу почувствовать ласковые острые когти силы Рисанда, пронзающие мой разум.

— Не в порядке, — прорычал он и схватил одну из моих рук, отцепляя мои пальцы от простыни. — Это... — он опустил голову, глубоко вздохнул и его рука крепко стиснула мою. — Фейра... Я прошу... — он отрицательно качнул головой и прокашлялся. — Я отправляю тебя домой, Фейра.

У меня внутри что-то расколосось.

— Что?

— Я отправляю тебя домой, — повторил он, и хоть его слова стали сильнее — громче — они немного дрожали.

— А как же условия Договора...

— Я беру на себя твой долг. Если кто-то придёт с вопросами о нарушенных законах, ответственность за смерть Андреса я возьму на себя.

— Но ты однажды сказал, что нет никакой лазейки. Суриэль говорил, что нет...

Рычание.

— Если у них возникнут какие-то проблемы с этим, пусть скажут мне.

И будут разорваны в клочья.

В груди что-то сжалось. Уйти — *свободной*.

— Я сделала что-то не так...

Он поднял мою руку и прижал её к своей щеке. Он был таким соблазнительно тёплым.

— Ты не сделала ничего плохого, — он чуть повернулся и поцеловал мою ладонь. — Ты была совершенна, — прошептал он в мою кожу, затем опустив руку.

— Тогда почему я должна уехать? — я выдернула свою руку из его.

— Потому что есть... есть те, кто могут навредить тебе, Фейра. Навредить из-за того, кто ты для меня. Я думал, что смогу справиться с ними, смогу защитить тебя от них, но после сегодняшнего... Я не могу. Поэтому тебе нужно уехать домой — подальше отсюда. Там ты будешь в безопасности.

— Я могу за себя постоять и...

— Ты *не можешь*, — его голос дрожал. — Потому что *Я* не могу, — он обхватил моё лицо обеими руками. — Я даже себя не могу защитить от них, от происходящего в Прифиане, — я чувствовала каждое его слово, как если бы они переходили от его губ к моим в порыве горячего, неистового воздуха. — Даже если мы выстоим против болезни... они выследят тебя — она найдёт способ убить тебя.

— Амаранта, — он оскалился при звуках её имени, но кивнул. — Кто...

— Когда доберёшься домой, — перебил он. — Никому не рассказывай правды о том, где ты была; пусть они верят в чары. Не говори им кто я; не говори, где ты оставалась. Её шпионы будут искать тебя.

— Я не понимаю, — я схватила его за предплечье и крепко сжала. — *Расскажи мне...*

— Ты должна уехать *домой*, Фейра.

Домой. То место не было мне домом — то было Пекло.

— Я хочу остаться с тобой, — прошептала я, голос надломился. — Невзирая ни на Договор, ни на болезнь.

Он провёл рукой по лицу. Его пальцы замерли, коснувшись маски.

— Я знаю.

— Так позволь мне...

— Это не обсуждается, — прорычал он и я свирепо уставилась на него. — Ты не понимаешь? — он вскочил на ноги. — Рис — начало. Ты хочешь быть здесь, когда вернётся Аттор? Ты хочешь узнать, каким существам Аттор подчиняется? Существа подобные Богги — и хуже.

— Позволь мне помочь тебе...

— *Нет*, — он расхаживал перед кроватью. — Разве ты сегодня ничего не заметила между строк?

Нет, но я вскинула подбородок и скрестила руки.

— Значит, ты отсылаешь меня прочь, из-за того, что в бою я бесполезна?

— Я отсылаю тебя прочь, потому что мысль о тебе в их руках *сводит меня с ума!*

Воцарилась тишина, наполненная только звуками его тяжёлого дыхания. Он опустился на кровать и закрыл глаза основаниями ладоней.

Его слова эхом отзывались во мне, они растопили злость, обращая всё внутри меня в хрупкость.

— Как... как долго мне придётся держаться подальше?

Он не ответил.

— Неделю?

Ответа нет.

— Месяц?

Он медленно покачал головой. Моя верхняя губа дёрнулась, но я заставила себя придерживаться нейтралитета.

— Год?

Так много времени вдали от него...

— Я не знаю.

— Но ведь не навсегда, правда?

Даже если болезнь снова придёт в Весенний Двор, даже если её последствия разорвут меня на части... я вернусь. Он убрал волосы с моего лица. Я стряхнула его руку.

— Надеюсь, всё станет проще, когда я уеду, — сказала я, глядя в сторону. — Кому хочется, чтобы рядом находился кто-то настолько покрытый шипами?

— Шипами?

— Колючая. Вспыльчивая. Угрюмая. Упрямая.

Он наклонился вперёд и легонько поцеловал меня.

— Не навсегда, — сказал он мне в губы.

И хоть я знала, что это ложь, я обняла его за шею и поцеловала.

Он потянул меня к себе на колени, крепко прижал к себе, пока его губы разделяли мои. Во мне проснулась каждая клетка тела, когда его язык проник в мой рот.

Хотя меня всё ещё терзал ужас магии Рисанда, я толкнула Тамлина на кровать, села сверху, придавив его так, будто каким-то образом это удержит меня от отъезда, будто это остановит время.

Его руки лежали на моих бёдрах, их жар опалял сквозь тонкий шёлк ночной сорочки. Мои волосы упали словно занавеси, оградив нас. Я не могла целовать его достаточно быстро и жестко, чтобы выразить нахлынувшую необходимость внутри меня. Он тихо зарычал и ловко перевернул нас, накрывая меня собой и отрываясь от моих губ, чтобы спуститься поцелуями к шее.

Весь мой мир сузился до ощущения его губ на моей коже. Всё остальное кроме них, кроме него, было лишь пустотой из тьмы и лунного света. Когда он дошёл до места укуса, моя спина выгнулась и я запустила руки в его волосы, наслаждаясь их шёлковой гладкостью.

Он спустился к изгибам тазовых костей, задержавшись на краю нижнего белья. Моя ночная сорочка скомкалась вокруг талии, но меня это не волновало. Я обхватила голыми ногами его ноги, проведя ступнями вниз по твердым мышцам его икр.

Он выдохнул моё имя мне в грудь, одна его рука исследовала моё тело, поднимаясь по склону груди. Я дрожала, предвкушая ощущение его руки там, а его рот снова нашёл мой, когда его пальцы остановились чуть ниже.

На этот раз его поцелуй был медленнее — мягче. Кончики пальцев другой его руки проскользнули под нижнее белье и я втянула воздух.

Услышав звук, он помедлил, слегка отступая. Но я прикусила его губу в безмолвной команде, и это вынудило его зарычать мне в рот. Одним длинным когтем он разорвал шёлк и кружева, моё нижнее бельё распалось на части. Коготь исчез, а поцелуй углубился, когда его пальцы скользили между моих ног, убеждая и дразня. Я выгибалась навстречу его руке, полностью поддаваясь мучительной дикости, пробудившейся во мне, и выдохнула его имя в его кожу.

Он снова остановился — его пальцы отступили — но я схватила его, теснее прижав к себе. Я хотела его *сейчас* — я хотела, чтобы преграда из нашей одежды исчезла, хотела попробовать его пот, хотела быть заполненной им.

— Не останавливайся, — задыхаясь, проговорила я.

— Я... — сказал он, упершись лбом между моих груди и вздрогнув. — Если мы продолжим, я не смогу остановиться вообще.

Я села, он, с трудом дыша, наблюдал за мной. Но я продолжала смотреть в его глаза, моё собственное дыхание успокаивалось, пока я снимала сорочку через голову и бросила её на пол. Совершенно обнаженная перед ним, я следила за его взглядом, путешествующим к моей груди, затвердевшим от прохлады ночи соскам, к моему животу, между бёдер. Хищный, непреклонный голод промелькнул на его лице. Я согнула и отвела ногу в сторону, немое приглашение. Он низко зарычал — и медленно, с хищным желанием, он снова поднял взгляд к моим глазам.

Вся мощь этой дикой, безжалостной силы Высшего Лорда сосредоточена лишь на мне — и я чувствовала шторм под его кожей, запросто способный смести всё, чем я была, даже в своей уменьшенной форме. Но я могла довериться ему, доверить себя этой могущественной силе. Я могла показать ему всё, чем я была, и он не отвернётся.

— Дай мне всё, — выдохнула я.

Он бросился вперёд, зверь, сорвавшийся с привязи.

Мы были клубком рук, ног и зубов, я рвала его одежду, пока вся она не оказалась на полу, а затем я рвала его кожу, пока не оставила отметины на его спине и руках. Его когти были выпущены, но убийственно нежны на моих бёдрах, пока он скользил между них и пировал мной, остановившись только после того как я содрогнулась и разбилась. Я стонала его имя, когда мощным и медленным толчком он оказался внутри, раскалывая меня собой.

Мы двигались вместе, бесконечно, дико и обжигающе, и когда я снова оказалась на грани, он зарычал и перешагнул вместе со мной.

Я уснула в его объятиях, а проснувшись несколькими часами позже, мы снова занимались любовью, лениво и пристально, медленно тлеющий огонь в сравнении с неистовым пожаром ранее. Когда мы оба выдохлись, тяжело дышали и блестели от пота, некоторое время мы лежали в тишине и я вдыхала его запах — земляной и свежий. Я никогда не смогу запечатлеть его — никогда не смогу изобразить на холсте его вкус и *ощущение*, и не имеет значения, сколько бы раз я ни пыталась и какие цвета не использовала бы.

Рисуя круги на моём животе, Тамлин прошептал:

— Нам нужно поспать. Завтра у тебя долгий путь.

— Завтра? — я села, не обращая никакого внимания на свою наготу, не после того как

он видел всё, пробовал всё.

Его губы сжались в тонкую линию.

— На рассвете.

— Но это...

Плавным движением он сел.

— Пожалуйста, Фейра.

Пожалуйста. Тамлин склонился перед Рисандом. Ради меня. Он переместился к краю кровати.

— Куда ты собираешься?

Он оглянулся на меня через плечо.

— Если я останусь, ты не будешь спать.

— Останься, — попросила я. — Обещаю держать руки при себе.

Ложь — такая откровенная ложь.

Его полуулыбка сказала мне, что и он тоже это знает, но, удобно устроившись, он притянул меня ближе. Я обняла его рукой за талию и устроила голову на его плече.

Он рассеянно гладил меня по волосам. Я не хотела спать — не хотела терять ни минуты с ним — но огромное истощение накрывало сознание и забирало меня, пока не остались только прикосновения его пальцев в моих волосах и звуки его дыхания.

Я уходила. Как раз когда это место стало для меня больше, чем убежище, когда приказ Суриэля стал благословением и когда Тамлин стал для меня гораздо, гораздо больше, чем спаситель или друг, я уходила. Могут пройти годы, пока я снова увижу этот дом, пока вдохну аромат сада роз, пока я снова увижу эти глаза с крапинками золота. Дом — это мой дом.

Когда сознание уже почти утонуло во сне, мне послышалось, как он шепчет мне на ухо.

— Я люблю тебя, — прошептал он и поцеловал меня в бровь. — Шипы и всё остальное.

Его не было, когда я проснулась, и я была уверена, что мне это приснилось.

Глава 28

На сбор вещей и прощание было не так уж много времени. Я несколько удивилась, когда Элис одела меня в наряд, совершенно на мой привычный не похожий — в кружевах, довольно тесный и ограничивающий свободу движений во всех неправильных местах. Наверняка какая-то мода среди смертных богачей. Платье состояло из слоёв бледно-розового шелка, с акцентами белых и голубых кружев. Элис нацепила на меня короткий и лёгкий жакет из белого льна, а на голову она под углом водрузила абсурдную маленькую шляпку цвета слоновой кости, явно предназначенную для украшения. Я почти уверена, что с ней в комплекте обязан идти зонтик.

Я сказала об этом Элис, она щёлкнула языком.

— А где же сентиментальные прощания?

Я дёрнула кружевную перчатку — бесполезную и тонкую.

— Я не люблю прощаний. Если я могу, я просто уйду, ничего не сказав.

Элис одарила меня долгим взглядом:

— Я тоже их не люблю.

Я подошла к двери и неожиданно для себя сказала:

— Надеюсь, скоро ты снова будешь со своими племянниками.

— Возьми всё от своей свободы, — только и сказала она.

Внизу, Люсьен фыркнул, увидев меня.

— Одной этой одежды достаточно, чтобы убедиться, что я никогда не захочу побывать на территории людей.

— Не уверена, что в человеческом мире разберутся, что с тобой делать, — ответила я.

Улыбка Люсьена сникла, плечи напряглись, когда он бросил взгляд мне за спину, где у позолоченного экипажа ждал Тэм. Снова посмотрев на меня, его металлический глаз прищурился.

— Я думал ты умнее этого.

— И тебе прощай, — сказала я. Настоящий друг. Не мой выбор и не моя вина, что они скрывали от меня большую часть проблемы. Даже если я никак не могу противостоять болезни, или существам, или Амаранте — кем бы она ни была.

Люсьен покачал головой, его шрам ярко выделился в свете солнца, и зашагал в сторону Тамлина, игнорируя предупреждающее рычание Высшего Лорда.

— Ты даже не дашь ей хотя бы ещё парочки дней? Всего несколько — прежде чем ты отправишь её в ту человеческую помойку? — требовательно спросил Люсьен.

— Не обсуждается, — отрезал Тамлин, кивнув на дом. — Увидимся за обедом.

На мгновение Люсьен уставился на него, плюнул на землю и вихрем взлетел по лестнице. Тамлин ничего ему не сказал.

Я могла бы задуматься над словами Люсьена, могла бы крикнуть ему вслед острогу, но... Когда я взглянула на Тамлина у позолоченного экипажа, в груди разверзлась пустота, руки в перчатках вспотели.

— Помни, что я тебе говорил, — сказал он.

Я кивнула, слишком занятая запоминанием каждой черточки его лица, чтобы ответить. Он имеет в виду то, что я слышала прошлой ночью — что он любит меня? Я перемялась с ноги на ногу, уже чувствуя боль из-за маленьких белых туфель, в которые Элис втиснула мои бедные стопы.

— Земли смертных остаются безопасными — и для тебя, и для твоей семьи.

Я кивнула, пытаюсь понять, хочет ли он убедить меня покинуть нашу территорию и уплыть на юг, но поняла, что я отказываюсь быть так далеко от стены, от него. Что я возвращаюсь к семье только потому, что он отправляет меня.

— Мои картины — они все твои, — сказала я, не в состоянии придумать ничего лучше, чтобы выразить свои чувства, что для меня значит уехать и как я боюсь нависшего за моей спиной экипажа.

Он пальцем приподнял моё лицо за подбородок.

— Мы ещё встретимся.

Он поцеловал меня и отстранился слишком быстро. Я судорожно сглотнула, борясь со жжением в глазах. *«Я люблю тебя, Фейра».*

Я отвернулась прежде, чем зрение затуманилось, но он незамедлительно оказался рядом, помогая мне забраться в богатый экипаж. Он смотрел, как я устраиваюсь на месте через открытую дверь, его лицо было маской спокойствия.

— Готова?

Нет, нет, я не готова, не после прошлой ночи, не после всех этих месяцев. Но я кивнула. Если вернётся Рисанд, если эта Амаранта действительно такая угроза, что я буду всего лишь ещё одним существом, которое Тамлину придётся защищать... Я должна уехать.

Он захлопнул дверь, закрывая меня внутри, и этот щелчок эхом отозвался в душе. Он наклонился в открытое окно, чтобы погладить меня по щеке — и я могу поклясться, что

слышала как моё сердце раскалывается. Лакей щёлкнул кнутом.

Пальцы Тамлина коснулись моих губ. Экипаж, запряжённый шестью белыми лошадьми, двинулся с места. Я прикусила губу, чтобы они не дрожали.

Тамлин улыбнулся мне в последний раз.

— Я люблю тебя, — сказал он и отошел в сторону.

Я должна была сказать это — должна была сказать те слова, но они застряли в горле, из-за того... из-за того, с чем ему предстоит столкнуться, потому что, несмотря на его обещание, он может не вернуться за мной, потому что... потому что, помимо этого, он бессмертный, а я состарюсь и умру. Может быть, он как раз это сейчас и имел в виду, и, возможно, прошлая ночь изменила для него столько же, сколько и для меня, но... Я не стану обузой для него. Я не буду ещё одним свалившимся ему на плечи бременем.

Поэтому я ничего не сказала, когда экипаж тронулся. И я не оглядывалась, когда мы проехали ворота поместья и направились дальше в лес.

Едва только экипаж пересек границу леса, по обонянию ударила яркая вспышка аромата магии и я провалилась в глубокий сон. Резко проснувшись, я была в ярости и не понимала, зачем вообще это было нужно, но воздух уже был наполнен резвым цоканьем копыт по каменной брусчатке. Протирая глаза, я выглянула в окно и увидела конусообразные изгороди и ирисы, выстроившиеся вдоль покато́й дороги. Прежде я никогда здесь не бывала.

Я разглядывала столько деталей, сколько могла, пока экипаж не остановился перед замком из белого мрамора с изумрудными крышами — почти такой же большой, как поместье Тамлина.

Приближающиеся слуги были мне неизвестны и, подавая руку лакею, поддерживавшему меня, пока я выбиралась из экипажа, на лице я сохраняла бесстрастность.

Человек. Он полностью человек — с закруглёнными ушами, румяным лицом и этой одеждой.

Остальные слуги тоже были людьми — они все суетливы, совсем не обладают тем совершенным спокойствием, с которым держатся Высшие Фэ. Неотшлифованные, неуклюжие существа земли и крови.

Слуги глядели на меня, но не приближались — оставались на расстоянии. То есть, я выгляжу настолько величественно? Моё внимание привлекла суматоха движения и цвета, вырвавшаяся из парадных дверей.

Я узнала сестёр прежде, чем они увидели меня. Они подошли, приглаживая свои восхитительные платья, их брови приподнялись при виде позолоченного экипажа.

То чувство, будто у меня в груди что-то расколосось, усилилось. Тамлин говорил, что он позаботился о моей семье, но *это*...

Нэста заговорила первой, присев в низком реверансе. Элейн последовала её примеру.

— Добро пожаловать в наш дом, — Нэста говорила с лёгким холодком, не отрывая взгляда от земли. — Леди...

Я не выдержала и громко рассмеялась.

— Нэста, — произнесла я и она окаменела. Я засмеялась снова. — Нэста, неужели ты не узнаёшь собственную сестру?

Элейн ахнула.

— Фейра? — она потянулась ко мне, но остановилась. — А как же тогда тётя Рипли? Она... мертва?

Такой была история, я помнила — я будто бы уехала досматривать давно забытую, богатую тетюшку. Я медленно кивнула. Нэста оценивала мою одежду и экипаж, вплетенные в её золотисто-каштановые волосы жемчужинки сверкали в лучах солнца.

— Она оставила тебе своё состояние, — без эмоций заявила Нэста. Это был не вопрос.

— Фейра, ты должна всё нам рассказать! — всё ещё ахая, сказала Элейн. — Ох, какой ужас — тебе пришлось справляться с её утратой в одиночестве, бедняжка. Отец будет огорчён, узнав, что не успел с ней проститься.

Такие... такие простые вещи: умирающие родственники, оставленные состояния и последняя дань уважения усопшим. И всё же — всё же... я всё ещё легко справлялась с тяжестью, которую ещё не осознала. Это было единственное, что их сейчас волновало.

— Почему ты притихла? — спросила Нэста, держась на расстоянии.

Я и забыла, какие хитрые у неё глаза, какие холодные. Она создана иначе, из чего-то гораздо более жесткого и сильного, чем кости и кровь. Она отличается от окружающих нас людей так же, как теперь отличаюсь я.

— Я... рада видеть, насколько улучшились ваши дела, — ответила я. — Что произошло?

Кучер — зачарованный под человека, со скрытой маской — начал разгружать мои чемоданы для прислуги. Я не знала, что Тамлин отправил меня вместе с какими-то вещами.

Элейн расплылась в лучезарной улыбке.

— Разве ты не получала наших писем?

Она не помнила — или, возможно, никогда и не знала, что, в любом случае, я не смогу их прочесть. Когда я отрицательно покачала головой, она пожаловалась на бесполезность почты, а затем сказала:

— Ох, ты не поверишь! Примерно спустя неделю, как ты уехала досматривать тётю Рипли, на нашем пороге возник незнакомец и попросил Отца инвестировать деньги! Отец сомневался, предложение было слишком заманчивым, но незнакомец настаивал и Отец согласился. Он дал нам сундук золота только за соглашение! В течение месяца, он удвоил инвестиции незнакомца, и тогда деньги посыпались проливным дождём. И знаешь что? Все те затерянные корабли нашлись в Бхарате вместе с прибылью Отца!

Тамлин — всё это для них сделал Тамлин. Я игнорировала растущее чувство зияющей дыры в груди.

— Фейра, ты выглядишь так же ошарашенно, как и мы тогда, — Элейн подцепила меня под локоть. — Пойдём. Мы покажем тебе дом! У нас нет комнаты, декорированной для тебя, потому что мы думали, что ты будешь с несчастной старенькой тётюшкой Рипли ещё несколько месяцев, но у нас есть столько спален, что ты можешь спать каждую ночь в другой комнате, если пожелаешь!

Я оглянулась через плечо на Нэсту, она внимательно наблюдала за мной, не выказывая эмоций на лице. Стало быть, в конце концов, она не вышла замуж за Томаса Мандри.

— Отец, наверно, упадёт в обморок, увидев тебя, — лепетала Элейн, потрепав меня по руке, когда она вела меня к парадному входу. — О, возможно он даже устроит бал в твою честь!

Нэста тихо следовала за нами, держась на пару шагов позади. Я не хотела знать, о чём она думает. Я не была уверена, должна ли я чувствовать злость или облегчение из-за того, что они так хорошо зажили без меня — и, думаю, Нэста размышляла о том же.

Послышался цокот копыт, и экипаж тронулся вниз по дороге — прочь от меня, обратно в мой настоящий дом, обратно к Тамлину. Мне потребовалась вся сила воли, чтобы не броситься вдогонку.

Он сказал, что любит меня, и, когда мы занимались любовью, я чувствовала — это правда, и он отослал меня для моей же безопасности; он освободил меня от Договора, лишь бы я была в безопасности. Потому что, какой бы шторм ни надвигался на Прифиан, он достаточно жестокий, раз даже Высший Лорд не может ему противостоять.

Я должна остаться; это мудро — оставаться здесь. Но я не могла отделаться от ощущения, сгущавшегося, словно мрачные тени в душе, что, уехав, я совершила огромную ошибку, и не важно, что велел Тамлин. «*Оставайся с Высшим Лордом*» — сказал Суриэль. Его единственный приказ.

Я выбросила эти мысли из головы, когда отец расплакался, увидев меня, и действительно распорядился устроить бал в мою честь. И хотя я знала, что данное однажды матери обещание выполнено — хотя я знала, что полностью от него свободна и что теперь о моей семье всегда позаботятся... та жуткая тень росла и плотно окутывала моё сердце.

Глава 29

Выдумывать истории о времени, проведённом с тётёй Рипли, было легче лёгкого: ежедневно я читала ей, она, лёжа в кровати, учила меня манерам, и я ухаживала за ней, пока, две недели назад, она не умерла во сне, оставив мне своё состояние.

И каким огромным было это состояние: в сундуках, отправленных со мной, оказалась не только одежда — несколько из них были до верха набиты золотом и драгоценностями. Не отшлифованными драгоценными камнями, а огромными, необработанными драгоценностями, которыми можно оплатить тысячи усадеб.

Как раз сейчас отец проводил инвентаризацию этих камней; он заперся в кабинете, окна которого выходили в сад, где мы с Элейн сидели в траве. Я подглядывала в окно за отцом, склонившимся над столом, перед ним были небольшие весы, в которых он взвешивал необработанный рубин размером с утиное яйцо. У него снова ясный взгляд, и он двигается с чувством цели, с энергией, какой я в нём не видела со времён разорения. Даже его хромота уменьшилась — чудесным образом ему стало лучше после какого-то тоника и бальзама, которые ему бесплатно дал незнакомый целитель, проезжавший мимо. Только за эту доброту я буду благодарна Тамлину вечно.

Он больше не опускал плечи, исчез унылый и туманный взгляд. Отец легко улыбался, охотно смеялся и души не чаял в Элейн, а она, в свою очередь, обожала его. И только Нэста вела себя тихо и осторожно, наблюдая и односложно отвечая на вопросы Элейн.

— Эти луковицы, — рукой в перчатке Элейн указала на группу пурпурно-белых цветов. — Приехали с тюльпанных полей на континенте. Отец пообещал, что следующей весной возьмёт меня с собой посмотреть на них. Он уверяет, что там полно этих цветов — миля за милей только они и ничего больше.

Она похлопала богатую, тёмную почву. Маленький сад под окном принадлежит ей: каждый цветок и кустарник она выбирала лично и сажала своими руками; никому другому она бы просто не позволила заботиться о них. Даже прополкой и поливом она занимается лично.

Хотя она призналась, что прислуга *все же* помогает переносить ей тяжёлые лейки. Она бы удивилась — возможно до слёз — увидев сады, к которым я привыкла, и вечноцветущие

цветы в Весеннем Дворе.

— Ты должна поехать со мной, — продолжала Элейн. — Нэста не поедет, она говорит, что не хочет рисковать переправляясь через море, но ты и я... Ох, мы повеселимся, не так ли?

Я искоса взглянула на неё. Моя сестра сияла и была довольна — красивее, чем я когда-либо видела её, даже в простом муслиновом платье для садоводства. В тени её большой гибкой шляпы виднелся румянец на щеках.

— Думаю... думаю, мне бы очень хотелось увидеть континент, — сказала я.

И я поняла, что это правда. В мире так много мест, которые я не видела, а раньше и подумать не могла о поездках. Я даже *не мечтала* о путешествиях.

— Я удивлена, что ты так хочешь поехать следующей весной, — заговорила я. — Разве это не разгар сезона? — светский сезон, завершившийся пару недель назад, несомненно, наполненный вечеринками, балами, обедами и сплетнями, сплетнями, сплетнями. Вчера за ужином Элейн всё мне рассказала об этом, вряд ли заметив, с каким трудом я справилась с едой. Большая часть была такой же — мясо, хлеб, овощи, и всё же... в сравнении с едой в Прифиане эта казалась пеплом на языке. — И я удивлена, что у порога в дом нет очереди из ухажеров, просящих твоей руки.

Элейн вспыхнула, но погрузила маленькую лопатку в землю, чтобы выкопать сорняки.

— Да, ну — будут и другие сезоны. Нэста не расскажет тебе, но этот сезон был несколько... странным.

— В каком смысле?

Она пожала тонкими плечами.

— Люди вели себя так, словно мы просто болели в течение восьми лет или уезжали в какую-то далёкую страну — а не так, что мы были несколькими деревенскими жителями в том маленьком доме. Можно подумать, мы попросту нафантазировали то, что было с нами за эти годы. Никто и слова об этом не сказал.

— Неужели ты думала, что они будут обсуждать это? — если мы богаты так же, как предполагает этот дом, то, разумеется, многие семьи предпочтут закрыть глаза на пятно бедности в нашей жизни.

— Нет, но из-за этого... из-за этого я начала мечтать о тех годах снова, несмотря на голод и холод. Иногда этот дом кажется таким огромным, и отец всегда занят, а Нэста... — она оглянулась через плечо, на мою старшую сестру, застывшую под корявым тутовым деревом и вглядывающуюся в широкие равнины наших земель. Она едва ли говорила со мной вчера вечером, а за завтраком так вовсе и словом не обмолвилась. Я удивилась, когда она присоединилась к нам на улице, хоть она и простояла у того дерева всё время. — Нэста не закрыла сезон. Она не сказала мне почему. Она начала отклонять каждое приглашение. Она почти не разговаривает ни с кем, и, когда ко мне приходят друзья, я ужасно себя чувствую, потому что из-за неё им не комфортно, когда она смотрит на них этим своим взглядом... — Элейн вздохнула. — Может, у тебя получится с ней поговорить.

Я размышляла, как бы сказать Элейн, что мы с Нэстой годами вежливо не разговаривали, но затем Элейн добавила:

— Знаешь, она ездила навестить тебя.

Я моргнула, кровь в венах похолодела.

— Что?

— Ну, её не было лишь около недели, и она сказала, что её экипаж сломался на полпути

и было проще вернуться обратно. Но ты бы и не узнала, ты ведь не получила ни одного нашего письма.

Я посмотрела на Нэсту, она всё так же стояла под искривленными ветвями, юбки её платья шелестели на лёгком летнем ветерке. Она отправилась увидеть меня, чтобы вернуться назад под магией чар, наложенных Тамлином?

Повернувшись обратно, я заметила, что Элейн пристально меня рассматривает.

— Что?

Элейн покачала головой и вернулась к прополке.

— Просто ты выглядишь так... по-другому. И говоришь тоже совсем иначе.

И вправду, вчера, проходя мимо зеркала в холле, я не поверила своим глазам. Моё лицо осталось прежним, но... вокруг меня было *свечение*, словно мерцающий, едва заметный свет. Я не сомневалась, что это из-за проведённого в Прифиане время, что это всё магия, каким-то образом отразившаяся на мне. Я ужасалась того дня, когда она исчезнет навеки.

— В доме тётушки Рипли что-то произошло? — спросила Элейн. — Ты... кого-то встретила?

Я пожалала плечами и выдернула сорняк неподалёку.

— Только хорошая еда и отдых.

Шли дни. Тень внутри меня не исчезала и даже мысль о рисовании была отвратительна. Вместо этого большую часть своего времени я проводила с Элейн в её маленьком саду. Я была довольна, слушая её разговоры о каждом бутоне и цветении, о её планах создать ещё один сад за оранжереей, возможно, даже огород, если она сможет достаточно узнать о ведении огорода за ближайшие несколько месяцев.

Здесь она ожила и её радость была заразной. Не было ни одного слуги или садовника, кто бы не улыбался ей, и даже шеф-повар находил различные предлоги, чтобы в течение дня приносить ей тарелки с печеньем и пирожными. На самом деле, я поражалась этому — годы бедности не отняли света Элейн. Возможно, немного его запрятали, но она щедрая, любящая и добрая — удивительная девушка, которой я горжусь и называю сестрой.

Отец закончил с подсчётами моего золота и драгоценностей; я оказалось необыкновенно богатой. Небольшой процент от этой суммы я вложила в его бизнес, а когда посмотрела на оставшуюся чудовищно огромную сумму, я попросила насыпать мне несколько мешочков денег и отправилась в путь.

Усадьба находилась всего в трёх милях от нашего старого захудалого дома, дорога была хорошо знакома. Я не обратила внимания на испачкавшийся в грязи с влажной дороги подол. Я наслаждалась шумом ветра в деревьях и тихим дыханием высокой травы. Если воспоминания унесут меня достаточно далеко, то я смогу представить себе прогулки с Тамлином в его лесах.

У меня не было никаких оснований полагать, что вскоре я его снова увижу, но каждую ночь, отправляясь в кровать, я молилась о том, чтобы проснуться и оказаться в его поместье, или о том, чтобы получить послание от него, где он позовёт меня обратно. Ещё хуже, чем разочарование из-за того, что ничего из желаемого не происходило, был крадущийся, ноющий страх, что Тамлин в опасности — что Амаранта, кем бы она ни была, каким-то образом причиняет ему боль.

«Я люблю тебя». Я почти слышала эти слова — почти слышала, как он их произносит, практически могла видеть сверкающий солнечный свет в его волосах и завораживающую зелень его глаз. Я почти ощущала его тело, прижатое к моему, его пальцы, скользящие по моей коже.

Я дошла до поворота дороги, который могла бы найти даже в кромешной темноте, и там было оно.

Столь маленький — дом был таким крошечным. Старый цветочный сад Элейн превратился в дикое переплетение сорняков и цветов, а на каменном пороге всё ещё были выгравированы защитные знаки. Входная дверь — повреждённая и сломанная, когда я видела её в последний раз — была заменена, но по одному из круглых оконных стекол пошли трещины. Здесь было темно, а земля нетронута.

По высокой траве я провела невидимый путь, по которому следовала каждое утро — от входных дверей, через дорогу, а затем через холмистое поле, весь путь до линии деревьев. До леса — моего леса.

Когда-то он казался столь пугающим — таким смертельным, голодным и жестоким. А сейчас он выглядел лишь... простым. Обыкновенным.

Я снова посмотрела на унылый, тёмный дом — место, бывшее тюрьмой. Элейн говорила, что скучает по нему, и я задумалась — что она видит, когда смотрит на этот дом. Может быть, она видела не тюрьму, а убежище — убежище от мира, в котором так мало хорошего, но она всё равно пыталась его найти, даже если для меня это казалось глупым и бесполезным.

Она смотрела на этот дом с надеждой; я смотрела на него исключительно с ненавистью. И я знала, кто из нас сильнее.

Глава 30

У меня осталось одно незавершенное дело, прежде чем вернуться в усадьбу отца. Деревенские жители, которые раньше глумились надо мной или игнорировали, теперь пялились на меня едва рты не разинув, некоторые из них снова и снова вырастали на моём пути с вопросами о тётушке и моём состоянии. Твёрдо, но вежливо, я отказывалась вступать с ними в диалог и давать им новую пищу для сплетен. Но путь к бедной части деревни у меня всё равно занял довольно много времени и, когда я постучала в первую полуразрушенную дверь, к тому времени я была полностью опустошена.

Я вручила беднякам нашей деревни маленькие мешочки золота и серебра и они не задавали вопросов, получая их. Одни пытались отказаться, другие меня не узнавали, но, в любом случае, я оставляла деньги. Это меньшее, что я могла сделать.

На обратной дороге к отцовской усадьбе, я прошла мимо Томаса Мандри и его приспешников, скрывающихся за деревенским фонтаном, они говорили о каком-то доме, на прошлой неделе сгоревшем дотла вместе с живущей в нём семьёй внутри, и о том, что грабить там нечего. Он окинул меня слишком долгим взглядом, пройдясь по фигуре и с усмешкой, которой он сотни раз одаривал деревенских девушек. Почему Нэста передумала? Я всего лишь пристально на него посмотрела и пошла дальше.

Я почти вышла из городка, когда над каменными стенами вспорхнул женский смех, а повернув за угол, я лицом к лицу столкнулась с Айзеком Хейлом — и красивой, полненькой молодой женщиной, которая могла быть только его новой женой. Они шли под руку, оба улыбаясь — и оба словно светились изнутри.

Его улыбка дрогнула, едва он заметил меня.

Человек — он выглядел так *по-человечески*, долговязый и с простой красотой, но та улыбка, что была на его лице мгновение назад, превращала его в нечто большее.

Взгляд его жены метался между нами, возможно, немного нервно. Будто что бы она к нему не испытывала — любовь, сияние которой я уже заметила — было ей столь в новинку и неожиданно, что она всё ещё беспокоилась, что чувства исчезнут. Айзек осторожно склонил голову в знак приветствия. Он был мальчиком, когда я уходила, а сейчас этот человек передо мной... из-за чего бы ни расцвела его жена, что бы между ними ни было, это сделало из него мужчину.

Ничего — ничего не шевельнулось ни в груди, ни в душе, я испытывала к нему только расплывчатое чувство благодарности.

Ещё несколько шагов навстречу друг другу. Я широко улыбнулась ему, им обоим, и склонила голову, всем сердцем желая им добра.

Бал, организованный отцом в мою честь, должен был состояться через два дня, а дом уже был полон бурной деятельности. Огромные деньги выбрасывались на вещи, о которых мы никогда не мечтали снова, даже на мгновение. Я бы умоляла его не устраивать приём, но Элейн взяла на себя ответственность за всё планирование и найти для меня платье в последний момент и... это будет только на один вечер. Вечер, на протяжении которого придётся вытерпеть людей, избегавших нас и оставивших голодать годами.

Солнце клонилось к закату, когда я прервалась с работой на сегодняшний день: вскопала новый участок земли для следующего сада Элейн. Садовники немного испугались, что ещё одна из нас взялась за их работу — и будто скоро мы перестанем нуждаться в их услугах и избавимся от них. Я успокоила их, что у меня нет склонности к садовничеству, и я просто хочу чем-то занять свой день.

Но я так и не знала, чем занять неделю, месяц, или что я буду делать после. Если за стеной действительно вспышка болезни, если эта женщина Амаранта отправит своих существ воспользоваться этим... Было трудно не обращать внимания на тень в моём сердце, на тень, преследующую каждый мой шаг. Я не чувствовала тяги к рисованию с тех пор как приехала — и та часть внутри меня, откуда шли краски, формы и цвета, она замерла, затихла и потускнела. Скоро — говорила я себе. Скоро я куплю немного красок и начну снова.

Я воткнула лопату в землю и оперлась на неё ногой, чтобы отдохнуть минутку. Наверно, садовники были в ужасе от туники и брюк, которые я раздобыла. Один из них даже бросился принести мне одну из тех больших и гибких шляп, что носит Элейн. Я надела её только ради них; моя кожа давно загорела и покрылась веснушками за месяцы прогулок по землям Весеннего Двора.

Держась за черенок лопаты, я посмотрела на свои руки. Мозолистые, испещрённые царапинами и с дужками грязи под ногтями. Безусловно, все будут в ужасе, увидев меня ещё и заляпанной красками.

— Даже отмыв их, ты ничего не скроешь, — раздался за спиной голос Нэсты, она подошла ближе от того дерева, под которым любила сидеть. — Чтобы вписаться, тебе придётся надеть перчатки и никогда больше их не снимать.

Она была в простом нежно-лавандовом муслиновом платье, её наполовину

подобранные вверх волосы сзади ниспадали золотисто-каштановыми волнами. Прекрасная и властная, она по-прежнему выглядела подобно одной из Высших Фэ.

— Может быть, я не хочу вписываться в твои социальные круги, — бросила я, повернувшись обратно к лопате.

— Тогда с чего ты всё ещё здесь? — резкий, холодный вопрос.

Я глубже вогнала лопату в землю, руки и спина напряглись, когда я вскопала груды тёмной почвы с травой.

— Здесь мой дом, разве не так?

— Нет, не так, — отрезала она. Я снова погрузила лопату в землю. — Думаю, твой дом находится где-то очень далеко отсюда.

Я замерла.

Оставив лопату в земле, я медленно повернулась лицом к сестре.

— Дом тётушки Рипли...

— Нет никакой тётушки Рипли, — Нэста вытянула что-то из кармана и бросила на вскопанную землю.

Это оказалась большая деревянная щепка, будто оторванная от чего-то. На гладкой поверхности было нарисовано довольно спутанное переплетение виноградных лоз и... наперстянок. Наперстянки неправильного оттенка синего.

У меня перехватило дыхание. Всё это время, все эти месяцы...

— Мелкие фокусы твоего зверя не подействовали на меня, — в её голосе звучала спокойная сталь. — По-видимому, железная воля — единственное, что необходимо для противостояния чарам. И я была вынуждена смотреть как истерические рыдания отца и Элейн *мгновенно сходят на нет*. Мне пришлось слушать их разговоры о том, как тебе повезло, что тебя забрали в дом какой-то выдуманной тётки, как невероятным образом зимний ветер разнёс нашу дверь в щепки. Я думала, я схожу с ума — но каждый раз так считая, я смотрела на разрисованную часть стола, затем на отметины когтей ниже, и я понимала, что это не только в моей голове.

Я никогда не слышала, что чары могут не сработать. Но разум Нэсты полностью и абсолютно принадлежал ей; она выстроила такие крепкие стены — из стали, железа и ясеня — что даже магия Высшего Лорда не смогла пробить их.

— Элейн сказала... но она сказала — ты ездила меня навестить. Что ты пыталась.

Нэста фыркнула, её мрачное лицо было полно накипевшего гнева, с которым она никогда не сможет справиться.

— Он выкрал тебя ночью, неся какую-то чушь о Договоре. А затем всё пошло так, будто этого никогда не было. Это было неправильно. Ничего из случившегося не было правильным.

Мои руки бессильно опустились.

— Ты пошла за мной, — выдохнула я. — Ты пошла за мной — в Прифиан.

— Я добралась до стены. Я не смогла найти способ пересечь её.

Я поднесла дрожащую руку к горлу.

— Ты два дня добиралась туда и два дня обратно — через зимний лес?

Она пожала плечами, глядя на щепку, которую она содрала со стола.

— Спустя неделю, как тебя забрали, я наняла наёмницу из города, чтобы она провела меня. За деньги с той шкуры. Казалось, только она мне поверит.

— Ты сделала это... ради меня?

Глаза Нэсты — мои глаза, глаза нашей матери — встретились с моими.

— Это было неправильно, — повторила она.

Тамлин ошибался, когда мы говорили о том, мог бы мой отец прийти за мной — в нём нет отваги, гнева. Если бы пришлось, он бы нанял кого-то другого сделать это за него. Но Нэста отправилась вместе с той наёмницей. У моей полной ненависти, равнодушной сестры хватило храбрости пойти в Прифиан ради моего спасения.

— Что случилось с Томасом Мандри? — выдавила я, слова душили.

— Я поняла, что он бы не пошёл со мной спасать тебя в Прифиан.

И для неё — с её бушующим, безжалостным сердцем, это был конец.

Я посмотрела на свою сестру, по-настоящему *посмотрела* на неё, на эту девушку, которая не выносила подхалимов, теперь её окружающих, которая и дня не провела в лесах, но решилась вступить на волчью территорию... Которая обратила потерю нашей матери, затем и наше банкротство, в ледяную ярость и горечь, потому что гнев был способом выжить, а жестокость — освобождением. *Но ей было не всё равно* — под этой бронёй, ей было не всё равно, и, вероятно, она любила гораздо отчаяннее и яростнее, чем я могла понять, гораздо глубже и преданнее.

— В любом случае, Томас никогда тебя не заслуживал, — негромко сказала я.

Моя сестра не улыбнулась, но в её серо-голубых глазах сверкал свет.

— Расскажи мне обо всём, что произошло, — не просьба, приказ.

И я рассказала.

Когда я закончила свой рассказ, некоторое время Нэста просто смотрела на меня, прежде чем она попросила меня научить её рисовать.

Обучение Нэсты рисованию оказалось примерно таким же приятным, как я и предполагала, но, в любом случае, для нас это был повод избегать более оживлённых и суматошных частей дома, который с приближением моего бала всё больше и больше превращался в хаос. Материалы нашлись достаточно легко, но объяснить как я рисовала, убедив Нэсту выражать её мысли и чувства... По крайней мере, она повторяла мои мазки кистью точной и уверенной рукой.

Мы вышли из тихой комнаты, оккупированной нами для рисования, обе забрызганные краской и перепачканные углём, а в усадьбе заканчивались последние приготовления. Вдоль дороги к дому выстроились цветные стеклянные фонарики, а внутри цветочные венки и гирлянды украшали все перила, любые поверхности и каждую арку. Восхитительно красиво. Элейн лично выбирала каждый цветок и инструктировала прислугу, где их следует разместить.

Мы с Нэстой проскользнули верх по лестнице, но когда мы поднялись на лестничную площадку, внизу показались отец и Элейн, идущие под руку.

Нэста напряглась. Отец шептал Элейн дифирамбы, а она лучезарно улыбалась, склонив голову на его плечо. И я была счастлива за них — за комфорт и лёгкость их образа жизни, за радость на их лицах. Да, и у отца, и у сестры были свои маленькие горести, но они оба выглядят такими... беззаботными.

Нэста пошла дальше по коридору и я последовала за ней.

— Бывают дни, — заговорила Нэста, остановившись около двери в свою комнату,

расположенную напротив моей. — Когда я хочу спросить его, помнит ли он годы, когда он практически бросил нас умирать с голода.

— Ты тоже тратила каждый медяк, который я зарабатывала, — напомнила я.

— Я знала, что ты всегда сможешь достать ещё. А если бы ты не смогла, то я хотела увидеть, предпримет ли он хоть какую-то попытку заработать самому, вместо того, чтобы вырезать на тех огрызках дерева. Сможет ли он на самом деле выйти за порог и сражаться за нас. Я не могла позаботиться о нас, так, как заботилась ты. Я ненавидела тебя за это. Но ещё больше я ненавидела его. И до сих пор ненавижу.

— Он знает?

— Он всегда знал, что я его ненавижу, даже ещё до того, как мы обеднели. Он позволил умереть нашей матери — в его распоряжении был целый флот, который он мог отправить по всем свету на поиски лекарства, или он мог бы нанять человека и отправить его умолять о помощи в Прифиан. Но он позволил ей увядать.

— Он любил её — он скорбел за ней, — я не знала, что было правдой — возможно, и то, и другое.

— Он позволил ей умереть. Ты бы бросилась на край земли ради спасения своего Высшего Лорда.

В груди снова разлилось опустошение, но я спокойно сказала:

— Да, я бы так и сделала, — и я скользнула в свою комнату, чтобы подготовиться к балу.

Глава 31

Бал был вихрем из вальса и прихорашивания, из обвешанных драгоценностями аристократов, из вина и тостов в мою честь. Я держалась рядом с Нэстой, потому как она отлично отпугивала чрезмерно любопытных поклонников, желавших больше узнать о моём состоянии. Но я пыталась улыбаться, разве что только ради Элейн, порхающей по залу, лично приветствующей каждого гостя и танцующей со всеми их важничающими сыновьями.

Но я всё думала о том, что сказала Нэста — о спасении Тамлина.

Я знала, что-то не так. Я знала, что он в беде — не только из-за болезни в Прифиане, но и потому что силы, собирающиеся его уничтожить, были смертельно опасны, и всё же... и всё же я прекратила искать ответы, прекратила бороться, счастливая — так эгоистично *счастливая* — оградившаяся от той звериной, дикой части меня, вынужденной беспокоиться только о выживании час за часом. Я позволила ему отправить себя домой. Я не приложила никаких усилий, чтобы собрать воедино кусочки информации, собранной о болезни или Амаранте; я не пыталась его спасти. Я даже не сказала, что люблю его. А Люсьен... Люсьен тоже это знал — и показал это своими резкими словами в мой последний день в Прифиане, показал своё разочарование во мне.

Два часа ночи, а вечеринка не выказывает ни единого знака о замедлении и завершении. Отец вёл беседу с несколькими другими торговцами и аристократами, которым я была представлена, но чьи имена мгновенно забыла. Элейн смеялась в кругу своих красивых друзей, румяная и блистательная. Нэста молча покинула бал в полночь, и я не стала прощаться, когда тихо ускользнула наверх.

На следующий день, тихие и с заспанными глазами, все мы собрались за обеденным столом. Я поблагодарила сестру и отца за бал и уклонилась от вопросов отца о том, приглянулся ли мне кто-нибудь из сыновей его друзей.

Пришла летняя жара. Я подпёрла подбородок кулаком, обмахиваясь. Ночью я спала урывками из-за жары. В поместье Тамлина никогда не было слишком жарко или слишком холодно.

— Я подумываю о покупке земель Беддор, — отец рассказывал Элейн, кто единственная из нас слушала его. — До меня дошли слухи, что их земля в ближайшее время пойдёт на продажу, раз никто из семьи не выжил, это будет хорошее вложение в недвижимость. Возможно, одна из вас, девочки, могла бы построить там дом, когда захочет.

Элейн заинтересованно кивнула, а я моргнула.

— Что случилось с Беддорами?

— Ох, это ужасно, — заговорила Элейн. — Их дом сгорел и все погибли. Правда, телс Клэр не нашли, но... — она опустила взгляд в свою тарелку. — Это случилось глубокой ночью — семья, их слуги, все. Вообще-то, это случилось за день до твоего приезда.

— Клэр Беддор, — медленно произнесла я.

— Наша подруга, помнишь? — сказала Элейн.

Я кивнула, чувствуя на себе взгляд Нэсты.

Нет — нет, это невозможно. Это простое совпадение — это *должно быть* совпадение, ведь если это не так...

Я назвала это имя Рисанду.

И он не забыл его.

В желудке всё перевернулось и я боролась с приступом подкатившей тошноты.

— Фейра? — позвал отец.

Глубоко дыша, я закрыла глаза дрожащей ладонью. Что случилось? Не только с Беддорами, но и дома, в Прифиане?

— Фейра, — снова позвал отец, но на него шикнула Нэста:

— Тихо.

Я оттеснила в сторону вину, отвращение и ужас. Я обязана найти ответы — обязана узнать, было ли это совпадение, или могу ли я ещё спасти Клэр. И если что-то произошло здесь, на территории смертных, то Весенний Двор... тогда те существа, которых боялся Тамлин... болезнь, поразившая магию, их земли...

Фэйри. Они прошли через стену и не оставили следов.

Я убрала от лица руку и посмотрела на Нэсту.

— Ты должна выслушать меня очень внимательно, — сказала я ей, тяжело сглотнув. — Всё, что я тебе рассказала, должно оставаться в тайне. Ты не будешь меня искать. Ты больше никому не будешь говорить моё имя.

— О чём ты говоришь, Фейра? — отец уставился на меня с конца стола.

Взгляд Элейн метался между нами, она заёрзала на своём стуле.

Но Нэста смотрела мне в глаза. Непокосимо.

— Думаю, в Прифиане происходит что-то очень плохое, — тихо сказала я.

Я не знаю, какие тревожные знаки Тамлин вплёл в наложенные на них чары, чтобы подтолкнуть мою семью бежать, но я не собиралась рисковать, полагаясь только на магию. Ни когда Клэр похищена, её семья убита... из-за меня. Желчь подкатила к горлу.

— Прифиан! — выпалили разом отец и Элейн.

Но Нэста подняла руку, призывая их замолчать.

Я продолжила:

— Если не уедете, тогда наймите охрану — наймите разведчиков, чтобы они следили за

стенной, за лесом. И за деревней тоже, — я поднялась из-за стола. — С первым признаком опасности, с первой сплетней о брешу в стене или даже о чём-то *странном*, и вы сядете на корабль и уплывёте. Вы уплывёте как можно южнее, туда, где фэйри до вас не доберутся.

Отец и Элейн заморгали, словно прогоняя туман, застилающий их умы — словно пробуждаясь из глубокого сна. Но Нэста следовала за мной, вверх по лестнице.

— Беддоры, — сказала она. — Это должны были быть мы. Но для тех злобных фэйри, угрожающих твоему Высшему Лорду, ты представилась чужим именем.

Я кивнула. Я видела, как в её глаза просчитывались планы.

— Будет вторжение?

— Я не знаю. Я не знаю, что происходит. Мне рассказали о своеобразной болезни, из-за которой их силы или слабеют, или действуют непредсказуемо, эта хворь повредила целостность их границ и, если она ударит достаточно сильно, она может убить людей. Они — они сказали, что болезнь вспыхнула с новой силой... и она движется. Последнее, что я слышала — она довольно далеко, чтобы повредить наши земли. Но если Весенний Двор вот-вот падёт, значит, болезнь уже близко, и Тамлин... Тамлин — один из последних бастионов, удерживающих другие дворы в узде — смертоносные Дворы. И я думаю — он в опасности.

Ворвавшись в свою комнату, я начала стаскивать платье. Сестра помогла мне и, открыв гардероб, вытащила плотную тунику, брюки и сапоги. Мгновенно вскочив в них, я заплетала волосы, когда Нэста заговорила:

— Здесь мы не нуждаемся в тебе, Фейра. Не оглядывайся назад.

Поправив сапоги, я направилась к охотничьим ножам, которые недавно приобрела втайне.

— Однажды отец сказал тебе никогда не возвращаться, — сказала Нэста. — Теперь я говорю тебе то же самое. Мы можем о себе позаботиться.

Раньше я могла бы посчитать такие слова оскорблением, но теперь я поняла — поняла, какой дар она мне преподносит. Я прикрепила ножи на боку и перебросила колчан со стрелами за спину — ни одной ясеновой — прежде чем схватить лук.

— Они *могут* лгать, — я надеялась, что эта информация ей никогда не понадобится. — Фэйри могут лгать и железо не причиняет им никакого вреда. Но яшень — похоже, он действует. Возьми мои деньги и купи чёртову роццу для Элейн, пусть ухаживает.

Нэста покачала головой, сжимая запястье, где всё ещё был железный браслет.

— Полагаешь, ты хоть чем-то сможешь ему помочь? Он Высший Лорд, а ты всего лишь человек.

Не оскорбление. Вопрос холодного расчётливого разума.

— Мне плевать, — призналась я, распахнув дверь. — Но я должна попытаться.

Нэста осталась в моей комнате. Она не будет прощаться — она ненавидит прощания так же сильно, как и я.

Но я обернулась к сестре:

— Лучший мир существует, Нэста. Лучший мир там и он ждёт тебя. И если мне когда-нибудь выпадет шанс, если всё изменится в хорошую сторону и будет безопасно... Я снова найду тебя.

Это всё, что я могла ей предложить.

Но Нэста гордо расправила плечи.

— Не беспокойся. Не думаю, что буду в восторге от фэйри.

Я выгнула бровь. Слегка пожав плечами, она продолжила:

— Попробуй послать пару слов, когда будет безопасно. И если когда-нибудь так и будет... это место могут занять отец и Элейн. Думаю, я хотела бы посмотреть, что ещё есть в мире, и что может сделать девушка с хорошим именем и состоянием.

Безгранично много — подумала я. Нет никаких ограничений ни для действий Нэсты, ни для того, что она может сделать из себя, когда найдёт место, которое захочет звать своим. Я молилась, чтобы однажды мне повезло это увидеть своими глазами.

К моему удивлению, когда я сбежала вниз по лестнице, Элейн уже подготовила лошадь, ранец с едой и припасы. Отца нигде не было видно. Но Элейн обняла меня, крепко сжимая, и сказала:

— Я помню — теперь я всё помню.

Я обняла её в ответ.

— Береги себя. Все вы.

Она кивнула со слезами на глазах.

— Я бы хотела увидеть континент вместе с тобой, Фейра.

Я улыбнулась сестре, запоминая черты её прекрасного лица, и вытерла её слёзы.

— Возможно, когда-нибудь, — ещё одно обещание, которое я была бы счастлива сдержать.

Я пришпорила лошадь, пустив её галопом вниз по дороге, а Элейн продолжала плакать. Времени на ещё одно прощание с отцом у меня не осталось.

Весь день я была в пути и остановилась только с темнотой, когда уже едва могла что-то разглядеть. На север — вот, куда я направляюсь и не остановлюсь, пока не упрусь в стену. Я должна вернуться — должна узнать, что случилось, должна сказать Тамлину о чувствах в моём сердце, пока не стало слишком поздно.

Второй день я тоже полностью провела в дороге, беспокойно спала урывками и снова отправилась в путь ещё до рассвета.

Всё дальше и дальше в летний лес — пышный, густой и жужжащий.

До тех пор, пока не обрушилась абсолютная тишина. Я замедлила лошадь до осторожного шага и вглядывалась в ветки и деревья впереди в поисках какого-нибудь знака или ряби. Ничего не было. Ничего, но затем...

Лошадь взбрыкнула и мотнула головой, а я едва удержалась в седле, когда она отказалась идти дальше. Но, тем не менее, ничего вокруг — никаких отличий. Но, спешившись, я едва дышала, протянув руку вперёд — и я обнаружила, что дальше пройти не смогу.

Здесь, рассекая лес, и находилась невидимая стена.

Но фэйри приходят и уходят через неё — через бреши, как утверждают слухи. Поэтому я развернула лошадь и пошла вдоль стены, как можно чаще к ней прикасаясь, чтобы убедиться, что она не сворачивает в сторону.

У меня ушло два дня — и ночь между ними более пугающая, чем самые страшные ночи, пережитые в Весеннем Дворе. Два дня, прежде чем я обнаружила поросшие мхом камни, размещённые друг напротив друга, и с едва заметными выгравированными на них узорами. Ворота.

На этот раз, когда я направила лошадь ровно между камней, она послушалась.

В нос ударил сильный аромат магии, нарастающий до тех пор, пока лошадь снова не дёрнулась, но мы прошли до конца.

Я узнала эти деревья.

Я ехала в тишине, со стрелой наготове, здесь гораздо больше ощущалась витающая угроза, нежели в том лесу, который я только что покинула.

Тамлин будет в ярости — он может приказать мне развернуться и возвращаться домой. Но я скажу ему, что собираюсь помочь, скажу, что люблю его и буду бороться за него всеми силами, скажу, даже если его придётся связать, чтобы заставить выслушать.

Я так увлеклась размышлениями, как буду убеждать Тамлина не рычать на меня, что не сразу заметила тишину — как смолкли птицы, хоть я всё ближе подъезжала к поместью, и как нуждались в руках садовников живые изгороди.

У меня во рту пересохло, когда я оказалась у ворот. Они были открыты, но железо выгнуто так, словно его вывернули могучими руками.

Шаги лошади по дорожке гравия казались слишком громкими, а желудок сжался, едва я заметила распахнутые парадные двери. Одна из створок покосилась, сорванная с петель.

Я спешила, продолжая удерживать стрелу наготове. Но в этом не было никакой необходимости. Пусто — здесь царила абсолютная пустота. Как в гробнице.

— Тэм? — позвала я.

Я вспорхнула по ступенькам и ринулась в дом. Я бросилась внутрь и ругнулась, поскользнувшись на кусочке битого фарфора — жалкие остатки ваз. Медленно, я обернулась в коридоре.

Здесь будто армия промаршировала. От гобеленов остались только клочья, мраморные перила разрушены, а на полу разбитые люстры в окружении россыпей осколков кристаллов.

— Тамлин? — крикнула я.

Ничего.

Все окна выбиты.

— Люсьен?

Никто не отозвался.

— Тэм? — дразнящее эхо подхватило мой голос и разнесло в каждый угол дома.

Одна в разрушенном поместье, я упала на колени.

Его нет.

Глава 32

Я дала себе минуту — всего одну минуту — постоять на коленях в разбитом холле.

Затем я осторожно поднялась на ноги, стараясь не задеть ни одного кусочка битого стекла, деревянных щепок и... крови. Её брызги были повсюду, как и маленькие лужицы, как и кровавые мазки, что тянулись вниз по повреждённым стенам.

Ещё один лес — убеждала себя я. Ещё один запутанный клубок следов.

Не торопясь, я шла вперёд, тщательно вглядываясь в оставленную следами информацию. Бой был ужасным — кровь и большинство разрушений в доме случились в процессе битвы, а не после. Битое стекло и следы приходили и уходили со всех сторон дома, как если бы поместье окружили. Захватчикам было необходимо пробиться через парадные двери; а двери в сад они полностью разнесли в щепки.

Тел нет — снова и снова в мыслях повторяла я. Здесь нет тел и не настолько много крови. Они должны быть живы. Тамлин *должен* быть жив.

Ведь если он мёртв...

Судорожно вдохнув, я потёрла лицо руками. Я не позволяла себе допускать подобных мыслей и впадать в отчаяние. Когда я остановилась у дверей в столовую, едва державшихся на вывернутых петлях, у меня дрожали руки.

Я не смогла определить, остались ли эти разрушения от вспышки Тамлина из-за визита Рисанда за день до моего отъезда, или причиной был кто-то другой. Огромный стол раскрошен на части, окна разбиты, шторы в клочья. Но ни капли крови — здесь крови не было. А по отпечаткам на осколках стекла...

Я изучала следы на полу. Они были нарушены, но я смогла разобрать две пары — большие и рядом друг с другом — они вели от того места, где должен был быть стол. Как если бы Тамлин и Люсьен сидели здесь, когда произошло нападение, и вышли без боя.

Если я права... тогда они живы. По следам я дошла к двери, на мгновение присев на корточки, чтобы разобраться в месиве осколков грязи и крови. Здесь их следы встретились с многочисленными отпечатками. И направились в сад...

Дальше по коридору хрустнули осколки. Выхватив охотничий нож, я нырнула обратно в столовую и оглянулась в поисках укромного места. Но всё было разнесено на куски. За неимением другого выбора, я притаилась за открытой дверью. Чтобы не дышать слишком громко, я закрыла ладонью рот и выглянула в щель между дверью и стеной.

Хромая, кто-то зашёл в комнату и принюхался. Я могла видеть только его спину — облачённый в простой плащ, среднего роста... Чтобы найти меня, ему потребуется всего-то закрыть дверь. Возможно, если он пройдёт дальше в столовую, я смогу выскользнуть — но для этого мне потребуется выйти из своего укрытия. Может, он просто осмотрится и сразу уйдёт.

Фигура в плаще снова принюхалась, а у меня сжался желудок. Он может учуять мой запах. Я осмелилась лучше присмотреться к нему, надеясь обнаружить слабое место, место для удара ножом, если до этого дойдёт.

Фигура немного повернулась в мою сторону.

Фигура взвизгнула, когда я с криком оттолкнула дверь.

— *Элис.*

Она уставилась на меня, прижав руку к сердцу. Её привычное коричневое платье в грязи и рваное, от фартука совсем ничего не осталось. Тем не менее, крови на ней видно не было — она только слегка прихрамывала на правую ногу, бросившись ко мне. Её древесная кожа побледнела, словно берёзовая кора.

— Тебе нельзя быть здесь, — её взгляд скользнул по моему ножу, луку и колчану. — Тебе приказали держаться подальше.

— Он жив?

— Да, но...

От свалившегося облегчения подгибались колени.

— А Люсьен?

— Тоже живой. Но...

— Расскажи мне, что произошло — Расскажи мне *всё*, — я следила за окном, прислушиваясь к поместью и территории вокруг нас. Ни звука.

Элис схватила меня за руку и вывела из комнаты. Она молчала, спешно преодолевая пустые, слишком тихие коридоры — все разрушенные, в крови, но... никаких тел. Или их убрали, или... мы зашли на кухню, и я не позволила себе обдумывать это дальше.

Пожар выжег всё в этой гигантской комнате, здесь едва ли было что-то кроме золы и почерневшего камня. Принюхавшись и прислушавшись к любым признакам опасности, Элис отпустила меня.

— Что ты здесь делаешь?

— Я должна была вернуться. Я подумала, что что-то пошло не так — и я не смогла остаться в стороне. Я должна была помочь.

— Он сказал тебе не возвращаться, — огрызнулась Элис.

— Где он?

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Элис закрыла лицо длинными, костлявыми руками, ухватившись кончиками пальцев за верхний край маски, она будто пыталась сорвать её с лица. Но маска не поддавалась. Элис со вздохом опустила руки, кожа которых была так похожа на древесную кору.

— Она забрала его, — сказала он, и моя кровь заледенела. — Она забрала его в свой Двор в Подгорье.

— Кто? — но я уже знала ответ.

— Амаранта, — прошептала Элис и снова оглянулась вокруг, будто опасаясь, что одно её имя может призвать её.

— Зачем? И кто она — *что* она такое? Пожалуйста, *прошу*, просто расскажи мне — просто скажи правду.

Элис вздрогнула.

— Хочешь правды, девочка? Так вот она: она забрала его из-за проклятия — потому что прошло семь раз по семь лет, а он так и не разрушил проклятье. И в этот раз она созвала всех Высших Лордов, чтобы заставить их смотреть, как она ломает его.

— Что она... *ч-что* за проклятье? — проклятье... проклятье, которое *она* наложила на это место. Проклятье, которое я даже не смогла увидеть.

— Амаранта — Высшая Королева этих земель. Высшая Королева Прифиана, — выдохнула Элис, в её широко раскрытых глазах плескались воспоминания ужаса.

— Но ведь в Прифиане равно правят семь Высших Лордов. Нет никакой Высшей Королевы.

— Так было раньше — так всегда было. До тех пор, пока сто лет назад она не появилась в этих землях как эмиссар из Хайберна, — Элис схватила большой рюкзак, который она, должно быть, оставила у двери. Он уже был наполовину заполнен чем-то похожим на одежду и запасы.

Пока она исследовала разорённую кухню, собирая ножи и любую сохранившуюся пищу, я размышляла над информацией, которую узнала от Суриэля. О злом короле фэйри, веками ненавидящим Договор, который ему пришлось подписать, о том короле, кто отправил своих опаснейших и беспощадных командиров проникнуть в другие Королевства и Дворы фэйри, чтобы узнать, чувствуют ли они то же что и он — чтобы узнать, есть ли у них мысли отобрать территории людей для себя. Я прислонилась к одной из прокопченных стен.

— Она путешествовала из одного Двора в другой, — продолжила Элис, вертя в руках яблоко, проверяя его, посчитав его пригодным к пище, она бросила его в рюкзак. — Она очаровывала Высших Лордов разговорами о дополнительных торговых договорах между Хайберном и Прифианом, о большем сотрудничестве, о совместном использовании ресурсов. Они звали её Никогда Неувядающим Цветком. И в течение пятидесяти лет она жила здесь как придворная, не принадлежа ни к одному из Дворов, она возмещала убытки,

как она утверждала, за свои действия и действия Хайберна во время Войны.

— На Войне она сражалась против смертных?

Элис отвлеклась от сборов.

— Её история — легенда среди нашей расы — легенда и кошмар. Она была самым смертоносным генералом Короля Хайберна — она всегда сражалась в первых рядах, разрубая на куски людей и любых фэйри и Высших Фэ, посмевавшихся защищать смертных. Но у неё была младшая сестра — Клифия, воевавшая на её стороне, так же жестоко и беспощадно, как и она... пока Клифия не влюбилась в смертного воина. Юриана, — Элис судорожно вздохнула. — Юриан командовал могущественным и огромным человеческим войском, но Клифия всё равно тайно встречалась с ним и любила его с неистовым безумием. Она оказалась слишком ослеплённой, чтобы понять, что Юриан использует её, получая информацию о силах Амаранты. Амаранта подозревала об этом, но не могла убедить Клифию бросить его — и не могла заставить себя убить его, тем самым причинив сестре столько боли, — Элис прищёлкнула языком и начала открывать шкафы, проверяя разорённые остатки. — Амаранта восхищалась пытками и убийствами, и всё же она достаточно любила сестру, чтобы воздержаться от действий.

— И что случилось? — негромко спросила я.

— О, Юриан предал Клифию. После долгих месяцев, что он был её любовником, он получил необходимую информацию, а затем замучил и безжалостно забил, распяв её ясенем, чтобы она не могла пошевелиться, пока он убивал её. Он оставил её останки, чтобы Амаранта нашла их. Говорили, что гнев Амаранты мог бы обрушить сами небеса, если бы Король не приказал ей уйти в отставку. Но они с Юрианом столкнулись позже — и с тех пор Амаранта ненавидит людей с такой яростью, которую ты себе не можешь даже представить.

Элис нашла что-то напоминающее банку варенья и спрятала её в рюкзак.

— После того, как обе стороны приняли Договор, — продолжила Элис, перейдя к проверке ящиков. — Вместо освобождения своих рабов, она всех их зарезала.

Я побледнела.

— Но, спустя столетия, Высшие Лорды поверили ей, когда она рассказывала, что смерть сестры изменила её — особенно, когда она открыла торговые пути между двумя нашими территориями. Высшие Лорды не знали и не догадывались, что на тех же кораблях, что доставляли товары из Хайберна, прибывали личные войска Амаранты. Впрочем, как и не знал Король Хайберна. Но все мы вскоре узнали, что за пятьдесят лет, проведённых здесь, она решила, что хочет поработить Прифиан для себя, чтобы начать накапливать силы и использовать наши земли в качестве стартовой площадки, чтобы в один распрекрасный день уничтожить ваш мир раз и навсегда. С благословением её Короля или без. Итак, сорок девять лет назад, она атаковала. Она знала — знала, что даже с личной армией, она не сможет одолеть семёрку Высших Лордов ни численностью, ни силой. Но, вдобавок, она оказалась хитра и коварна. Она дождалась, пока они не начали доверять ей абсолютно, пока они не собрались на бал в её честь. И в ту ночь она подлила им в вино зелье, рецепт которого она украла из проклятой книги заклинаний Короля Хайберна. Как только Высшие Лорды выпили, они пали, их магия обнажилась — и она украла их силы, исходящие из их тел — она забрала их с лёгкостью, будто срывая яблоки с ветвей, она оставила им только основу их магии. Твой Тамлин — то, что ты здесь видела, это всего лишь тень того, кем он был и каким могуществом обладал. И когда от сил Высших Лордов осталось так мало, Амаранта без труда взяла власть в Прифиане за считанные дни. Мы были её рабами на протяжении

сорока девяти лет. Сорок девять лет она выжидала подходящий момент, чтобы разорвать Договор и захватить ваши земли — и все территории смертных за ними.

Я жалела, что рядом нет ни табурета, ни скамьи, ни стула, куда бы я могла упасть. Элис захлопнула последний ящик и, хромая, направилась к кладовой.

— Теперь они зовут её Обманщица — та, кто поработила семь Высших Лордов и построила свой дворец в недрах священной Горы в самом сердце наших земель, — Элис замерла перед дверью в кладовую и снова закрыла лицо руками, сделав несколько успокаивающих вдохов.

Священная гора — тот громадный пик среди снежной гряды, неприкрытый снегом и лишённый жизни, что я заметила на фреске в кабинете несколько месяцев назад.

— Но... болезнь в этих землях... Тамлин говорил, что их силы отняла болезнь...

— *Она* — болезнь этих земель, — перебила Элис, опустив руки и войдя в кладовую. — Нет никакой болезни, кроме неё. Границы рухнули только потому, что она их разрушила. Ей показалось забавным отправлять своих существ атаковать нашу территорию, чтобы проверить, сколько ещё сил осталось у Тамлина.

Если болезнь — Амаранта, тогда угроза миру людей... *Она* и есть угроза миру людей.

Элис вернулась из кладовой с охапкой овощей.

— Ты могла бы быть той, кто остановит её, — она бросила на меня тяжёлый взгляд и оскалила зубы. Они были пугающе острыми. Она затолкала репу и свеклу в рюкзак. — Ты могла бы быть той, кто освободит его и его силы, если бы ты не была так слепа к собственному сердцу. Люди, — последнее слово она будто выплюнула.

— Я... я... — я подняла руки раскрытыми ладонями к ней. — Я не знала.

— Ты и не могла знать, — Элис горько усмехнулась, снова скрывшись в кладовой. — Это была часть проклятья Тамлина.

Голова кружилась и я сильнее прижалась к стене.

— В чём... — я подавила дрожь в голосе. — В чём заключалось его проклятье? Что она с ним сделала?

Элис опустошала полку с банками специй в кладовой.

— Тамлин и Амаранта были знакомы до этого — его семья издавна связана с Хайберном. Во время Войны, Весенний Двор объединился с Хайберном, чтобы удержать людей в рабстве. Поэтому его отец... его отец, который был переменчивым и норовистым Лордом — был очень близок с Королём Хайберна, с Амарантой. Будучи ребёнком, Тамлин часто сопровождал его в визитах в Хайберн. Там он и встретил Амаранту.

Однажды Тамлин сказал мне, что он готов сражаться ради *защиты* чьей-либо свободы — что он никогда не допустит рабства. Было ли это исключительно из-за стыда за своё наследие, или потому что ему... ему пришлось испытать на себе — каково это, быть в рабстве?

— Со временем, Амаранта захотела Тамлина — она желала его всем своим порочным сердцем. Но он слышал множество историй о Войне и знал что Амаранта, его отец и Король Хайберна делали с фэйри и людьми. И он знал, что Амаранта сделала с Юрианом в качестве наказания за смерть сестры. Когда она прибыла сюда, он был осторожен с ней и, несмотря на все её попытки заманить его в постель, он держал дистанцию, вплоть до того, как она украла его могущество. Люсьен... Тамлин отправил к ней Люсьена в качестве эмиссара, чтобы попытаться договориться о мире между ними.

К горлу подступила жёлчь.

— Она отказалась и... Люсьен сказал ей катиться обратно в задницу, из которой она выползла. В наказание она забрала его глаз. Она вырвала его собственными ногтями, затем оставив шрам на его лице. Она прислала его назад таким окровавленным, что Тамлин... Высшего Лорда вырвало, когда он увидел своего друга.

Я не смогла представить, в каком состоянии был Люсьен, если Тамлина затошнило при его виде.

Элис постучала по своей маске, металл зазвенел под её ногтями.

— После этого, она организовала маскарад в Подгорье. Там присутствовали все Дворы. Она уверяла, что этим праздником хочет загладить свою вину за то, что сделала с Люсьеном, а маскарад специально для того, чтобы ему не пришлось показываться с изуродовавшим лицо шрамом. Весь Весенний Двор обязан был принять участие в маскараде, даже прислуга, и все в масках в честь способности Тамлина менять форму, как она сказала. Он хотел уладить конфликт без бойни, и потому согласился пойти — и привести всех нас.

Я прижала руки к стене за спиной, наслаждаясь её прохладой, её устойчивостью.

Элис остановилась посреди кухни и поставила на пол свой рюкзак, теперь полный пищи и запасов.

— Когда все собрались, она заявила, что мир возможен — если Тамлин присоединится к ней как её супруг и любовник. Но когда она попыталась прикоснуться к нему, он не подпустил её к себе. Не после того, что она сделала с Люсьеном. И, перед всеми собравшимися в ту ночь, он ответил, что он скорее ляжет в постель с человеком, что лучше он *женится* на человеке, чем хотя бы прикоснётся к ней. И она могла бы не придавать значения его словам, не реагировать, если бы потом он не добавил, что даже её собственная сестра предпочла ей человеческую компанию, что её сестра выбрала Юриана, а не её.

Я вздрогнула, уже догадываясь, что скажет Элис, уперев руки в бока и продолжив:

— Можешь себе представить, как такое восприняла Амаранта. Но она сказала Тамлину, что она в благодушном настроении — сказала, что даст ему шанс разрушить проклятье, отнявшее его силы. Он плюнул ей в лицо, а она рассмеялась. Она сказала, что у него есть семь раз по семь лет, прежде чем она потребует его, прежде чем он будет *обязан* присоединиться к ней в Подгорье. Если он хочет разрушить проклятье, то он должен найти человеческую девушку, пожелавшую выйти за него замуж. Но не любую девушку, а смертную с ледяным сердцем, полным ненависти к нашему виду. Человеческую девушку, которая убьёт фэйри.

Земля под ногами пошатнулась и я порадовалась, что оперлась на стену.

— Хуже того, фэйри, которого она убьёт, должен быть одним из *его* людей, которого он отправит за стену как барашка на забой. И он сможет привести сюда эту девушку, только если убийство его подданного будет неспровоцированным — она должна убить его из чистой ненависти, так же, как Юриан поступил с Клифией... Так, чтобы он понял боль её сестры.

— Договор...

— Это всё было ложью. Ничего подобного в Договоре не предусмотрено. Ты можешь убивать столько невинных фэйри, сколько пожелаешь, и никогда не столкнёшься с последствиями. Ты просто убила Андрэса, которого Тамлин отправил в тот день за стену как жертву.

Тамлин говорил, что *Андрэс искал лекарство*. Но не для какой-то магической болезни, а лекарство для спасения Прифиана от Амаранты, исцеление от её проклятья.

Волк — Андрэс ведь просто... смотрел на меня, пока я не пустила стрелу. Он *позволил* мне убить себя. Таким образом, он запустил цепь событий, и у Тамлина появился шанс разрушить магию Амаранты. И если Тамлин посылал Андрэса за стену, зная, что тому наверняка придётся умереть... *Ох, Тамлин.*

Элис наклонилась подобрать нож для масла — покорёженный и согнутый, она аккуратно выпрямила лезвие.

— Для Амаранты это всё было жестокой шуткой, остроумным наказанием. Вы, люди, настолько сильно ненавидите и боитесь фэйри, что это было бы невозможным — невозможным, чтобы девушка, хладнокровно убившая фэйри, после влюбилась в одного из них. Но заклятье на Тамлине можно было разрушить, только если бы это произошло до истечения срока в сорок девять лет — если бы та девушка призналась ему в лицо, что любит его, и если бы это было чистой правдой от всего её сердца. Амаранта знает, что людей может подкупить и заморозить красота, и, поэтому, она приклеила маски к нашим лицам, к его лицу, чтобы ему было ещё сложнее найти девушку, которая захочет заглянуть под маску, за его природу фэйри, которая захочет увидеть его душу. Затем она сделала так, чтобы мы ни словом не могли обмолвиться о проклятии. Ни единым словом. Мы едва могли рассказывать тебе о нашем мире, о нашей судьбе. Он не мог тебе сказать — никто из нас не мог. Ложь о болезни — лучшее, что он смог сделать, что все мы могли сделать. То, что теперь я могу всё тебе рассказать... это означает, что для неё игра окончена, — она спрятала нож. — Когда она только прокляла его, Тамлин каждый день посылал одного из своих людей за стену. В леса, на фермы, все обращённые в волков, чтобы одной из вашего вида было проще захотеть убить их. Если они возвращались, то с историями о человеческих девушках, с криками и мольбами бросавшихся прочь, которые даже для удара не замахивались. Когда они не возвращались — их связь с Тамлином как с их Лордом и хозяином говорила ему, что их убил кто-то другой. Человеческие охотники или, возможно, пожилые женщины. День за днём, в течение двух лет, он выбирал тех, кто отправится за стену. Когда их осталось не больше десятка, это сломало Тамлина и он остановился. Он отозвал всех обратно. И с тех пор Тамлин остался здесь, защищая свои границы, в то время как в других Дворах правили хаос и беспорядок под влиянием Амаранты. Другие Высшие Лорды тоже сопротивлялись. Сорок лет назад она казнила троих и большую часть их семей за то, что они объединились против неё.

— Открытое восстание? В каких Дворах? — я выпрямилась, шагнув в сторону от стены. Может, я смогу найти союзников среди них, которые помогут мне спасти Тамлина.

— В Дневном, Летнем и Зимнем Дворах. И нет — это не было даже отдалённо похоже на открытое восстание. Она использовала силы Высших Лордов, чтобы привязать нас к земле. Поэтому мятежные Лорды пытались позвать на помощь Фэ с других территорий, используя как посланников любых людей, которым хватало глупости прийти на наши земли — в большинстве это были молоденькие девушки, которые поклонялись нам словно богам.

Дети Благословенных. Они действительно пересекали стену — но так и не стали невестами. Меня слишком потрясло услышанное, чтобы скорбеть по ним или злиться.

— Но Амаранта поймала всех их ещё до того, как они покинули наши берега, и... думаю, ты представляешь, чем всё закончилось для тех девушек. После, когда Амаранта разделалась и с взбунтовавшими Лордами, их наследники были слишком напуганы, чтобы снова испытывать её гнев и терпение.

— Где они сейчас? Им тоже позволено жить на своих территориях, как Тамлину?

— Нет. Она держит их и все их Дворы в Подгорье, где она может мучить их, когда и как ей угодно. Другие — другие, если они присягают ей в верности, если они пресмыкаются перед ней и согласны служить, им она позволяет немного больше свободы, они могут приходить и уходить из Подгорья, когда захотят. Наш Двор мог оставаться здесь только на время проклятья Тамлина, но... — Элис поёжилась.

— Вот почему ты прячешь своих племянников — чтобы держать их подальше от всего этого, — произнесла я, глядя на полный рюкзак у её ног.

Элис кивнула. Она подошла к опрокинутому столу, чтобы поднять его, я взялась помочь ей и мы обе закричали от тяжести.

— Мы с сестрой прислуживали в Летнем Дворе — она и её супруг были среди тех, кого Амаранта убила для устрашения при первом вторжении. Я забрала мальчиков и сбежала прежде, чем Амаранта забрала всех в Подгорье. Я пришла сюда, потому что бежать больше было некуда, и попросила Тамлина спрятать моих мальчиков. Он спрятал — а когда я взмолилась позволить мне помочь, хоть немного, хоть чем-нибудь, он дал мне должность здесь. Это было за несколько дней до маскарада, после которого эта проклятая маска въелась в моё лицо. И так я пробыла здесь почти пятьдесят лет, наблюдая, как затягивается удавка Амаранты у него на шее.

Вернув стол в нормальное положение, мы обе завалились на него, с трудом дыша.

— Он пытался, — продолжила Элис. — Несмотря на её шпионов, он пытался найти способ избавиться от проклятья, хоть как-то ослабить его, пытался сделать хоть что-то, только бы не отправлять больше своих людей за стену на убой к людям. Он считал, что если человеческая девушка действительно полюбит его, то привести её сюда ради своего спасения — ещё одна форма рабства. И он думал, что если на самом деле влюбится в неё, то Амаранта сделает что угодно, лишь бы её уничтожить так же, как уничтожили её сестру. Он десятилетиями отказывался попробовать снова, он не хотел даже рискнуть. Но этой зимой, за несколько последних месяцев до истечения срока, он просто... в нём будто что-то щёлкнуло. Он посылал своих оставшихся людей, одного за другим. И они были готовы идти — все эти годы они умоляли его отправить их за стену. Тамлин отчаянно хотел спасти свой народ, достаточно отчаянно, чтобы рисковать жизнями своих людей, чтобы рискнуть жизнью той девушки, только бы спасти нас. Спустя три дня, Андрэс столкнулся на поляне с человеческой девушкой — и ты убила его с ненавистью в сердце.

Но я подвела их. И, тем самым, я прокляла их всех.

Я прокляла всех и каждого в этом поместье, я прокляла сам Прифиан.

Я порадовалась, что опираюсь на край стола — иначе я бы осела на пол.

— Ты могла разрушить его, — зарычала Элис, острые зубы щёлкнули в паре дюймов от моего лица. — Всё, что тебе нужно было сделать — сказать, что ты любишь его — любишь его всем своим бестолковым человеческим сердцем, и его силы освободились бы. Ты глупая, глупая девчонка.

Не удивительно, что Люсьена раздражало моё присутствие, и всё же он терпел меня — и не удивительно, почему он был так горько разочарован, когда я уходила, а он спорил с Тамлином, пытаясь убедить его позволить мне немного задержаться.

— Мне жаль, — в глазах жгло.

Элис фыркнула.

— Расскажи об этом Тамлину. После твоего отъезда, у него осталось всего три дня до истечения сорокадевятiletнего срока. *Три дня*, а он отпустил тебя. Ровно в тот самый

момент, когда прошло семь раз по семь лет, она появилась здесь со своими дружками и захватила его вместе с большей частью Двора. Она забрала их в Подгорье, чтобы они стали её подданными. Существа вроде меня слишком *мелкие и неприметные* для неё, но это не мешает ей убивать нас из спортивного интереса.

Я пыталась не представлять себе этого.

— Но что насчет Короля Хайберна? Если она подмяла Прифиан под себя и похитила его заклинания, то кого он в ней видит — вышедшего из-под контроля генерала или союзника?

— Даже если они и в плохих отношениях, он не предпринял никаких шагов, чтобы обуздать или покарать её. За сорок девять лет она крепко вцепилась в эти земли. Хуже того, после падения Высших Лордов, все самые жуткие и ужасные создания наших земель — те, что слишком отвратительны и кошмарны даже для Ночного Двора — примкнули к ней. И тянутся к ней до сих пор. Она предложила им убежище. Но мы знаем — знаем, что она собирает армию и вооружает самых смертоносных и озлобленных фэйри Прифиана и Хайберна, и ждёт момента для нападения на ваши территории.

— Армия из таких, как Аттор, — произнесла я, желудок сжался от ужаса и страха.

Элис кивнула.

— В человеческих владениях, — сказала я. — Ходят слухи, что всё больше и больше фэйри проникают сквозь стену и нападают на людей. И если ни один фэйри не имеет права пересекать стену без её разрешения, тогда это означает, что она разрешила все эти нападения.

И если я права насчет произошедшего с Клэр Беддор и её семьёй, значит, это тоже был приказ Амаранты.

Элис отскребла какой-то невидимый для меня кусочек грязи со стола, на который мы опирались.

— Я не удивлюсь, если она посылает своих приспешников на земли смертных, чтобы изучить ваши сильные и слабые стороны в предвкушении разрушений, с которыми она однажды собирается ударить.

Всё хуже — намного хуже, чем я думала раньше, когда предупреждала Нэсту и семью, говоря им оставаться настороже и бежать при малейших признаках опасности. Меня тошнило от мысли о том, где сейчас Тамлин и в какой компании — тошнило при мысли о том, в каком он отчаянии, как он разбит виной и горечью за то, что был вынужден жертвовать своими патрульными, и о том, что он не мог мне рассказать... И он отпустил меня. Он позволил всем их жертвам, позволил жертве Андреса пропасть впустую.

Он знал — если я останусь, даже если я освобожу его, риск навлечь на себя гнев Амаранты будет слишком велик.

«Я даже себя не могу защитить от них, от происходящего в Прифиане... Даже если мы выстоим против болезни... они выследят тебя — она найдёт способ убить тебя».

Я вспомнила его жалкие усилия обольстить меня после моего появления здесь — а после он сдался, махнув рукой на все попытки завоевать меня, когда я выглядела настолько отчаянной, что была готова сбежать и никогда с ним не разговаривать. Но, несмотря на всё это, он влюбился в меня — и знал, что я тоже полюбила его, и он дал мне уйти с несколькими днями в запасе. Он поставил меня выше всего своего Двора, выше всего Прифиана.

— Если бы Тамлин был свободен — если бы у него были все его силы, — заговорила я, уставившись на почерневший кусок стены. — Он смог бы уничтожить Амаранту?

— Я не знаю. Она подловила Высших Лордов коварством, не силой. Магия — вещь специфическая — она похожа на правила, а их Амаранта подтасовывает слишком умело. Она держит все их силы запертыми внутри себя, будто она не может использовать их или, по крайней мере, ей доступна очень малая часть от их могущества. Но у неё есть и свои убийственные способности, так что, если дойдёт до боя...

— Но он сильнее? — я начала заламывать руки.

— Он Высший Лорд, — Элис сказала это так, словно это должно было всё объяснить. — Но теперь ничего из этого не имеет значения. Теперь он будет её рабом, а мы все будем носить эти маски до тех пор, пока он не согласится стать её любовником — но даже тогда он не вернёт свои силы полностью. А она никогда не позволит никому покинуть Подгорье.

Я оттолкнулась от стола и расправила плечи.

— Как мне добраться в Подгорье?

Она прищёлкнула языком.

— Ты не можешь пойти в Подгорье. Ни один человек, спустившийся туда, никогда больше не возвращался.

Я сжала кулаки так сильно, что ногти врезались в кожу.

— Как. Мне. Туда. Добраться.

— Это самоубийство — она убьёт тебя, даже если ты подберёшься достаточно близко, чтобы увидеть её.

Амаранта обманула его — она причинила ему столько боли. Она всем им причинила столько боли.

— Ты человек, — Элис тоже выпрямилась. — Твоя кожа не толще бумаги.

Наверняка Амаранта забрала и Люсьена — она вырвала его глаз и оставила шрамы. Скорбит ли по нему его мать?

— Ты была слишком слепа и не разглядела проклятья Тамлина, — продолжила Элис. — Чего ты хочешь добиться встречей с Амарантой? Ты сделаешь только хуже.

Амаранта забрала всё, что я хотела, всё, что я наконец-то осмелилась пожелать.

— Покажи мне дорогу, — мой голос дрожал, но не от слёз.

— Нет, — Элис забросила рюкзак на плечо. — Иди домой. Я проведу тебя до стены. Уже ничего нельзя исправить. Тамлин навечно останется её рабом, а Прифиан останется в её власти. Так распорядилась Судьба, так решили Вихри Котла.

— Я не верю ни в Судьбу, ни в какой-то нелепый *Котёл*.

Она снова покачала головой, в тусклом свете на её растрёпанных каштановых волосах виднелась грязь.

— Отведи меня к ней, — настаивала я.

Если Амаранта вырвет мне глотку, я умру хотя бы зная, что пыталась сделать что-то для него — по крайней мере, я умру, пытаюсь исправить ужас, который не смогла предотвратить, пытаюсь спасти тех, кого я любила. Пусть Тамлин хотя бы будет знать, что это для него, что я любила его.

Несколько мгновений Элис пристально изучала меня, затем её взгляд смягчился.

— Как пожелаешь.

Глава 33

Может, я и собираюсь на верную смерть, но не безоружной.

Я затянула ремень колчана на груди, пробежалась пальцами по перьям стрел,

выглядывающих из-за плеча. Естественно, ни одной ясеновой. Но я обойдусь и тем, что разбросано по разбитому поместью. Я могла бы взять больше, но вес оружия замедлит меня, к тому же, я понятия не имею, как пользоваться большинством этих находок. Поэтому за спиной у меня полный колчан стрел, на поясе два кинжала и переброшенный через плечо лук. Лучше, чем ничего, даже если я выступаю против фэйри, которые только родившись уже знают, как убивать.

Элис вела меня по безмолвным лесам и подножьям холмов, часто замирая и прислушиваясь, изменяя наш курс. Мне не хотелось знать, что она слышала или чуяла каждый раз перед тем, как свернуть на другой путь, тем более, когда мёртвая тишина и такая пугающая неподвижность окутали земли. «*Оставайся с Высшим Лордом*» — говорил Суриэль. Оставайся с ним, влюбись в него, и все неприятности будут исправлены. Если бы я осталась, если бы призналась в своих чувствах... Ничего из этого не произошло бы.

Мир постепенно охватывала ночь, мои ноги болели и устали взбираться по склонам крутых холмов, но Элис шла вперёд и ни разу не оглянулась на меня и не проверила, успеваю ли я за ней.

Я уже начала задумываться о том, что стоило бы прихватить с собой еды больше, чем на один день, когда Элис остановилась в низине между двумя холмами. Холодно — воздух здесь был гораздо холоднее, чем на вершине холма, и я вздрогнула, заметив узкий вход в пещеру. Это точно не мог быть вход — на фреске Подгорье изображено в центре Прифиана. В нескольких неделях пути отсюда.

— Все тёмные и жуткие дороги ведут в Подгорье, — прошептала Элис тише шелеста листьев. Она указала на пещеру. — Это древний короткий путь. Когда-то он считался священным, теперь больше нет.

Это та пещера, от которой в тот день Люсьен приказывал Аттору держаться подальше. Я пыталась справиться с дрожью. Я люблю Тамлина и я пойду за ним на край земли, чтобы всё исправить, чтобы спасти его, но если Амаранта хуже Аттора... если Аттор далеко не самый худший из её приспешников... если она пугала даже Тамлина...

— Полагаю, прямо сейчас ты жалеешь о своей горячности.

Я выпрямилась.

— Я *освобожу* его.

— Тебе крупно повезёт, если она убьёт тебя быстро. Впрочем, тебе повезёт, если тебя хотя бы отведут к ней, — наверно, я побледнела, раз Элис поджала губы и ободряюще похлопала меня по плечу. — Запомни несколько правил, девочка, — произнесла она и мы обе посмотрели на вход в пещеру. Оттуда словно из пасти вились щупальца тьмы, отравляющие свежий ночной воздух. — Не пей вино — там оно не похоже на то, что было у нас на празднике Солнцестояния, и причинит больше вреда, чем пользы. Ни с кем не заключай сделок, только если от этого не будет зависеть твоя жизнь — но даже тогда хорошенько подумай, стоит ли оно того. И, самое главное: не доверяй ни единой душе там — даже своему Тамлину. Твои чувства — твои главные враги; они только и ждут, как бы тебя предать.

Я отчаянно давила порыв потянуться к одному из кинжалов на поясе, но вместо этого лишь кивнула в благодарность.

— У тебя есть план?

— Нет, — признала я.

— Не жди, что сталь тебе поможет, — она бросила взгляд на моё оружие.

— Я и не жду, — я повернулась к ней, кусая губу.

— Была ещё одна часть проклятья. Часть, которую я не могу тебе рассказать. Даже сейчас у меня выворачивает кости от одного только упоминания о ней. Часть, которую тебе придётся выяснить... самостоятельно; часть, о которой она... она... — Элис тяжело сглотнула. — О которой она всё ещё не хочет, чтобы ты знала, если я до сих пор не могу говорить об этом, — она выдохнула. — Но держи... держи ухо остро, девочка. *Слушай* то, что слышишь.

Я прикоснулась к её руке.

— Обещаю. Спасибо, что привела меня сюда, — за то, что потратила несколько драгоценных часов, когда рюкзак с припасами — для неё, для её мальчиков — ярко говорил о том, куда она собиралась идти.

— О, действительно большая редкость, когда тебя благодарят за то, что ты провёл кого-то на смерть.

Если я слишком долго буду думать о поджидающей опасности, я растеряю всю решимость, не смотря на Тамлина. Элис своими словами не помогает.

— Всё же, я желаю тебе удачи, — добавила она.

— Когда ты встретишься с племянниками, и если вы будете бежать за стену в поисках убежища, идите к дому моей семьи, — я сказала ей, где он находится. — И спроси Нэсту — мою старшую сестру. Она знает, кто вы; всё знает. Она приютит вас и сделает всё, что в её силах.

Нэста так и делает, теперь я это знаю, даже если Элис и её мальчики напугают её. Она спрячет их в безопасности. Элис похлопала меня по руке.

— Выживи, — пожелала она.

Я посмотрела на неё в последний раз, затем на простирившееся над нами ночное небо и на глубокую зелень холмов. Оттенок глаз Тамлина.

Я зашла в пещеру.

Шорох камня под моими сапогами и моё поверхностное дыхание были единственными звуками. Пробираясь сквозь морозную тьму, я медленно двигалась вперёд. Я держалась ближе к стене, и вскоре моя рука онемела от прикосновений к ледящему, влажному камню, покалывающему кожу. Я шла небольшими шажками, опасаясь кувырком свалиться в невидимую пропасть и сломать шею.

Мне казалось, прошла вечность, прежде чем во тьме прорезался тусклый янтарный свет. И я сразу услышала голоса.

Шипящие и рычащие, выразительные и гортанные — они жуткой какофонией взорвали тишину будто фейерверк. Я вжалась в стену пещеры, но звуки прошли мимо и растворились.

Стараясь сморгнуть слепоту после крошечной тьмы, я прокралась к свету и обнаружила его источник: небольшая трещина в горной породе. За ней виднелся грубо высеченный подземный проход, освещённый огнём. Я замерла в тени, в груди бешено колотилось сердце. Трещина в стене была достаточно большой, чтобы через неё мог протиснуться один человек, и ею вряд ли часто пользуются — слишком зубчатая и шероховатая. Бегло взглянув на грязь, я не обнаружила ни следов, ни каких-либо других признаков, говорящих об использовании этого хода. В коридоре было пусто, но он сворачивал, перекрывая мне обзор.

Казалось, в проходе царит гробовая тишина, но я вспомнила предупреждение Элис и не верила своим ушам. Тем более, фэйри могут быть тихими, словно кошки.

Как бы то ни было, я должна покинуть эту пещеру. Тамлин находится здесь уже в течение нескольких недель. Я должна найти, где Амаранта его держит. И, надеюсь, по пути я ни с кем не столкнусь. Одно дело — убивать животных и нагов, но убивать кого-либо другого...

Я сделала несколько глубоких вдохов, успокаивая себя. Это та же самая охота. Только здесь животных заменяют фэйри. Фэйри, которые могут издеваться надо мной бесконечно — издеваться, пока я не буду умолять о смерти. Они могут мучить меня, как замучили того фэйри из Летнего Двора, кому они вырвали крылья.

Я не дала себе времени вспоминать о тех кровотокающих обрубках на его спине, и, втянув живот, протиснулась в тесный ход. Оружие царапало горную породу, и я скривилась от шороха падающих камешков. *Не останавливаться, не останавливаться.* Перебежав по открытому коридору, я сжалась в нише в стене напротив. Толку от неё было не много.

Прокравшись вдоль стены, я остановилась на повороте. Это ошибка — только полный идиот мог заявиться сюда. Я могу находиться где угодно во Дворе Амаранты. Элис должна была дать мне больше информации. Я должна была додуматься сама у неё спросить. Или должна была пораскинуть мозгами и придумать другой вариант — *какой угодно*, кроме этого.

Рискнув выглянуть из-за угла, я почти разрыдалась от отчаяния. Следующий коридор вытесан из бледного горного камня, по обеим сторонам развешаны факелы. Ни одного пятна тени, в котором можно было бы укрыться, а впереди взгляд упирался в резкий поворот. Слишком открытый коридор. Я буду как та голодная олениха, обдирающая кору дерева на поляне.

Но в коридорах царила тишина — голоса, что я слышала, давно стихли. И если я услышу, как кто-то приближается, я могу сбежать обратно в тёмную пещеру. Я могла бы потратить некоторое время на разведку, сбор информации, могла бы узнать точно, где Тамлин...

Нет. Другой возможности может не быть. Я должна действовать *сейчас*. Если я буду бездействовать слишком долго, я никогда больше не соберусь с духом. Я сделала шаг из-за угла.

Длинные, костлявые пальцы вцепились в мою руку и я застыла.

В поле зрения появилось серое, заострённое, кожистое лицо, и его серебристые клыки блеснули в улыбке.

— Ну привет, — прошипел он. — И что же нечто вроде тебя здесь забыло?

Я знала этот голос. Он до сих пор преследовал меня в кошмарах.

И потому всё, что я могла сделать, это не закричать, когда он наострил уши летучей мыши и я поняла, что передо мной Аттор.

Глава 34

Не отпуская ледяной хватки на моём предплечье, Аттор едва ли не поволок меня в тронный зал. На моё оружие он не обратил внимания, не удосужившись забрать его. Мы оба понимали, как мало от него толку.

Тамлин. Элис и её мальчики. Мои сёстры. Люсьен. Я мысленно повторяла их имена снова и снова, пока Аттор демоном злобы возвышался надо мной. Изредка шелестели его

кожистые крылья — и если бы я смогла заговорить и не сорваться на крик, я бы спросила, почему он не убил меня сразу. Аттор просто тащил меня дальше, неторопливой, скользящей походкой — его когтистые лапы лениво царапали пол пещеры. Он выглядел ужасающе похожим на то, как я его запечатлела на холсте.

Плотоядные лица — безжалостные и жестокие — наблюдали за мной, никто из них не был даже отдалённо удивлён или обеспокоен тем, что я была в когтях Аттора. Фэйри — несметное множество фэйри — но среди них я заметила лишь нескольких Высших Фэ.

Мы прошли через древние, громадные двустворчатые каменные двери — они были выше, чем в поместье Тамлина — и вошли в просторный зал, вытесанный из бледной горной породы, в потолок которого упирались бесчисленные резные колонны. Та маленькая часть меня, ставшая вновь незначительной и бесполезной, отметила, что резьба представляет собой не просто витиеватые и богатые орнаменты, а, на самом деле, она изображает фэйри, Высших Фэ и животных в разнообразных окружениях и в моменты действий. На них выгравированы неисчислимые истории Прифиана. Между колонн свисали роскошные люстры из драгоценных камней, оживляя своим светом алый мраморный пол. Здесь — Высшие Фэ были здесь.

Большую часть пространства занимала собравшаяся толпа, некоторые из них танцевали под незнакомую, эксцентричную музыку, другие бродили и болтали — что-то вроде праздника. Мне показалось, что я заметила несколько масок, сверкнувших среди присутствующих, но всё смазалось в водоворот острых зубов и утончённых одежд. Аттор швырнул меня вперёд и мир закружился.

Я больно ударилась о холодный мраморный пол, кости заныли и, показалось, хрустнули. Я привстала на руках, перед глазами мельтешили искры и пятна, но я так и замерла на полу, приподнявшись, когда увидела возвышение передо мной. К нему вели несколько ступенек. Я подняла голову выше.

Там, вольготно устроившись на чёрном троне, была Амаранта.

Привлекательная и прекрасная, но она не была столь разрушительно красива, как я себе представляла, она не была богиней тьмы и зла. И это в ней поражало ещё больше. Её золотисто-рыжие волосы были аккуратно заплетены и увивали золотую корону, глубокий цвет выгодно оттенял белоснежную кожу, которая, в свою очередь, подчёркивала насыщенные рубиновые губы. Но в её чернильно-чёрных глазах сияло... *что-то*, что омрачало её красоту, некая вечная презрительная насмешка, превращающая её красоту и очарование в бесчувственный лёд и неестественность. Я бы сошла с ума, пытаясь её нарисовать.

Верховная главнокомандующая Короля Хайберна. Столетия назад она уничтожала человеческие армии, она убила своих рабов, лишь бы не освободить их. И она захватила Прифиан за считанные дни.

Затем я посмотрела на трон из чёрного камня рядом с ней, и мои руки ослабли, подогнувшись.

На нём по-прежнему была золотая маска, он всё ещё был в одежде воина, в той перевязи — даже несмотря на то, что на ней не было ножей, у него вообще не было оружия. Его глаза не распахнулись; его губы не сжались. Ни когтей, ни клыков. Он просто смотрел на меня, лишённый чувств — неподвижный. Не удивлённый.

— Что это? — голос Амаранты был живым и мелодичным, несмотря на адресованную мне змеиную улыбку.

Её стройную, сливочно-белую шею обвивала тонкая длинная цепочка, а на ней, вместо кулона, одиноко висела старая косточка, размером напоминая палец. Я не хотела думать, чья эта могла быть кость, пока оставалась на полу. Если я сдвину руку, я смогу выхватить кинжал...

— Просто человечиска, которую я нашёл внизу, — прошипел Аттор, между его острыми как лезвия зубами мелькнул раздвоенный язык. Он взмахнул крыльями, обдав меня зловонным воздухом, и аккуратно сложил их за своим костлявым телом.

— Это и так очевидно, — мурлыкнула Амаранта. Я избегала смотреть ей в глаза, сосредоточив всё внимание на коричневых сапогах Тамлина. Он был в трёх метрах от меня — в трёх метрах, и ни сказал ни слова, даже не выглядел шокированным или злым. — Но мне какое дело до неё?

Аттор усмехнулся — звук, похожий на шипящую воду на раскалённой сковороде, и ткнул когтистой ногой мне в бок.

— Расскажи Её Величеству, зачем ты рыскала по катакомбам — зачем ты вылезла из старой пещеры, ведущей к Весеннему Двору.

Что лучше — убить Аттора или попытаться добраться до Амаранты? Аттор снова пнул меня и я поморщилась, когда в рёбра впились когти.

— Расскажи Её Величеству, ты, смертный отброс.

Мне нужно время, мне нужно осмотреться. Если Тамлин под каким-то заклинанием, то мне нужно придумать, как его схватить. Я поднялась на ноги, в обычной позе держа руки недалеко от кинжалов. Я предпочла рассматривать сверкающее золотом платье Амаранты, чем встречаться с ней взглядом.

— Я пришла за тем, кого люблю, — тихо сказала я.

Возможно, проклятье всё ещё можно разрушить. Я снова посмотрела на него, и вид этих изумрудных глаз был бальзамом на душу.

— Неужели? — Амаранта наклонилась вперёд.

— Я пришла за Тамлином, Высшим Лордом Весеннего Двора.

По толпе собравшегося Двора пролетел вздох изумления. Но Амаранта запрокинула голову и расхохоталась — словно воронье карканье.

Высшая Королева повернулась к Тамлину, её губы изогнулись в коварной улыбке.

— Теперь понятно, чем ты был так занят все эти годы. Развивал вкус к человеческим зверушкам, не так ли?

Он ничего не ответил, его лицо было безучастным. Что она с ним сделала? Он не шелохнётся — наверно, так действует её проклятье. Я опоздала. Я подвела его. Прокляла.

— Однако, — медленно произнесла Амаранта. Я чувствовала, как Аттор и весь Двор нависли надо мной. — Это заставляет меня задуматься — если только одну девушку ты мог забрать, когда она убьёт твоего патрульного... — в её глазах вспыхнули искры. — О, ты *восхитителен*. Ты дал мне истязать ту невинную девушку, чтобы спасти *эту*? Ты неподражаем! И ты на самом деле заставил человеческую червячку полюбить тебя. Изумительно, — она поаплодировала, а Тамлин только отвёл взгляд в сторону от неё, единственная реакция, которую я от него увидела.

Пытала. Она пытала...

— Отпусти его, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал твёрдо и уверенно.

Амаранта снова рассмеялась.

— Назови мне хоть одну причину, почему я не должна убить тебя на месте, человек, —

её зубы, удивительно ровные и белые, почти сверкали.

Кровь стучала в венах, но я держала голову высоко поднятой.

— Ты обманула его — ты несправедливо схватила его.

Тамлин окаменел.

Амаранта прищёлкнула языком и взглянула на свою тонкую белоснежную руку — на кольцо на указательном пальце. Кольцо, которое я заметила, когда она опустила руку, инкрустированное чем-то, что выглядело как... как человеческий глаз, заключённый в кристалл. Я могла бы поклясться, что внутри он проворачивается.

— Вы, человеческие зверьки, так неизобретательны. Мы потратили годы, обучая вас поэзии и изысканным речам, и *это* всё, что ты способна придумать? Мне бы следовало вырвать тебе язык за такое никчёмное использование.

Я крепко стиснула зубы.

— Но мне любопытно: Как ты запоёшь, когда увидишь, что должно было с тобой случиться?

Я нахмурилась, когда Амаранта указала куда-то мне за спину, тот чудовищный глаз в кольце действительно смотрел вместе с ней, и я обернулась.

Там, высоко на стене огромной пещеры, был пригвождён изуродованный труп девушки. Местами её кожа была обожжена, её пальцы были выгнуты под неправильными углами, и всё её обнажённое тело было посечено яркими багровыми линиями. Я едва слышала Амаранту сквозь шум в ушах.

— Пожалуй, мне всё же следовало прислушаться, когда она говорила, что никогда прежде не видела Тамлина, — размышляла вслух Амаранта. — Или когда она твердила, что никогда не убивала фэйри, никогда в жизни не охотилась. Всё-таки её крики были очаровательными. Я веками не слышала столь приятной музыки, — следующие её слова были обращены ко мне. — Я должна поблагодарить тебя за то, что ты представилась Рисанду её именем, а не своим.

Клэр Беддор.

Вот, куда они забрали её, что они с ней сделали, после того как живьём сожгли её семью в их доме. Вот, что я с ней сделала, назвав её имя Рисанду, желая защитить собственную семью.

Мои внутренности сжались; мне потребовалось немало усилий, чтобы не вырвать содержимое желудка на камни.

Когти Аттора впились в мои плечи, когда он повернул и толкнул меня лицом к Амаранте, она всё так же по-змеиному мне улыбалась. Меня могли убить так же, как убили Клэр. Я спасла себя и обрекла её. Тем изуродованным и гниющим телом на стене должна быть я. Я.

Я.

— Ну же, милая, — заговорила Амаранта. — Что ты на это скажешь?

Я хотела прошипеть, что она заслуживает вечно гореть в Аду, но перед глазами застыло только прибитое к стене тело Клэр, хоть я и уставилась пустым взглядом на Тамлина. Он *позволил* им так убивать Клэр... чтобы они не узнали, что я жива. Слезы обжигали глаза, жёлчь застряла в горле.

— Ты всё ещё желаешь забрать того, кто позволил подобному случиться с невиновной? — голос Амаранты звучал мягко — утешительно.

Я перевела взгляд на неё. Смерть Клэр не будет напрасной. Я этого не позволю. Я не

сдамся без боя.

— Да, — ответила я. — Да, я хочу забрать его.

Она вздёрнула губу, обнажив слишком острые клыки. И, глядя в её чёрные глаза, я поняла, что умру.

Но Амаранта откинулась на спинку трона и закинула ногу на ногу.

— Что ж, Тамлин, — движением собственника она коснулась его руки. — Не думаю, что ты предполагал, что *такое* когда-нибудь произойдёт, — она махнула рукой в мою сторону. Тихий шепот смеха собравшихся эхом сгустился вокруг меня, ударяя будто камни. — А что скажешь *ты*, Высший Лорд?

Я прямо смотрела в лицо, которое так любила, но прозвучавшие слова едва не сбили меня с ног.

— Я в жизни её не видел. Должно быть, кто-то зачаровал её ради шутки. Рисанд, скорее всего.

Он всё ещё пытается меня защитить, даже сейчас, даже здесь.

— О, этой лжи далеко даже до посредственной, — Амаранта склонила голову. — Возможно ли — возможно ли, что *ты*, несмотря на собственные слова, брошенные так много лет назад, ответил на человеческие чувства? Девушке с ненавистью в сердце к нашему виду удалось влюбиться в фэйри. И фэйри, чей отец когда-то бок о бок со мной толпами убивал людей, действительно тоже влюбился в неё? — она опять рассмеялась каркающим смехом. — О, это слишком хорошо — слишком забавно, — она тронула кость на цепочке и посмотрела на заключённый в кольцо глаз. — Полагаю, если бы кто и смог оценить этот момент по достоинству, — сказала она кольцу. — Так это ты, Юриан, — она чарующе улыбнулась. — Хотя твоя жалкая человеческая шлюпка на стороне никогда не пыталась тебя спасти.

Юриан — это *его* глаз, кость из его пальца. В животе свернулся ужас. С помощью какого-то невероятного зла, неслыханного могущества, ей удаётся удерживать его душу, его сознание — в кольце, в кости.

Тамлин всё ещё смотрел на меня, не узнавая, без малейшего проблеска чувств. Возможно, она использовала то же могущество, чтобы зачаровать его; возможно, она забрала все его воспоминания.

Королева изучала свои ногти.

— С тех пор как Клэр решила умереть, здесь стало так отвратительно уныло. И убивать тебя прямо сейчас, человек, будет скучно, — она бросила взгляд на меня, затем снова на свои ногти — и на кольцо на указательном пальце. — Но Судьба помешивает Котёл интересными образами. Быть может, моя голубка Клэр должна была умереть, чтобы я смогла по-настоящему развлечься с тобой.

Тело стало ватным — я ничего не смогла с собой поделать.

— Ты пришла требовать Тамлина? — не вопрос, вызов. — Ну, раз уж так случилось, мне до ужаса наскучило его угрюмое молчание. Я беспокоилась, когда он не дрогнул во время моей игры с голубкой Клэр, когда он даже не показал своих милых когтей... Но я заключу с тобой сделку, смертная, — произнесла Амаранта и у меня в голове зазвенели тревожные колокольчики. «*Ни с кем не заключай сделок, только если от этого не будет зависеть твоя жизнь*» — напутствовала Элис. — Ты выдержишь три испытания на мой выбор — три испытания, чтобы доказать насколько далеко заходит это человеческое чувство преданности и любви, и Тамлин твой. Всего лишь три небольших испытания, дабы доказать твою

самоотверженность, доказать мне и дорогому Юриану, что ваш вид на самом деле умеет любить по-настоящему, и ты можешь забирать своего Высшего Лорда, — она повернулась к Тамлину. — Считай это одолжением, Высший Лорд — эти человеческие псины способны ослеплять наш вид похотью настолько, что мы теряем весь здравый смысл. Будет лучше, если ты увидишь её истинную сущность сейчас.

— Ещё я хочу, чтобы ты сняла с него проклятье, — выпалила я. Она выгнула бровь и улыбнулась шире, показывая слишком много своих белых зубов. — Я пройду три твоих испытания, ты снимешь с него проклятье и мы — и весь его Двор — сможем уйти отсюда. И навсегда останемся свободными, — добавила я. Как сказала Элис, магия — вещь специфическая, и благодаря этому Амаранте удалось обмануть их. Я не оставлю места для словесных уловок, не позволю им всё испортить.

— Разумеется, — промурлыкала Амаранта. — Я добавлю ещё один нюанс, если ты не возражаешь — просто чтобы убедиться, что ты достойна одного из нашего вида, что ты достаточно умна, чтобы заслуживать его, — глаз Юриана ошалело завертелся и она цыкнула на него. Глаз мгновенно замер. — Я подарю тебе путь к отступлению, девочка, — продолжила она. — Ты пройдёшь все испытания — *или*, когда ты поймёшь, что больше не выдержишь, всё, что от тебя потребуется — ответить на один вопрос, — я едва различала её голос сквозь шум ударов сердца в ушах. — Загадка. Ты её разгадаешь, и его проклятье будет разрушено. *Моментально*. Мне и пальцем шевелить не придётся, как он будет свободен. Скажешь правильный ответ, и он твой. Ты можешь ответить в любой момент, но если он окажется неверным... — она указала мне за спину, и мне не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что она указывает на Клэр.

Мысленно я повторила её слова в поисках лазеек и ловушек в её формулировке. Но всё звучало как надо.

— А что, если я не справлюсь с твоими испытаниями?

Её улыбка стала почти абсурдной, она протёрла большим пальцем кристалл кольца.

— Если ты провалишь испытания, тогда от тебя ничего не останется для моих развлечений.

По позвоночнику прополз холодок. Элис предупреждала меня — предупреждала насчет сделок. Но, стоит мне отказаться, Амаранта убьёт меня в мгновение ока.

— В чём заключается суть моих испытаний?

— Оу, если я тебе расскажу, пропадёт всё веселье. Но я скажу, что у тебя будет по одному испытанию в месяц — в полнолуние.

— А в остальное время? — я рискнула взглянуть на Тамлина. Блики золота в его глазах были ярче, чем я помнила.

— В остальное время, — немного резко сказала Амаранта. — Ты будешь или оставаться в своей клетке, или выполнять любую дополнительную работу, которую я потребую.

— Если я буду измотана, разве я не буду в проигрышном положении? — я знала, она теряет интерес — она не ожидала, что я буду задавать столько вопросов. Но я должна хотя бы попытаться выбить какое-нибудь преимущество.

— Ничего кроме основной работы по дому. Будет справедливо, если ты будешь отрабатывать твоё содержание, — я хотела удушить её за это, но только кивнула. — Тогда мы договорились.

Я видела, она ждёт, чтобы я эхом повторила её слова, но я должна была убедиться.

— Если я пройду все три испытания или отгадаю твою загадку, ты сделаешь то, что я

прошу?

— Естественно, — отозвалась Амаранта. — Так мы договорились?

Его лицо мертвенно побледнело, глаза Тамлина встретились с моими и они едва заметно расширились. *Нет.*

Но или это, или смерть — такая, которой умерла Клэр — долгая и жестокая. За спиной шипел Аттор, подгоняя с ответом. Я не верю ни в Судьбу, ни в Котёл — и у меня нет другого выбора.

Потому что когда я смотрю в глаза Тамлина, даже сейчас, когда он сидит рядом с Амарантой как её раб или хуже, я любила его с яростной страстью, охватившей всё моё сердце. Потому что когда его глаза расширились, я знала, что он всё ещё любит меня.

У меня не осталось ничего, кроме крупиц глупой надежды на то, что я смогу выиграть — смогу перехитрить и победить такую же древнюю, как эти горы, Королеву Фэйри.

— Ну? — поторопила Амаранта.

Я почувствовала, как позади меня Аттор готовится к прыжку, чтобы выбить из меня ответ, если потребуется. Она обманула их всех, но я бы не пережила бедность и не выжила бы в лесу за просто так. Мой лучший шанс — не раскрывать никакой информации о себе, или о том, что мне известно. В конце концов, что такое её Двор, как ни очередной лес, очередная охота?

Я взглянула на Тамлина в последний раз, прежде чем сказала:

— Договорились.

Амаранта послала мне ужасающую полуулыбку, она щёлкнула пальцами и в воздухе между нами затрещала магия. Она откинулась на спинку трона.

— Поприветствуйте её достойно моего Двора, — обратилась она к кому-то за моей спиной.

О тяжёлом ударе в челюсть предупредило только шипение Аттора.

Потрясённую болью, меня отбросило в сторону, но там меня поджидал ещё один грубый удар по лицу. Хрустнули кости — *мои* кости. Ноги подкосились, Аттор снова ударил меня, его жёсткая кожа расцарапала мне щеку. Я шатнулась в сторону и встретилась с ещё одним кулаком — безумным, низшим фэйри, чьё лицо я даже не разглядела. Меня будто били кирпичом. *Хруст, треск.* Думаю, их было трое и я стала их боксерской грушей — от удара к удару мои кости кричали в агонии. А, может, это я кричала в агонии.

У меня изо рта брызнула кровь, и её металлический привкус застыл на языке прежде, чем я поняла что-то ещё.

Глава 35

Чувства постепенно возвращались ко мне, одно другого болезненней. Сначала звук капающей воды, затем эхо удаляющихся тяжёлых шагов. Устойчивый медный привкус во рту — кровь. Со свистом втягивая воздух забитым носом, я улавливала запах плесени и вонь сырости и подземного холода. Щеку кололи острые кусочки сена. Я провела языком по разбитой губе и от этого движения лицо вспыхнуло болью. Вздвогнув, я открыла глаза, вернее, приоткрыла — они отекали. То, что я смогла разглядеть сквозь, несомненно, почерневшие глаза, настроение не улучшило.

Я в тюремной камере. Моё оружие забрали, а единственные источники света — факелы за дверью. Амаранта говорила, что большую часть времени я буду сидеть в клетке, но даже когда я села — голова закружилась так, что я снова едва не потеряла сознание — моё сердце

забилось чаще. Темница. Рассмотрев полоски света, проникающего через щели между дверью и стеной, я осторожно коснулась лица.

Оно болело — прежде я никогда в жизни не испытывала такой боли. Я подавила вскрик, когда пальцы задели нос, из ноздрей крошились хлопья крови. Сломан. Я бы зло стиснула зубы, если бы челюсть тоже не разрывалась в дикой агонии.

Мне нельзя паниковать. Нет, я должна сдерживать слёзы, должна сохранить трезвый ум. Сначала мне необходимо как можно лучше понять, насколько серьёзны повреждения, затем уже выяснять, что делать дальше. Пожалуй, я смогу использовать свою рубашку в качестве бинтов — и, возможно, рано или поздно мне принесут воды и я смогу промыть раны. Сделав неглубокий вдох, я осторожно изучила всё лицо. Челюсть не сломана, и хотя мои глаза опухли, а губа разбита, серьёзнее всего повреждён нос.

Подтянув колени к груди, я плотно обхватила их, восстанавливая дыхание. Я нарушила один из наказов Элис. Впрочем, выбора у меня не было. Видеть Тамлина рядом с Амарантой...

Челюсть заныла, но я всё равно стиснула зубы. Полнолуние — когда я покидала дом отца, в небе был полумесяц. Сколько я пробыла здесь без сознания? Хотя я не настолько глупа, чтобы верить, будто какое-то количество времени поможет мне подготовиться к первому испытанию Амаранты.

Я не позволяла себе задумываться о том, что она может для меня подготовить. Мне достаточно того, что она ждёт моей смерти — что *от меня ничего не останется* ещё и для её пыток.

Стараясь унять дрожь в руках, я крепче обхватила ноги. Где-то — не очень далеко — раздались крики. Пронзительный, умоляющий скулёж, подчёркнутый крещендо из воплей, от которых к горлу снова подкатила жёлчь. Столкнувшись с первым испытанием Амаранты, я могу звучать точно так же.

Щелчок хлыста и новый виток крика, едва стихшего для вдоха. Наверняка Клэр тоже так кричала. Я всё равно что сама её пытала. Чем она всё это заслужила — всех этих фэйри, жаждущих её крови и страданий? Я это заслужила — заслужила любую боль и мучения, которые они только припасли — я заслуживаю этого хотя бы за то, на что обрекла Клэр. Но... но я попытаюсь сделать всё правильно. Каким-то образом.

Должно быть, в какой-то момент я задремала и меня разбудил скрип двери моей камеры о каменный пол. Забыв о чудовищной боли в лице, я забилась в плотные тени ближайшего угла. Кто-то проскользнул в камеру и быстро прикрыл за собой дверь, оставив лишь небольшую щель.

— Фейра?

Я попробовала подняться, но ноги так тряслись, что я не смогла пошевелиться.

— Люсьен? — выдохнула я.

Хрустнуло сено и он опустился передо мной.

— Свари меня Котёл... Ты в порядке?

— Моё лицо...

У его головы вспыхнул маленький огонёк, и когда я различила его глаза, металлический глаз сузился. Он зашипел.

— Ты сдурела? Что ты здесь забыла?

Я проглотила слёзы — в любом случае, они бессмысленны.

— Я вернулась в поместье... Элис рассказала мне... рассказала о проклятье и я не могла

позволить Амаранте...

— Тебе не следовало возвращаться, Фейра, — резко сказал он. — И ты не должна была оказаться здесь. Ты разве не понимаешь, чем он пожертвовал, отправив тебя домой? Да как у тебя только мозгов хватило?

— Ну, я уже здесь! — сказала я громче, чем было разумно. — Я здесь и ничего уже этого не изменит, поэтому не утруждайся рассказывать мне о моей ничтожно слабой человеческой плоти и глупости! Я всё это знаю и я... — я хотела закрыть лицо руками, но оно слишком болело. — Я просто... Я должна была сказать ему, что люблю. Убедиться, что ещё не слишком поздно.

Люсьен сел на пятки.

— Значит, ты знаешь обо всём.

Мне удалось кивнуть без вспышки головокружительной боли. Но, похоже, мои муки как-то отразились, потому что Люсьен поморщился.

— Ну, по крайней мере, нам не нужно больше лгать тебе. Давай-ка немного приведём тебя в порядок.

— Думаю, у меня сломан нос. Больше переломов нет, — я поискала взглядом воду или бинты рядом с ним, но ничего не обнаружила. Значит, магия.

Люсьен оглянулся через плечо, проверяя дверь.

— Охранники в стельку, но скоро придут их сменщики, — сказал он, осматривая мой нос. Собравшись с духом, я позволила ему бережно прикоснуться к нему. Даже аккуратные касания его пальцев вызывали жгучую боль, пронизывающую всё тело. — Мне придётся вправить его, прежде чем я смогу заняться исцелением.

Я задушила ослепляющую панику.

— Давай. Прямо сейчас, — пока я не успела погрязнуть в трусости и сказать, чтобы он забыл об этом.

Он медлил.

— *Сейчас*, — задыхаясь, выпалила я.

Слишком быстро для моих глаз, его пальцы метнулись к моему носу. Резкая боль прожгла насквозь, *хруст* громом отозвался в ушах, в голове, и я потеряла сознание.

Придя в себя, я смогла полностью открыть оба глаза, а мой нос — мой нос свободно дышал и больше не был пульсирующим источником агонии, обжигавшей лицо. Люсьен, хмурясь, склонился надо мной.

— Я не могу исцелить тебя полностью, они узнают, что кто-то помог тебе. Синяки и почерневший глаз остались, но... опухоль спала.

— А мой нос? — но я уже почувствовала, прежде чем он ответил.

— В порядке — вздёрнутый и хорошенький, как и раньше, — усмехнулся Люсьен. От этой знакомой ухмылки в груди что-то сжалось до боли.

— Я думала, она забрала большую часть твоих сил, — всё же удалось заговорить мне. Я почти не видела, чтобы он пользовался магией в поместье.

Он указал на подпрыгнувший маленький шарик света над его плечом.

— Она вернула мне часть, чтобы соблазнить Тамлина принять её предложение. Но он по-прежнему отказывается ей, — он кивнул на моё исцелённое лицо. — Я знал, что даже из заточения здесь выйдет что-нибудь хорошее.

— Так ты тоже заперт в Подгорье?

Угрюмый кивок.

— Она созвала к себе всех Высших Лордов — даже те, кто поклялся ей в верности не смогут выйти, пока... пока не завершатся твои испытания.

«Пока я не умру» — вероятно то, что он на самом деле имел в виду.

— То кольцо, — сказала я. — Это... это и правда глаз Юриана?

Люсьен поёжился.

— Да. Значит, ты действительно знаешь всё?

— Элис не рассказала, что произошло, когда Юриан и Амаранта столкнулись лицом к лицу.

— Они разгромили целое поле боя, используя собственных солдат в качестве щитов до тех пор, пока не угробили практически всех. Это подарило Юриану некоторую защиту от неё, но когда они сцепились один на один... Ей понадобилось не так уж много времени, чтобы заставить его склониться. И тогда она забрала его в свой лагерь и неделями — *неделями* — издевалась и растягивала его убийство. Она не подчинилась приказам прийти на помощь к Королю Хайберна — и это стоило ему армии и Войны; она вообще отказалась что-либо делать, пока не расправится с Юрианом. Всё, что она от него оставила — кость из его пальца и глаз. Клифия обещала ему, что он никогда не умрёт — и пока Амаранта хранит его глаз с помощью магии, пока она удерживает его душу и сознание привязанными к нему, он остаётся в ловушке, вынужденный наблюдать. Уместное наказание за то, что он сделал, но... — Люсьен коснулся своего утраченного глаза. — Я рад, что она не проделала со мной тот же фокус. Похоже, она одержима подобными штучками.

Я вздрогнула. Охотница — она не более чем бессмертная, жестокая охотница, собирающая трофеи своих убийств и завоеваний, чтобы веками над ними злорадствовать. Юриан должен терпеть ярость, отчаяние и ужас каждый день, вечность... Может, и заслужено, но ничего хуже я не могла себе представить. Я прогнала эти мысли прочь.

— Тамлин...

— Он... — но Люсьен вскочил на ноги, прислушиваясь к тому, что не улавливал мой человеческий слух. — Охранники уже сменились и направляются сюда. Попытайся не умереть, ладно? У меня уже довольно объёмный список смертников — и мне не хочется его пополнять, разве что только ради Тамлина.

И поэтому нет никаких сомнений, почему он спустился сюда.

Люсьен исчез — просто *растворился* в тусклом свете. Мгновением позже, в смотровом окне показался желтоватый глаз с оттенком красного, посмотрел на меня, и ушёл дальше.

Я дремала и отключалась — может, на часы, а может и на дни. Через неопределённые промежутки времени, меня трижды ничтожно покормили чёрствым хлебом и водой. Всё, что я понимала, когда дверь в камеру распахнулась, так это то, что мой беспощадный голод больше не имеет значения, и то, что лучше не сопротивляться, когда два приземистых краснокожих фэйри буквально поволокли меня в тронный зал. Я запоминала путь, подмечая детали в коридорах — приметные трещины в стенах, рисунки гобелен, считала повороты — всё, что поможет найти выход из подземелий.

В этот раз я успела больше рассмотреть тронный зал Амаранты, отмечая выходы. Ни одного окна, мы ведь под землёй. И гора, которую я видела на карте в поместье, находится в центре владений фэйри — далеко от Весеннего Двора, от стены — ещё дальше. Если мне

придётся бежать с Тамлином, то лучший вариант и шанс — добраться до той пещеры в недрах горы.

У дальней стены столпились фэйри. Над их головами я могла рассмотреть арку дверного проёма. Я старалась не смотреть на гниющее тело Клэр, когда мы проходили мимо, вместо этого я сосредоточилась на собравшемся Дворе. Все в богатых, красочных одеждах — все выглядят чистыми и сытыми. Среди них были и фэйри в масках. Весенний Двор. Если у меня будет хоть какой-то шанс найти союзников, это будут они.

Я искала в толпе Люсьена, но не успела найти его до того, как меня швырнули к возвышению у тронов. На Амаранте было платье из сверкающих рубинов, привлекающих внимание к её золотисто-рыжим волосам и алым губам, растянувшимся в змеиной улыбке, когда я посмотрела на неё.

Королева Фэйри прищёлкнула языком.

— Ты выглядишь совершенно отвратно, — она повернулась к Тамлину, по-прежнему сидящему рядом с ней. На его лице читалась отрешённость. — Тебе не кажется, что она выглядит гораздо хуже?

Он не ответил; он даже не встретился со мной взглядом.

— Знаешь, — задумалась Амаранта, опершись локтём на свой трон. — Прошлой ночью я не смогла уснуть, и сегодня утром поняла причину, — она окинула меня взглядом. — Я не знаю твоего имени. Раз в течение следующих трёх месяцев мы с тобой собираемся стать столь близкими друзьями, я должна знать твоё имя, не находишь?

Я успела одёрнуть себя и не кивнуть. В ней было что-то обаятельное и чарующее — часть меня начала понимать, почему Высшие Лорды пали перед ней, поверили в её ложь. Я ненавидела её за это.

Когда я не ответила, Амаранта нахмурилась.

— Ну же, зверушка. Ты моё имя знаешь — разве не будет справедливо, если и я узнаю твоё?

Я заметила движение справа от меня и напряглась, из толпы вышел Аттор, скалясь во все зубы.

— В конце концов, — Амаранта указала элегантной рукой мне за спину, кристальная оболочка глаза Юриана поймала вспышку света. — С последствиями предоставления ложных имён ты уже познакомилась.

Вокруг меня словно обернулось чёрное облако, я будто чувствовала пригвождённое к стене тело Клэр позади меня. Тем не менее, я держала язык за зубами.

— Рисанд, — Амаранта не повышала голос, чтобы позвать его.

Моё сердце налилось свинцовой тяжестью, когда сзади послышались обыденные, прогулочные шаги. Они стихли рядом со мной — слишком близко нависнув над моей душой.

Уголком глаза я разглядывала Высшего Лорда Ночного Двора, когда он поклонился в пояс. Вокруг него по-прежнему пульсировала ночь, словно едва заметный плащ.

Амаранта приподняла бровь.

— Эту девушку ты видел в поместье Тамлина?

Он сбил невидимую пылинку со своей чёрной туники, прежде чем взглянуть на меня. Его фиолетовые глаза были полны скуки — и презрения.

— Вероятно.

— Но ты говорил мне или *нет*, что *та* девушка, — тон Амаранты стал резче, когда она указала на Клэр. — И есть *та*, которую ты видел?

Он сунул руки в карманы.

— Для меня все люди на одно лицо.

Амаранта приторно улыбнулась ему.

— А что насчет фэйри?

Рисанд снова поклонился — так изящно, что это было похоже на танец.

— Среди моря скучных лиц, твоё — произведение искусства.

Если бы я не зависла на тонкой грани между жизнью и смертью, я бы фыркнула от смеха.

«Все люди на одно лицо»... Я ни на мгновение ему не поверила. Рисанд точно знал, как я выгляжу — он узнал меня в тот день в поместье. Усилием воли я придала лицу нейтральное выражение, когда Амаранта снова обратила внимание на меня.

— Как её зовут? — спросила она Рисанда.

— Откуда мне знать? Она солгала мне.

Или игры с Амарантой для него шутка — такая же, как отрубленная голова, насаженная на фонтан в саду Тамлина — или...это ещё одни интриги Двора.

Я приготовилась снова почувствовать острые когти в своём разуме, приготовилась услышать приказ, который, я была уверена, она сейчас отдаст.

И всё же, я держала рот на замке. Я молилась, чтобы Нэста наняла разведчиков и охрану — молилась, чтобы она убедила отца принять все необходимые меры предосторожности.

— Если ты хочешь в игры играть, девочка, то я полагаю, мы можем добавить веселья, — сказала Амаранта.

Она щёлкнула пальцами Аттору, который подошёл к толпе и схватил кого-то. Сверкнули рыжие волосы и я пошатнулась, когда Аттор выдернул Люсьена вперёд за воротник зелёной туники. Нет. *Нет.*

Люсьен сопротивлялся Аттору, но ничего не смог поделать с иглоподобными ногтями, вынудившими его встать на колени. Аттор улыбался, отпустив его тунику, но оставаясь рядом.

Амаранта щёлкнула пальцами в сторону Рисанда. Высший Лорд Ночного Двора выгнул ухоженную бровь.

— Держи его разум, — приказала она.

Моё сердце провалилось в пятки. Люсьен замер абсолютно неподвижно, на его шее заблестел пот, когда Рисанд склонил голову перед королевой и повернулся к нему.

За ними, вперёд толпы вышли четыре высоких, рыжеволосых Высших Фэ. Загорелые и мускулистые, некоторые из них выглядели как воины, закалённые на поле боя, другие выглядели привлекательными придворными, все они смотрели на Люсьена — и ухмылялись. Четыре оставшихся сына Высшего Лорда Осеннего Двора.

— Её имя, Эмиссар? — спросила Амаранта Люсьена.

Но Люсьен только бросил взгляд на Тамлина, прежде чем закрыл глаза и расправил плечи. Рисанд едва заметно улыбнулся и я вздрогнула от воспоминаний о том, каково было чувствовать как невидимые когти впиваются в разум. Как для него было бы легко раздавить его.

Братья Люсьена притаились на краю толпы — на их красивых статных лицах не было ни жалости, ни страха.

Амаранта вздохнула.

— Я надеялась, ты усвоил урок, Люсьен. Хотя на этот раз тебе навредит молчание, а не

язык.

Люсьен не открывал глаз. Готов — он готов к тому, что Рисанд уничтожит всё, чем он был, превратит его разум и его самого в прах.

— Её имя? — спросила она Тамлина, но он не ответил. Его взгляд был прикован к братьям Люсьена, как если бы он отмечал, кто из них ухмыляется шире.

Амаранта провела ногтём по подлокотнику трона.

— Не думаю, что твои красавцы братья знают, Люсьен, — мурлыкнула она.

— Леди, если бы мы знали, мы бы первыми вам сообщили, — сказал самый высокий. Поджарый, отлично одетый, каждый дюйм в нём выдавал натренированную придворную сволочь. Видимо, он старший, раз даже те, кто выглядят прирождёнными бойцами, смотрят на него с почтением и расчётом — и страхом.

Амаранта улыбнулась ему, принимая слова во внимания, и подняла руку. Рисанд поднял голову, он слегка прищурился на Люсьена.

Люсьен напрягся. Из его горла вырвался стон и...

— Фейра! — крикнула я. — Моё имя Фейра.

Это всё, что я могла сделать, чтобы не опуститься на колени, когда Амаранта кивнула и Рисанд отступил. Он даже рук из карманов не убрал.

Должно быть, она разрешает ему пользоваться большей долей сил, чем другим, раз он способен причинять такой вред, оставаясь у неё на поводке. Или же его могущество, прежде чем она украла его... было необычным, если *это* лишь основа его сил.

Люсьен, дрожа, осел на пол. Его братья нахмурились, а старший оскалился и немо зарычал на меня. Я проигнорировала его.

— Фейра, — сказала Амаранта, пробуя на вкус моё имя, перекатывая его звучание на языке. — Древнее имя из наших ранних диалектов. Ну что ж, *Фейра*, — она не спросила фамилии, я едва не заплакала от облегчения. — Я обещала тебе загадку.

Всё вокруг стало мутным и мрачным. Почему Тамлин ничего не сделал, ничего не сказал? Что хотел сказать Люсьен до того, как ему пришлось исчезнуть из моей темницы?

— Разгадай её, Фейра, и ты, и твой Высший Лорд, и весь его Двор, с моим благословением сможете уйти в тот же час. Посмотрим, достаточно ли ты умна, чтобы заслуживать одного из нашего вида, — её тёмные глаза сияли, а я постаралась очистить разум насколько возможно и обратилась вслух, когда она заговорила.

*— Есть те, кто всю жизнь меня ищут, но не встретимся мы никогда,
И есть те, кого я целую, но вытирают они об меня неблагодарные ноги.*

*Иногда похоже, будто благоволю я умным и справедливым,
Но я благословляю всех кто храбр достаточно дерзнуть.*

*В основе своей, моя опека нежна и сладка,
Но презираемой, обращаюсь я зверем и победить меня крайне не просто.*

*Ибо каждый удар мой наносит непоправимый урон,
И убивая, делаю я это неспешно...*

Я моргнула, она повторила всё снова и улыбнулась, словно самодовольная кошка. В

голове царила пустота, необъятная и бесполезная. Может, это какой-то недуг? Моя мать умерла от тифа, а её кузен подхватил малярию в Бхарате... Но ни один из симптомов не подходит к загадке. Может, речь идёт о личности?

По залу прокатилась волна хохота, громче всех смеялись братья Люсьена. Окутанный тьмой ночи, Рисанд смотрел на меня и слегка улыбался.

Ответ был так близко — одна маленькая разгадка и все мы будем свободны. Моментально, как она сказала, в отличие от... стоп, условия моих испытаний отличаются от условий загадки? Она подчеркнула слово «моментально» только когда речь зашла о решении загадки. Нет, я не могу об этом думать прямо сейчас. Я должна отгадать эту загадку. И мы все будем свободны. *Свободны.*

Но я не могу этого сделать — у меня нет даже предположений. Да лучше я сама себе перережу горло здесь и сейчас, прежде чем она порвёт меня на куски. Я дура — обыкновенная смертная идиотка. Я посмотрела на Тамлина. В его глазах сверкало золото, но лицо не выражало ничего.

— Подумай над этим, — утешающе сказала Амаранта и усмехнулась своему кольцу — повернувшемуся к ней глазу. — Когда тебя озарит, я буду ждать.

Даже когда меня потянули обратно в темницу, я бросила взгляд на Тамлина, меня лихорадило от пустоты в голове.

Когда меня снова заперли в камере, я знала, что проиграю.

Два дня я провела в своей клетке, или, по крайней мере, я так думала, основываясь на подаче еды, которую я начала обрабатывать. Из наполовину заплесневелой пищи я съедала наиболее приличные куски. И, хоть я и надеялась на это, Люсьен больше не приходил. А мечтать о Тамлине и вовсе было глупо.

Кроме как вдумываться в загадку Амаранты, больше мне особо заняться было нечем. И чем больше я над ней думала, тем бессмысленней она казалась. Я подробно перебирала в памяти самые разные яды и вспомнила всех ядовитых животных — и это не дало ничего, кроме усилившегося ощущения собственной тупости. Не говоря уже о мучительном ощущении, что она обвела меня вокруг пальца с этой сделкой, когда акцентировала внимание на *моментальном* освобождении в случае с загадкой. Значит, она могла вовсе не иметь в виду, что освободит нас сразу, если я пройду её испытания. Она сможет держать нас здесь, сколько ей угодно. Нет — нет, я становлюсь параноиком. Я просто лишком много думаю об этом. Но загадка освободит нас всех — моментально. Я обязана её разгадать.

Пока я клялась себе не думать о предстоящих испытаниях — в фантазии Амаранты я не сомневалась — я часто просыпалась в холодном поту и задыхалась от постоянных кошмаров — кошмаров, в которых я была заключена в кристалл кольца, навеки безмолвная и вынужденная наблюдать за кровожадным, жестоким миром, разрушающим всё, что я когда-либо любила. Амаранта заявила, что если я провалю испытание, то для её развлечений от меня уже ничего не останется — я молилась, чтобы это оказалось правдой. Лучше обратиться в прах, чем повторить судьбу Юриана.

И всё же, страх как никогда поглотил меня, когда дверь в камеру распахнулась, и краснокожие охранники сообщили, что взошла полная луна.

От каменных стен коридора отражались звуки многоголосой толпы. Мой вооруженный конвой не удосужился обнажить оружие, пока они подталкивали меня вперёд. Меня даже в кандалы не заковали. Кто-то или что-то должно было поймать меня прежде, чем я отступлю в сторону хотя бы на три шага, и выпотрошить меня на месте.

Какофония смеха, криков и диких завываний стала невыносимой, когда коридор вывел нас к чему-то, что больше всего напоминало огромную арену. Никто не пытался приукрасить этот освещённый огнём факелов грот — и я не смогла определить, высекли ли эту пещеру из скалы или же её сформировала природа. Пол был склизким и грязным, меня вели дальше и я изо всех сил старалась удержаться на ногах.

Когда на меня уставилась огромная, шумная толпа, мои внутренности покрылись изморозью. Я не могла разобрать, что они кричат, но я и без того хорошо себе представляла. Их жестокие, неземные лица и широкие ухмылки говорили сами за себя и я поняла всё, что было нужно. Не только низшие фэйри, но и Высшие Фэ тоже — азарт и возбуждение превращали их лица в такие же дикие, как и у их меньших неземных собратьев.

Меня притащили к деревянному помосту, возведённому над толпой. Там, наверху, сидели Амаранта и Тамлин, а перед возвышением...

Я приложила все усилия, чтобы удержать голову высоко, когда увидела открытый лабиринт из туннелей и рвов, охватывающий весь пол. По краям стояла толпа, загородив мне обзор и не дав возможности разглядеть, что там внутри прежде, чем меня толкнули на колени перед помостом Амаранты. По позвоночнику стекал холодный пот, смешанный с грязью.

Я поднялась на дрожащих ногах. Около платформы стояла группа из шести мужчин, отделившихся от основной толпы. По их холодным, прекрасным лицам, по отголоскам могущества, всё ещё витающим вокруг них, я поняла, что это были остальные Высшие Лорды Прифиана. Я проигнорировала Рисанда сразу, как заметила его кошачью улыбку и окутывающий его ореол тьмы.

Амаранте достаточно было поднять руку и едва не рычащая толпа смолкла.

Стало так тихо, что я практически слышала собственное сердцебиение.

— Что ж, Фейра, — заговорила Королева Фэйри. Я старалась не смотреть на её руку по-свойски устроившуюся на колене Тамлина, и на кольцо — такое же вульгарное, как и сам жест. — Вот и твоё первое испытание. Давайте посмотрим, насколько глубока твоя человеческая привязанность.

Я стиснула зубы и едва сдержалась, чтобы не оскалиться на неё. Лицо Тамлина оставалось безучастным.

— Я взяла на себя смелость кое-что разузнать о тебе, — протянула Амаранта. — Так справедливее, как ты понимаешь.

Каждый инстинкт, каждая частичка всей человеческой природы во мне кричала о бегстве, но я твёрдо стояла на ногах, не выдавая дрожи в коленях.

— Думаю, это испытание придётся тебе по вкусу, — она махнула рукой и Аттор шагнул вперёд, расчищая в толпе путь к краю рва. — Не стесняйся. Посмотри.

Я послушалась. Рвы, около двадцати футов в глубину, были скользкими от грязи — более того, они казались вырытыми из грязи. Заглянув дальше, я с трудом удержала равновесие. Траншеи сплетались в лабиринт, занимавший весь пол зала, и в их переплетениях не было смысла. Там было полно ям и провалов, которые наверняка ведут в

подземные туннели, и...

Чьи-то руки толкнули меня в спину и я закричала, охваченная тошнотворным ощущением падения, но вдруг жёсткая костяная хватка дёрнула меня вверх, в воздух. Я болталась в когтях Аттора и слышала мощные удары его крыльев, гулко звучащие над ареной, и эхо смеха, перекатывающегося по гроту. Аттор спикировал в траншею и бросил меня на ноги.

Грязь хлюпала, и я, пошатнувшись, взмахнула руками и поскользнулась. Новый взрыв хохота, хоть я и сумела удержаться на ногах.

Грязь ужасно воняла, но я проглотила застрявший в горле ком. Я повернулась в поисках помоста Амаранты, теперь возвышающегося над краем рва. Она смотрела на меня сверху вниз, растянув губы в змеиной усмешке.

— Рисанд сказал мне, ты охотница, — сказала она и моё сердце замерло.

Должно быть, он снова прочитал мои мысли или... или, возможно, он нашёл мою семью и...

Амаранта щёлкнула пальцами в мою сторону.

— Так поохоться на это.

Фэйри повеселели, и я заметила вспышки золота между длинными, тонкими и разноцветными ладонями. Они делали ставки на мою жизнь — на то, сколько я протяну, когда всё начнётся.

Я подняла взгляд на Тамлина. Его изумрудные глаза были холодны, я запоминала черты его лица, форму его маски, оттенок его волос. В последний раз.

— Выпускайте, — приказала Амаранта.

Я вздрогнула до мозга костей, когда застонала решетка, а затем зал заполнил скользящий шум быстрого перемещения.

Я втянула голову в плечи. Толпа затихла до шепота, стало достаточно тихо, чтобы услышать гортанное ворчание, и я чувствовала дрожь земли, как нечто спешит ко мне.

Амаранта прищёлкнула языком и я вскинула голову к ней. Она приподняла брови.

— Беги, — шепнула она.

И оно показалось.

Я побежала.

Гигантский червь, или то, что когда-то должно было быть червём до того, как у него появился чудовищно огромный рот, утыканный несколькими плотными кольцами острых как бритвы зубов. Он преследовал меня, его розовато-коричневое тело вздымалось и скручивалось с ужасающей лёгкостью. Эти траншеи — его логово.

А я обед.

Скользя и поскользываясь в вонючей грязи, я мчалась дальше по траншее, жалея о том, что нужно было больше запоминать лабиринт с высоты, когда была возможность, и понимая, что любой выбранный путь может завести в тупик, где я, несомненно...

Толпа взревела, заглушая хлюпанье червя и скрежет его зубов, но я не рискнула оглядываться назад. Мне было достаточно упорно настаивающего зловония, чтобы понять, как он близко. Заметив разветвление пути, у меня не было ни времени, ни дыхания на облегчённые вздохи, я резко свернула влево.

Я должна увеличить расстояние между нами настолько, насколько это возможно; я должна найти укрытие, где смогу разработать план, укрытие, где я смогу найти преимущества.

Ещё одна развилка — я снова свернула налево. Может, если я буду постоянно сворачивать налево, я оббегу круг и каким-то образом окажусь за этим существом и...

Нет, это полный абсурд. Я должна буду бежать в три раза быстрее червя, а сейчас я с трудом держусь немного впереди него. Ещё раз свернув налево, я уперлась в стену и по инерции врезалась в склизкую грязь. Холодную, вонючую, удушающую. Вытерев глаза, я увидела плотоядные лица фэйри, возвышающиеся надо мной и потешающиеся. Я побежала сломя голову.

Я добралась до прямого, плоского участка траншеи и бросила все свои силы в ноги, ринувшись через неё. Наконец, я рискнула оглянуться через плечо и мой страх одичал и взбунтовался — червь хлынул в траншею, преследуя меня по горячим следам.

Отвлечшись, я едва не проглядела тонкий проход в стене рва, и я теряла драгоценные шаги, резко затормозив и втиснувшись в щель. Она слишком мала для червя, но он, наверно, может и в грязь врезаться и разрушить проход. Если нет, то эту проблему решат его зубы. Но рискнуть стоит.

Чем дальше я пробиралась вперёд, тем больше сила толкала меня назад. Нет — не сила, а стены. Трещина оказалась слишком тесна, а я так отчаянно продираюсь по ней, что оказалась зажата между стен. Спиной к червю и слишком далеко застрявшая между стен, чтобы обернуться, я не могла видеть его приближения. Но запах — отвратительный запах усиливался.

Я толкалась и барахталась, но грязь была слишком скользкой и быстро подступала снова.

Движения червя громом сотрясали рвы. Я буквально ощущала его вонючее дыхание своим незащищённым телом, слышала, как его зубы рассекают воздух, всё ближе и ближе. Только не так. Я не могу умереть вот так.

Я вцепилась в грязь, извиваясь и любым способом прорываясь вперёд. Червь приближался с каждым ударом сердца, усилившийся запах оглушил все мои ощущения.

Я рвалась через грязь, выворачивалась, билась и толкалась, и рыдала сквозь стиснутые зубы. *Только не так.*

Земля вздрогнула. Жуткий смрад обвился вокруг меня, горячий воздух врезался в моё тело. Щёлкнули его зубы.

Хватаясь за стену, я тянулась и тянулась. Что-то хлопнуло и внезапно давление вокруг меня ослабло, я провалилась в трещину и распласталась в грязи.

Толпа сокрушенно вздохнула. У меня не было времени на слёзы облегчения, я очутилась посреди другого пути и ринулась дальше по лабиринту. По притихшему рёву толпы я поняла, что червь промахнулся.

Но в этом нет никакого смысла — в проходе не оказалось ни одного укрытия. Он увидит меня, увязшую здесь. Если только он не смог прорваться там же и теперь ищет какой-то обходной путь, чтобы вдруг возникнуть передо мной.

Я не сбавляла скорости, хотя и знала, что трачу драгоценные секунды, врезаясь в стены после каждого резкого поворота. Червь тоже должен замедлиться, следуя за мной — настолько огромное существо не может не притормаживать на поворотах, каким бы гибким и ловким оно ни было.

Я рискнула взглянуть на толпу. Их лица, охваченные разочарованием, смотрели совсем в другую сторону от меня, куда-то в другой конец зала. Значит, червь должен быть там — значит, там закончился тот проход. Червь не видел, куда я делась. Он не видел меня.

Он слепой.

Я так удивилась, что не заметила разверзшуюся впереди меня огромную яму, скрытую лёгким подъёмом, и потому всё, что я могла сделать, падая вниз, это не кричать. Воздух, воздух и...

Я провалилась в грязь по щиколотку, и толпа взревела. Грязь смягчила приземление, но зубы всё ещё сводило от удара. Однако я ничего не сломала, ничего не болело.

Несколько фэйри злобно глядели сверху на разинутую пасть ямы. Я обернулась, всматриваясь по сторонам, пытаюсь найти способ скорее выбраться отсюда. Сама яма соединялась с небольшим, тёмным туннелем, и не было ни одного способа вскарабкаться наверх — стены были слишком пологими.

Я в ловушке. Задыхаясь, я сделала несколько шагов наощупь навстречу тьме в туннеле. Я подавила вскрик, когда под моей ногой что-то жестко хрустнуло. Я попятилась назад, мой копчик взвыл от боли. Я продолжала ползти прочь, но рукой я наткнулась на что-то гладкое и твёрдое, и я подняла это, чтобы заметить проблеск белизны.

Даже покрытыми слоем грязи пальцами я ощущала текстуру и знала её слишком хорошо. Кость.

Повернувшись на четвереньках, я ощупывала землю, двигаясь вглубь темноты. Кости, кости, кости — всех форм и размеров, и я с трудом сглотнула крик, когда до меня дошло, что это за место. Я поняла это только когда рукой нащупала гладкий череп и подскочила на ноги.

Я должна выбраться отсюда. *Сейчас же.*

— Фейра, — услышала я голос Амаранты издали. — Ты портишь всё веселье! — она сказала так, будто я никудышный партнёр для игры в бадминтон. — Выходи!

Я, конечно, не собиралась, но она сказала мне то, что мне необходимо было узнать. Червь не знает, где я; он не может меня учуять. И у меня есть бесценное время, чтобы выбраться.

Когда глаза привыкли к темноте логова червя, я увидела целые курганы и холмы из костей, поблескивающие белыми сколами и теряющимися дальше во мраке. Должно быть, эта грязь образовалась от бесконечных слоёв разложений. Мне нужно *немедленно* отсюда вылезать, нужно найти укрытие, которое не будет смертельной ловушкой. Я вывалилась из туннеля, вокруг загремели кости.

Очередная открытая яма вверху, на ощупь я нашла одну из пологих стен. Несколько фэйри с зелёными лицами выкрикивали проклятья в мой адрес, но я игнорировала их, пытаюсь вскарабкаться вверх по стене — на пару дюймов у меня получилось, но я почти сразу съехала обратно на пол. Я не смогу выбраться без верёвки или лестницы, а забредать глубже в логово червя в поисках другого выхода — не вариант. Понятное дело, здесь есть чёрный выход. В логове любого животного есть два выхода, но я не собираюсь рисковать потеряться в темноте — практически ослепить себя — так я полностью уничтожу своё крохотное преимущество.

Мне нужен выход *наверх*. Я снова попробовала взобраться на стену. Недовольный шёпот фэйри не стихал; до тех пор, пока они так бормочут, я буду в порядке. Я опять вцепилась в грязную стену, едва не вгрызаясь в податливую грязь. Но всё, что я получила — врезавшуюся под ногти холодную грязь, когда вновь сползла вниз.

Вонь этого места пропитала меня насквозь. Я давила подступающую тошноту, пытаюсь вскарабкаться наверх снова и снова. Теперь фэйри хохотали и потешались.

— Мышка в ловушке, — сказал один из них.

— Плохо без табуретки-стремянки? — ликовал другой.

Табурет-стремянка.

Я обернулась к груде костей, затем с силой упёрлась рукой в стену. Твёрдая. Всё это место было покрыто грязью, и если это существо такое же, как и его мелкие безобидные собраты, то я могу предположить, что вонь — и, следовательно, сама грязь — это остатки всего, что прошло через его организм после того, как он начисто обсосал кости.

Игнорируя этот мерзкий факт, я ухватила за искру надежды и схватила две самые большие и прочные кости, которые только смогла быстро найти. Обе длиннее моей ноги и тяжёлые — вгонять их в стену было тяжело. Не знаю, чем обычно питается это существо, но такие кости, по меньшей мере, могли остаться от кого-то размером с крупный рогатый скот.

— Что оно делает? Что оно замышляет? — зашипел один из фэйри.

Схватив третью кость, я глубоко воткнула её в стену настолько высоко, насколько смогла достать. Подобрала четвертую кость, немного поменьше, я сунула её за ремень, переместив за спину. Проверив на прочность три кости несколькими резкими рывками, я втянула воздух сквозь зубы, не обращая внимания на щebet и хихиканье фэйри, и начала подниматься по своей собственной лестнице. Моей табуретке-стремянке.

Первая кость легко меня выдержала, и, хмыкнув, я ухватила за вторую кость-ступеньку и подтянулась. Я уже забросила ногу на ступеньку, когда меня поразила другая идея, и я замерла.

Фэйри — не так уж далеко — снова закричали.

Но это может сработать. Это может сработать, если я всё правильно разыграю. Это может сработать, потому что это *обязано* сработать. Я спрыгнула обратно в грязь, наблюдающие за мной фэйри озадаченно зашептались. Вытянув кость из-за пояса, я с резким выдохом сломала её об колено.

Мои собственные кости обожгло болью, но эту я сломала — и теперь у меня есть два острых осколка кости. Это работает.

Если Амаранта хочет, чтобы я охотилась, я буду охотиться.

Я подошла к середине ямы, рассчитывая расстояние, и воткнула две кости в землю. Вернувшись к курганам костей, я быстро осмотрела их, выискивая что угодно достаточно прочное и острое. Когда от такой нагрузки у меня разболелось колено, я стала ломать кости ногой. Одну за другой, я втыкала их в грязную землю под открытой ямой до тех пор, пока весь пол, кроме одного небольшого кусочка, не был усеян белыми пиками.

Я не перепроверяла проделанную работу — всё получится, или я окажусь среди тех костей на полу. Всего один шанс. Всё, что у меня есть. Но лучше, чем вообще ни шанса.

Я бросилась к своей костяной лестнице, игнорируя впившиеся в пальцы осколки, и взобралась на третью ступень, где поймала равновесие и вогнала в стену четвертую кость.

И вот так я и выбралась из пасти ямы, едва не рыдая, снова оказавшись на открытом воздухе.

Проверив и закрепив за поясом внушавшие своим весом уверенность три кости, прихваченные из ямы, я ринулась к ближайшей стене. Я схватила пригоршню вонючей грязи и размазала её по лицу. Фэйри зашипели, когда я снова зачерпнула грязи, на этот раз тщательно размазывая её по волосам, затем по шее. Я уже привыкла к невыносимой вонючости, и потому мои глаза лишь слегка слезились, пока я быстро себя «разукрашивала». Я даже отвлеклась на минутку и выкачалась по земле. Каждый дюйм моего тела должен быть

покрыт слоем грязи. Каждый проклятый дюйм.

Если существо слепое, значит, оно полностью полагается на обоняние — и мой запах будет моей величайшей слабостью.

Я втирала в себя грязь до тех пор, пока точно не уверилась, что от меня не осталось ничего, кроме пары серо-голубых глаз. Я обмазалась в последний раз, мои руки были настолько склизкими, что я едва могла выхватить одну из острых сколотых костей из-за пояса.

— Что оно делает? — капризно захныкал зеленолицый фэйри.

На этот раз ему ответил глубокий, элегантный голос.

— Она строит ловушку, — Рисанд.

— Но Мидденгард...

— Полагается исключительно на обоняние, — ответил Рисанд и, заметив его над краем рва, я сердито уставилась на него, а он только улыбался мне. — И Фейра только что стала невидимой.

Его фиолетовые глаза сверкнули. Я скрутила непристойный жест, прежде чем бросилась бежать напрямиком на встречу с червём.

Оставшиеся кости я разместила на особенно крутых поворотах, прекрасно понимая, что не смогу повернуть на той скорости, с которой, надеюсь, буду бежать. Найти червя оказалось достаточно просто — фэйри столпились подразнить его, но я должна добраться до правильного места — я должна выбрать своё поле боя.

Я сбавила темп до вкрадчивых шагов и, услышав хлопанье и скользящие звуки червя, прижалась к стене. Хруст.

Фэйри, наблюдающие за червём — десять из них с морозно-голубой кожей и чёрными миндалевидными глазами — хихикали. Я могла только предположить, что когда я навеяла на них скуку, они решили посмотреть, как умирает что-то другое.

И это замечательно, но только если червь всё ещё голоден — только если он поведётся на приманку, которую я ему предложу. Толпа зашептала и заворчала.

Я выглянула из-за поворота, вытянув шею. На мне было слишком много его запаха, чтобы червь меня учуял, и потому он продолжал пировать, вытягиваясь всем своим округлым телом вверх, где один из фэйри болтал в воздухе чем-то, что больше всего напоминало волосатую руку. Червь заскрежетал зубами, а фэйри с голубой кожей загоготали, бросив руку прямо в его раскрытую в ожидании угощения пасть.

Я нырнула обратно за поворот и подняла клинок из кости, который сделала сама. Прокрутила в памяти путь сюда, вспомнила все подсчитанные повороты.

И всё же моё сердце будто бы застряло в горле, когда я провела острием кости по ладони, испарывая кожу. Хлынула кровь — яркая и сверкающая точно брызги рубинов. Я позволила ей немного пролиться, прежде чем крепко сжать руку в кулак. Вскоре червь учует её.

Только тогда я поняла, что толпа притихла.

Едва не выронив кость, я снова выглянула за поворот в поисках червя.

Его не было.

Фэйри с голубой кожей ухмылялись мне.

И тогда, словно падающая звезда, вдребезги разбившая тишину, над гротом прорычал голос *Люсьена*:

— *ВЛЕВО!*

Я рванула с места, отскочив всего на несколько футов до того, как стена за мной взорвалась брызгами грязи, когда червь пробился сквозь неё и готовые рвать зубы оказались в нескольких дюймах от меня.

Я бежала так быстро, что траншеи превратились в одно сплошное размазанное красновато-коричневое пятно. Мне нужно хотя бы немного увеличить дистанцию, иначе он обрушится прямо на меня. Но он также должен быть достаточно близко, чтобы он не смог опомниться, чтобы голод сводил его с ума.

Я свернула на первом крутом повороте, ухватившись за кость, воткнутую в угол. Я использовала её, чтобы легко повернуть и не сбавлять скорости, чтобы придать себе ускорения и получить ещё несколько бесценных секунд преимущества перед червём.

Дальше налево. Дыхание обжигало горло и лёгкие. На горизонте замаячила вторая воткнутая на углу кость и я снова воспользовалась ею, чтобы плавно повернуть.

Мои колени и лодыжки взвыли, когда я изо всех сил старалась удержать равновесие и не поскользнуться в грязи. Остался всего лишь один поворот, а потом бежать прямо...

Я свернула на последнем повороте и рёв фэйри изменился. Червь был бесноватой, необузданной силой за моей спиной, но мои шаги были твёрдыми и уверенными, ведь я неслась по последнему отрезку пути.

Впереди показалась чёрная пасть ямы и, с последней молитвой, я прыгнула.

Там была только плотная тьма, готовая меня проглотить.

Я махнула руками и наклонилась вперёд, стремясь приземлиться на то место, куда я рассчитывала. Боль вгрызлась в мои кости и голову, когда я ударилась о покрытую грязью землю и прокатилась вперёд. Я перевернулась и вскрикнула — что-то вонзилось мне в руку, проткнув насквозь.

Но у меня не было времени ни посмотреть на руку, ни думать о ней, я убиралась прочь отсюда, как можно дальше вглубь черноты логова червя. Я схватила ещё одну кость и обернулась, когда червь тяжело рухнул в яму.

Он ударился о землю и его массивное тело вывернулось набок, я ожидала смертельной атаки, но вместо неё влажный, хрустящий треск наполнил воздух.

И червь не шевелился.

Я сидела на корточках, давилась обжигающим лёгкие воздухом и пялилась в зубатую бездну его пасти, всё так же широко распахнутую, чтобы сожрать меня. Мне понадобилось несколько ударов сердца для осознания, что червь не собирает меня проглатывать целиком, и ещё несколько ударов на то, чтобы понять — он на самом деле нарвался на костяные пики. Он мёртв.

Я не вслушивалась в изумлённые вздохи, затем в оживлённые крики — в общем-то, я ни о чём не думала и ничего не чувствовала, обойдя червя и медленно выкарабкавшись из ямы, не выпуская из рук свой костяной клинок.

Молча, всё ещё находясь за пределами слов, я пошла обратно через лабиринт, моя левая рука пульсировала болью, но моё тело так горело, что я не обратила на неё внимания.

Но в тот момент, когда я заметила Амаранту на её возвышении над краем рва, я сжала в кулак свободную руку. *Доказать мою любовь.* Боль пронзила руку, но я приняла её. Я победила.

Я смотрела на неё из-под сдвинутых бровей и не сдерживалась, оскалившись ей. Она поджала губы и больше не трогала колено Тамлина.

Тамлин. *Мой Тамлин.*

Я крепче стиснула длинную кость в руке. Меня трясло — я дрожала всем телом. Но не от страха. О нет. Это был далеко не страх. Я доказала свою любовь — и не только.

— Ну, — Амаранта слегка усмехнулась. — Полагаю, кто угодно мог бы проделать то же самое.

Я разбежалась на несколько шагов и со всей своей оставшейся силы швырнула в неё кость.

Она приземлилась в грязь у её ног, забрызгав её белое платье и покачиваясь там.

Фэйри снова изумлённо ахнули, а Амаранта пристально смотрела на подрагивающую кость, прежде чем прикоснуться к грязи на корсаже платья. Её губы медленно растянулись в улыбке.

— Дерзко, — хмыкнула она.

Если бы нас не разделял непреодолимый ров, я бы вырвала ей глотку. Однажды — если я переживу всё это — я живьём сдеру с неё кожу.

— Думаю, ты будешь счастлива услышать, что большая часть моего Двора сегодня потеряла крупную сумму денег, — она взяла в руки кусок пергамента.

Пока она изучала бумажку, я смотрела на Тамлина. Его изумрудные глаза ярко сияли, и хоть его лицо и было мертвенно бледным, я могла бы поклясться, что на нём отражалась тень торжества.

— Посмотрим, — Амаранта продолжила вчитываться в бумажку, играя косточкой пальца Юриана на своей цепочке. — Да, как я и говорила, почти весь мой двор поставил на твою смерть в течение первой минуты; некоторые поставили на пять минут и... — она перевернула бумагу. — И только один поставил на твою победу.

Оскорбительно, но не удивительно. Я не сопротивлялась, когда Аттор вытащил меня изо рвов и траншей и бросил у подножья возвышения Амаранты, прежде чем улететь. От удара моя рука вспыхнула.

Хмурясь строчкам на пергаменте, Амаранта махнула рукой.

— Уведите её. Меня утомляет её скучное лицо.

Она сжала подлокотники своего трона так сильно, что у неё побелели костяшки пальцев.

— Рисанд, подойди-ка сюда.

Я уже не увидела, как к ней подходил Высший Лорд. Красные руки крепко вцепились в меня, чтобы не скользить. А я и забыла, что перемазана начавшей подсыхать грязью, будто второй кожей. Когда они потащили меня долой с глаз Амаранты, руку прострелила резкая боль, затмив вспышкой агонии все чувства.

И тогда я посмотрела на левое предплечье, меня затошнило при виде капающей крови и разорванных сухожилий, при виде разошедшихся краев раны и виднеющегося чистого осколка кости.

Я даже не смогла оглянуться на Тамлина, не смогла найти Люсьена и поблагодарить его до того, как боль поглотила меня целиком, мне едва удавалось перебирать ногами по пути обратно в камеру.

Никто, даже Люсьен, не пришёл помочь мне с рукой в последовавшие после победы дни. Стоило только зацепить осколок кости, как боль вспыхивала до крика, а у меня не было иного выбора, кроме как сидеть здесь, позволяя ранению вытягивать из меня все соки, и всеми силами пытаться не думать о постоянно пульсирующей ране, от которой по телу разбегались ядовитые искры.

Но гораздо хуже этого была нарастающая паника — паника, что кровотечение не прекращается. Я знаю, почему кровь не останавливается. Я продолжала поглядывать на рану — или в надежде, что кровь всё-таки свернётся, или в ужасе, что скоро я замечу первые признаки заражения.

Я не могла питаться протухшими продуктами, которые они мне давали. Их вид вызывал такую тошноту, что от одного из углов моей камеры теперь несло рвотой. Лучше не было и оттого, что я до сих пор измазана в грязи, а в подземелье всё время холодно.

Я сидела у дальней стены камеры и наслаждалась ледящей прохладой камня за спиной. Пробудившись от беспокойного сна, я обнаружила у себя жар. Своего рода огонь, спугавший всё вокруг. Моя раненая рука бессильно обвисла, а я тупо уставилась на дверь темницы. Кажется, она покачивалась как на волнах и покрылась рябью.

Эта температура, обжигающая лицо, это симптом простуды — это не лихорадка из-за заражения крови. Я приложила руку к груди, на колени посыпалась засохшая грязь. Каждый вдох — глоток битого стекла. Не лихорадка. Не лихорадка. Не лихорадка.

Веки покалывало и они потяжелели. Мне нельзя спать. Я должна убедиться, что рана не заражена, я должна... должна...

И тогда дверь на самом деле пошевелилась — нет, не дверь, а скорее тьма вокруг неё, и она, казалось, действительно рябит. В животе туго свернулся неподдельный страх, когда из тьмы сформировалась мужская фигура, как если бы он словно тень проскользнул между стеной и дверью.

Теперь Рисанд был абсолютно реален, его фиолетовые глаза сияли в полумраке. Стоя у двери, он медленно улыбнулся.

— Какое печальное положение для защитника Тамлина.

— Катись в Пекло, — огрызнулась я, но вряд ли слова прозвучали громче свистящего хрипа.

Голова казалась лёгкой и невыносимо тяжёлой одновременно. Если я попытаюсь подняться, я тут же потеряю равновесие.

Он подошёл ближе с этой своей кошачьей грацией и легко опустился на корточки передо мной. Принюхавшись, он сгримасничал в сторону угла, где меня вырвало. Я попыталась подобрать ноги, чтобы было удобнее отползти прочь или пнуть его по лицу, но они налились свинцовой тяжестью.

Рисанд склонил голову набок. Казалось, его бледная кожа излучает алебастровый свет. Я сморгнула паволоку тумана перед глазами, но даже не смогла повернуть голову в сторону, когда его пальцы задели мою бровь.

— Что сказал бы Тамлин, — прошептал он. — Если бы знал, что его возлюбленная гниёт здесь заживо и сгорает от лихорадки? Не то чтобы он мог даже прийти сюда, не когда за каждым его движением пристально следят.

Я прятала руку в плотных тенях. Последнее, что мне сейчас нужно, это чтобы кто-то знал, насколько я слаба.

— Убирайся, — слова обжигали горло, глаза пекли. Я с трудом сглотнула.

Он выгнул бровь.

— Я пришёл предложить тебе помощь, а у тебя хватает наглости выдворять меня?

— Убирайся, — повторила я. Глаза так воспалились, что мне было больно держать их открытыми.

— Знаешь, ты принесла мне немало денег. Полагаю, с меня услуга.

Я прислонилась головой к стене. Мир кружился — кружился волчком, кружился как... Я подавила тошноту.

— Позволь взглянуть на твою руку, — сказал он слишком тихо.

Я всё ещё прятала руку в тених — хотя бы потому, что поднять её оказалось слишком тяжело.

— Позволь мне взглянуть, — мягкая волна рыка. Не дожидаясь моей реакции, он схватил меня за локоть и вытянул руку в тусклый свет темницы.

Я прикусила губу, чтобы не закричать — прикусила сильно, до крови, потому что вены вспыхнули огнём, голова закружилась и все мои чувства сузились до единственного торчащего куска кости. Они не должны узнать — не должны узнать, как всё плохо, иначе они используют это против меня.

Рисанд осмотрел рану, на его чувственных губах возникла улыбка.

— Оу, прекрасно до жути.

Я выругалась на него, он усмехнулся в ответ:

— Такие слова и от леди.

— Проваливай, — прохрипела я. Мой слабый хрипящий голос пугал так же, как и рана.

— Разве ты не хочешь, чтобы я исцелил твою руку? — его пальцы крепче обхватили мой локоть.

— Какой ценой? — парировала я, продолжая опираться затылком на каменную стену, нуждаясь в её отсыревшей прочности.

— А, *это*. Жизнь среди фэйри научила тебя некоторым нашим уловкам.

Я сконцентрировалась на ощущениях здоровой руки на колене — сосредоточилась на засохшей под ногтями грязи.

— Мы с тобой заключим сделку, — вскользь заметил он, мягко опустив мою руку. Когда она коснулась пола, мне пришлось зажмуриться, борясь со всколыхнувшимися ядовитыми молниями в крови. — Я исцелю твою руку в обмен на *тебя*. Две недели каждого месяца, две недели на мой выбор, ты будешь проводить со мной в Ночном Дворе. Начиная сразу после этого бардака с тремя испытаниями.

Я распахнула глаза.

— Нет, — я уже заключила одну глупую сделку.

— Нет? — он оперся руками на свои колени и склонился ближе. — Серьёзно?

Перед глазами всё пустилось в пляс.

— Выметайся, — выдохнула я.

— Ты отвергаешь моё предложение — и ради чего? — я не ответила и он продолжил. — Стало быть, ты ожидаешь одного из своих друзей — Люсьена, верно? Если уж на то пошло, до этого именно он исцелил тебя, не так ли? О, только не надо строить такие наивные глазки. Аттор и его дружки сломали тебе нос. Не думаю, что человеческие кости способны так быстро срастаться, разве что только если ты обладаешь какой-то магией, которую от нас скрываешь, — его глаза сверкнули и он поднялся, шагнув немного в сторону. — Я вижу для тебя только два варианта, Фейра. Первый — и самый разумный —

принять моё предложение.

Я плюнула ему под ноги, но он продолжил прогуливаться по камере, лишь неодобрительно покосившись на меня.

— Второй вариант — который выберет только полный идиот — отказаться от моего предложения и вручить свою жизнь, как и жизнь Тамлина, в руки чистой случайности.

Он остановился и пристально посмотрел на меня. Хотя мир перед моими глазами кружил и танцевал, что-то первородное во мне позволило мне спокойно и холодно выдержать его взгляд.

— Допустим, я ушёл. Возможно, Люсьен прибежит к тебе на помощь через пять минут после моего ухода. Или, возможно, он придёт через пять дней. А, быть может, он и вовсе не появится. Между нами говоря, он держится в тени после своего крайне компрометирующего порыва на твоём испытании. Не сказать, чтобы Амаранта была им довольна. Даже Тамлин спохватился со своего восхитительного насеста и умолял пощадить его — столь благородный воин, твой Высший Лорд. Она прислушалась, конечно же — но только после того, как заставила Тамлина исполнить наказание Люсьена. Двадцать плетей.

Меня затрясло, к горлу снова подступила тошнота при мысли о том, каково было моему Высшему Лорду наказывать собственного друга.

Рисанд пожал плечами — красивый, непринуждённый жест.

— Следовательно, вопрос в том, насколько ты готова довериться Люсьену — и чем ты готова рискнуть ради этого. Ты уже задумываешься — не заражение ли в крови стало причиной лихорадки. Может быть нет, а может быть и да. Может, всё в порядке. Может, в грязи червя нет гнойной гадости. И, может быть, Амаранта пришлёт целителей, но, к тому времени, ты или уже будешь мертва, или твоя рука будет уже настолько заражена, что тебе повезёт, если у тебя хоть что-то выше локтя останется.

Желудок сжался в болезненный комок.

— Мне нет необходимости вторгаться в твой разум, чтобы узнать всё это. Я уже знаю то, что ты только сейчас медленно осознаёшь, — он снова присел передо мной. — Ты умираешь.

Глаза жгли, я поджала губы.

— Чем ты готова рискнуть в надежде на то, что тебе поможет кто-то другой?

Я смотрела на него и вкладывала в этот взгляд всю свою ненависть. Причина всего случившегося — он. Он рассказал Амаранте о Клэр; он заставил Тамлина унижаться.

— Ну?

Я оскалила зубы.

— Катись. В. Пекло.

Молниеносным движением он схватил осколок кости, торчащий из моей руки, и провернул. Истязая больное горло, из меня вырвался крик. Мир мельтешил чёрным, белым и красным. Я вырывалась и корчилась, но он продолжал удерживать меня, провернув кость в последний раз, прежде чем отпустить мою руку.

Задышавшись, едва не рыдая от боли, отразившейся по всему телу, я увидела, как он снова мне ухмыляется. Я плюнула ему в лицо.

Он только рассмеялся, поднявшись и вытерев щеку тёмным рукавом кителя.

— Предлагаю своё содействие в последний раз, — сказал он, остановившись у двери камеры. — Как только я выйду из этой камеры, предложение потеряет силу, — я снова плюнула, а он покачал головой. — Держу пари, когда за тобой явится Смерть, ей в лицо ты

тоже будешь плевать.

От него начала исходить тьма, его черты растворялись в бесконечной ночи.

Он может блефовать, пытаюсь обманом вынудить меня заключить с ним сделку. Или он может быть прав — возможно, я умираю. От этого зависит моя жизнь. Нет, от моего выбора зависит *гораздо больше*, чем только моя жизнь. И если Люсьен действительно не в состоянии прийти... или если он придёт слишком поздно...

Я умираю. Я уже знаю об этом. А в прошлом Люсьен уже ошибался насчет моих способностей — он никогда не понимал пределов моих возможностей как человека. Он отправил меня охотиться на Суриэля с несколькими ножами и луком. Он даже признался в сомнениях в тот день, когда я кричала о помощи. И он может даже не подозревать, в каком плачевном я состоянии. Он может не понимать всей опасности подобного заражения крови. Он может опоздать на день, на час или даже на минуту.

Белая, словно поверхность луны, кожа Рисанда темнела и обращалась в тени.

— Подожди.

Тьма вокруг него замерла. Ради Тамлина... ради Тамлина, я готова продать свою душу; я готова пожертвовать всем ради его спасения.

— Подожди, — повторила я.

Темнота исчезла, Рисанд остался материальным и усмехнулся.

— Да?

Я подняла голову так высоко, как только смогла.

— Только две недели?

— Только две недели, — мурлыкнул он, опустившись на колени передо мной. — Две крохотные, ничтожные две недели со мной каждый месяц, когда я попрошу.

— Зачем? И какие... какие условия? — спросила я, борясь с головокружением.

— Ах, — он поправил лацкан obsidianового кителя. — Если я обо всём тебе расскажу, в чём же тогда будет веселье, а?

Я бросила взгляд на свою раненую руку. Люсьен может вообще больше не появиться, он может решить, что я не стою дальнейшего риска его жизнью, не теперь, когда его наказали за это. И если целители Амаранты отрежут мне руку...

Нэста сделала бы то же самое для меня, для Элейн. И Тамлин так много всего сделал для меня, для моей семьи; пусть даже он и солгал о Договоре, о моей защите от его условий, но в тот день он спас меня от нагов, и спас снова, отослав меня из поместья.

Я не могла осмыслить полностью величину того, чем собираюсь пожертвовать — или того, от чего снова могу отказаться. Я встретила взглядом с Рисандом.

— Пять дней.

— Будешь торговаться? — негромко рассмеялся Рисанд. — Десять дней.

Собрав всю свою силу, я выдержала его взгляд.

— Неделя.

Несколько долгих мгновений Рисанд не отвечал, его взгляд путешествовал по моему телу и лицу, прежде чем он прошептал:

— Неделя.

— Тогда по рукам, — сказала я. Я почувствовала металлический привкус на языке, когда магия всколыхнулась между нами.

Его улыбка приобрела шальной оттенок, и не успела я ничего понять, как он ухватил меня за руку. Ослепительная, острая боль и мой крик эхом застывший в ушах, когда мои

кости и тело разбились вдребезги, хлынула кровь, а затем...

Когда я открыла глаза, Рисанд всё ещё ухмылялся. Я понятия не имела, как долго пробыла без сознания, но лихорадка спала, и в голове было ясно — я села и никакого головокружения. Более того, грязь тоже исчезла; я чувствовала себя так, словно только что искупалась.

Но после я подняла левую руку.

— Что ты со мной сделал?

Рисанд поднялся, проведя рукой по своим коротким, тёмным волосам.

— Это обычай моего Двора для сделок — наносить постоянное напоминание на тело.

Я потерла левое предплечье и руку, которую теперь целиком покрывали переплетения завитков и вихрей чёрных чернил. Досталось даже пальцам, а в центре ладони красовалась татуировка большого глаза. Кошачьего, с вертикальным зрачком, глядящим прямо на меня.

— Убери это, — сказала я, а он засмеялся.

— Вы, люди, поистине благодарные существа, да?

На расстоянии татуировка выглядела как кружевная перчатка до локтя, но когда я подносила руку ближе к лицу, я могла рассмотреть замысловатые изображения цветов и изгибов, сплетавшихся вместе, чтобы составить большую картину. Постоянную. Вечную.

— Ты не сказал мне, что будет так.

— Ты не спрашивала. Так в чём моя вина? — он подошёл к двери, но задержался, хотя тьма чистой ночи уже окутала его плечи. — Разве что причина отсутствия благодарности и признательности кроется в твоём страхе реакции одного Высшего Лорда.

Тамлин. Я уже представляла, как побледнеет его лицо, как губы превратятся в тонкую линию и покажутся когти. Я уже практически слышала его рык, когда он будет спрашивать, о чём я только думала.

— Впрочем, думаю, я подожду удобного момента, чтобы рассказать ему, — сказал Рисанд.

Блеск в его глазах сказал мне достаточно. Рисанд сделал это не ради моего спасения, а лишь бы досадить Тамлину. И я попала в его ловушку — попала ещё безнадежнее, чем червь, попавший в мою ловушку.

— Отдыхай, Фейра, — сказал Рисанд.

Он обратился живой тенью и исчез сквозь щель в двери.

Глава 38

Я старалась не смотреть на свою левую руку, драя щёткой полы в коридоре. Чернила — которые на свету оказались насыщенного и глубокого оттенка синего, почти чёрного — тёмным облаком кружили над моими мыслями, а они были довольно мрачными и без осознания того, что я продала себя Рисанду. Я не могла смотреть на глаз на ладони. У меня было нелепое, жутковатое ощущение, что он наблюдает за мной.

Я окунула большую щётку в ведро, которое краснокожие фэйри швырнули мне в руки. Я едва разбирала их речь, искажённую плотными рядами длинных жёлтых зубов, но когда они вручили мне щётку, ведро и показали длинный коридор из белого мрамора, я поняла их.

— Если к ужину не вымоешь до блеска, — сказал один из них, усмехнувшись и щёлкнув зубами. — Мы привяжем тебя к вертелу и хорошенько покрутим над огнём.

Вместе с этими словами они и ушли. Я понятия не имела, в котором часу у них ужин, и потому отчаянно бросилась отмывать полы. Спину уже беспощадно ломило, а я приступила

к мытью всего лишь не больше получаса назад. Но они дали меня грязную воду и чем больше я драила полы, тем грязнее они становились. Подойдя к двери попросить ведро чистой воды, я обнаружила, что она заперта. Помощи ждать не от кого.

Невыполнимое задание — задание, только бы меня помучить. Вертел — возможно, это он источник постоянных криков в подземельях. Интересно, несколько оборотов сожгут меня дотла или просто обожгут до той степени, чтобы я снова влипла в очередную сделку с Рисандом? Ругаясь, я сильнее тёрла полы — грубый ворс щётки топорщился и шелестел по мраморным плитам. За ней оставался след из бурой радуги и я зарычала, снова окунув щётку. Она напиталась грязной водой и заляпала весь пол.

С каждой попыткой отмыть пол, бурые разводы разрастались только больше. Шумно выдохнув, я швырнула щётку и закрыла лицо мокрыми руками. Я быстро опустила левую руку, сообразив, что глаз прижат к щеке.

Я проглотила судорожный вздох. Должен быть какой-то здравый способ сделать это; должен быть какой-то старушечий трюк. Вертел — привязанная к вертелу как зажаренный поросенок.

Я схватила отскочившую в сторону щётку и ожесточённо начала тереть пол до тех пор, пока руки не задрожали от напряжения. Похоже, будто кто-то прошёлся и расплескал грязь по всему коридору. И, чем сильнее я драила бурые разводы, тем активнее они *действительно* превращались в грязь. Я наверняка буду кричать и молить о пощаде, когда они будут крутить меня на вертеле. Тело Клэр усеивали красные линии — следы какого орудия пыток это были? Руки тряслись и я отложила щётку. Я смогла одолеть гигантского червя, но вымыть полы... *вот*, что оказалось для меня невыполнимой задачей.

Где-то дальше по коридору щёлкнула дверь и я вскочила на ноги. Я заметила тёмно-рыжие волосы и облегчённо выдохнула. Люсьен...

Не Люсьен. Ко мне повернулась девушка — без маски.

Она выглядела немногим старше Амаранты, а её фарфоровая кожа была изысканного оттенка, подчёркнутого едва заметными розовыми румянами. И если только по рыжим волосам я не могла узнать её, то когда взгляд её красноватых глаз встретился с моим, я поняла, кто передо мной.

Я склонила голову перед Леди Осеннего Двора, она слегка кивнула мне в ответ. Полагаю, это было достаточно уважительно.

— За то, что ты отдала ей своё имя вместо жизни моего сына, — её голос приятный и ласковый, словно яблоки в тёплых солнечных лучах. Должно быть, в тот день она была среди толпы. Она указала изящной, тонкой рукой на ведро. — Мой долг уплачен.

Она скрылась за той же дверью, откуда пришла, и я могла поклясться, что ощутила витающий следом за ней аромат печеных каштанов на потрескивающем огне.

Только когда дверь за ней закрылась, я поняла, что мне следовало поблагодарить её, и только взглянув в ведро, я поняла, что прятала левую руку за спиной.

Я опустила на колени рядом с ведром и опустила пальцы в воду. Они были чистыми.

Я вздрогнула, позволив себе на мгновение сесть на пол, прежде чем выплеснуть часть воды на пол и увидеть, как исчезает грязь.

К разочарованию охранников, я справилась с их невыполнимым поручением. Но на

следующий день они снова гаденько улыбались, толкнув меня в огромную, тёмную спальню, освещённую всего несколькими свечами, и указав на затерявшийся в тенях камин.

— Слуга рассыпал чечевицу в пепел, — прокряхтел один из охранников, бросив мне деревянное ведёрко. — Уберись, пока не вернулся владелец комнаты, или он кусками сдерёт с тебя кожу.

Дверь захлопнулась, щёлкнул замок, я осталась одна.

Выбирать чечевицу среди пепла и углей — нелепо, бесполезно и...

Я подошла к тёмному камину и поёжилась.

Невозможно.

Я окинула взглядом спальню. Ни окон, ни дверей, за исключением той, в которую меня только что втолкнули. Огромная кровать аккуратно застлана, а чёрные простыни из... из шелка. Помимо базовой мебели в комнате ничего больше не было; ни брошенной одежды, ни книг, ни оружия. Будто владелец комнаты здесь и не спал никогда. Я опустила на колени у камина и выровняла дыхание.

У меня острое зрение — напоминала себе я. Я могу заметить скрывающихся в зарослях кроликов и выследить большинство животных, желающих остаться незамеченными. Разглядеть чечевицу не может быть *такой* уж большой проблемой. Вздохнув, я подобралась ближе к камину и приступила к заданию.

Я ошибалась.

Спустя два часа мои глаза ныли и горели, и хоть я тщательно перебрала каждый дюйм этого камина, там постоянно находилась ещё чечевица — снова и *снова*, которую я каким-то образом проглядела. Охранники не сказали, *когда* должен вернуться владелец комнаты, и потому тиканье часов на каминной полке звучало похоронным колоколом, а от каждого шороха за дверью я хваталась за железную кочергу, приставленную к стене рядом с камином. Амаранта ни разу не упоминала ничего о том, что я не могу отбиваться — никогда не уточняла, что мне нельзя защищаться. По крайней мере, без боя я не сдамся.

Я снова и снова копалась в пепле. Руки испачкались — полностью черные, одежда покрылась сажей. Там определённно больше ничего нет: определённно...

Щёлкнул замок, я схватила кочергу и подорвалась на ноги, обернувшись и спрятав импровизированное оружие за спиной.

Тьма заполнила комнату, притушив свечи лёгким порывом морозного воздуха. Я крепче вцепилась в кочергу и сильнее вжалась в камни облицовки камина, как раз когда тьма уплотнилась на кровати и обрела знакомые формы.

— Как удивительно тебя здесь видеть, Фейра, милая, — Рисанд растянулся на постели и подпер голову рукой. — Мне стоит знать, зачем ты копаешься в моём камине?

Я слегка согнула колени, приготовившись бежать, уклоняться, сделать что угодно, лишь бы добраться до двери, которая казалась очень, очень далеко.

— Мне сказали выбрать чечевицу из пепла, иначе ты сдерёшься с меня кожу.

— И они правы, — кошачья улыбка.

— За эту идею мне тебя следует поблагодарить? — прошипела я. Ему не позволено меня убивать, не на время моей сделки с Амарантой, но... существуют и другие способы навредить.

— О нет, — протянул он. — *О нашей* маленькой сделке пока никто не знает — и ты делаешь всё, чтобы сохранить её в тайне. Стыд немного заедает, да?

Я стиснула зубы и указала одной рукой на камин, второй всё ещё пряча за спиной кочергу.

— Достаточно чисто для тебя?

— Начнём с того, откуда вообще в моём камине взялась чечевица?

Я в открытую уставилась на него.

— Полагаю, *домашняя работа* одной из твоих любовниц.

— Хм, — он изучал свои ногти. — Видимо, она или её подельники решили, что я найду, как с тобой развлечься.

Во рту пересохло.

— Или это проверка для тебя, — удалось мне сказать. — Ты говорил, что во время первого испытания поставил на меня. Кажется, она этому не очень обрадовалась.

— И какие у Амаранты могут быть основания проверять меня?

Я не отводила глаз от этого фиолетового взгляда. *Шлюха Амаранты* — как однажды назвал его Люсьен.

— Ты солгал ей. Насчет Клэр. Ты прекрасно знал, как я выгляжу.

Плавным движением Рисанд сел и оперся руками на бёдра. Столько грации в такой могущественной форме. «*Я устраивал резню на поле боя ещё до твоего рождения*» — сказал он Люсьену. Я в этом не сомневалась.

— У Амаранты свои игры, — просто ответил он. — А у меня свои. Тут довольно быстро становится скучно, когда остаёшься здесь день за днём.

— Она выпустила тебя в Огненную Ночь. И каким-то образом ты отсюда выбрался, когда оставил ту голову в саду.

— Она попросила меня оставить в саду ту голову. А что касается Огненной Ночи... — он окинул меня взглядом сверху донизу. — У меня были свои причины быть там. И не думай, Фейра, что мне это обошлось за так, — он снова улыбнулся, но в глазах улыбка не отразилась. — Ты собираешься оставить в покое эту кочергу, или мне стоит ожидать скорого нападения?

Я проглотила проклятья и перестала прятать кочергу — но не опустила.

— Попытка храбрая, но бесполезная, — сказал он. Верно — чертовски верно, ведь ему не пришлось даже убрать руки из карманов, чтобы удерживать разум Люсьена.

— Как получилось, что у тебя осталась такая сила, в то время как у других её нет? Я думала, она забрала все ваши способности.

Он приподнял ухоженную, тёмную бровь.

— О, она забрала моё могущество. А это... — когти легко коснулись моего разума. Я отшатнулась назад и врезалась в камин. Влияние на разум испарилось. — Это всего лишь остатки. Крохи, с которыми мне осталось играть. У твоего Тамлина грубая сила и смена формы; в моём арсенале ассортимент гораздо более смертоноснее.

Я знала, он не блефует — не после того как я ощутила его когти в своем разуме.

— Значит, ты не можешь менять форму? Это не какая-то общая особенность Высших Лордов?

— О, так могут все Высшие Лорды. У каждого из нас под кожей скрывается зверь и рычит, желая вырваться. Тогда как твой Тамлин выбирает мех, я предпочитаю крылья и когти — они гораздо интересней.

Вниз по спине скользнул холодок.

— Ты можешь обратиться сейчас? Или эту силу она тоже забрала?

— Столько вопросов от маленькой смертной.

Но парящая вокруг него тьма закружилась, изгибаясь, и уплотнилась, когда он поднялся на ноги. Я моргнула, и всё уже прекратилось.

Я подняла железную кочергу, немножко.

— Не полное изменение, как видишь, — Рисанд щёлкнул острыми как лезвия чёрными когтями, заменившими ему пальцы. Ниже колен его полностью охватила тьма — но сквозь неё вместо ног тоже сверкали когти. — Мне не особо нравится всецело уступать моей первородной стороне.

Действительно, это всё ещё был Рисанд, его сильное мужское тело, но за его спиной были массивные перепончатые чёрные крылья — как у летучей мыши, как у Аттора. Он аккуратно сложил их, но над его широкими плечами каждое крыло венчал острый коготь. Ужасающе, ошеломляюще — лицо тысяч кошмаров и грез. Глядя как при свечах сияют его крылья, как подсвечены вены и как сияние теряется в его когтях, во мне проснулась часть, снова ставшая бесполезной.

Рисанд размял шею, и всё исчезло в один миг — крылья, когти, осталось только тело мужчины — хорошо одетого и невозмутимого.

— Ни одной попытки лести?

Я сделала большую, огромную ошибку, отдав ему свою жизнь.

Но я ответила:

— У тебя и без того достаточно самомнения. Сомневаюсь, что лесть маленькой смертной имеет для тебя значение.

Он низко рассмеялся, и его смех скользнул вдоль моих костей, согрел кровь.

— Не могу определиться — считать мне тебя очаровательной или крайне глупой за такую дерзость с Высшим Лордом.

Кажется, только рядом с ним у меня не было неприятностей из-за длинного языка. И потому я рискнула спросить:

— Ты знаешь ответ на загадку?

Он скрестил руки.

— Жульничаешь, да?

— Она не уточняла, что я не могу просить о помощи.

— Да, но после того как ты обыграла её, она приказала нам не помогать тебе.

Я ждала. Но он покачал головой.

— Даже если бы я хотел тебе помочь, я бы не смог. Она отдаёт приказы — мы им подчиняемся, — он убрал пылинку со своей чёрной рубашки. — Хорошо, что я ей нравлюсь, не так ли?

Я открыла рот, чтобы уговорить его — умолять его. Если на кону мгновенное освобождение...

— Не трать воздух, — сказал он. — Я не могу сказать тебе — никто здесь не может. Если она прикажет нам не дышать, мы будем обязаны подчиниться, — он нахмурился, глядя на меня, и щёлкнул пальцами. Сажа, грязь и пепел исчезли с моей кожи, я стала такой чистой, будто только что вышла из ванной. — Вот. Подарок — за храбрость хотя бы спросить.

Я бросила на него внимательный взгляд, но он жестом указал на камин.

Там было чисто — а ведёрко полным чечевицы. Дверь сама собой распахнулась, явив охранников, заперших меня здесь. Рисанд лениво махнул им рукой.

— Она выполнила задание. Уведите её обратно.

Они схватили меня, но он оскалил зубы в улыбке, в которой не было ничего кроме дружелюбия — и они остановились.

— Больше никаких хозяйственных дел, никаких заданий, — его голос был чувственной лаской. Жёлтые глаза охранников остекленели и задурманились, их острые зубы заблестели, когда их челюсти расслабились. — Остальным тоже передайте. Держитесь подальше от её камеры и не прикасайтесь к ней. Ослушаетесь — будете резать себя собственными ножами. Уяснили?

Поражённые, оцепеневшие кивки, затем они моргнули и выпрямились. Я скрывала дрожь. Чары, контроль разума — что бы он только что ни сделал, это подействовало. Они кивками позвали меня — но не посмели дотронуться.

Рисанд улыбнулся мне.

— Всегда пожалуйста, — мурлыкнул он, когда я уходила.

Глава 39

С того момента каждое утро и вечер в моей темнице появлялась свежая, горячая пища. Я набрасывалась на неё с жадностью, но всё равно проклинала Рисанда. Сидя в камере мне не оставалось ничего, кроме как ломать голову над загадкой Амаранты — обычно всё заканчивалось дикой головной болью. Я повторяла её снова, и снова, и снова, но безрезультатно.

Шли дни, и я не видела ни Люсьена, ни Тамлина, как и Рисанд больше не приходил насмехаться надо мной. Я была одна — совершенно одна, запертая в тишине — правда, крики в подземельях не смолкали ни днём, ни ночью. Когда вопли становились совсем невыносимыми и я никак не могла от них абстрагироваться, я смотрела на вытатуированный на ладони глаз. Интересно, он сделал это, чтобы невзначай напомнить мне о Юриане? Как жестокая, мелочная пощечина, указывающая на то, что, возможно, я уже почти принадлежу ему так же, как древний воин теперь во власти Амаранты.

Каждый раз в такие моменты я говорила несколько слов, обращённых к татуировке — а затем проклинала себя за глупость. Или кляла Рисанда. Но я могу поклясться, что когда однажды ночью я задремала — глаз моргнул.

Если я правильно подсчитала расписание приёмов пищи, примерно через четыре дня после встречи с Рисандом в его комнате, в мою клетку заглянули две девушки из Высших Фэ.

Они прошли сквозь трещины осколками тьмы точно так же, как Рисанд. Но в отличие от него, принявшего твёрдую материальную форму, эти фэйри остались плотными тенями, их черты едва ли можно было разглядеть, за исключением их воздушных, струящихся, словно паутина, платьев. Приблизившись ко мне, они не проронили ни слова. Я не противилась им — у меня не было ничего, чтобы защититься или напасть, как и не было путей к бегству. Их руки, сомкнувшиеся на моих предплечьях, оказались холодными, но твёрдыми — как если бы укрывающие их тени были второй кожей.

Их наверняка прислал Рисанд — возможно, кто-то из прислуги его Ночного Двора. Должно быть, они немые — они хранили молчание, теснее прижавшись ко мне и шагнув — физически шагнув — *сквозь* запертую дверь так, будто её не существует. Как если бы я тоже стала тенью. Когда мы двинулись дальше по полным криков подземельям, от мерзкого

ощущения ползающих по спине и рукам пауков у меня подгибались колени. Никто из охранников нас не останавливал — они даже не смотрели в нашу сторону. Значит, на нас чары; и для чужих глаз мы мерцающие тени и ничего больше.

Фэйри вели меня пыльными лестницами и давно позабытыми коридорами, пока не завели в неприметную комнату, где раздели догола, тщательно вымыли, а затем — к моему ужасу — начали разрисовывать моё тело.

Кисточки были нестерпимо холодными и щекотными, я попыталась пошевелиться и прозрачные фэйри крепче в меня вцепились. Всё стало ещё хуже, когда они приступили к разрисовыванию более интимных частей тела, и было невероятно трудно сдерживаться и не двинуть одну из них по лицу. Они не объясняли, зачем они это делают — ни одной подсказки, по которой можно было бы угадать — не новая ли эта пытка от Амаранты. Даже если я сбегу, бежать мне некуда — так я только усугублю положение Тамлина ещё больше. И потому я прекратила требовать ответов, прекратила сопротивляться и позволила им закончить начатое.

Вверх от шеи я выглядела по-королевски: черты лица подчеркивались косметикой — помада на губах, на веках мазки золотистой пылицы, подведённые сурьмой глаза — а мои волосы аккуратно уложили вокруг небольшой золотой диадемы, инкрустированной лазуритом. Но вниз от шеи я будто игрушка языческих богов. Фэйри продолжили рисунок от татуировки на моей руке, а едва чёрно-синяя краска подсохла, они одели на меня тонкое, почти прозрачное белое платье.

Если это вообще можно назвать платьем. Лишь две длинных полосы тонкой как паутинка ткани, по ширине ровно прикрывающие грудь и не более, и на плечах прихваченные золотыми брошами. Вниз два отрезка ткани спускались к инкрустированному драгоценностями поясу, низко сидящему на бёдрах, и соединялись в один, между ног ниспадающий до пола. Ткань едва прикрывала меня, а по холодящему кожу воздуху я поняла, что моя спина практически полностью открыта.

Ласковых касаний ледяного ветра к обнажённой коже оказалось достаточно, чтобы разжечь мою ярость. Две Высшие Фэ игнорировали мои требования переодеться во что-то другое, их невыносимые лица-тени были скрыты от меня, но они крепко ухватили меня за руки, когда я попыталась сорвать с себя платье.

— Я бы не советовал, — глубокий, весёлый голос со стороны дверей. Рисанд прислонился к стене, скрестив руки на груди.

Я должна была догадаться, что это его рук дело, должна была догадаться по совпадающим с татуировкой узорам по всему телу.

— Наша сделка ещё не действует, — огрызнулась я.

Инстинкты, говорившие мне вести себя тихо и не нарываться рядом с Тэмом и Люсьеном, катились к чёрту в присутствии Рисанда.

— Ага, но мне нужна спутница на праздник, — в его фиолетовых глазах сверкали звёзды. — И когда я подумал о тебе, свернувшейся в той клетке, в одиночестве...

Он махнул рукой и слуги-фэйри исчезли сквозь дверь за ним. Я вздрогнула, когда они прошли сквозь дерево — несомненно, это общая особенность всех обитателей Ночного Двора — а Рисанд усмехнулся.

— Ты выглядишь именно так как я и ожидал.

Из глубин памяти всплыли похожие слова, которые однажды прошептал мне Тамлин.

— Это так необходимо? — я указала на рисунки и одежду.

— Разумеется, — невозмутимо ответил он. — Как иначе я узнаю, если кто-то тебя коснётся?

Он подошёл, и я напряглась, когда он размазал рисунок, проведя пальцем по моему плечу. Стоило ему только убрать палец с моей кожи, как рисунок восстановился, вернувшись к первоначальному виду.

— Ни платье, ни твои движения рисунка не испортят, — его лицо приблизилось к моему. Его зубы слишком близко к моему горлу. — И я точно запомню, где были *мои* руки. Но если тебя коснётся кто-то другой — скажем, некий Высший Лорд, равнодушный к весенней поре — я узнаю, — он щёлкнул меня по носу. — И, Фейра, — добавил он — его голос упал до ласкающего шепота. — Мне не нравится, когда трогают мою собственность.

В животе свернулся колючий лёд. Он потребовал меня на неделю каждый месяц. Похоже, он считает, что владение мной распространяется и на всю мою оставшуюся жизнь тоже.

— Пойдём, — жестом поманил Рисанд. — Мы уже опаздываем.

Мы шли по коридорам. С каждым шагом звуки веселья становились громче, а моё лицо пылало, пока я молча убивалась из-за слишком тонкой ткани платья. Сквозь неё моя грудь будет видна всем, рисунки практически ничего не оставляли воображению и от ледяного воздуха в пещерах по коже пробежались мурашки. Ноги, бока, большая часть живота — всё было открыто за исключением двух прозрачных отрезков ткани. Мне пришлось стиснуть челюсти, чтобы не стучать зубами. Мои босые ноги почти околели, и я надеялась что там, куда мы направляемся, будет много огня.

Дикая, эксцентричная музыка доносилась сквозь двустворчатые каменные двери, которые я сразу узнала. Тронный зал. *Нет*. Нет, где угодно, но только не здесь.

Когда мы зашли в зал, фэйри и Высшие Фэ уставились на нас. Одни кланялись Рисанду, другие откровенно пялились. Около дверей я заметила нескольких старших братьев Люсьена. В их улыбках не было ничего кроме лисьего коварства.

Рисанд не прикасался ко мне, но шёл достаточно близко, чтобы было очевидно, что я с ним — что я *принадлежу* ему. Я бы не удивилась, если бы он нацепил на меня ошейник с поводком. Возможно, в какой-то мере так и есть, теперь, когда я связана с ним, когда наша сделка отмечена на моём теле.

Шипение змеиных шепотков перекрыло крики празднования, и даже музыка стихла, когда толпа расступилась, образовав для нас прямую дорожку к возвышению Амаранты. Я высоко подняла голову, вес короны впивался в мой череп.

Я прошла её первое испытание. Я выполнила все её черные работы по хозяйству. Я имею полное право идти с высоко поднятой головой.

Тамлин сидел рядом с ней на том же троне, в своей обыкновенной одежде, абсолютно безоружен. Рисанд говорил, что хочет рассказать ему в подходящий момент, что он хочет *задеть* Тамлина, рассказав о том, какую сделку я заключила. Ублюдок. Каверзный, больной ублюдок.

— Весёлой Середины Лета, — пожелал Рисанд, поклонившись Амаранте.

На ней было богатое платье из лаванды и пурпурных орхидей — на удивление скромное. Я выглядела дикаркой в сравнении с её холеной красотой.

— И что ты сделал с моей пленницей? — она улыбнулась одними губами, в глазах веселья не отразилось.

Лицо Тамлина окаменело — он весь окаменел, только побелели костяшки его вцепившихся в подлокотники трона рук. Когтей не было. По крайней мере, он в состоянии удержать свой гнев в узде.

Какую же глупость я натворила, связав себя с Рисандом. С Рисандом, под чьей прекрасной и безупречной внешностью скрываются крылья и когти; с Рисандом, способным разрушать чужие разумы. *«Я сделала это для тебя»* — хотелось мне закричать.

— Мы заключили сделку, — сказал Рисанд. Я вздрогнула, когда он убрал прядь волос с моего лица. Он провёл пальцами по моей щеке — ласково погладил. Он заговорил, обратившись к Тамлину, и тронный зал утонул в тишине. — Одна неделя со мной в Ночном Дворе каждый месяц в обмен на исцеление после её первого испытания, — он поднял мою левую руку, демонстрируя татуировку, чернила которой блестели не так заметно, как краска на моём теле. — До конца её жизни, — просто добавил он, но теперь его взгляд был обращён к Амаранте.

Королева Фэйри немного выпрямилась — казалось, даже глаз Юриана смотрит на меня, на Рисанда. *До конца моей жизни* — он произнёс это так, будто у меня будет очень, очень долгая жизнь.

Он считает, что я справлюсь с её испытаниями.

Я пристально всмотрелась в его профиль, в изящный нос и чувственные губы. Игры — Рисанд обожает играть в игры, и, похоже, теперь я стала ключевым игроком в одной из его партий.

— Наслаждайтесь моим праздником, — единственное, что ответила Амаранта, вертя в пальцах косточку на своём ожерелье.

Свободный, Рисанд положил руку мне на спину, уводя прочь, уводя от Тамлина, всё ещё вцепившегося в трон.

Толпа держалась на приличном расстоянии от нас, а я не могла обращать на них слишком много внимания из страха, что могу случайно наткнуться взглядом на Тамлина, или замечу Люсьена — и промелькнувшее на его лице выражение, когда он увидит меня.

Я высоко держала голову. Я не позволю никому заметить эту слабость — не позволю им узнать, как меня убивает то, насколько открытая на мне одежда, то, как каждый дюйм моей кожи разрисован символами Рисанда, и то, какой униженной Тамлину приходится меня видеть.

Рисанд остановился у стола, заставленного изысканными блюдами. Крутившиеся рядом Высшие Фэ быстро испарились. Если здесь и присутствовали другие представители Ночного Двора, то они не источали пульсирующую тьму так, как это делали Рисанд и его прислуга; или не решались к нему подойти. Музыка играла достаточно громко, чтобы догадаться, что где-то в зале в разгаре танцы.

— Вино? — Рисанд предложил мне бокал.

Первое правило Элис. Я отрицательно покачала головой.

Он улыбнулся, снова предлагая бокал.

— Выпей. Тебе это необходимо.

Выпей — эхом отозвался мой разум, а мои пальцы потянулись к бокалу. Нет. Нет, Элис говорила не пить здесь вино — вино, которое отличается от того веселящего, освобождающего вина на праздновании солнцестояния.

— Нет, — сказала я и несколько фэйри, наблюдающих за нами с безопасного расстояния, захихикали.

— Вышей, — повторил он, и мои пальцы предательски ухватились за бокал.

Я проснулась в своей темнице, всё так же одетая в эту комбинацию носовых платков, которую он назвал платьем. Мир перед глазами так безумно кружился, что я едва успела добраться до угла прежде, чем меня вырвало. Ещё раз. И ещё. Полностью опустошив желудок, я поползла в противоположный угол камеры и там рухнула.

Поспать мне удавалось только урывками, мир сходил с ума и не прекращал яростно плясать. Меня будто привязали к прялке и раскручивали, раскручивали, раскручивали...

Стоит ли говорить, что большую часть того дня я чувствовала себя отвратно?

Я как раз прекратила ковыряться в горячем ужине, появившемся немногим ранее, когда скрипнула дверь и возникла золотая лисья маска — вместе с сузившимся металлическим глазом.

— Дерьмо, — выругался Люсьен. — Да здесь просто дубак.

Так и есть, но меня слишком тошнило, чтобы обращать внимание ещё и на холод. Держать голову прямо было огромным усилием, не говоря уже о том, чтобы не вырвать еду. Он расстегнул свой плащ и накинул мне его на плечи. Меня окутало тяжёлым теплом.

— Только посмотри на это, — он разглядывал краску на мне. К счастью, она была не тронута, не считая размазавшихся рисунков на талии. — Ублюдок.

— Что произошло? — спросила я, хоть и не была уверена, что действительно хочу знать ответ. В моей памяти было одно сплошное пятно дикой музыки.

Люсьен отвертелся.

— Не думаю, что ты хочешь узнать.

Я рассматривала несколько размазанных пятен на талии, которые выглядели так, будто меня держали чьи-то руки.

— Кто это был? — выпалила я, взглядом обрисовывая края смазанного рисунка.

— А ты как думаешь?

Сердце сжалось и я уставилась в пол.

— А... а Тамлин это видел?

Люсьен кивнул.

— Рис только так и делал, чтобы позлить его.

— У него получилось? — я всё ещё не могла смотреть в глаза Люсьену. Я знала, что, по крайней мере, прикосновениям к талии я не сопротивлялась. Краска достаточно мне рассказала.

— Нет, — мрачно улыбнулся Люсьен.

— Что... что я делала всё то время? — вот тебе и предупреждения Элис.

Люсьен резко выдохнул, провёл рукой по рыжим волосам.

— Большую часть ночи ты танцевала для него. А когда не танцевала, то сидела у него на коленях.

— *Какого рода* танцы? — с трудом выговорила я.

— Не из тех, что вы с Тамлином танцевали на Солнцестоянии, — ответил Люсьен, и моё лицо вспыхнуло.

Из густого тумана воспоминаний о прошедшей ночи, я вспомнила близость одной пары фиолетовых глаз — глаз, сверкавших проказливым озорством, когда они смотрели на меня.

— Перед всеми?

— Да, — ответил Люсьен — его тон смягчился в сравнении с тем, как он говорил со мной до этого.

Я замерла. Мне не нужна его жалость. Он вздохнул и схватил меня за левую руку, изучая татуировку.

— Чем ты думала? Ты разве не понимала, что я приду так скоро, как только смогу?

Я отдернула руку.

— Я *умирала!* У меня была лихорадка — я едва держалась в сознании! Откуда мне было знать, что ты придёшь? Что ты хотя бы понимаешь, как быстро люди могут умереть от подобных вещей? Ты сказал мне, что *сомневался* в случае с нагами.

— Я поклялся Тамлину...

— У меня не было другого выбора! Думаешь, что после всего, что ты мне наговорил в поместье, я буду тебе доверять?

— На твоём испытании я рисковал головой. Этого было не достаточно? — его металлический глаз тихо зажужжал. — Ты отдала за меня своё имя — после всего, что я тебе наговорил и сделал, ты всё равно назвала своё имя. До тебя разве не дошло, что после этого я тебе помогу? С клятвой или без.

Я не думала, что для него это будет значить хоть что-то.

— У меня не было другого выбора, — повторила я, тяжело дыша.

— Разве ты не понимаешь, *что* Рис из себя представляет?

— Понимаю! — огрызнулась я и вздохнула. — Понимаю, — повторила и уставилась на глаз на ладони. — Всё уже сделано. Так что тебе больше не нужно сдерживать клятву перед Тамлином и защищать меня — или чувствовать себя обязанным за спасение от Амаранты. Я бы так поступила только бы стереть ухмылки с лиц твоих братьев.

Люсьен цокнул языком, но его красноватый глаз сиял.

— Я рад, что ты не продала свой человеческий дух и упрямство Рису.

— Всего лишь неделя моей жизни каждого месяца.

— Ага, ну... когда время придёт, с *этим* мы ещё посмотрим, — прорычал он, его металлический глаз взглянул на дверь. Люсьен поднялся. — Мне пора. Скоро смена караула.

Он успел сделать шаг, прежде чем я сказала:

— Мне жаль, что она до сих пор наказывает тебя за помощь мне во время испытания. Я слышала... — в горле будто комок застрял. — Я слышала, что она заставила Тамлина сделать с тобой, — он пожал плечами, но я добавила. — Спасибо. В смысле, за помощь.

Он подошел к двери и я впервые заметила как скованно он двигается.

— Поэтому я не мог прийти раньше, — глухо сказал он. — Она использует свои... использует *наши* силы, чтобы не дать моей спине полностью исцелиться. До сегодняшнего дня я был не в состоянии пошевелиться.

Стало немного трудно дышать.

— Вот, — я сняла плащ и поднялась, чтобы передать его Люсьену. От резкого холода кожа покрылась мурашками.

— Оставь себе. Я стащил его у дрыхнувшего охранника по пути сюда.

В тусклом свете мерцал вышитый символ — спящий дракон. Герб Амаранты. Я покривилась, но снова набросила плащ.

— Кроме того, — с ухмылкой добавил Люсьен. — Сквозь это платье я достаточно насмотрелся на тебя на всю оставшуюся жизнь.

Я покраснела, а он открыл дверь.

— Подожди, — опомнилась я. — С... с Тамлином всё в порядке? Я имею в виду... Я с том заклятье, что на него наложила Амаранта, чтобы удерживать его таким молчаливым...

— Нет никакого заклинания. Тебе не приходило в голову, что Тамлин молчит, чтобы не выдать Амаранте какие именно способы тебя замучить заденут его сильнее других?

Нет, не приходило.

— Он играет в опасную игру, — Люсьен проскользнул за дверь. — Как и все мы.

Следующей ночью меня снова вымыли, разрисовали и привели в этот мерзкий тронный зал. На этот раз не праздничный бал — просто вечернее развлечение. Которым, как оказалось, была я. Впрочем, выпив вина, я впадала в милосердное неведение о том, что творю и что происходит.

Ночь за ночью меня точно так же одевали, и в компании Рисанда я шла в тронный зал. Так я и стала игрушкой Рисанда, потаскушкой шлюхи Амаранты. Я просыпалась с расплывчатыми обрывками воспоминаний — о том, как танцевала между ног Рисанда, пока тот сидел на стуле и смеялся; о его руках, окрашенных тёмно-синей краской с тех мест, где он меня касался — талия, руки, но каким-то образом дальше он никогда не заходил. Он заставлял меня танцевать до тех пор, пока меня не затошнит, а едва позывы прекращались, он говорил мне снова танцевать.

Каждое утро я просыпалась обессиленной и с тошнотой, и хоть приказ Рисанда охранникам действительно подействовал, ночные бодрствования полностью меня истощали. Днями я отсыпалась после вина фэйри, хотя бы во сне сбегая от пережитых унижений. Когда я могла, я думала над загадкой Амаранты, перебирая каждое слово — но всё безрезультатно.

И когда я снова входила в тронный зал, я успевала лишь мельком взглянуть на Тамлина до того как винный наркотик брал верх. Но каждый раз, каждую ночь, только в одном этом взгляде я не скрывала ни любви, ни боли, которые переполняли меня, когда мой взгляд встречался с его.

Меня как раз разрисовали и одели — на этот вечер моё фривольное платье было в оттенках крови и апельсинов — когда в комнату зашёл Рисанд. Девушки-тени, как обычно, прошли сквозь стены и растворились. Но вместо того, чтобы поманить меня за собой, Рисанд закрыл дверь.

— Завтра вечером твоё второе испытание, — спокойно сказал он. Золотые и серебряные нити на его черном кителе сияли в живом огне свечей. Одежды других цветов на нём никогда не было.

Мне будто камнем по голове ударили. Я потеряла счет дням.

— И?

— Оно может стать твоим последним, — он прислонился к дверному косяку и скрестил руки.

- Если ты пытаешься навязать мне очередную свою игру, не трать воздух понапрасну.
- И ты не собираешься умолять меня о ночи с твоим любимым?
- У меня будет такая ночь, и все ночи после неё, когда я пройду последнее испытание

Амаранты.

Рисанд пожал плечами, а затем оттолкнулся от двери и шагнул ко мне, на его губах мелькнула усмешка.

— Интересно, была ли ты такой же колючей с Тамлином, будучи его пленницей.

— Он никогда не относился ко мне как к пленнице — или как к рабыне.

— Нет — да и как он мог? Не с вечно терзающим его — бедного, благородного зверя — позором за жестокость отца и братьев. Но, возможно, если бы он удосужился узнать хотя бы пару вещей о жестокости, о том, что значит быть настоящим Высшим Лордом, то это могло бы спасти Весенний Двор от падения.

— Твой Двор тоже пал.

В фиолетовых глазах вспыхнула печаль. Я бы не заметила её, если бы я не... почувствовала её — где-то глубоко внутри себя. Мой взгляд метнулся к татуировке глаза на ладони. Какую именно татуировку он нанёс на мою руку? Но спросила я другое:

— Когда ты свободно гулял в Огненную Ночь — на Обряде — ты сказал, что тебе это с рук не сошло. Ты один из тех Высших Лордов, которые продали свою верность Амаранте в обмен на возможность не жить здесь постоянно?

Какая бы печаль не отразилась в его глазах, она исчезла — остались только холод и блистательное спокойствие. Я могла бы поклясться, что на стене позади него раскрылась тень могучих крыльев.

— Что я делаю и что сделал для своего Двора — тебя не касается.

— И что она делала на протяжении последних сорока девяти лет? Держала Дворы под своим контролем и пыталась всех, когда и как ей вздумается? Ради чего?

«Расскажи мне об угрозах, которые она представляет для человеческого мира» — хотела взмолиться я — *«Расскажи мне, что всё это значит, для чего должны были произойти столько ужасных вещей»*.

— Леди Горы не нуждается в оправданиях своих действий.

— Но...

— Развлечения ждут, — он жестом указал на дверь за ним.

Я знала, что ступила на опасную дорожку, но мне было плевать.

— Чего ты от меня хочешь? Кроме издевок над Тамлином.

— Дразнить его — моё огромное удовольствие, — сказал он с насмешливым поклоном. — А что касается твоего вопроса, разве мужчине нужны причины, чтобы наслаждаться обществом женщины?

— Ты спас мне жизнь.

— И через спасение *твоей* жизни, я спас ещё и Тамлина.

— Зачем?

Он подмигнул, пригладив короткие иссиня-черные волосы.

— А это, Фейра, настоящий вопрос, не так ли?

С этими словами он вывел меня из комнаты.

Мы вошли в тронный зал и я уже приготовилась к очередной порции наркотического опьянения и унижения. Но толпа смотрела исключительно на Рисанда — в Рисанда впились взглядами брата Люсьена. Звонкий голос Амаранты перекрыл музыку, подзывая его.

Он остановился, посмотрев на приближающихся к нам братьев Люсьена, их внимание было сфокусировано на мне. Нетерпеливые, голодные — злобные. Не беспокоясь о гордости, я открыла рот, чтобы попросить Рисанда не оставлять меня с ними, пока он будет с Амарантой, но он положил руку мне на спину и подтолкнул вперёд.

— Просто будь рядом и держи язык за зубами, — прошептал он мне на ухо, ведя меня под руку. Толпа спешно расступалась, будто мы были в огне, и слишком рано открыла то, что ждало нас впереди.

Не нас, опомнилась я, а Рисанда.

На полу перед возвышением у тронов всхлипывал темнокожий Высший Фэ. Амаранта улыбалась ему словно змея — она так увлеклась, что даже не взглянула в мою сторону. Тамлин около неё оставался по-прежнему абсолютно бесстрастным. Зверь без когтей.

Рисанд бросил взгляд на меня — безмолвный приказ оставаться на краю толпы. Я послушалась, а когда посмотрела на Тамлина, ожидая, что и он взглянет в ответ — просто посмотрит на меня — он не посмотрел, его внимание было полностью приковано к королеве и к мужчине перед ней. Что ж, понятно.

Амаранта поглаживала своё кольцо, наблюдая за каждым движением Рисанда, пока тот не подошёл к ней.

— Летний молодой лорд, — махнула она на съездившегося у её ног мужчину. — Пытался сбежать по тайному ходу в земли Весеннего Двора. Я хочу знать зачем.

У края толпы стоял высокий, прекрасный Высший Фэ — его волосы почти белые, глаза умопомрачительного кристально-голубого цвета, кожа самого богатого из оттенков красного дерева. Но его губы были плотно сжаты, а внимание металось между Амарантой и Рисандом. Я уже видела его, во время первого испытания — Высший Лорд Летнего Двора. Прежде он сиял — почти буквально источая золотистый свет; сейчас он был приглушенным, тусклым. Как если бы Амаранта выпила все его оставшиеся силы до последней капли, пока допрашивала его подданного.

Рисанд сунул руки в карманы и неторопливо направился к мужчине на полу.

Летний фэйри съёжился, его лицо блестело от слёз. Мои собственные внутренности съёжились от страха и стыда, когда он обмочился при взгляде на Рисанда.

— П-п-пожалуйста, — выдохнул он.

Толпа замерла, слишком притихшая и затаившая дыхание.

Рисанд был спиной ко мне, его плечи расслаблены, на одежде ни стежка не на месте. Но я знала, что в момент, когда фэйри на полу прекратил трястись, когти Рисанда впились в его разум.

Высший Лорд Летнего тоже замер — и боль, настоящая боль и страх сияли в его потрясающих голубых глазах. Летний был одним из Дворов, затеявших мятеж, вспомнила я. Значит это новый, неопытный Высший Лорд, который ещё не успел принять решений, стоящих кому-то жизнью.

После минутного молчания, Рисанд посмотрел на Амаранту.

— Он хотел сбежать. Добраться в Весенний Двор, пересечь стену и скрыться на юге на человеческой территории. Сообщников у него не было, как и никаких мотивов кроме его собственной трусости, — он кивнул подбородком на лужу под мужчиной. Но уголком глаза я заметила как Летний Высший Лорд едва заметно расслабился — достаточно, чтобы я задалась вопросом... вопросом — какой выбор сделал Рисанд в те мгновения, пока он исследовал разум мужчины.

Но Амаранта закатила глаза и откинулась назад на своём троне.

— Разрушь его, Рисанд, — рукой она махнула Высшему Лорду Летнего Двора. — После этого можешь делать с его телом что захочешь.

Высший Лорд Летнего Двора поклонился — будто она преподнесла ему подарок — и посмотрел на своего подданного, который замер на полу, обхватив колени. Фэйри был готов — он был рад этому.

Рис убрал руку из кармана и опустил. Готова поклясться, когда он слегка согнул пальцы, у него замерцали призрачные когти.

— Мне становится скучно, Рисанд, — вздохнула Амаранта, снова играясь костью на цепочке. Она ни разу не обратила на меня внимания, слишком сосредоточенная на своей сегодняшней жертве.

Рисанд сжал пальцы в кулак.

Фэйри широко распахнул глаза — а затем они остекленели и он упал на бок в луже собственной мочи. Из его носа и ушей потекла кровь, образовав озерцо на полу.

Так быстро — так легко, так безвозвратно... он мертв.

— Я сказала разрушь его разум, а не мозги, — раздражённо огрызнулась Амаранта.

Толпа вокруг меня взволнованно зашептала. Я не хотела ничего, кроме как вернуться назад — заползти обратно в свою темницу и выжечь эти события из собственной памяти. Тамлин не вздрогнул — ни одним мускулом. Какие ужасы ему пришлось увидеть за его долгую жизнь, если это не сломило его отстранённого выражения, этого контроля?

Рисанд пожал плечами и снова сунул руку в карман.

— Мои извинения, моя королева, — он отвернулся, не дождавшись разрешения идти, и не посмотрел на меня, направившись в дальнюю часть тронного зала. Я шла следом в шаге от него, борясь с собственной дрожью и пытаясь не думать об оставшемся за нами теле, или о Клэр — всё ещё пригвождённой к стене.

Толпа оставалась далеко, далеко позади, когда мы проходили сквозь.

— Шлюха, — шипели некоторые из них на пределе слышимости и на достаточном расстоянии: — Шлюха Амаранты.

Но многие одаривали неопределёнными, признательными улыбками и словами:

— Хорошо, что ты убил его; хорошо, что ты убил предателя.

Рисанд не удостоивал вниманием ни одного из них, его плечи всё так же расслаблены, шаги неторопливы. Я задавалась вопросом, понимает ли хоть кто-то из присутствующих, кроме Рисанда и Высшего Лорда Летнего Двора, что убийство было милостью. Я готова поспорить, что *были* и другие участвующие в плане побега, возможно, даже Высший Лорд Летнего Двора лично.

Но, может быть, Рисанд сохранил эти секреты во имя собственных игр, которые он ведёт. Возможно, пощада того фэйри и его быстрое убийство, вместо медленного разрушения разума и превращения его в слюнявый овощ, было очередным просчитанным шагом.

Он не задерживался, пока мы не прошли весь тронный зал и не остановились у стола с едой и вином в дальнем конце зала. Он протянул мне бокал и сам осушил один. Он не проронил ни слова, пока вино не увлекло меня в забвение.

Я стояла перед Амарантой, а Аттор ухмылялся мне и его зубы сверкали. Очередной грот — меньший, чем тронный зал, но достаточно просторный для каких-то возможных древних развлечений. Помимо позолоченных стен, украшений здесь не было, как и мебели; только королева сидела на резном деревянном стуле, Тамлин стоял за её спиной. Мой взгляд не задерживался надолго на Атторе, пристроившимся с другой стороны от королевы, его длинный тонкий хвост хлестал по полу. Он улыбался только чтобы нервировать меня.

И у него получалось. Даже глядя на Тамлина я не могла успокоиться. Прижав руки к бокам, я стиснула кулаки, когда Амаранта улыбнулась.

— Что ж, Фейра, вот и твоё второе испытание, — в её голосе было столько самодовольства — столько уверенности, что моя смерть кружит совсем рядом. Я сглупила, отказавшись от смерти в зубах червя. Она скрестила руки и подперла подбородок рукой. Глаз Юриана в кольце повернулся — *повернулся* ко мне, его зрачок расширился в тусклом свете. — Ты уже разгадала мою загадку?

Я не посчитала нужным отвечать.

— Очень жаль, — сказала она с презрением. — Но я сегодня великодушна.

Аттор усмехнулся, несколько фэйри за моей спиной шипяще захихикали и их смех скользкой змеей прополз по позвоночнику.

— Как насчет небольшой тренировки? — предложила Амаранта и я приложила все силы, чтобы удержать на лице нейтральное выражение. Если Тамлин играет в безразличие, чтобы обезопасить нас обоих, так буду делать и я.

Но я рискнула посмотреть на моего Высшего Лорда и обнаружила, что его взгляд прикован ко мне. Если бы я могла только дотронуться до него, хоть на мгновение почувствовать его кожу — вдохнуть его запах, услышать, как он произносит моё имя...

Тихое шипение эхом разнеслось по залу, привлекая моё внимание. Амаранта с неодобрением смотрела на Тамлина со своего места. Я не понимала, что пока мы смотрели друг на друга, грот притих.

— Начали, — резко приказала Амаранта.

Не успела я собраться с духом, как пол содрогнулся.

Колени дрожали, я замахала руками, стараясь удержать равновесие, в то время как камни под ногами начали проседать, опуская меня в огромную прямоугольную яму. Некоторые фэйри возбужденно закудахтали, но я снова поймала взгляд Тамлина и не отводила глаз до тех пор, пока я не опустилась так глубоко, что его лицо скрылось за краем.

Я быстро осмотрела окружающие меня четыре стены в поисках двери или любых подсказок о том, что здесь должно произойти. Три стены были из однородного, гладкого, сияющего камня — слишком отшлифованного и ровного, чтобы взобраться по нему. Четвёртая стена и вовсе не стена, а металлическая решетка, разделяющая пространство надвое и за ней...

У меня перехватило дыхание.

— Люсьен.

Люсьен лежал прикованным к полу в центре другой части каменной комнаты, его красновато-коричневый глаз был распахнут так широко, что было явно видно белок. А металлический крутился, будто одичав; его ужасный шрам страшно выделялся на побледневшей коже. Он снова оказался игрушкой Амаранты для пыток.

Дверей не было, никакого способа пройти на его сторону, кроме как вскарабкаться вверх по решетке между нами. Прутья довольно толстые и отверстия между ними достаточно

широкие, чтобы я, возможно, смогла залезть и прыгнуть на его стороне. Я не рискнула.

Фэйри зашептались, зазвенело золото. Рисанд снова поставит на меня? В толпе показались рыжие волосы — четыре рыжеволосых головы — у меня будто позвоночник окаменел. Я знала, что мучения Люсьена будут забавлять его братьев — но где его мать? Отец? Высший Лорд Осеннего Двора наверняка обязан быть здесь. Я окинула взглядом толпу. Никого из них я не заметила. Только Амаранта вместе с Тамлином стояла на краю ямы и присматривалась. Она наклонила ко мне голову и жестом элегантной руки указала на стену под её ногами.

— Здесь, милая Фейра, ты найдёшь своё задание. Просто ответь на вопрос, выбрав правильный рычаг, и ты победишь. Выберешь неправильный — умрёшь. Поскольку вариантов ответа всего три, полагаю, я подарила тебе неслыханное преимущество.

Она щёлкнула пальцами и раздались стоны металла.

— То есть, — добавила она. — Если ты справишься с загадкой вовремя.

Не очень высоко, две гигантские, унизанные шипами решетки, которые я приняла за люстры, начали снижаться, медленно опускаясь на каменную комнату...

Я обернулась к Люсьену. Вот почему решётка разделяет комнату надвое — чтобы я была вынуждена смотреть, как его пронзит насквозь, когда я и сама буду раздавлена. Шипы, увенчанные свечами и факелами, горели красным — даже на расстоянии я видела исходящий от них жар.

Люсьен дёрнулся в цепях. Это не будет быстрая смерть.

И тогда я повернулась к стене, на которую указывала Амаранта.

На её гладкой поверхности была выгравирована длинная надпись, а под ней — три каменных рычага с номерами *I*, *II* и *III* вырезанными над ними

Меня начало трясти. Я узнавала только самые простые слова — бесполезные, такие как «но» и «ушел». Остальное было размытой вереницей букв, которых я не знаю, букв, которые мне необходимо было медленно произнести и понять их значение.

Шипованная решетка продолжала опускаться, уже поравнявшись с головой Амаранты, и вскоре она вычеркнет любые мои шансы выбраться из этой ямы. От жара раскалённого металла было уже тяжело дышать, по вискам покатались капельки пота. Кто ей сказал, что я не умею читать?

— Что-то не так? — выгнула бровь Амаранта.

Я сфокусировала всё внимание на надписи, сохраняя дыхание настолько спокойным, насколько у меня получалось. Она не говорила, что испытание заключается в чтении — она насмеялась бы гораздо больше надо мной, если бы знала о моей безграмотности. Судьба — жестокий, ехидный поворот судьбы.

Загремели и натянулись цепи, Люсьен выругался, увидев, что за задача передо мной. Я повернулась к нему, но когда увидела его лицо, я поняла, что он слишком далеко, чтобы прочитать надпись вслух для меня, даже несмотря на его усовершенствованный металлический глаз. Если бы я услышала вопрос, у меня появился бы шанс ответить... но загадки никогда не были моей сильной стороной.

Меня проткнёт раскалённый шип, а затем разmozжит на полу как виноградину.

Решетка как раз проходила мимо краев ямы, полностью заполняя пространство — ни одного безопасного угла. Если я не отвечу на вопрос до того, как решетка опустится до рычагов...

Горло сдавило, и я читала, читала и читала, но не могла разобрать слов. Воздух стал

тяжёлым и пропитанным запахом металла — не магии, а раскалённой, неумолимой стали, наступающей на меня дюйм за дюймом.

— Ответь! — отвлѣк крик Люсьена.

Мои глаза горели. Слова были лишь пятнами букв, издевающимися надо мной своей последовательностью и формами.

Металл со стонами царапал гладкие каменные стены комнаты, а шепотки фэйри становились всё более возбуждёнными. Мне показалось, что я видела ухмылку старшего брата Люсьена сквозь дыры в решетке. Жарко — так невыносимо жарко.

Будет больно — шипы большие и довольно тупые. Они не пронзят быстро. Им потребуется некоторое время и сила, чтобы вонзиться в тело. Пот стекал по шее и спине, пока я пялилась на буквы и на *I*, *II* и *III*, от которых каким-то образом теперь зависела моя жизнь. Два варианта меня прикончат, один остановит решетку.

«Три... кузни... кузнеца... кузнечика...»

Решетка не останавливалась, и расстояние от моей головы и до первого из тех шипов было уже меньше моего роста. Клянусь, жар пожирает воздух из ямы.

«...под... пыр... пырг... пирг... вэли... вали... подпр ы гивали...»

Я должна попрощаться с Тамлином. Сейчас. Моя жизнь подошла к концу — это мои последние мгновения, это они, последние несколько вдохов моего тела, последние удары моего сердца.

— *Просто выбери любой!* — крикнул Люсьен, и кто-то в толпе разразился хохотом — без сомнений, громче всех смеялись его братья.

Я протянула руку к рычагам и уставилась на три цифры сквозь мои дрожащие, татуированные пальцы.

I, II, III.

Я не видела в них никакой разницы между жизнью и смертью. Шанс спастись у меня есть, но...

Два. Двойка счастливое число, потому что она как Тамлин и я — нас только двое. Единица наверняка несчастливая, потому что единица как Амаранта или Аттор — существа одиночки. Единица — подлая цифра, а тройка — это слишком — это как три сестры, ютившиеся в крошечном домишке, ненавидящие друг друга, пока не подавились ненавистью, пока она их не отравила.

Двойка. Это двойка. Я поверю в Котёл и Судьбу с фанатичным счастьем и радостью, если они обо мне позаботятся. Я верю в двойку. Два.

Я потянулась ко второму рычагу, но ослепляющая боль сковала мою руку прежде, чем я успела коснуться камня. Я зашипела, отдернув руку. Я посмотрела на ладонь и увидела узкую татуировку глаза. Глаз прищурился. У меня галлюцинации.

Решетка уже почти закрывала надписи, едва ли хотя бы в шести футах над моей головой. Я не могу дышать, не могу думать. Слишком много жара, ещё и металл шипит слишком близко от моих ушей.

Я снова потянулась к среднему рычагу, но боль парализовала пальцы.

Глаз на ладони вернулся к своему обычному состоянию. Я протянула руку к первому рычагу. Снова боль.

Я потянулась к третьему рычагу. Ничего. Мои пальцы беспрепятственно коснулись камня, я подняла голову вверх, чтобы увидеть решетку уже менее чем в четырёх футах от меня. И сквозь неё я заметила мерцающий фиолетовый взгляд.

Я потянулась к первому рычагу. Боль. Но когда я тянулась к третьему...

На лице Рисанда оставалась маска беспросветной скуки. Пот стекал по лбу и жег глаза. Я могу только поверить ему; я могу только снова сдаться, вынужденная уступить собственной беспомощности.

Шипы были чудовищно близко. Если я подниму руку над головой, кожа сторит.

— *Фейра, пожалуйста!* — простонал Люсьен.

Меня трясло так сильно, что я едва могла стоять. Жар шипов давил на меня.

Каменный рычаг был как кусок льда в руке.

Я закрыла глаза, не в силах смотреть на Тамлина, я готовилась к удару и агонии. И потянула за третий рычаг.

Тишина.

Пульсирующий жар ближе не подбирался. Затем — вздох. *Люсьен.*

Открыв глаза, я увидела свои татуированные пальцы, вцепившиеся в рычаг до побелевших под чернилами костяшек. Шипы зависли в считанных дюймах от моей головы.

Неподвижные — остановленные.

Я победила — я...

Решетка закрипела, поднимаясь к потолку, в комнату хлынул прохладный воздух. Я жадно глотала его судорожными вдохами.

Люсьен бормотал какую-то молитву, снова и снова целуя землю. Пол подо мной дрогнул, и мне пришлось отпустить рычаг, спасший мне жизнь, меня снова возвращали в грот. Колени подгибались.

Я не умею читать и это только что меня чуть не убило. Я даже не выиграла честно. Я опустилась на колени, позволяя платформе поднимать меня, и закрыла лицо трясущимися руками.

Слёзы опалили глаза за мгновение до прострелившей левую руку боли. Я не смогу пройти третье испытание. Я никогда не освобожу ни Тамлина, ни его народ. Боль снова пронзила мои кости и сквозь нарастающую истерику я услышала слова в своей голове и замерла.

«Не дай ей увидеть твои слёзы».

«Опусти руки и поднимись».

Не могу. Не могу пошевелиться.

«Встань. Не позволяй ей увидеть тебя сломленной, не дари ей такой радости».

Колени и позвоночник — не по моей воле — вынудили меня подняться, и когда платформа наконец остановилась, я смотрела на Амаранту и слёз в моих глазах не было.

«Хорошо» — сказал Рисанд. — *«Не отводи глаз. Никаких слёз — подожди, пока не вернёшься обратно в свою камеру».*

Лицо Амаранты было напряжённым и белым, её глаза были черны как оникс, пока она смотрела на меня. Я победила, но я должна была умереть. Я должна быть раздавленной, брызги моей крови должны быть всюду.

«Считай до десяти. Не смотри на Тамлина. Только на неё».

Я подчинилась. Это было единственное, что не давало моим запертым в груди рыданиям с воем вырваться наружу.

Я заставила себя выдержать взгляд Амаранты. Он был холодным, безбрежным и полным древней злобы, но я выдержала его. Я досчитала до десяти.

«Хорошая девочка. Теперь уходи. Повернись на каблуках — молодец. Иди к двери».

Держи голову выше. Пусть толпа расстунается. Шаг за шагом».

Я слушала его, позволила ему сковать себя здравомыслием, пока охранники — продолжавшие держаться на расстоянии — вели меня обратно в камеру. Слова Рисанда эхом звучали в моих мыслях, не давая мне развалиться на кусочки.

Но когда дверь моей камеры захлопнулась, он замолчал, а я упала на пол и разрыдалась.

Я рыдала часами. Я оплакивала себя, Тамлина, и то, что должна была умереть, но каким-то образом выжила. Я оплакивала всё, что когда-либо теряла, каждую травму, каждую рану — физическую или любую другую. Я оплакивала ту незначительную часть меня, когда-то полную ярких красок и света — а теперь тёмную и пустую.

Я не могла остановиться. Не могла дышать. Я не смогу победить её. Сегодня она победила, хоть она и не знает об этом.

Она победила; я выжила только с помощью обмана. Тамлин никогда не будет свободен, а меня будут медленно убивать худшими из существующих способов. Я не умею читать — я безграмотная человеческая дура. Мои недостатки умрут вместе со мной, а это место станет моей гробницей. Я больше никогда не буду рисовать; больше никогда не увижу солнце.

Стены надвигались — потолок давил. Я хотела быть раздавленной; я хотела умереть. Всё сходилось в одну точку, сжималось, вытесняя воздух. Я не могла удержать себя в собственном теле — стены давят и выталкивают меня из него. Я хваталась за своё тело, но каждый раз, пытаясь нащупать эту связь, мне было слишком больно. Всё, чего я хотела — всё, чего я осмеливалась желать — была тихая, простая и спокойная жизнь. Ничего больше. Ничего необычного. Но теперь... теперь...

Я почувствовала пульсирующую тьму, мне не нужно было даже смотреть, и я не вздрогнула, когда мягкие шаги приблизились ко мне. Я даже не надеялась, что это будет Тамлин.

— Всё ещё плачешь?

Рисанд.

Я не убрала рук от лица. Пол поднимался навстречу падающему потолку — скоро меня расплющит. Здесь нет ярких красок, здесь нет света.

— Ты только что прошла её второе испытание. Слезы неуместны.

Я разрыдалась сильнее, а он рассмеялся. Камни тихо отозвались, когда он опустил на колени передо мной, и хоть я отбивалась и упиралась, его хватка была твёрдой, когда он схватил меня за запястья и отнял руки от лица.

Стены не двигались, и комната была открыта — бездна. Никаких цветов, но тени тьмы и ночи. Только мерцающие словно звёзды фиолетовые глаза были яркими, насыщенными красками и светом. Он лениво улыбнулся, прежде чем наклониться вперёд.

Я попыталась выкрутиться, но его руки были как кандалы. Я ничего не могла сделать, когда его губы коснулись моей щеки, и он слизнул слезу. Его язык на моей коже казался обжигающим, я была так поражена, что не пошевелилась, когда он слизал ещё одну дорожку солёной воды, а затем ещё одну. Тело напряглось и расслабилось одновременно, я горела, хоть мои руки и ноги дрожали от озноба. И только когда его язык прошёлся по краю моих влажных ресниц, я отшатнулась.

Он усмехнулся, когда я забилась в другой угол камеры. Я вытирала лицо и зло смотрела

на него.

Он хмыкнул, присев у стены.

— Я понял, что заставит тебя прекратить слёзы.

— Это было омерзительно, — я снова вытерла лицо.

— Неужели? — он приподнял бровь и указал на свою ладонь — на место, где у меня была татуировка. — За завесой твоей гордости и упрямства, могу поклясться, я обнаружил кое-что совсем иное. Любопытное.

— Убирайся.

— Как обычно, твоя благодарность ошеломляет.

— Хочешь, чтобы я тебе ноги расцеловала за то, что ты сделал на испытании? Или хочешь, чтобы я предложила тебе ещё одну неделю своей жизни?

— Пока тебе это кажется принуждением — нет, — его глаза сияли как звёзды.

Достаточно плохо, что моя жизнь целиком зависит от этого лорда Фэ — но иметь с ним связь, с помощью которой он свободно может читать мои мысли, чувства и даже общаться...

— Кто бы мог подумать, что самоуверенная человеческая девушка не умеет читать?

— Об этом держи свой треклятый рот на замке.

— Я? Я и не думал никому рассказывать. Зачем растрчивать такие знания на мелкие сплетни?

Если бы у меня хватило сил, я бы напала на него и разодрала на части.

— Ты мерзкий ублюдок.

— Я обязан узнать у Тамлина, каким образом его сердце покорила подобная лесть, — он поднялся со стоном — глубокий, гортанный звук, отозвавшийся в моих костях. Его взгляд встретился с моим и он медленно усмехнулся. Я оскалила зубы и едва не зашипела.

— На завтра я освобождаю тебя от обязанности составлять мне компанию, — поведя плечами, он направился к двери. — Но послезавтра я рассчитываю увидеть тебя во всей красе, — он усмехнулся так, будто до этого я недостаточно появлялась во всей красе в откровенных нарядах. Он остановился у двери, но не растворился во тьме. — Я думал о способах пыток для тебя, когда ты придёшь в мой Двор. И мне интересно: Будет ли твоё обучение чтению таким же болезненным, как оно выглядело сегодня?

Он исчез в тенях прежде, чем я успела броситься на него.

Я бродила по камере, хмурясь на глаз на своей ладони. Я высказала ему все проклятия и ругательства, которые только знала, но ответа не было.

Мне понадобилось довольно много времени, чтобы осознать — Рисанд, знал он об этом или нет, буквально удержал меня от полного саморазрушения.

Глава 41

За вторым испытанием потянулась череда дней, которые я не пыталась ни запомнить, ни вспомнить. Вокруг меня сгущалась плотная неизменная тьма, и я начала с нетерпением дожидаться момента, когда Рисанд протягивал мне бокал вина фэйри и я могла забыться на несколько часов. Я прекратила искать ответ на загадку Амаранты — это невозможно. Особенно для безграмотного, невежественного человека.

От мыслей о Тамлине становилось только хуже. Я прошла два испытания Амаранты, но я знала — чувствовала это своими костями — что именно третье испытание убьёт меня. После случившегося с её сестрой, после всего, что сделал Юриан, она ни за что не позволит мне выбраться отсюда живой. Я не могу всецело обвинять её; сомневаюсь, что я бы забыла

или простила — невзирая на то, сколько прошло бы веков — если бы нечто подобное случилось с Нэстой или Элейн. Но я всё равно не уйду отсюда живой.

Будущее, о котором я мечтала, было всего лишь мечтой — ни больше, ни меньше. Я бы старела и усыхала, в то время как он будет оставаться молодым целыми столетиями, а, может, и тысячелетиями. В лучшем случае, у меня будет несколько десятилетий с ним, прежде чем я умру.

Десятилетия. Вот, за что я борюсь. Мимолётная вспышка во времени для них — капля в океане их вечности.

Потому я с жадностью пила вино, я больше не заботилась о том, кто я и что когда-то было важно для меня. Я больше не думала о красках и свете, о зелени глаз Тамлина — обо всех тех вещах, что я хотела нарисовать и теперь не нарисую уже никогда.

Живой из этой горы я не выберусь.

В сопровождении двух теней-прислужниц Рисанда я шла в комнату, где они меня переодевали. Я смотрела в никуда, а в мыслях была ещё большая пустота, когда из-за ближайшего угла раздалось шипение и хлопок крыльев. Аттор. Фэйри с двух сторон от меня напряглись, но слегка приподняли головы.

Я никогда не привыкну к Аттору, но мне придётся смириться с его озлобленным присутствием. Глядя на то, как напряглись фэйри, во мне пробудился дремлющий страх и у меня пересохло во рту, когда мы приблизились к повороту. Хоть мы и были окутаны и скрыты тенью, каждый шаг приближал меня к этому крылатому демону. Ноги налились свинцовой тяжестью.

Затем, в ответ на шипение Аттора, зазвучал низкий, гортанный голос. По камням щёлкнули когти, и сопровождающие меня фэйри переглянулись, прежде чем втолкнуть меня в нишу и нас закрыл гобелен, которого здесь точно не было, тени сгустились и застыли. У меня было ощущение, что если кто-то заглянет за гобелен, то они увидят только тьму и камни.

Одна из них закрыла мне рот рукой, тесно прижав к себе, по её руке скользили тени и переходили на меня. От неё пахло жасмином — я этого никогда раньше не замечала. После всех этих вечеров, я даже не знаю их имён.

Аттор и его собеседник вышли из-за поворота, продолжая разговаривать на пониженных тонах. Только разобрав их слова, я поняла, что мы не просто прячемся.

— Да, — говорил Аттор. — Хорошо. Ей будет весьма приятно услышать, что они, наконец-то, готовы.

— Но что с Высшими Лордами? Их войска присоединятся? — ответил гортанный голос. Могу поклясться, он всхрапнул как свинья.

Они подходили ближе и ближе, не подозревая о нашем присутствии. Фэйри плотнее прижались ко мне, настолько тесно, что я поняла — они затаили дыхание. Прислуга — и шпионы.

— Высшие Лорда сделают всё, как она скажет, — злорадно отозвался Аттор, его хвост зашелестел и ударил по полу.

— Солдаты в Хайберне поговаривают, что Высший Король не рад сложившейся ситуации с девчонкой. Амаранта сваяла дурака, заключив сделку. В прошлый раз её

безумие с Юрианом стоило ему Войны; если она снова повернётся к нему спиной, больше её прощать он не собирается. Украсть заклинания и захватить себе кусок территории это одно. А снова провалить его дело — совсем другое.

Я вздрогнула, когда Аттор зашипел и щёлкнул зубами на своего собеседника.

— Миледи не заключает сделок, не приносящих ей пользы. Она дала им клочок надежды, но как только она разрушится, они будут её восхитительно сломленными приспешниками.

Должно быть, как раз сейчас они проходят мимо гобелена.

— Лучше молись, дабы именно так и было, — ответил гортанный голос.

Что это за существо такое, настолько непоколебимое перед Аттором? Призрачная рука фэйри-служанки крепче зажала мне рот, пока Аттор не прошёл мимо.

«*Не верь своим чувствам*» — эхом прозвучал в мыслях голос Элис. Аттор уже однажды поймал меня, когда я думала, что в безопасности...

— А тебе лучше попридержать язык, — предупредил Аттор. — Или Миледи сама это сделает — а с щипцами добра от неё не жди.

Другое существо снова издало тот звук, похожий на пороссячий.

— Я здесь на условиях иммунитета от короля. Если твоя «*леди*» считает себя выше короля, только из-за того, что она правит этими жалкими землями, то вскоре ей напомнят, кто может лишить её сил — без зелий и заклинаний.

Аттор не ответил — и часть меня хотела, чтобы он возразил, огрызнулся. Но он промолчал, а страх ударил в живот, будто камень, брошенный в озеро.

Над какими бы планами не работал Король Хайберна все эти долгие годы — над его кампанией по возвращению земель смертных — кажется, больше ждать он не собирается. Возможно, вскоре Амаранта получит то, чего так жаждет: полное разрушение моего мира.

Моя кровь похолодела. Нэста — я доверила Нэсте увести нашу семью как можно дальше, защитить их.

Голоса удалились и стихли, но прошло ещё не меньше минуты, прежде чем две девушки расслабились. Гобелен растворился, и мы снова проскользнули в коридор.

— Что *это* было? — я переводила взгляд с одной на другую, когда тени вокруг нас посветлели — но не очень сильно. — *Кто* это был? — уточнила я.

— Проблема, — ответили они в один голос.

— Рисанд о ней знает?

— Скоро узнает, — сказала одна из них. И мы продолжили наш молчаливый путь в комнату для переодеваний.

Как бы там ни было, я ничего не могу сделать против Короля Хайберна — не пока я в ловушке в Подгорье, не когда я даже Тамлина освободить не могу, не говоря о себе. А кроме Нэсты, уже планирующей сбежать вместе с нашей семьёй, предупредить мне больше некого. И так дни шли один за другим, приближая моё третье испытание.

Я думала, что нырнула так глубоко в себя, что понадобится что-то совсем из ряда вон выходящее, чтобы вернуть меня обратно. Я смотрела за пляской света по сырým камням на потолке моей камеры — как за лунным сиянием на воде — когда сквозь камни, будто рябью поднимаясь над полом, до меня донесся шум.

Я настолько привыкла к странным скрипкам и барабанам фэйри, что услышав живую мелодию, я подумала, что это очередная галлюцинация. Иногда, когда я достаточно долго смотрела в потолок, он превращался в безбрежное ночное небо, усыпанное звёздами, а я становилась столь маленькой и незначительной, что меня подхватывал и уносил ветер.

Я посмотрела на небольшую отдушину в углу на потолке, через которую в камеру попадала музыка. Видно, источник был где-то далеко отсюда, потому как до меня доносились только неясные переплетения нот, но когда я закрывала глаза, я слышала её более ясно. Я могла... видеть её. Как если бы она была огромной великолепной картиной, ожившей фреской.

В этой музыке была красота — красота и совершенство. Структура мелодии была похожа на то, как жидкое тесто выливают из чаши, одна нота поверх другой тают и сплетаются воедино, нарастая и заполняя меня. Эта музыка не была дикой, но в ней была сила страсти, переполненная некой радостью и печалью. Я подтянула колени к груди, нуждаясь в чувстве твёрдости своей кожи, пускай и скользкой от маслянистой краски на ней.

Музыка создавала путь, подъём сотканный из сводов ярких красок. Я пошла вслед за ним, вышла из этой темницы, сквозь слои земли, выше и выше — к васильковым полям, мимо переплетений ветвистых деревьев и вверх, в открытое небо. Ритм музыки был похож на руки, мягко подталкивающие меня вперёд, тянущие всё выше и направляющие сквозь облака. Я никогда так не видела облаков — их пышных сторон, я могла разглядеть справедливые и печальные лица. Но они исчезали прежде, чем я успевала рассмотреть их получше, и я посмотрела вдаль, куда меня звала музыка.

Это был или закат, или восход. Солнце окрасило облака в пурпурно-красный и фиолетовый, а его золотисто-оранжевые лучи вплетались в мой путь, создавая иллюзию мерцающего металла.

Я хотела раствориться в нём, хотела, чтобы солнце обожгло меня и наполнило меня такой радостью, что я бы сама стала лучом света. Это была не музыка для танцев — это была музыка для молитвы, музыка, способная заполнить все бреши в моей душе и унести меня к месту, где нет боли.

Я не осознавала, что плачу, пока тёплая капля слезы не упала мне на руку. Но даже тогда я держалась за музыку, я хваталась за неё как за край над обрывом, чтобы не упасть. Я не понимала, как сильно не хочу срываться и падать в эту безграничную тьму — как сильно я хочу остаться здесь, среди облаков, красок и света.

Я позволила звукам разорить меня, позволила им оставить меня пустой и пройти сквозь моё тело ударами барабанов. Выше и выше, создавая небесный дворец с коридорами из алебаstra и лунного камня, где в мире живёт только прекрасное, доброе и фантастическое. Я плакала — плакала, потому что была так близко к этому месту, плакала от необходимости быть там. Всё, что я когда-либо хотела, было там — там был тот, кого я люблю...

Музыка играла, словно пальцы Тамлина по моему телу; это было золото его глаз и изгиб его улыбки. Это было словно как хриплая усмешка, и как он произнёс те три слова. Это *то*, за что я борюсь, это *то*, что я поклялась спасти.

Музыка нарастала — громче, величественнее, быстрее, она доносилась из своего неведомого источника — волна, достигшая своего пика и разбившаяся о мрак моей темницы. Когда музыка растворилась в тишине, из меня вырвался судорожный всхлип. Я сидела здесь, дрожа и рыдая, слишком обнаженная и незащищённая, брошенная музыкой и красками в

моём воображении нагой.

Когда слёзы прекратились, но музыка осталась эхом в моём дыхании, я лежала на своей подстилке из сена и слушала собственное дыхание.

Музыка порхала в моих воспоминаниях, связывая их вместе и сплетая одеяло, окутавшее меня и согревшее кости. Я посмотрела на глаз в центре своей ладони, но он просто смотрел в ответ — неподвижный.

Осталось два дня до моего финального испытания. Всего лишь два дня, и тогда я узнаю, что Вихри Котла припасли для меня.

Глава 42

Это был такой же вечер развлечений, как и до этого — хоть он, похоже, станет моим последним. Фэйри пили, бродили, танцевали, смеялись и пели похабные и эфирные песни. Ни проблеска ожидания того, что должно произойти завтра — что я борюсь за перемены для них, за их мир. Возможно, они тоже знают, что я умру.

Я неприметно стояла у стены, позабытая толпой, в ожидании, когда Рисанд поманит меня выпить вина и танцевать, или что ещё ему захочется от меня. Я была в своём типичном виде — будто покрытая татуировкой из чёрно-синей краски вниз от шеи. Сегодня моё малопрстойное платье было в оттенках розового заката, слишком яркого и женственного цвета в сравнении с завитками краски на моей коже. Не в меру жизнерадостное для того, что ждёт меня завтра.

Рисанд не подзывал меня дольше, чем обычно — хотя это, вероятно, связано с фэйри с гибким телом, устроившейся на его коленях и перебирающей длинными зеленоватыми пальцами его волосы. Вскоре она ему надоест.

Я не искала взглядом Амаранту. Лучше я буду притворяться, что её здесь и вовсе нет. Люсьен никогда не разговаривал со мной при посторонних, а Тамлин... В последние дни мне стало трудно смотреть на него.

Я просто хотела, чтобы всё закончилось. Я хотела, чтобы вино унесло меня на эту последнюю ночь и поскорее привело к моей судьбе. Я настолько сосредоточилась на ожидании приказа Рисанда исполнять его прихоти, что я не заметила, что рядом со мной кто-то стоит, пока кожей не почувствовала жар другого тела.

Я замерла, уловив запах дождя и земли, и не осмелилась повернуться к Тамлину. Мы стояли бок о бок и глядели на толпу, такие же неподвижные и неприметные, как статуи.

Его пальцы задели мои, и волна огня прошла сквозь меня, сжигая так сильно, что глаза обожгли слёзы. Я хотела... хотела, чтобы он не дотрагивался до моей разукрашенной руки, чтобы его пальцы не касались контуров проклятой татуировки.

Но в тот момент я жила — моя жизнь снова стала прекрасной в те секунды, что соприкасались наши руки.

На лице я удерживала маску холода. Он опустил руку и, так же быстро, как и появился, он ушёл, сливаясь с толпой. И только когда он оглянулся через плечо и слегка склонил голову, я поняла.

Моё сердце забило быстрее, чем во время испытаний, и я приняла как можно более скучающий вид, прежде чем оттолкнулась от стены и не спеша последовала за ним. Я шла другим путём, но направлялась к небольшой двери, наполовину скрытой гобеленом, у которой он задержался. У меня есть всего несколько минут, до того как Рисанд начнёт искать меня, но мгновения наедине с Тамлином будет достаточно.

Я едва дышала, подбираясь к двери всё ближе и ближе, проходя мимо возвышения Амаранты, мимо группы хихикающих фэйри... Тамлин скрылся за дверью быстрее молнии, а я замедлила шаги до темпа бесцельной прогулки. В последние дни никто не обращал на меня внимания до тех пор, пока я не становилась опьянённой игрушкой Рисанда. Всё слишком быстро, дверь уже передо мной и бесшумно отворяется, пропуская вперёд.

Тьма поглотила меня. Я увидела только вспышку зелени и золота, а затем тепло тела Тамлина врезалось в меня и наши губы встретились.

Я не могла целовать его достаточно глубоко, не могла прижаться к нему достаточно тесно, не могла вдоволь прикасаться к нему. Слова были излишни.

Я рвала его рубашку, нуждаясь в ощущении его кожи в последний раз, и мне пришлось задушить зародившийся стон, когда он схватил меня за грудь. Я не хотела, чтобы он был нежен — потому что то, что я к нему чувствую, с нежностью не имеет ничего общего. То, что я чувствовала — дикое, сильное, сжигающее — и именно таким он и был со мной.

Он оторвался от моих губ и укусил меня за шею — укусил так же, как в Огненную Ночь. Я стиснула зубы, чтобы удержаться от стога и не выдать нас. Может, я в последний раз его касаюсь, последний раз, когда мы можем быть вместе. Я не упусти его.

Мои пальцы вцепились в пряжку его ремня, его рот снова нашёл мой. Наши языки плясали — не вальсы и менуэты, а танец войны, танец смерти костяных барабанов и кричащих скрипок.

Я хотела его — здесь.

Я забросила ногу ему на пояс, нуждаясь в близости, он сильнее прижался ко мне бёдрами, впечатывая в ледяную стену. Я рванула пряжку ремня и ослабила его, Тамлин прорычал своё желание мне на ухо — низкий, пробирающий звук, от которого перед глазами заполыхали красные и белые вспышки. Мы оба знали, что будет завтра.

Я отбросила его ремень и нащупала штаны. Кто-то прокашлялся.

— Какой позор, — мурлыкнул Рисанд, и мы обернулись в сторону слабого света, проникающего сквозь дверной проём. Но он оказался позади нас — дальше по коридору, а не у двери. Он пришёл не из тронного зала. Похоже, он прошёл сквозь стену с помощью своей способности. — Просто стыдно, — он неторопливо направился к нам. Тамлин не отпускал меня. — Только посмотри, что ты сделал с моей любимицей.

Тяжело дыша, никто из нас не ответил. Но воздух холодным поцелуем обдал мою кожу — обнажённую грудь.

— Амаранта крайне огорчится, узнав о том, как её маленький воин развлекался с её человеческой прислугой, — продолжил Рисанд, скрестив руки. — Мне любопытно, как она тебя накажет. Или, возможно, она не станет изменять своим привычкам и накажет Люсьена. В конце концов, у него всё ещё есть один глаз. Как знать, может, она и из него сделает кольцо.

Очень медленно Тамлин убрал от себя мои руки и шагнул в сторону из моих объятий.

— Рад видеть в тебе здравомыслящее существо, — сказал Рисанд, и Тамлин оскалился. — А теперь будь умным Высшим Лордом и застегни ремень и приведи в порядок одежду, прежде чем вернуться в зал.

Тамлин посмотрел на меня и, к моему ужасу, сделал, как сказал Рисанд. Мой Высший Лорд не сводил с меня глаз, пока поправлял тунику и волосы, затем вернул на место и застегнул ремень. Краска с его рук и одежды — краска с *меня* — исчезла.

— Наслаждайся вечером, — мелодично пожелал Рисанд, указав на дверь.

Тамлин продолжал смотреть в мои глаза и его зелёные глаза мерцали.

— Я люблю тебя, — мягко сказал он.

Даже взгляда не бросив в сторону Рисанда, он ушёл.

Я ненадолго ослепла от пролившегося света, когда он открыл дверь и ускользнул в зал. Он не оглядывался на меня, дверь с щелчком закрылась и в тусклый коридор вернулась тьма.

Рисанд усмехнулся.

— Если ты так отчаянно хотела расслабиться, попросила бы меня.

— Свинья, — огрызнулась я, прикрывая грудь тканью платья.

В несколько непринуждённых шагов он преодолел разделяющее нас расстояние и прижал мои руки к стене. Мои кости занули. Я могла бы поклясться, что призрачные когти врезались в камни рядом с моей головой.

— Ты на самом деле хочешь оказаться в моей власти или ты действительно настолько глупа? — в его голосе переплетались чувственность и ломающая кости ярость.

— Я не твоя рабыня.

— Ты дура, Фейра. Ты хоть представляешь, что могло случиться, если бы Амаранта обнаружила здесь вас двоих? Тамлин может отказываться быть её любовником, но она держит его при себе из надежды, что она сломит его — подчинит себе, как она любит поступать с нами.

Я молчала.

— Вы оба дурачье, — прошептал он, его дыхание было неровным. — Как ты могла не подумать, что кто-то обязательно заметит твою пропажу? Лучше поблагодари Котёл, что очаровательные братья Люсьена не следили за тобой.

— А тебе какая разница? — грубо спросила я, его пальцы так сжали мои запястья, что я понимала — ещё немного и мои кости разлетятся в щепки.

— Какая мне разница? — выдохнул он, гнев заострил его черты. Крылья — эти перепончатые, потрясающие крылья — распахнулись за его спиной, сотканые из теней. — Какая *мне* разница?

Но прежде чем продолжить, он оглянулся на дверь и снова обернулся ко мне. Крылья растворились так же быстро, как и появились, а затем его губы впились в мои. Его язык проник в мой рот, врываясь силой туда, где я всё ещё чувствовала вкус Тамлина. Я толкалась и билась, но он держал твёрдо, его язык прошёлся по нёбу, по зубам, словно ставя клеймо на моих губах, на мне...

Дверь распахнулась настежь и в проёме показалась точеная фигура Амаранты. Тамлин — с ней был Тамлин, его глаза немного расширились и напряглись плечи, пока губы Риса продолжали сминать мои.

Амаранта рассмеялась, а лицо Тамлина превратилось в каменную маску, бесчувственную, в ней не было ничего от Тамлина, с которым я была несколько минут назад.

Рис спокойно отпустил меня, скользнув языком по нижней губе, когда за Амарантой столпились Высшие Фэ и подхватили её смех. Рисанд послал им ленивую, самодовольную усмешку и поклонился. Но в глазах королевы что-то вспыхнуло, когда она смотрела на Рисанда. Шлюха Амаранты — как они его называют.

— Я знала, что это только вопрос времени, — сказала она, положив ладонь на руку Тамлина. Вторую она подняла — подняла так, чтобы глаз Юриана мог увидеть. — Вы людишки все одинаковы, не так ли.

Я держала язык за зубами, хоть и хотела умереть со стыда, хоть и до боли хотела

объясниться. Тамлин *должен* понимать правду.

Но мне не выпала роскошь выяснить, понял ли всё Тамлин, Амаранта прищёлкнула языком и отвернулась, уводя за собой своё окружение.

— Типичные человеческие отбросы с их непостоянством, глупые сердца, — сказала она, ни к кому не обращаясь — довольная словно кошка.

Вслед за ними, Рис схватил меня за руку и потащил обратно в тронный зал. Только выйдя на свет, я заметила пятна и мазки краски — размазанные рисунки на моих запястьях и животе, и краску, таинственным образом появившуюся на руках Рисанда.

— На сегодня я устал от тебя, — Рис слегка подтолкнул меня к главному выходу. — Возвращайся в свою камеру.

За его спиной, Амаранта и весь её двор с ликованием улыбались, и их ухмылки стали шире, как только они заметили размазанную краску. Я искала взглядом Тамлина, но он направлялся к своему трону на возвышении, повернувшись ко мне спиной. Как если бы даже смотреть на меня было выше его сил.

Не знаю, во сколько это было, но спустя несколько часов в моей темнице послышались шаги. Я подорвалась и села, и из тени вышел Рис.

Я всё ещё ощущала жар его губ на своих, плавное движение его языка у меня во рту, хоть и трижды выполоскала рот водой из ведра в углу моей камеры.

Верхние пуговицы его кителя были расстегнуты, и он провёл рукой по иссиня-чёрным волосам, прежде чем без слов прислониться к стене напротив меня и опуститься на пол.

— Что тебе нужно? — требовательно спросила я.

— Минута тишины и спокойствия, — огрызнулся он, потирая виски.

Я помедлила.

— От чего?

Он массировал бледную кожу и от этого уголки его глаз поднимались и опускались, вверх и вниз. Он вздохнул.

— От этого бардака.

Я отодвинулась подальше на своей подстилке из сена. Я никогда не видела его таким откровенным.

— Эта чёртова сука сводит меня с ума, — продолжил он, убрав руки от висков и откинув голову назад. — Ты ненавидишь меня. Представь, как бы ты себя чувствовала, заставь я тебя исполнять мои прихоти в спальне. Я Высший Лорд Ночного Двора — не её шлюха.

Значит, у оскорблений есть основания. И я очень легко могу представить, как бы я его ненавидела — что бы это со мной сотворило — вот так быть чьим-то рабом.

— Зачем ты мне это говоришь?

Ни самодовольства, ни гадости.

— Я устал и одинок, а ты единственная, с кем я могу поговорить, не подставив себя под удар, — низкий смешок. — Какой абсурд: Высший Лорд Прифиана и...

— Если ты только собираешься меня оскорблять, можешь проваливать.

— Но ведь я так хорош в этом, — мелькнула одна из его усмешек. Я зло уставилась на него, но он вздохнул. — Одно неверное движение завтра, Фейра, и мы все обречены.

Мысль поразила такой гаммой ужаса, что я едва могла дышать.

— И если ты проиграешь, — сказал он, обращаясь больше к себе, чем ко мне. — Амаранта будет править вечно.

— Если один раз ей уже удалось завладеть силами Тамлина, то что ей помешает сделать это снова? — вопрос, который я до сих пор боялась озвучивать.

— Его будет уже не так просто обмануть, — ответил он, глядя в потолок. — Её самое главное оружие в том, что она ограничивает наши силы. Но сама она ими пользоваться не может, не целиком — тем не менее, через них она может нас контролировать. Поэтому я не могу разрушить её разум — только поэтому она всё ещё жива. В момент, когда проклятье Амаранты спадёт, гнев Тамлина будет настолько велик, что он размажет её по стене и никакая сила в мире его не остановит.

По спине прошёл холодок.

— Зачем, по-твоему, я это делаю? — он махнул рукой в мою сторону.

— Потому что ты монстр.

Он засмеялся.

— Верно, но ещё я прагматист. Ввергнуть Тамлина в безумную ярость — наше лучшее оружие против неё. Увидеть, как ты заключаешь идиотскую сделку с Амарантой это одно, но когда Тамлин увидел мою татуировку на твоей руке... О, ты должна была родиться с моими способностями, только чтобы почувствовать исходившую от него ярость.

Мне не хотелось думать о его способностях.

— Кто сказал, что он и тебя не размажет?

— Вероятно, он попытается — но у меня есть предчувствие, что Амаранту он убьёт первой. В любом случае, всё к этому сводится: даже в твоём прислуживании мне обвинить можно её. И потому завтра он убьёт её, а я буду свободен прежде, чем он ввяжется в драку со мной, которая сравнивает нашу священную гору в слой щебня, — он посмотрел на свои ногти. — И у меня в рукаве есть несколько иных карт.

Я приподняла брови в немом вопросе.

— Ради Котла, Фейра. Я опаивал тебя, и ты не задумывалась, почему я никогда не прикасаюсь к тебе дальше рук и талии?

Вплоть до сегодняшнего вечера — вплоть до проклятого поцелуя. Я стиснула зубы, но даже сквозь нарастающий гнев картина прояснилась.

— Это единственный довод моей невиновности, — сказал он. — Единственное, что заставит Тамлина подумать дважды, прежде чем вступить в схватку со мной, которая станет причиной катастрофических потерь невинных жизней. Это единственный способ убедить его, что я был на твоей стороне. Поверь, я бы ничего не хотел больше, чем насладиться тобой — но на кону вещи гораздо важнее, чем заманить человеческую девушку в постель.

Я знала, но всё равно спросила:

— Какие, например?

— Такие, как моя территория, — сказал он и его взгляд обратился вдаль, таким я его ещё не видела. — Как остальной мой народ, порабощённый деспотичной королевой, способной оборвать их жизни одним словом. Наверняка Тамлин тебе говорил о подобных чувствах.

Нет — не совсем. Он не мог, из-за проклятья.

— Почему Амаранта выбрала тебя? — рискнула спросить я. — Почему она сделала тебя своей шлюхой?

— Помимо очевидного? — он жестом указал на своё идеальное лицо. Я не улыбнулась и он вздохнул. — Мой отец убил отца Тамлина — и его братьев.

Я вздрогнула. Тамлин никогда не говорил — никогда не говорил мне, что за это в ответе Ночной Двор.

— Это долгая история и я не особо хочу в неё вдаваться, но, скажем так, когда она украдала наши земли, Амаранта решила, что ей хотелось бы в особенности наказать сына убийцы её друга — решила, что она достаточно ненавидит меня за поступки моего отца, чтобы заставить меня страдать.

Возможно, я должна была пойти ему навстречу, извиниться перед ним — но все мысли в голове будто сохлись. То, что Амаранта сделала с ним...

— Итак, — устало сказал он. — Вот они мы и судьба нашего вечного мира в руках безграмотного человека, — он безрадостно рассмеялся, опустив голову и подперев рукой лоб, и закрыл глаза. — Какой бардак.

Часть меня подбирала слова, способные ударить по его уязвимости, но другая часть вспоминала всё, что он сказал, что сделал, как он обернулся к двери перед тем, как поцеловать меня. Он знал, что Амаранта идёт. Может, он сделал это, чтобы вызвать у неё ревность, а может...

Если бы он не целовал меня, если бы он не появился и не прервал нас, я бы вернулась в тронный зал в размазанных рисунках. И все — особенно Амаранта — узнали бы, чем я до этого занималась. И им не понадобилось бы много времени, чтобы выяснить, с кем я была, если бы они заметили краску на Тамлине. Я не хотела представлять, каким могло бы быть наказание.

Несмотря на его мотивы и методы, Рисанд сохраняет мне жизнь. И начал это он ещё до того, как я ступила в Подгорье.

— Я рассказал тебе слишком много, — сказал он, поднявшись на ноги. — Может быть, мне следовало сначала опоить тебя. Если ты умна, ты найдёшь как использовать услышанное против меня. А если в тебе есть хоть какая-то жестокость, ты пойдёшь к Амаранте и расскажешь ей правду о её шлюхе. Возможно, за это она отдаст тебе Тамлина.

Он сунул руки в карманы чёрных брюк, но даже когда он начал растворяться в тенях, в его осанке было что-то, заставившее меня говорить.

— Когда ты исцелил мне руку... Тебе не нужно было торговаться со мной. Ты мог потребовать все недели в году, — я нахмурилась, когда он обернулся, наполовину растворившись в темноте. — Каждую неделю, и я бы сказала да.

Это был не совсем вопрос, но я нуждалась в ответе.

Его чувственные губы изогнулись в полуулыбке.

— Знаю, — сказал он и исчез.

Глава 43

На последнее испытание мне выдали мою старую тунику и брюки — грязные, рваные и вонючие — но, несмотря на собственное зловоние, когда меня привели в тронный зал, я держала голову высоко.

Двери распахнулись и на меня обрушилась тишина зала. Я ожидала насмешек, возгласов, вспышек блеска золота в руках, когда они будут делать свои ставки, но на этот раз фэйри только смотрели на меня, а в масках — вглядывались особенно пристально.

Судьба их мира на моих плечах — как сказал Рис. Но я не думаю, что на их лицах

мелькало одно только беспокойство. Я с трудом сглотнула, заметив, как некоторые из них касаются пальцами губ, затем протягивая руки ко мне — жест для погибших, прощание с мёртвыми. В их жестах не было ни намека на ехидство. Большинство этих фэйри принадлежат ко Дворам Высших Лордов — и принадлежали к их Дворам задолго до того, как Амаранта захватила их земли, их жизни. И если Тамлин и Рисанд играют в игры, чтобы сохранить наши жизни...

Они расступались, уступая дорогу, и я шла вперёд — прямо к Амаранте. Когда я остановилась у её трона, королева улыбнулась. Тамлин сидел на своём обычном месте, подле неё, но я не посмотрю на него — не сейчас.

— Два испытания позади, — Амаранта смахнула пылинку с кроваво-красного платья. Её чёрные волосы сверкали — сияющая тьма, угрожающая поглотить её золотую корону. — Осталось всего лишь одно. Интересно, будет ли это хуже — провалиться сейчас, когда ты так близко, — она искривила губы, и мы обе ждали смешков фэйри.

Но шипяще прыснули со смеху только краснокожие охранники. Остальные хранили молчание. Даже жалкие братья Люсьена. Даже Рисанд, где бы он ни был в толпе.

Я моргнула, чтобы прояснился взгляд обжигающих глаз. Возможно, как и в случае с Рисандом, их клятвы верности и ставки на мою жизнь были частью шоу. И, возможно сейчас — сейчас, когда конец неизбежен — они тоже встретят мою возможную смерть с остатками достоинства.

Амаранта окинула их пристальным взглядом, но, посмотрев на меня, она широко и сладко улыбнулась.

— Желаешь сказать пару слов перед смертью?

На языке вертелись тысячи проклятий, но вместо этого я посмотрела на Тамлина. Он никак не реагировал — его черты будто окаменели. Хоть краешком глаза я хотела увидеть его лицо — хотя бы на мгновение. Но всё, что мне необходимо было увидеть — его зелёные глаза.

— Я люблю тебя, — сказала я. — Не важно, что она об этом говорит, не важно, что люблю я всего лишь незначительным человеческим сердцем. Даже когда они сожгут моё тело, я буду любить тебя, — губы дрожали, и моё зрение затуманилось, прежде чем по холодным щекам скатились несколько тёплых слезинок. Я не вытирала их.

Он не отреагировал — его руки даже не вцепились в подлокотники трона. Я думала, что это его способ выдержать всё это, хоть от этого у меня в груди сжималось сердце. Хоть его молчание и убивало меня.

— Тебе повезёт, моя дорогая, если от тебя останется, что сжигать, — сладко проговорила Амаранта.

Я уставилась на неё долгим и тяжёлым взглядом. Но её слова не вызвали ни насмешек, ни улыбок, ни аплодисментов от толпы. Только тишина.

Это был дар, принесший мне храбрость, заставивший меня сжать кулаки, заставивший принять татуировку на руке. Честно или нет — до этого момента я побеждала её, и, умирая, я не буду чувствовать себя одинокой. Я не умру в одиночестве. Это всё, о чём я только могла просить.

Амаранта подпёрла рукой подбородок.

— Ты так и не разгадала мою загадку, верно? — я не ответила, и она улыбнулась. — Жаль. Ответ столь прелестен.

— Покончим с этим, — прорычала я.

Амаранта взглянула на Тамлина.

— Последние слова к ней будут? — спросила она, выгнув бровь. Когда он не ответил, она усмехнулась мне. — Что ж, очень хорошо, — она дважды всплеснула руками.

Дверь распахнулась, и охранники втащили три фигуры — две мужские и одну женскую — с коричневыми мешками на головах. Они пытались различить прокатившиеся по тронному залу шепотки, их скрытые лица вертелись по сторонам. У меня подогнулись колени, когда они приблизились.

Острыми ударами и грубыми тычками, краснокожие охранники вынудили трёх фэйри опуститься на колени у подножия тронного возвышения, но лицами ко мне. Ни их тела, ни одежда ничего не говорили о том, кто они такие.

Амаранта снова хлопнула в ладоши, и возникли три слуги, облачённых в чёрное, и ставшие рядом с каждым коленапреклонённым фэйри. В их длинных, бледных руках они держали тёмные бархатные подушки. И на каждой подушке покоилось по одному отполированному деревянному кинжалу. Лезвия не металлические, а ясеновые. Ясеновые, потому что...

— Твоё последнее испытание, Фейра, — протянула Амаранта, указав на стоявших на коленях фэйри. — Заколи ножом в сердце каждую из этих несчастных душ.

Я уставилась на неё, открывая и закрывая рот.

— Они невинны — не то, чтобы для тебя это имело какое-то значение, — продолжала она. — Ведь это не было проблемой в день, когда ты убила бедняжку из стражей Тамлина. И для дражайшего Юриана это не было проблемой, когда он безжалостно разделял мою сестру. Но если это проблема... ну, ты всегда можешь отказаться. Разумеется, взамен я заберу твою жизнь, но сделка есть сделка, не так ли? Хотя, учитывая вашу историю убийств нашего народа, я бы сказала, я действительно предлагаю тебе подарок.

Отказаться и умереть. Убить трёх невинных и жить. Трое невинных, ради моего собственного будущего. Ради моего счастья. Ради Тамлина, его двора и свободы всех земель.

Древесина острых как лезвия кинжалов отполирована так искусно, что она сверкает в цветных отблесках стеклянных люстр.

— Ну? — спросила она. Она подняла руку, чтобы глаз Юриана мог хорошо рассмотреть меня, ясеновые кинжалы, и промурлыкала ему. — Не хочу, чтобы ты пропустил такое, давний друг.

Я не могу. Не могу этого сделать. Это не охота; это не ради выживания и не защита. Это хладнокровное убийство — убить их, убить мою душу. Но ради Прифиана — ради Тамлина, ради всех здесь, ради Элис и её мальчиков... Хотела бы я знать имя одного из наших богов, тогда бы я молила их вмешаться, я бы хотела знать хоть какие-то молитвы, чтобы молить о наставлении и прощении.

Но я не знала ни молитв, ни имён наших забытых богов — только имена тех, кто останется в рабстве, если я не буду действовать. Я молча повторяла эти имена, хотя ужас от того, кто стоит передо мной на коленях, начал полностью меня поглощать. Ради Прифиана, ради Тамлина, ради их мира и моего... Эти смерти не будут напрасны — даже если они навечно проклянут меня.

Я шагнула к первой фигуре на коленях — самый долгий и самый жестокий шаг, который я когда-либо совершала. Три жизни в обмен на освобождение Прифиана — три жизни, которые не будут потрачены зря. Я могу это сделать. Я могу это сделать, даже если Тамлин смотрит. Я могу принести эту жертву — могу пожертвовать ими... Я могу это

сделать.

Пальцы дрожали, но первый кинжал уже был у меня в руке, рукоять прохладная и гладкая, деревянное лезвие тяжелее, чем я думала. Три кинжала, потому что она хочет, чтобы я ощущала агонию снова и снова, берясь за новый кинжал. Она хочет, чтобы я это *понимала*.

— Не так быстро, — усмехнулась Амаранта, и охранники, удерживающее первого фэйри на коленях, сорвали мешок с его головы.

Это был красивый юноша из Высших Фэ. Я не знала его, никогда не видела, в его голубых глазах читалась мольба.

— Так-то лучше, — махнула рукой Амаранта. — Продолжай, Фейра, милая. Наслаждайся.

Его глаза были цвета неба, которое я никогда не увижу, если откажусь убить его, цвета, который никогда не уйдёт из моих мыслей, который я никогда не забуду, сколько бы раз я его не рисовала. Он покачал головой, его глаза настолько расширились, что вокруг всего зрачка показался белок. Он тоже никогда не увидит небо. Как и все фэйри здесь, если я провалю испытание.

— Пожалуйста, — прошептал он, его взгляд метался между ясеневым кинжалом и моим лицом. — Прошу.

Кинжал дрожал в пальцах, я сильнее его сжала. Три фэйри — вот и всё, что стоит между мной и свободой, перед тем как Тамлин сорвётся на Амаранту. Если он сможет её уничтожить... «*Не напрасные жертвы*» — твердила себе я. *Не напрасные*.

— Не надо, — взмолился молодой фэйри, когда я подняла кинжал. — *Не надо!*

Я судорожно вдохнула, мои губы дрожали, когда я спасовала.

Сказать «Мне жаль» — не достаточно. Я бы никогда не смогла сказать этого Андрэсу — но теперь... теперь...

— *Пожалуйста!* — его глаза наполнились серебристыми слезами.

В толпе кто-то заплакал. Я отнимаю его у кого-то, кто, возможно, любит его так же сильно, как я люблю Тамлина.

Я не могу об этом думать, не могу думать о том, кем он был, или о цвете его глазах, или ещё о чём-то подобном. Амаранта ухмылялась с безумным, торжествующим злорадством. Убить фэйри, влюбиться в фэйри, затем быть вынужденной убить фэйри, чтобы спасти эту любовь. Блестяще и жестоко — и она это знает.

У трона сгустились волны тьмы, и там, скрестив руки, появился Рисанд — как будто он переместился, чтобы лучше видеть. Его лицо было маской безразличия, но мою руку закололо. «*Сделай это*» — говорило покалывание.

— *Не надо*, — умолял юный фэйри.

Я покачала головой. Я не могу его слушать. Я должна сделать это сейчас, прежде чем он переубедил меня.

— *Пожалуйста!* — его голос поднялся до пронзительного крика.

Звук настолько меня ошеломил, что я напала.

Со сдавленным рыданием, я вонзила кинжал в его сердце.

Он закричал, забился в крепкой хватке охранников, когда лезвие вспоролось плоть и кости — так гладко, как если бы это был настоящий металл, а не яшень, и кровь — горячая и лоснящаяся — пролилась на мою руку. Я плакала, выдёргивая из него кинжал, эхо его костей, задетых лезвием, жалило руку.

Взгляд его глаз, полных потрясения и ненависти, оставался прикованным ко мне, пока он не обмяк, проклиная меня, и в толпе раздался душераздирающий вой.

Мой окровавленный кинжал звонко упал на мраморный пол, когда я попятилась назад на несколько шагов.

— Очень хорошо, — сказала Амаранта.

Я хотела вырваться из собственного тела; я хотела сбежать от этого пятнающего позора, что я совершила; я должна выбраться — я не могу выдержать кровь на своих руках, липкое тепло на пальцах.

— Теперь следующий. О, Фейра, не будь такой жалкой. Тебе разве не весело?

Я оказалась перед второй фигурой с мешком на голове. Теперь девушка. Фэйри в чёрном протянул подушку с чистым кинжалом, а удерживающие её охранники сорвали мешок.

У неё было простодушное лицо и золотисто-каштановые волосы, точно как у меня. Слезы уже катились по её круглым щекам, а её бронзовые глаза следили за моей окровавленной рукой, потянувшейся за вторым кинжалом. Чистота деревянного лезвия в сравнении с моими окровавленными пальцами была издевательством.

Я хотела упасть на колени и молить её о прощении, хотела сказать, что её смерть не будет напрасной. Я хотела, но душа будто расколосась пополам и я едва ощущала собственные руки, осколки своего сердца. Что я наделала...

— Да храни меня Котёл, — зашептала она, её голос ровный и чарующий — как музыка. — Прими меня Мать, — продолжала она читать молитву, похожую на ту, что я уже слышала однажды, когда Тамлин читал её для низшего фэйри, умершего в холле. Ещё одна жертва Амаранты. — Проведи меня сквозь ворота, — я не смогла поднять кинжал, не смогла преодолеть разделяющий нас шаг. — Позволь ощутить изобилие бессмертных земель молока и мёда.

По лицу и шее покатались беззвучные слёзы, намочив грязный ворот моей туники. Она говорила, и я понимала — я никогда не попаду в те бессмертные земли. Я знала, о какой бы Матери она ни говорила, она никогда не примет меня, не обнимет. Спасая Тамлина, я проклиная себя.

Я не могу этого сделать — не могу снова поднять кинжал.

— Позволь мне не убоиться зла, — выдохнула она, глядя на меня — в меня, в мою разодранную на части душу. — Позволь не чувствовать боли.

С моих губ сорвался всхлип.

— Мне жаль, — простонала я.

— Позволь мне войти в вечность, — прошептала она.

Я заплакала, когда поняла. «Убей меня» — говорила она — «Сделай это быстро. Не заставляй меня страдать. Убей меня». Взгляд её бронзовых глаз был бы твёрдым, если бы не горечь. Бесконечно, бесконечно хуже, чем мольбы мёртвого фэйри рядом с ней.

Я не могу этого сделать.

Но она удержала мой взгляд — удержала и кивнула.

Я подняла кинжал, и во мне что-то окончательно сломалось, что-то, что я никогда не смогу восстановить. Не важно, сколько лет пройдёт, не важно, сколько раз я буду пытаться нарисовать её лицо.

На этот раз стенали больше фэйри — её родственники и друзья. Кинжал был грузом в руке — в руке, покрытой сверкающей кровью первого фэйри.

Гораздо благороднее будет отказаться — лучше умереть, чем убивать невиновных. Но... но...

— Позволь мне войти в вечность, — повторила она, подняв голову. — Не чувствовать зла, — прошептала она — только для меня. — Не чувствовать боли.

Я схватила её за хрупкое, костлявое плечо и вонзила кинжал в её сердце.

Она ахнула, кровь дождём пролилась на пол. Её глаза были закрыты, когда я снова посмотрела ей в лицо. Она рухнула на пол и не двигалась.

Меня унесло куда-то очень далеко от себя самой.

Фэйри оживились — шевелились, шептались, всхлипывали. Я бросила кинжал, удар ясеня о мрамор взревел в моих ушах. Почему Амаранта продолжает улыбаться, если между мной и свободой остался всего лишь один человек? Я бросила взгляд на Рисанда, но его внимание было приковано к Амаранте.

Один фэйри — и мы будем свободны. Ещё один удар моей рукой.

И, может быть, после этого ещё один — может быть, ещё одно движение руки вверх и удар в собственное сердце.

Это было бы облегчением — облегчением покончить с собой своей рукой, облегчением умереть, чем жить с тем, что я наделала.

Слуга-фэйри протянул мне последний кинжал, и я уже потянулась за ним, когда охранник сорвал мешок с головы мужчины, стоявшего передо мной на коленях.

Руки бессильно обвисли. На меня смотрели зелёные глаза с вкраплениями янтаря.

Я смотрела на Тамлина, и всё рушилось — слой за слоем, ломалось и разбивалось.

Я обернулась к трону рядом с Амарантой, где до сих пор сидел мой Высший Лорд, а она засмеялась, щёлкнув пальцами. Тамлин рядом с ней превратился в Аттора, злобно мне ухмыльнувшегося.

Обманутая — снова сбита с толку собственными чувствами. Нестерпимо медленно моя душа всё дальше отрывалась от меня, я повернулась обратно к Тамлину. В его глазах были только вина и сожаления, и я отшатнулась, едва не упав, запутавшись в ногах.

— Что-то не так? — Амаранта склонила голову набок.

— Так не... не честно, — выдавила я.

Лицо Рисанда побледнело — невероятно побелело.

— Честно? — размышляла Амаранта, играя косточкой Юриана на ожерелье. — А я и не знала, что у вас, людей, есть такое понятие. Ты убиваешь Тамлина и он свободен, — отвратительней заигравшей на её губах улыбки я в жизни не видела. — И после он целиком и полностью твой.

У меня отвисла челюсть.

— Если, конечно, — продолжила Амаранта. — Ты не считаешь более разумным решением отдать свою жизнь. В конце концов: В чём смысл? Выжить, только чтобы его потерять? — её слова были ядом. — Представь все те годы, что вы собирались прожить вместе... которые теперь тебе предстоит пережить в одиночестве. Действительно трагично. И хотя несколько месяцев назад ты ненавидела наш вид так, что зарезала одного из нас — ты наверняка легко это переживёшь и двинешься дальше, — она погладила кольцо. — Человеческая любовница Юриана так и сделала.

Тамлин по-прежнему оставался на коленях, но его глаза стали такими яркими — непокорными.

— Итак, — сказала Амаранта, но я смотрела не на неё. — Что же ты выберешь, Фейра?

Убить его и спасти его Двор и свою жизнь, или убить себя и пускай они все живут рабами Амаранты, пускай она и Король Хайберна ведут свою долгожданную войну против мира людей. Нет никакой сделки, чтобы выбраться из этой ситуации — у меня нет ничего, чем я бы могла торговаться, только бы избежать этого выбора.

Я уставилась на ясневый кинжал на подушке. На протяжении всех этих недель Элис была права: ни один человек, попавший сюда, никогда не выберется обратно. Я не исключение. Была бы я умной, я бы на самом деле заколола себе прежде, чем они смогли бы схватить меня. Так, по крайней мере, я умру быстро — так мне не придётся выдерживать пытки, которые, несомненно, уже ждут меня, возможно, меня ждёт такая же судьба, как и Юриана. Элис была права. Но...

Элис... Элис говорила что-то... что-то, чтобы *помочь* мне. Последняя часть проклятья, часть, о которой они всё ещё не могут мне говорить, часть, которая могла бы помочь мне... И всё, что Элис могла сделать, так это сказать, чтобы я *слушала*. *Слушала*, что я слышу — будто бы я уже знаю то, что мне нужно.

Я снова медленно обернулась к Тамлину. Воспоминания мелькали одно за другим, водоворот цветов и слов. Тамлин — Высший Лорд Весеннего Двора — это мне может как-то помочь? Был проведён Великий Обряд — нет.

Он лгал мне обо всём — почему меня забрали в поместье, что происходило на его землях. Проклятье — он не мог сказать мне правду, но и не притворился, что всё в порядке. Нет — он лгал и объяснял, как мог, представляя ситуацию в таком свете, что было мучительно очевидно, что что-то очень, очень плохо.

Аттор в саду — скрытый от меня, как и я от него. Но Тамлин спрятал меня — и сказал оставаться на месте, а затем *привёл* Аттора почти прямо ко мне, *позволив* мне подслушать их.

Он оставил открытой дверь в столовую, когда они с Люсьеном говорили о... о проклятье, хотя в тот момент я этого не понимала. Он говорил в открытых местах. Он *хотел*, чтобы я подслушивала.

Потому что он хотел, чтобы я знала, чтобы *слушала* — потому что это знание... Я вспоминала каждый разговор, переворачивая слова как камни. Часть проклятья, которую я не уловила, о которой они не могли мне сказать в открытую, но Тамлину было необходимо, чтобы я о ней знала...

«Миледи не заключает сделок, не приносящих ей пользы».

Она бы никогда не уничтожила то, что так отчаянно желает — не когда она хочет Тамлина так же сильно, как я. Но если я убью его... или она знает, что я не смогу этого сделать, или она играет в слишком опасную игру.

Разговоры в памяти звучали один за другим, пока я не услышала слова Люсьена и всё замерло. И тогда я поняла.

Я не могла дышать, не когда я прокручивала воспоминание, не когда я вспоминала разговор, подслушанный однажды. Люсьен и Тамлин в столовой, дверь широко распахнута для всех, кто хочет послушать — чтобы я услышала.

«Для кого-то с каменным сердцем, твоё безусловно мягкое в последние дни».

Я посмотрела на Тамлина, в памяти мелькнуло ещё одно воспоминание и мой взгляд метнулся к его груди. Аттор в саду, смеётся.

«Хоть у тебя и каменное сердце, Тамлин» — говорил Аттор — «Внутри оно полно страха».

Амаранта никогда бы не рисковала, приказывая мне убить его — она знает, я *не смогу* убить его.

Не смогу, если его сердце невозможно пронзить лезвием. Не смогу, если его сердце обращено в камень.

Я вглядывалась в его лицо в поисках отголосков правды. Только в его взгляде читался дерзкий бунт.

Возможно, я ошибаюсь — возможно, у фэйри это просто такое выражение. Но все те разы, когда я обнимала Тамлина... я никогда не слышала его сердцебиения. Я была слепа ко всему, что было у меня перед носом, пока меня не ударили этим в лицо, но не теперь.

Вот, как она контролирует его и его магию. Как она контролирует всех Высших Лордов, как она держит их на привязи и как удерживает клочки души Юриана в косточке и глазе.

Никому не доверяй — говорила мне Элис. Но я доверяю Тамлину — и больше того, я доверяю себе. Я верю тому, что я точно слышала — я верю, что Тамлин умнее Амаранты, я верю что всё, чем я пожертвовала — не напрасно.

В зале все притихли, но моё внимание было только на Тамлина. Должно быть, догадка отразилась на моём лице, потому как его дыхание участилось, и он поднял подбородок.

Я сделала шаг к нему, затем ещё. Я права. Я должна быть права.

Я с шумом втянула воздух, схватив кинжал с протянутой подушки. Я могу ошибаться — я могу до боли, до ужаса ошибаться.

Но когда я подошла к Тамлину с ясеневым кинжалом в руке, он слабо улыбался.

Существует такая вещь, как Судьба — потому что благодаря Судьбе я оказалась там, чтобы услышать их личный разговор, потому что Судьба нашептала Тамлину, что холодная, упрямая девушка, которую он забрал в свой дом, будет именно той, кто разрушит его проклятье, потому что Судьба оставила меня в живых ради этого момента, просто чтобы увидеть — слушала ли я.

И вот он — мой Высший Лорд, мой любимый, на коленях передо мной.

— Я люблю тебя, — и я ударила его кинжалом.

Глава 44

Тамлин закричал, когда лезвие вонзилось в кожу, ломая кости. Его кровь хлынула по моей руке и на один тошнотворный момент я подумала, что ясеневый кинжал легко пройдёт сквозь него.

Но затем раздался слабый глухой звук — и в руку ударило обжигающее эхо, когда кинжал наткнулся на что-то твёрдое и неподатливое. Тамлин пошатнулся, его лицо побледнело, и я выдернула кинжал из его груди. Кровь стекала по полированному дереву, я подняла лезвие.

Острие поцарапано, кончик загнулся.

Задышавшись, Тамлин схватился за грудь, рана уже начала исцеляться. У подножия возвышения Рисанд ухмыльнулся от уха до уха. Амаранта поднялась на ноги.

Фэйри перешёптывались. Я бросила кинжал, он с грохотом встретился с красным мрамором.

«Убей её» — хотела я закричать Тамлину, но, приложив руку к ране, он не двигался, кровь продолжала струиться. Слишком медленно — он исцеляется слишком медленно. Маска не упала. «Убей её сейчас же».

— Она победила, — сказал кто-то в толпе.

— Освободите их, — вторили ему.

Амаранта побелела, её черты искажались до тех пор, пока не стали истинно змеиными.

— Я освобожу их, когда посчитаю необходимым. Фейра не уточняла, *когда* я должна освободить их — только то, что я должна. Когда-нибудь. Возможно, когда ты умрёшь, — сказала она с улыбкой, полной ненависти. — Ты подумала, что когда я говорила о мгновенном освобождении относительно загадки, то это же касается и испытаний, не так ли? Глупая, глупая человечиска.

Я попятилась назад, когда она спустилась с помоста. Её пальцы изогнулись когтями — глаз Юриана обезумел в кольце, его зрачок расширялся и сужался.

— А ты, — прошипела мне Амаранта. — *Ты*, — её заострившиеся зубы сверкали. — *Я убью тебя.*

Кто-то закричал, но я не могла пошевелиться, не могла даже отойти в сторону с её дороги, как нечто гораздо сильнее и быстрее молнии ударило меня, и я повалилась на пол.

— *Ты заплатишь за свою дерзость*, — прорычала Амаранта, и крик разорвал моё горло, когда боль, подобной которой я никогда не знала, вспыхнула по всему телу.

Моё тело взвилось в воздух и с силой врезалось в пол, каждая кость вздрогнула и сквозь меня пронеслась ещё одна волна мучительной агонии.

— Признай, что на самом деле ты его не любишь, и я пощажу тебя, — прошептала Амаранта и, сквозь туман перед глазами, я увидела, как она приближается ко мне. — Признай, какой ты трусливый, лживый, изменчивый кусок человеческих отбросов.

Нет — я не скажу этого, даже если она размажет меня по земле.

Но меня разрывало изнутри и трясло в агонии, я была не в силах закричать от боли.

— *Фейра!* — взревел кто-то. Нет, не кто-то — Рисанд.

Но Амаранта приближалась.

— Думаешь, ты его достойна? *Высшего Лорда?* Думаешь, ты вообще хоть чего-то заслуживаешь, человек?

Спина выгнулась, мои рёбра затрещали одно за другим.

Рисанд снова выкрикнул моё имя — выкрикнул так, будто ему не всё равно. Я начала терять сознание, но она вернула меня, позаботившись, чтобы я чувствовала всё, позаботившись, чтобы я кричала с каждой сломанной костью в моём теле.

— Что ты такое, кроме как грязь, кости и мясо для червей? — злилась Амаранта. — Что ты такое, в сравнении с нашим видом, раз ты думаешь, раз достойна нас?

Фэйри начали кричать о жульничестве, требовать освобождения Тамлина от проклятья, обзывать её мухлюющей обманщицей. Сквозь туман в голове я видела, как Рисанд присел около Тамлина. Не чтобы помочь ему, а чтобы поднять...

— Вы все свиньи — все каверзные, грязные *свиньи*.

Я всхлипывала сквозь крики, когда она опустила ногу на мои сломанные рёбра. Снова. И снова.

— Твоё смертное сердце *ничто* для нас.

Рисанд поднялся, в его руках был мой окровавленный кинжал. Быстрый словно тень, он ринулся на Амаранту, ясеневое лезвие нацелено на её глотку.

Она подняла руку — даже не потрудившись оглянуться — и его отбросило назад стеной белого света.

Но боль на секунду прекратилась, достаточно, чтобы я увидела как он ударяется о землю, поднимается снова и бросается на неё — теперь на его руках были когти. Он

врезался в невидимую стену, которую Амаранта возвела вокруг себя, и моя боль вспыхнула, когда она повернулась к нему.

— Ты, мразь предательская, — зашипела она на Рисанда. — Ты не лучше этих человеческих животных, — один за другим, будто их направляла чья-то рука, его когти впились в его кожу, оставляя за собой кровавый след. Он выругался, тихо и злобно. — Ты планировал это с самого начала.

Она отбросила его магией, затем ещё раз ударив с такой силой, что он ударился головой о камни и выронил из пальцев нож. Никто не шевельнулся, чтобы помочь ему, и она снова ударила его своей силой. Красный мрамор под ним растрескался, расползаясь паутиной в мою сторону. Она снова и снова наносила удары. Рис застонал.

— Остановись, — прошептала я, и во рту появился привкус крови, когда я протянула руку к её ноге. — Пожалуйста.

Рис пытался подняться, но его руки подогнулись, а из носа побежала кровь, забрызгивая мрамор. Наши взгляды встретились.

Связь между нами напряглась. Я вырвалась из своего тела в его, увидела себя его глазами — истекающую кровью, изломанную, рыдающую.

Когда Амаранта снова обернулась ко мне, я вернулась в свой разум.

— Остановиться? *Остановиться?* Не притворяйся, будто тебе не плевать, человек, — промурлыкала она и сжала пальцы.

Моя спина выгнулась до предела, едва не ломая хребет, а Рисанд кричал моё имя, пока моё сознание теряло хватку и уносилось из этого зала.

Затем пришли воспоминания — переплетение худших моментов моей жизни, книга отчаяния и темноты. Вот последняя страница, и я расплакалась, не столько из-за агонии во всём теле, а из-за воспоминания — я увидела молодого кролика, заливающего кровью лесную поляну, с моим ножом в горле. Моё первое убийство — первая отнятая жизнь.

Я голодала, я была в отчаянии. Но после того как моя семья съела его, я прокралась обратно в лес и рыдала часами, понимая, что пересекла черту и запятнала душу.

— Скажи, что ты его не любишь! — кричала Амаранта и кровь на моих руках стала кровью того кролика — стала кровью всего, что я потеряла.

Но я не скажу этого. Потому что любовь к Тамлину единственное, что у меня осталось, это единственное, чем я не могу пожертвовать.

Взгляд прояснился сквозь чёрно-красные видения. Я встретила взглядом с Тамлином — его глаза широко раскрыты, он ползёт к Амаранте и наблюдает за моей смертью, и он не в состоянии спасти меня, потому что его рана исцеляется слишком медленно и его силы всё ещё в её власти.

Амаранта никогда не рассчитывала, что я выживу, она никогда не собиралась отпускать его.

— Амаранта, прекрати это, — взмолился Тамлин у её ног, зажимая рану в груди. — *Остановись.* Мне жаль — я сожалею о том, что я сказал о Клифии много лет назад. Пожалуйста.

Амаранта проигнорировала его, но я не могла отвести взгляда. Глаза Тамлина были такими зелёными — зелёными, словно луга его поместья. Оттенок, волной смывший воспоминания, оттолкнувший зло, ломающее меня кость за костью. Я опять закричала, когда мои коленные чашечки выгнулись, едва не ломаясь пополам, но я видела волшебный лес, видела тот полдень, когда мы лежали на траве, видела то утро, в которое мы наблюдали за

рассветом, когда на мгновение — всего на одно мгновение — я узнала, что такое настоящее счастье.

— *Скажи, что ты не любишь его на самом деле,* — выплёвывала слова Амаранта, моё тело скрючилось, ломаясь кусок за кусочком. — *Признай изменчивость своего сердца.*

— Амаранта, *пожалуйста,* — простонал Тамлин, его кровь лилась на пол. — Я что угодно сделаю.

— С тобой я разберусь позже, — рыкнула она на него, и столкнула меня в огненную бездну боли.

Я никогда этого не скажу — никогда не позволю ей услышать этого, даже если она убьёт меня. И если это мой конец, то так тому и быть. Если это та слабость, что убьёт меня, я принимаю её всем своим сердцем. И если...

*Ибо каждый удар мой наносит непоправимый урон,
И убивая, делаю я это неспешно...*

Вот, чем были эти последние три месяца — медленная, ужасная смерть. Причиной всему этому стало то, что я испытываю к Тамлину. И нет никакого лекарства — нет боли, или отсутствие, или счастье.

Но презираемой, обращаюсь я зверем и победить меня крайне не просто.

Она может как ей только угодно мучить меня, но это никогда не разрушит то, что я к нему испытываю. Это никогда не заставит Тамлина захотеть её — никогда не пошатнёт силу его отказа.

От боли потемнело на краю зрения.

Но я благословляю всех кто храбр достаточно дерзнуть.

Я так долго убегала от этого. Но открыться ему, моим сёстрам — это было настоящим испытанием храбрости, таким же мучительным как и любое моё испытание здесь.

— *Говори, ты, гнусное животное,* — прошипела Амаранта. Может, она и смогла обмануть меня со сделкой, но с загадкой она поклялась иначе — моментальное освобождение, независимо от её желания.

Тёплая кровь заполнила рот, стекая по губам. Я посмотрела на скрытое маской лицо Тамлина в последний раз.

— *Любовь,* — выдохнула я, мир обрушился в бесконечную тьму. Магия Амаранты замерла. — Ответ на загадку... — я захлебывалась собственной кровью. — Это... любовь.

Глаза Тамлина широко распахнулись, прежде чем что-то навсегда хрустнуло в моём позвоночнике.

Глава 45

Я была далеко, но по-прежнему могла видеть — видеть чужими глазами, глазами того, кто медленно поднимался с растрескавшегося, залитого кровью пола.

На лице Амараны мелькнуло облегчение. Там, распростёртое на полу, было моё тело — с повернутой под жутким неправильным углом головой. Рыжая вспышка в толпе. Люсьен.

В его единственном уцелевшем глазу сверкали слёзы, Люсьен поднял руки и снял лисью маску.

Лицо с ужасным шрамом под ней всё равно было красивым — черты острые и элегантные. Но тот, чьими глазами я наблюдала, сейчас наблюдал за Тамлином, уставившимся на моё мёртвое тело.

Всё ещё скрытое маской лицо Тамлина исказилось во что-то действительно волчье, когда он поднял взгляд на королеву и зарычал. Клыки удлинились.

Амаранта отступила — в сторону от моего трупа. Она только прошептала:

— Прощу, — прежде чем вспыхнул золотистый свет.

Королеву отбросило назад, к дальней стене, а от рёва Тамлина содрогнулась гора, когда он бросился на Амаранту. В мгновение ока он обернулся в звериную форму — мех, когти и жгуты смертоносных мышц.

Не успела она врезаться в стену, как он схватил её за шею и по камням разбежались трещины, когда он придавил её когтистой лапой.

Она сопротивлялась, но ничего не могла сделать против грубого натиска зверя Тамлина. Она поцарапала его и по его покрытой шерстью руке побежала кровь.

Аттор и охранники поспешили на помощь к королеве, но несколько фэйри и Высших Фэ, чьи маски с громким стуком упали на пол, возникли на их пути и перехватили их. Амаранта хрипло закричала, пиная Тамлина и отбиваясь от него тёмной магией, но стена золотистого света охватила его мех как вторая кожа. Она не могла прикоснуться к нему.

— Тэм! — крик Люсьена сквозь хаос.

Он с силой швырнул меч — мелькнувший в воздухе как падающая звезда из стали.

Массивная лапа Тамлина поймала его. Крик Амаранты оборвался, когда он воткнул меч ей в голову и вогнал его в каменный пол под ней.

А затем его мощные челюсти сомкнулись на её горле — и вырвали его.

Воцарилась тишина.

Пока я снова не уставилась на своё сломленное тело, я не понимала, чьими глазами я наблюдаю. Но Рисанд не приближался к моему телу, не когда тишину заполнили звуки спешащих лап — вспышка света, затем шаги. Зверь исчез.

Тамлин рухнул на колени, кровь Амаранты с его лица и туники исчезла.

Он подхватил моё безвольное, сломленное тело и прижал к груди. Он не снял маску, но я видела как его слёзы падали на мою грязную тунику, и я слышала как из него вырываются судорожные рыдания, пока он баюкал меня и гладил по волосам.

— Нет, — прошептал кто-то — Люсьен, бессильно опустив клинок в руке. Действительно, многие Высшие Фэ и фэйри смотрели со слезами на глазах, как Тамлин обнимает меня.

Я хотела оказаться рядом с Тамлином. Я хотела прикоснуться к нему, умолять его о прощении за то, что натворила, за остальные тела на полу, но я была так далеко.

Рядом с Люсьеном кто-то появился — высокий, статный шатен с чертами лица так похожими на него самого. Люсьен не смотрел на своего отца, хотя он напрягся, когда Высший Лорд Осеннего Двора приблизился к Тамлину и протянул к нему сжатую в кулак руку.

Тамлин поднял голову, только когда Высший Лорд разжал пальцы и перевернул руку ладонью вниз. Мерцающая искорка упала на меня. Вспыхнула и исчезла, коснувшись моей груди.

Приблизились ещё двое — оба красивы и молоды. Через глаза хозяина тела я мгновенно узнала их. Тот, что слева — смуглый, в тунике голубых и зелёных цветов, а на его белокурой голове был венок из роз — Высший Лорд Летнего Двора. Его спутник — с бледной кожей, одетый в оттенки белого и серого, с короной сверкающего льда. Высший Лорд Зимнего Двора.

Головы гордо подняты, плечи расправлены, они тоже отпустили сияющие искры, спустившиеся ко мне. Тамлин в знак благодарности склонил голову.

Подошёл ещё один Высший Лорд, так же подаривший мне кусочек света. Он сиял ярче остальных и по его золотисто-рубиновым одеждам я поняла, что это Высший Лорд Рассветного Двора. Затем подошёл Высший Лорд Дневного Двора, облачённый в белое и золотое, его тёмная кожа горела внутренним светом, он преподнёс тот же дар и грустно улыбнулся Тамлину, прежде чем уйти.

Рисанд выступил вперёд, забирая с собой осколок моей души, и я увидела как Тамлин смотрит на меня — на нас.

— За то, что она отдала, — сказал Рисанд, протягивая руку. — Мы даём то, что раньше наши предки дарили немногим, — он сделал паузу. — Теперь мы равны, — добавил он, и я почувствовала огонек его духа, когда он раскрыл ладонь и позволил свету упасть ко мне.

Тамлин нежно отвёл в сторону мои спутанные волосы. Его рука засияла ярко, словно восходящее солнце, и в центре его ладони, сформировался бутон этого странного сияния.

— Я люблю тебя, — прошептал он и поцеловал меня, приложив руку к моему сердцу.

Глава 46

Кругом всё было чёрным, тёплым — и густым. Как чернила, но окаймлённые золотом. Я плыла, выбиваясь на поверхность, где ждал Тамлин, где ждала *жизнь*. Выше и выше, отчаянно стремясь к воздуху. Золотистый свет усиливался, а темнота превращалась в игристое вино, плыть по которому гораздо легче, вокруг меня шипели пузырьки и...

Я хватала ртом воздух, хлынувший по горлу.

Я лежала на холодном полу. Ни боли, ни крови, ни сломанных костей. Я моргнула. Надо мной свисала люстра — я никогда не замечала, насколько на ней замысловатые кристаллы, как от них эхом отражается приглушённый вздох толпы. Толпа — значит, я всё ещё в тронном зале, значит, я... я действительно не умерла. Это означает, что я... я убила тех... я... Комната закружилась.

Я застонала, опершись руками на пол, приготовившись встать, но — увидев собственную кожу, я похолодела. Она сияла странным светом, а мои пальцы, упирающиеся в мраморный пол, казались *длиннее*. Я поднялась на ноги. Я почувствовала... почувствовала *силу*, скорость и плавность. И...

И я стала Высшей Фэ.

Я напряглась, почувствовав, что за моей спиной стоит Тамлин, я почувствовала исходящий от него аромат дождя и весенних лугов — богаче, чем я ощущала когда-либо раньше. Я не могла обернуться и посмотреть на него — я не могла... не могла пошевелиться. Высшая Фэ — бессмертная. Что они сделали?

Я могла слышать как Тамлин затаил дыхание — слышала, как он выдохнул. Я слышала дыхание, шепотки, всхлипывания и тихое ликование каждого в зале, они всё ещё смотрели на нас — смотрели на *меня* — напевая какие-то похвалы великой силе Высших Лордов.

— Это единственный способ, которым мы могли спасти тебя, — мягко сказал Тамлин.

Но затем я взглянула на стену и моя рука метнулась к горлу. Я полностью забыла о потрясённой толпе.

Там, под гниющим телом Клэр, была Амаранта — рот раскрыт в замершем крике, во лбу торчит меч. Вырванная глотка — кровь залила верх её платья.

Амаранта мертва. Они свободны. Я свободна. Тамлин...

Амаранта мертва. Я убила тех двух Высших Фэ; я...

Я медленно покачала головой.

— Ты... — мой голос зазвучал слишком громко в моих ушах, когда я оттолкнула от себя стену черноты, угрожающей поглотить меня. Амаранта мертва.

— Посмотри сама, — сказал он.

Обернувшись, я не отрывала глаз от пола. Там, на красном мраморе, лежала золотая маска, глядящая на меня сквозь пустые глазницы.

— Фейра, — сказал Тамлин и мягко приподнял пальцами моё лицо за подбородок.

Сперва я увидела знакомый подбородок, затем рот, а затем...

Он был именно таким, каким я мечтала его увидеть.

Он улыбнулся мне, его лицо сияло той спокойной радостью, которую я полюбила так нежно, и он отвёл мои волосы в сторону. Я наслаждалась ощущением его пальцев на своей коже и подняла свою руку, чтобы коснуться его лица, обвести контуры высоких скул, этого красивого прямого носа, ровного широкого лба, слегка выгнутых бровей, обрамлявших его зелёные глаза.

То, что я совершила ради этого момента, ради того, чтобы стоять здесь... Я снова оттолкнула эти мысли прочь. Я подумаю об этом через минуту, через час, через день и заставлю себя посмотреть правде в глаза.

Я положила руку на сердце Тамлина, и ровные удары сердца эхом отразились в моих костях.

Я сидела на краю кровати и, несмотря на то, что я думала, что становление бессмертной означает более высокий болевой порог и быстрое исцеление, я немало морщилась, пока Тамлин осматривал несколько моих оставшихся ран и исцелял их. Нам едва ли удалось выкроить момент и остаться наедине в часы, последовавшие после смерти Амаранты — в часы, последовавшие за тем, что я сделала с теми двумя фэйри.

Но сейчас, в этой тихой комнате... я не могла отвернуться от правды, вучавшей в ушах при каждом вдохе.

Я убила их. Заколола их. Я даже не видела, как забирали их тела.

Ибо с момента моего пробуждения в тронном зале воцарился хаос. Аттор и остальные злобные фэйри тут же испарились, как и братья Люсьена, и это было умным ходом, потому как Люсьен был не единственным, кто хотел поквитаться с ними. Рисанд тоже испарился. Некоторые фэйри пускались бежать, одни ударялись в празднования, другие просто стояли на месте или беспокойно расхаживали с бледными лицами и устремлёнными вдаль взглядами. Как если бы они тоже не могли поверить, что происходящее реально.

Один за другим они столпились вокруг него, плача и смеясь от радости, Высшие Фэ и фэйри Весеннего Двора падали на колени, обнимали и расцеловывали Тамлина, благодаря его — *благодаря меня*. Я держалась несколько позади и только кивала, потому что у меня не

было слов в ответ на их признательности, признательности за то, что я убила фэйри ради их спасения.

Затем в шумном тронном зале была встреча — быстрое, напряжённое собрание, в ходе которого Высшие Лорды, с которыми Тамлин был в союзе, обсуждали следующие действия; затем встреча с Люсьеном и несколькими Высшими Фэ из Весеннего Двора, представившимися патрульными Тамлина. Но каждое слово, каждый вздох были слишком громкими, все запахи чересчур сильными, свет невозможно ярким. Замереть на месте было гораздо легче, чем двигаться, чем привыкать к странному, сильному телу, теперь принадлежащему мне. Я не могла даже дотронуться до собственных волос, не почувствовав диссонанса лёгких изменений в пальцах.

Всё больше и больше, до тех пор, пока каждое обновлённое и обострённое ощущение не стали вызывать раздражение и тупую боль, тогда, наконец, Тамлин заметил мои потускневшие глаза, моё молчание, и взял меня за руку. Он вёл меня лабиринтом туннелей и коридоров, пока в дальнем крыле двора мы не нашли тихую спальню.

— Фейра, — позвал Тамлин, отвлёкшись от осмотра моей голой ноги. Я так привыкла к его маске, что глядя на него меня каждый раз удивляло его прекрасное лицо.

Это — за это я убила тех фэйри. Их смерть не были напрасными, и всё же... Когда я очнулась, на мне не было их крови — как если бы превращение в бессмертную и то, что я выжила, давало мне право смыть с себя их кровь.

— Что? — мой голос был... тихим. Пустым. Я должна попытаться — попытаться казаться более радостной — для него, за то, что только произошло, но...

Он послал мне полуулыбку. Был бы он человеком, ему было бы за двадцать пять. Но он не человек... как и я.

Я не уверена, есть ли счастье в этой мысли.

Это было одно из моих самых маленьких беспокойств. Я должна умолять его о прощении, умолять о прощении семьи и друзей тех фэйри. Я должна быть на коленях, рыдать от стыда за всё, что я натворила...

— Фейра, — снова позвал он, опустив мою ногу, чтобы встать между моих колен. Он провел по моей щеке костяшками пальцев. — Смогу ли я хоть когда-нибудь отблагодарить тебя за то, что ты сделала?

— Тебе не нужно, — сказала я. Покончим с этим — пусть тьма, сырая клетка исчезнут, а лицо Амаранты навсегда сотрется из моей памяти. И пусть те двое убитых фэйри — и пусть их лица никогда не поблекнут для меня. Если когда-нибудь я снова смогу рисовать, я никогда не смогу видеть ни свет, ни цвета, а только их лица.

Тамлин обнял ладонями моё лицо, приблизился, но затем отпустил меня и схватил за левую руку — мою татуированную руку. Он сдвинул брови, изучая отметку.

— Фейра...

— Я не хочу об этом говорить, — пробормотала я. Сделка с Рисандом — ещё одно моё мелкое беспокойство в сравнении с пятном на моей душе, с дырой в ней. Но я не сомневалась, что в ближайшее время снова увижу Рису.

Пальцы Тамлина проследили линии моей татуировки.

— Мы разберёмся с этим, — прошептал он, и его рука проследовала вверх и остановилась на моём плече. Он открыл рот и я знала, что он собирается сказать — какую тему он хочет затронуть.

Я не могла об этом говорить, о них — не сейчас. И потому я выдохнула:

— Позже, — и обхватила его ноги своими, притягивая ближе. Я положила руки ему на грудь, чувствуя как бьётся сердце. Это — сейчас мне нужно именно *это*. Это не очистит меня от того, что я сделала, но... Мне нужна его близость, мне необходимо чувствовать его запах и вкус, напомнить себе, что он реален — что *это* реально.

— Позже, — эхом отозвался он и наклонился, чтобы поцеловать меня.

Нежность и осторожность — ничего общего с дикими, жесткими поцелуями в коридоре за тронным залом. Он снова провёл своими губами по моим. Я не хотела извинений, не хотела сочувствия или сюсюканий. Я схватила его за тунику, притягивая ближе, и открыла рот.

Он издал низкий рык и этот звук вызвал во мне пожар, пронесшийся сквозь меня, объединяя и обжигая. Я позволила пламени пронестись сквозь дыру в моей груди, в моей душе. Пусть оно пронесётся сквозь волны черноты, приближающиеся ко мне, пусть оно поглотит призрачную кровь, которую я всё ещё могу ощущать на своих руках. Я отдала себя этому пламени, ему, когда его руки блуждали по мне и расстегивали одежду.

Я отстранилась, прервав поцелуй, чтобы посмотреть ему в лицо. Его глаза были яркими — голодными — но его руки прекратили исследовать моё тело и остались на бедрах. Он ждал с неподвижностью хищника и наблюдал за тем, как я прослеживаю контуры его лица, как я целую каждое место, к которому прикасаюсь.

Единственным звуком было его неровное дыхание — а его руки вскоре начали бродить по моей спине и бокам, лаская, дразня и обнажая для него. Когда мои пальцы касались его рта, он укусил один, втянув его в рот. Было не больно, но укуса было достаточно, чтобы я снова встретилась с ним взглядом. Чтобы я поняла, что ему надоело ждать — как и мне.

Он уложил меня на кровать, шепча моё имя мне в шею, на ухо, кончикам моих пальцев. Я требовала у него быстрее, сильнее. Его губы изучали изгиб моей груди, внутренней стороны бедра.

Поцелуй за каждый день, что мы провели порознь, поцелуй за каждую рану и страх, поцелуй за чернила, отпечатавшиеся на моей коже, и за все те дни, что мы проведём вместе после этого. Дни, которых я, возможно, больше не заслуживала. Но я снова отдала себя этому пламени, бросилась в него и позволила себе сгореть.

Какая-то нить глубоко внутри меня выдернула меня из сна.

Я оставила Тамлина спящим в постели, его тело отяжелело от истощения. Через несколько часов мы уйдём из Подгорья и вернёмся домой, и я не хотела будить его раньше, чем это необходимо. Я молилась, чтобы хотя бы однажды я снова смогла спать так же умиротворённо.

Я знала, кто позвал меня, ещё до того как открыла дверь в коридор и вышла, спотыкаясь и балансируя на каждом шагу, приспособиваясь к своему новому телу, его балансу и ритмам. Медленно и осторожно я поднималась вверх по узкой лестнице, всё выше и выше, пока, к моему потрясению, на лестницу не пролился луч солнечного света и я не оказалась на небольшом балконе, выступающем из горного склона.

Я зашипела от яркости света, прикрывая глаза. Я думала, что сейчас середина ночи — во тьме горы я полностью потеряла чувство времени.

Рисанд тихо рассмеялся, я смутно различила его у каменных перил.

— Я забыл, что для тебя прошло достаточно долгое время.

Свет обжигал глаза и я молчала до тех пор, пока не смогла смотреть без простреливающей боли в голове. Меня встретила земля фиолетовых гор в снежных шапках, но порода этой горы была коричневой и лишённой растительности — на ней не было ни одной травинки, ни одной зацепившейся корки льда.

Наконец, я посмотрела на него. Его перепончатые крылья были сложены за его спиной, но его руки и ноги оставались нормальными, никаких когтей.

— Что тебе надо? — слова прозвучали не так резко, как должны были. Не когда я помню как он сражался снова и снова нападая на Амаранту, чтобы спасти меня.

— Просто попрощаться, — тёплый ветерок трепал его волосы, развеивал вихри тьмы с его плеч. — Прежде чем твой возлюбленный заберёт тебя навсегда.

— Не навсегда, — сказала я, показав ему татуированные пальцы и пошевелив ими. — Разве ты не получил неделю каждого месяца? — эти слова, к счастью, получились прохладными.

Рис слегка улыбнулся, его крылья зашуршали и затем стихли.

— Как я могу забыть?

Я смотрела на нос, кровоточащий всего пару часов назад, на фиолетовые глаза, в которых было столько боли.

— Почему? — спросила я.

Он знал, о чём я, и пожал плечами.

— Потому что когда напишут легенды, я не хочу, чтобы меня запомнили как оставшегося в стороне. Я хочу, чтобы мои будущие потомки знали, что я был там и что, в конце концов, боролся против неё, даже если и не мог сделать ничего полезного.

Я моргнула, на этот раз не из-за яркости солнца.

— Потому что, — продолжил он, его взгляд встретился с моим. — Я не хотел бороться в одиночку. Или умереть в одиночестве.

И на мгновение я вспомнила фэйри, умершего в нашем холле, и как я сказала Тамлину то же самое.

— Спасибо, — сказала я, горло сдавило.

Рис блеснул усмешкой, но в его глазах она не отразилась.

— Сомневаюсь, что ты будешь говорить то же, когда я заберу тебя в Ночной Двор.

Я не ответила, отвернувшись к виду. Горы тянулись вдаль и вдаль, огромные, мерцающие и укрытые тенями под открытым, чистым небом.

Однако во мне ничего не всколыхнулось — ничего не тянулось запоминать свет и оттенки.

— Ты собираешься полететь домой? — спросила я.

Мягкий смех.

— Увы, это займёт больше времени, чем я могу себе позволить. В другой день, я снова попробую вкус небес.

Я бросила взгляд на крылья, сложенные за его мощным телом, и мой голос был хриплым, когда я заговорила:

— Ты никогда не говорил мне, что любишь крылья — или полёт.

Нет, он делал вид, будто та его форма... базовая, бесполезная, скучная.

Он пожал плечами.

— У всего, что я люблю, всегда одна склонность — его у меня отнимают. Очень

немногим я говорю о крыльях. Или о полёте.

Лунно-белое лицо уже приобрело некоторый оттенок — и я задумалась, возможно, однажды он был загорелым, прежде чем Амаранта так долго держала его под землёй. Высший Лорд, влюблённый в полёт, пойманный в ловушку под горой. Тени, не имеющие к его силам никакого отношения. Всё ещё преследовали эти фиолетовые глаза. Интересно, исчезнут ли они когда-нибудь.

— Каково это — быть Высшей Фэ? — спросил он — тихий, любопытный вопрос.

Я снова посмотрела в сторону гор, размышляя. И, может быть, это из-за того, что там не было никого, кто мог бы слышать, может быть, из-за того, что тени в его глазах так же навечно будут и в моих, но я сказала:

— Я бессмертная, которая была смертной. Это тело... — я посмотрела на свою руку, такую чистую и сияющую — издёвка за то, что я сделала. — Это тело другое, но это, — я положила руку себе на грудь, на сердце. — Оно по-прежнему человеческое. Возможно, оно останется таким навсегда. Но было бы гораздо легче жить с этим... — в горле застрял ком. — Было бы легче жить со всем, что я натворила, если бы моё сердце тоже изменилось. Возможно, я бы меньше беспокоилась; возможно, я смогла бы убедить себя, что их смерти не были напрасными. Может быть, бессмертие забрало бы это прочь. Я не могу сказать, хочу ли этого.

Рисанд достаточно долго смотрел на меня, пока я не повернулась к нему.

— Радуйся своему человеческому сердцу, Фейра. Жалей тех, кто вовсе ничего не чувствует.

Я не могла рассказать о дыре, уже сформировавшейся в моей душе — не хотела, потому только кивнула.

— Ну, тогда на этот раз до свиданья, — сказал он, размяв шею, как если бы мы только что вообще не говорили ни о чём важном. Он поклонился в пояс, крылья полностью растворились, и уже начал исчезать в ближайшей тени, как вдруг окаменел.

Его глаза встретились с моими, широко распахнутые и безумные, его ноздри раздувались. Шок — чистый шок отразился в его чертах из-за того, что он увидел в моём лице, и он отшатнулся назад. Действительно *отшатнулся*.

— Что... — начала я.

Он исчез — просто исчез, не в тени — в чистом воздухе.

Тамлин и я ушли тем же путём, которым пришла я — по узкой пещере в глубине горы. Перед уходом, Высшие Фэ из нескольких Дворов разрушили и затем запечатали Двор Амаранты в Подгорье. Мы уходили последними, и по взмаху руки Тамлина ход, ведущий в Двор, обрушился позади нас.

Мне всё так же не хватало слов, чтобы спросить, что они сделали с теми двумя фэйри. Может быть, однажды, может быть, скоро, я спрошу о том, кем они были и как их звали. Я слышала, что тело Амаранты забрали, чтобы сжечь — хотя кость и глаз Юриана каким-то образом пропали. Как бы сильно я ни хотела её ненавидеть, как бы сильно я ни желала плюнуть на её горящее тело... Я понимала, что ей управляло — очень маленькая её часть, но я понимала её.

Тамлин крепко держал меня за руку, пока мы шли сквозь темноту. Никто из нас не

проронил ни слова, когда показался первый проблеск солнечного света, раскрасивший сырые стены пещеры серебристым блеском, но наши шаги ускорились, когда солнечно света становилось всё больше и в пещере теплело, а затем мы вышли на весеннюю зелёную траву, укрывающую холмы и лощины его земель. Наших земель.

Меня ударил лёгкий ветерок и аромат полевых цветов, и несмотря на дыру в моей груди, пятно на моей душе, я не могла удержать улыбку, появившуюся на губах, когда мы взбирались на крутой холм. Мои фэйские ноги были намного сильнее моих человеческих, и когда мы оказались на вершине холма, я и близко не была такой запыхавшейся, как когда-то. Но у меня перехватило дыхание, когда я увидела окруженное розами поместье.

Дом.

Во всех моих фантазиях в темницах Амаранты я никогда не позволяла себе думать об этом моменте — никогда не позволяла себе мечтать так смело. Но я сделала это — я вернула нас обоих домой.

Я сжала его руку, когда мы смотрели на поместье внизу, с конюшнями и садами, и откуда-то слышался смех двух детей — на самом деле, свободный смех. Мгновением позже, две маленькие, сияющие фигуры ринулись в поле за садом, визжа оттого что за ними гналась более высокая, смеющаяся фигура — Элис и её мальчики. В безопасности и, наконец, вышедшие из укрытия.

Тамлин обнял меня за плечи, притянув ближе и прижавшись щекой к моей голове. Мои губы дрожали и я обхватила его рукой за пояс.

В тишине мы стояли на вершине холма, пока заходящее солнце не позолотило дом, холмы и мир, и пока Люсьен не позвал нас на ужин.

Я высвободилась из рук Тамлина и мягко поцеловала его. Завтра — у меня будет завтра и целая вечность, чтобы встретиться лицом к лицу с тем, что я наделала и с тем, как внутри я разбилась на кусочки за время в Подгорье. Но сейчас... сегодня...

— Пойдем домой, — сказала я и взяла его за руку.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Благодарности

Честно говоря, я не совсем уверена, с чего начать эти благодарности, потому что эта книга существует благодаря стольким людям, работавшим над ней так много лет. Моя вечная признательность и любовь к:

Сьюзан Деннард, моему меткому штурману и Нитесестре, от Леонардо к моему Рафаэлю, от Гаса к моему Шону, от Блейка к моему Адаму, от Скотта к моему Стайлзу, от Арагорна к моему Леголасу, от Изольт к моей Сафи, от Шмидта к моему Дженко, от Сеннет к моей Кире, от Эльзы к моей Анне, от Сейлор Юпитер (или Луны!) к моей Сейлор Мун, от Мосса к моему Рою, от Мартина к моему Шону, от Алана Гранта к моему Иену Малькольму, от Бреннана к моему Дейлу, и от Эскьюлето к моему Начо: я буквально не представляю, что бы я без тебя делала. Или чисто наших шуток. Наша дружба — это определение слова Эпичность — и я уверена, что она была предписана звездами. (Как и тысячу лет до динозавров. Это пророчество.) Смотри также: Имхотеп, Крохотные Чашки Для Крохотных Ручек, *Оооо ты правда??*, Криссэлс, Генри Кавил, Сэм Юэн, Клааааассическая Пег, и всё что когда-либо было, от Суперначо. Сарьюзан Навсегда.

К Алекс Бракен, которая стала одной из первых моих друзей, которых я завела в этой индустрии, и остаётся одной из моих лучших друзей по сей день. Бывают моменты, когда

мне до сих пор кажется, что мы только что вышли из колледжа с нашими первыми книжными сделками и нам интересно, что же будет дальше — я так счастлива, что мы разделили это безумное путешествие друг с другом. Спасибо за всю удивительную отдачу, за многократное чтение (этой книги и множества других), и за то, что ты всегда, всегда меня поддерживаешь. Я не могу сказать, как много для меня это значит. Спасибо, что так много лет верила в эту историю.

К Бильяне Лайкич, которая читала практически главу за главой, когда я писала их, и помогла мне написать все эти загадки и частушки и заставила меня поверить, что эта история действительно не может лежать в ящике до конца моей жизни. Я так горжусь видеть как ты теперь надираешь задницу и убиваешь, чувиха.

К моему агенту, Тамаре Рыдзински, которая дала шанс не издаваемому двадцати двух летнему писателю и изменила мою жизнь навсегда одним телефонным звонком. Ты в высшей степени чертяка. Спасибо тебе за всё.

К Кэт Ондер — работать с тобой одна радость, и я горжусь, что могу звать тебя моим редактором. К Лауре Бернье — огромное, огромное тебе спасибо, что помогла мне превратить эту книгу во что-то, чем я действительно горжусь. Я бы не смогла этого сделать без твоих блестящих отзывов.

Ко всей мировой команде Блумсбери: я не могу описать вам как я взволнована, что с вами эта серия нашла дом. Вы, ребята, определённо лучшие. Спасибо за вашу тяжёлую работу, за ваш энтузиазм и за то, что воплотили мои мечты в реальность. Не могу представить, что могла бы попасть в лучшие руки. Спасибо, спасибо, спасибо.

К Дэну Крокосу, Эрин Боуман, Мэнди Хаббард и Дженнифер Арментроут — спасибо за то, что были там и за всё. Не знаю, что бы я без вас делала.

К Бриджид Кеммерер, Андреа Маас и Кэт Чжан, которые прочитали различные ранние варианты этой книги и предоставили столь важные отклики и энтузиазм. Я вам обязана.

К Елене из NovelSounds, Алексе из AlexaLovesBooks, Линнеа из Linneart, и ко всем Послам *Стеклянного Трона*: Спасибо вам ребята за вашу поддержку и преданность. Познакомиться с вами было настоящим событием и удовольствием.

К моим родителям: мне потребовалось некоторое время, чтобы понять это, но я невероятно счастлива, что вы мои фаны Номер Один — и что вы мои родители. К моей семье: спасибо за безусловную любовь и поддержку.

К Энни, лучшей собаке в истории всех четвероногих друзей: Я люблю тебя на веки вечные.

И, наконец, к моему мужу, Джошу — эта книга для тебя. Она всегда была твоя, точно так же как моё сердце стало твоим в тот момент, когда я увидела тебя в первый день ориентации первокурсников в колледже. Учитывая, как мистически переплелись друг с другом наши жизни ещё до того, как мы впервые увидели друг друга, мне с трудом вериться, что это могла быть не судьба. Спасибо, что доказал мне, что настоящая любовь существует. Я самая счастливая женщина в мире — провести мою жизнь с тобой.